

ПУБЛИЦИСТИКА
И ИСТОРИЧЕСКИЕ
СОЧИНЕНИЯ
ПЕРИОДА ФЕОДАЛИЗМА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СИБИРИ

Серия основана в 1975 году

ПУБЛИЦИСТИКА
И ИСТОРИЧЕСКИЕ
СОЧИНЕНИЯ
ПЕРИОДА
ФЕОДАЛИЗМА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственный редактор
доктор филологических наук *Е. К. Ромодановская*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989

ББК 83.3(0)4 + 83.3(0)5
П88

Редакционная коллегия

член-корреспондент АН СССР Н. Н. Покровский, доктор филологических наук Е. К. Ромодановская, кандидат филологических наук Л. В. Титова (отв. секретарь)

Рецензенты

доктор филологических наук *В. Г. Одинокоев*
кандидат исторических наук *Д. Я. Резун*

Утверждено к печати

Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР.

Публицистика и исторические сочинения периода феода-
П88 лизма.— Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1989.— (Архео-
графия и источниковедение Сибири).— 280 с.

ISBN 5—02—029008—4.

Сборник посвящен исследованию памятников исторической и публицистической мысли, отражающих борьбу священства и царства, старообрядческую идеологию, классовую борьбу народных масс. Впервые полностью публикуется автобиография крепостного интеллигента XVIII в. Ивана Тревоги — одного из наиболее ярких писателей-демократов. Дается анализ комплекса законодательных источников, связанных со «словом и делом государевым».

Книга рассчитана на филологов, историков.

II $\frac{460100000-848}{042(02)-89}$ 435—89, кн. 1

ББК 83.3(0)4 + 83.3(0)5

ISBN 5—02—029008—4

© Издательство «Наука», 1989

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тринадцатый выпуск серии «Археография и источниковедение Сибири» в основном объединяет публикации и исследования, посвященные историческим и публицистическим сочинениям XVII—XVIII вв. Проблемы народного сознания, старообрядческой историографии, взаимоотношений русской публицистики с украинской и белорусской освещаются в сборнике наравне с исследованиями официальных дел по «слову и делу государеву», светскими и церковными сочинениями русских иерархов русской церкви, новыми материалами по истории классовой борьбы XVII в.

Первоочередная задача, которую ставят перед собой участники сборника, — ввести в научный оборот неизвестные ранее произведения и документы. Два типа материалов среди них имеют особое значение — «письма» Избранта Идеса, значительно дополняющие его «Записки» о Сибири и содержащие новые факты сибирской жизни конца XVII в., а также обширный комплекс новых материалов по истории Соловецкого восстания XVII в., дающий возможность в будущем поставить ряд вопросов о специфике, идеологии и внутреннем развитии одного из крупнейших антицаристских движений.

На новых материалах основаны и исследования таких важных для понимания эпохи сочинений, как «Описание трех путей из России в Швецию» Афанасия Холмогорского или «История Выговской старообрядческой пустыни» Ивана Филипова. В обоих случаях неизвестные ранее списки позволили в корне изменить существовавшие мнения о задачах и методах работы авторов XVII—XVIII вв. и по-иному представить творческую историю их сочинений. К этой группе можно отнести и исследование источников «Истории об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова — широко известного сочинения выговского писателя, до сих пор не подвергавшегося научному анализу.

Проблемы народного сознания рассматриваются в сборнике на материале духовных стихов о Борисе и Глебе и сказочной «Повести об убогом человеке, како его диавол произведе царем». Биография крепостного интеллигента Ивана Тревоги впервые публикуется по его автографу.

Нам представляется особо важным предложить читателю не только исследования и публикации, но и обзоры рукописных материалов по определенным темам, т. е. ознакомить его с тем фундаментом, на котором строится научное исследование. В сборнике печатается обзор рукописей, содержащих «Просветитель литовский» — сложившийся в начале XVII в. сборник украинско-белорусских полемических сочинений, широко использовавшихся в идейной борьбе на Руси первой половины и середины XVII в. Все публикации выполнены по правилам, принятым в ТОДРЛ: титла раскрываются, выносные внесены в строку, ять, і, ҃ита, омега, ук заменены соответственно е, и, ф, о, у, числа обозначаются цифрами, знаки препинания расставлены по современным правилам.

I. Статьи и сообщения

В. П. СТАХНЕВА

К ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПРОСТРАННОЙ РЕДАКЦИИ РУССКОЙ ПРАВДЫ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ВИДА

Предлагаемая вниманию читателя работа основана на изучении текстов Пушкинской группы Пространной редакции в составе, очерченном полным академическим изданием Русской Правды. К Пушкинской группе отнесено шесть списков, разделенных на два вида. Пушкинский вид представлен одним Пушкинским списком из пергаменного юридического манускрипта второй половины XIV в.; Археографический вид охватывает остальные пять списков из юридических сборников (в скобках дано обозначение списков по академическому изданию): 1) Археографический II список середины XV в. из сборника, приложенного к Комиссионному списку Новгородской первой летописи младшего извода (АII); 2) Соловецкий V список 1493 г. из сборника, приложенного к Кормчей (СМV); 3) список летописи Авраамки 1495 г. из юридической подборки в составе летописи (JA); 4) Погодинский IV список из сборника начала XVI в. (PIV); 5) Егоровский V список начала XVI в. из сборника, приложенного к Кормчей (EV)¹.

Самой обширной из юридических подборок, включающих Археографический вид Пространной Правды (далее — ПП), является приложенная к Комиссионному списку Новгородской первой летописи и обычно именуемая Археографической. Содержание четырех других сборников в большей или меньшей степени повторяет А. сборник². Большинство документов в нем посвящено вопросам обеспечения церкви и защите ее достоинства и прав: 1) Правило о церковных людях, 2) Правило 165-ти святых отец, 3) церковный устав князя Владимира, 4) церковный устав князя Ярослава,

---

¹ Правда Русская.— М.; Л., 1940.— Т. 1. Тексты.— С. 58 (далее — ПР). Описание рукописей см.: Там же.— С. 280—282, 295—298. Шифры рукописей: Пушкинский список — ЦГАДА, ф. 135, отд. 5, рубр. 1, № 1; АII — ЛОИИ, собр. Археографической комиссии, 240; JA — ЦБАН ЛитССР, ф. 22, № 49; СМV — ГПБ, Соловецкое собр. № 858/968 (Каз. 412); PIV — ГПБ, собр. Погодина, № 1572; EV — ГБЛ, собр. Егорова. № 245. Пушкинский список ниже в тексте обозначается буквой П.

² ПР.— Т. 1.— С. 37—38, 295—298; Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде.— М.; Л., 1941.— С. 147—149; Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв.— М., 1976.— С. 16—17. В тексте приняты сокращения: Пушкинский — П., Археографический — А.

5) Устав князя Всеволода о церковных судах, 6) Рукописание князя Всеволода, завершающее сборник. Исключение составляют выписка «О женитвѣ» в защиту библейских патриархов-многоженцев от еретиков и комплекс памятников, начинающийся крупным заголовком «Оуставъ великого князя Ярослава». Этот комплекс объединяет: 1) отрывок из Слова Василия Великого о судьях и клеветах в качестве вступления, 2) ПП, 3) Закон Судный людем без заглавия и начала и 4) в виде заключительной статьи Устав Ярослава князя о мостех³.

Начало текстологическому изучению ПП П. группы положил в середине XIX в. Н. В. Калачов. Издавая сводный текст памятника по 44 спискам, он отнес П и ПIV к одной, четвертой «фамилии» (1-я «фамилия» — краткие списки, 2-я — пространные из Мерила Праведного и кормчих книг, 3-я — списки Софийской I летописи). По наблюдениям историка, П сходен со списками ПП кормчих и Мерила, отличаясь дополнительными статьями «О копыи», «О конѣ», пропуском статьи «О судебныхъ уроцѣхъ», а также «множеством вариантов, весьма важных, но только в филологическом отношении»⁴.

Публикация АII в приложении к Новгородской харатейной летописи позволила В. И. Сергеевичу установить его близость к П и выделить их в самостоятельную ветвь 3-й «фамилии» Русской Правды (3-я «фамилия» — Пространная редакция). К первой ветви исследователь отнес списки кормчих и Мерила, третью ветвь «представляют списки Карамзинский, Софийский, Беляевский»⁵. В. И. Сергеевич заложил основы современного объединения списков ПП в отдельное семейство и деления их на три группы. Он считал АII исправнее, чем П, и «ближе к первоначальному оригиналу» из-за отсутствия дополнительных статей⁶.

Первое полное советское издание Русской Правды было осуществлено в 1935 г. под редакцией С. В. Юшкова. Предложенная редактором классификационная схема повторяла схему Н. В. Калачова, к ней добавлялась лишь 5-я редакция из двух сокращенных списков. Список П наряду с ПП кормчих и Мерила был включен ученым во 2-ю редакцию, а списки А. вида — в 4-ю редакцию⁷. Позднее С. В. Юшков скорректировал схему, пополнив ее еще одной редакцией, объединившей Троицкий IV и П списки⁸. Критерием классификации ПП по-прежнему осталось наличие до-

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.—М.; Л., 1950.—С. 477—509.

⁴ Калачов Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. 2-е изд.—Спб., 1880.—Вып. 1.—С. 113.

⁵ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права.—Спб., 1910.—С. 84.

⁶ Там же.—С. 48.

⁷ См.: Любимов В. П. Списки Правды Русской // ПР.—Т. 1.—С. 26—28; Валк С. Н. Советская археология.—М.; Л., 1948.—С. 124—215.

⁸ Юшков С. В. Русская Правда: Происхождение, источники, ее значение.—М., 1950.—С. 16.

полнительных статей: расчетов приплода и прибытка (3-я редакция), Устава Ярослава о мостех и Закона Судного людем (4-я редакция). По признаку сращения ПП с Законом Судным людем выделялась 5-я редакция (Археографический вид в академическом издании). История собственно текста ПП представлялась ученому простым копированием, в ходе которого возникали «пропуски и прочие дефектные места», поэтому он удивлялся, когда В. П. Любимов и М. Н. Тихомиров говорили «о литературной правке текста Русской Правды на основании изучения текста других видов, о редакторской работе над отдельными видами, ветвями» ПП кормчих книг древнерусских переписчиков⁹.

Основному требованию текстологии — при классификации «прежде всего опираться на данные текста и только во вторую очередь принимать во внимание внешние особенности списка»¹⁰ — отвечала схема, созданная В. П. Любимовым в процессе подготовки публикации Русской Правды по 88 спискам. Вслед за В. И. Сергеевичем он разделил пространные списки Правды на три группы — Синодально-Троицкую, Пушкинскую и Карамзинскую. Аргументированно обосновывая родство П. и А. видов П. группы общими пропусками и вариантами, исследователь видел больше изменений и искажений слов в П., вследствие своей древности представляющем, однако, «более ценные данные в отношении языка и некоторых деталей текста». Оба вида В. П. Любимов считал дополняющими друг друга, а потому изучение Пушкинской группы и восстановление ее протографа «может быть достигнуто только на основе изучения обоих этих видов»¹¹.

М. Н. Тихомиров, поддержав мысль Н. В. Калачова о связи текстов Русской Правды с составом включающих их рукописей, обобщил сведения, полученные в процессе подготовки полного академического издания Русской Правды и пришел к выводу о том, что «определенный извод Правды соответствует такому же совершенно определенному составу сборников»¹². Русская Правда Пушкинской группы дошла до нас в отличающихся по составу юридических подборках. Сопоставляя П. сборник со сборниками А. вида, М. Н. Тихомиров выделил в них неизменяемую часть (Слово Василия Великого о судях и клеветах, Русская Правда, Закон Судный людем, Устав Ярослава князя о мостех), которая появилась в Новгороде во второй половине XIII в. Этот древнейший комплекс статей лучше отражен, по оценке исследователя, в сборниках А. вида, соединивших из-за случайного пропуска в протографе Русскую Правду с Законом Судным людем. Создание же протографа А. сборника он датировал первой половиной XV в. П. сборник, считал он, подобрал дополнительные статьи — по сходству Избрания

⁹ Там же. — С. 161—162.

¹⁰ Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. — 2-е изд. — Л., 1983. — С. 235.

¹¹ Любимов В. П. Списки Правды Русской. — С. 52.

¹² Тихомиров М. Н. Исследование... — С. 80.

от законов Моисеевых с Законом Судным людем и Смоленского договора 1229 г. с Русской Правдой¹³.

Позже, издавая текст Пространной редакции Закона Судного людем, ученый установил, что ее создатели использовали Краткую редакцию Закона Судного людем и Избрание от законов Моисеевых древнейших кормчих. При этом в Пространную редакцию вошли «и те статьи, которые отсутствуют в выборке из Моисеевых законов (Испешствие), помещенной в Пушкинском сборнике»¹⁴. Следовательно, Избрание от законов Моисеевых П. сборника скорректировано с Законом Судным людем Пространной редакции и должно быть ей синхронно. А. извод Закона Судного людем, как убедился ученый, есть переработка списка, близкого П¹⁵.

Результаты анализа текстов П. группы подкрепили намеченные М. Н. Тихомировым вехи истории сборников. Пропуски тщательно выполненного П списка он объяснил дефектностью протографа. Отсутствие в текстах А. вида пропусков П ученый рассматривал как черту, сближающую А. вид с древним протографом Пушкинской группы, возникшим в XIII в. Оформление А. вида ПП произошло, по мнению М. Н. Тихомирова, не ранее начала XV в.¹⁶

Автор настоящей статьи, работая с текстами П. группы ПП, получила результаты, несколько уточняющие вышеизложенные наблюдения историков. При этом использовались не единичные списки, а систематизированные, сведенные в виды и группы тексты Русской Правды в академической публикации, наглядно демонстрирующие видовые и индивидуальные особенности списков¹⁷. Поскольку после 1940 г. не было обнаружено ни одного нового текста ПП, относящегося к Пушкинской группе, эта публикация остается исчерпывающей¹⁸. Список летописи Авраамки, числившийся до Великой Отечественной войны неразысканным, находится сейчас в Библиотеке АН Литовской ССР¹⁹. Сборники А. извода публиковались в приложении к Новгородской первой летописи и летописи Авраамки, П. сборник был издан Д. Дубенским в 1843 г.²⁰

¹³ Тихомиров М. П. Исследование...— С. 143—155.

¹⁴ Закон Судный людем пространной и сводной редакции.— М., 1961.— С. 16.

¹⁵ Там же.— С. 12.

¹⁶ Тихомиров М. Н. Исследование...— С. 159—166.

¹⁷ ПР.—Т. 1. Тексты. Ниже при цитировании ПП указываются не страницы данной книги, а номер статьи, группа и вид текста, если требуется, то название или условное обозначение отдельного списка.— См. также: ПР.— М., 1963.— Т. 3. Факсимильное воспроизведение текстов.

¹⁸ См.: Советское источниковедение Киевской Руси: Историографические очерки.— Л., 1979.— С. 39.

¹⁹ Шапов Я. Н. Русская Правда в новых списках Кормчих книг XVI—XVII вв. // Археографический ежегодник за 1969 г.— М., 1971.— С. 71.

²⁰ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку.— Спб., 1888.— С. 449—490; ПСРЛ.— Спб., 1889.— Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки.— Стб. 262—306; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.— С. 477—509; Русские достопамятности.— М., 1843.— Ч. 2.

Методика анализа диктовалась поставленной целью и особенностями материала. Было важно выделить массив текста с чертами А. вида, отвлекаясь от присущего П. группе в целом и П в частности, что практически означало фиксирование всех выявленных разночтений П списка и списков А. вида.

На второй стадии чтения, свойственные А. виду, соотносились как с П, так и с текстами Синодально-Троицкой группы. Списки этой группы, особенно Троицкое Мерило Праведное второй половины XIV в., ученые единодушно признают лучше донесшими первоначальный текст ПП²¹. Сопоставление с ними позволяет выявить степень сохранности текста А. вида и П, а также характер изменений. Такая методика использовалась В. П. Любимовым и М. Н. Тихомировым при изучении ПП Пупкинской группы²². Автором данной работы разночтения П. и А. видов сличались с текстами Троицкого I списка (Мерило Праведное) и кормчих книг старших видов — Синодального, Рогожского и Новгородско-Софийского. Карамзинская группа списков ПП²³ привлекалась для обоснования датировки А. вида.

Суммарный учет сохранности текста (совпадение порядка слов и самих слов с Троицким I списком или списками ПП указанных видов из кормчих) в П. и А. видах показал, что основная масса расхождений П с Синодально-Троицкой группой вызвана пропусками в П. В остальном он оказался несколько ближе к Троицкому I списку, чем А. вид. Отыскать причину этого факта, идущего вразрез с обычным представлением о большей исправности А. вида, позволяет детальное рассмотрение разночтений П и А. вида, не обусловленных лакунами.

Для чтений П характерна отмеченная исследователями порча текста: кроме явно искаженных слов «дѣчному» вместо «дѣтскому» (ст. 86), «одоржаеть» вместо «одолжаеть» (ст. 117) и других, в П еще больше слов, имевших место в древнерусском языке, но лишенных смысла в данном контексте: «паки ли одинъ» вместо «паки ли людинъ» Троицкого I списка (ст. 3), «родныи закупъ» вместо «ролейныи закупъ» (ст. 57), «оулици» вместо «оуроци» (ст. 97), «ворочати емлетъ» вместо «ворочати ему милость» (ст. 111); их появление могло быть связано с осмыслением испорченного текста или неточным прочтением слова. Так, «оулици» вместо «оуроци» и «родныи» вместо «ролейныи» представляют собой типичные ошибки неправильно угаданных переписчиками слов при совпадающем начале и конце²⁴.

²¹ Любимов В. П. Списки Правды Русской.— С. 29; Юшков С. В. Русская Правда.— С. 170; Тихомиров М. Н. Исследование...— С. 142; Российское законодательство X—XX вв.— М., 1984.— Т. 1. Законодательство Древней Руси.— С. 143.

²² Любимов В. П. Списки Правды Русской.— С. 52; Тихомиров М. Н. Исследование...— С. 163—166.

²³ См.: Любимов В. П. Списки Правды Русской.— С. 40; Тихомиров М. Н. Исследование...— С. 171—177.

²⁴ Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии.— М., 1959.— С. 40; Лихачев Д. С. Текстология: Краткий очерк.— М.: Л., 1964.— С. 26.

Более, нежели в А. виде, распространены в *П* усечения окончаний глаголов 3-го лица настоящего времени и инфинитива: «краде» вместо «крадеть» Троицкого I списка (ст. 41), «вороти» вместо «воротять» (ст. 38), «погуби» вместо «погубить» (ст. 58) и др., свойственные, по мнению языковедов, в XIII—XIV вв. преимущественно северным говорам²⁵, а также употребление инфинитива вместо 3-го лица настоящего времени: «оубити» вместо «оубиють» (ст. 40), «продати» вместо «продадать» (ст. 54), «ходить» вместо «ходить» (ст. 56).

Замены отдельных слов и выражений *П* обычно эквивалентны Троицкому I списку: «челядь» вместо «челядинъ» (ст. 38); «запинаюче» вместо «запинати, не дадуче ему» (ст. 55); «ино орудье», т. е. не господина, вместо «свое орудье» (ст. 57); «продажа» вместо «платежь» (ст. 62). В ст. 116 текст *П* («куны ему лиху быти» вместо «кунь ему лишитися» Троицкого I списка) имеет соответствия в немногих церковных текстах XI—XII вв.²⁶ Исходя из текстологического принципа большей древности трудного чтения²⁷, старше следует считать вариант *П*, хотя о намеренной архаизации в *П* вряд ли может идти речь. Невелико в *П* количество дополнений относительно Синодально-Троицкой группы: «и послухъ поставить, а не без него» (ст. 110); «кунь за холопъ» (ст. 113); «оу кого» (ст. 120).

В разночтениях *П* сравнительно с Синодально-Троицкой группой трудно усмотреть следы сознательной, целенаправленной работы. Не встречаются в *П* и следы его зависимости от других текстов *III*.

Для А. вида в целом явно искаженные слова не характерны. Здесь несколько больше, чем в *П*, имеется перестановок слов по отношению к Троицкому I списку: «по землямъ сводъ» вместо «сводъ по землямъ» (ст. 36); «коуны даетъ» вместо «даетъ куны» (ст. 50); «емоу платити» вместо «платити ему» (ст. 59) и др. Наблюдаются в нем и замены слов синонимами. Употребление «взьметъ» А. вида вместо «пойметъ» *П* и Троицкого I списка (ст. 44) обусловлено соседством в той же статье глагола «взьметъ». Слово «потравить» (ст. 54) синонимично не по отношению к «испроторить» (истратит)²⁸ *П*, а к глаголу «испортить» Троицкого I списка²⁹. Точно соответствует замененному слову «раздѣлить» Троицкого I списка и «раздилить» *П* глагол «розрядить» А. вида (ст. 92), употреблявшийся в значении «разделить наследство»³⁰. Приведенные парал-

²⁵ Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. — М., 1963. — С. 298; Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. — М., 1982. — С. 65—66.

²⁶ Словарь русского языка XI—XVII вв. — М., 1981. — Вып. 8. — С. 250 (далее — СлРЯ XI—XVII вв.).

²⁷ Томашевский Б. В. Писатель и книга. — С. 188; Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы... — С. 185.

²⁸ СлРЯ XI—XVII вв. — М., 1979. — Вып. 6. — С. 299—300.

²⁹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. — СПб, 1895. — Т. 2. — Стб. 1295.

³⁰ Срезневский И. И. Материалы... — СПб, 1912. — Т. 3. — Стб. 160.

леги А. вида адекватны в целом II и Троицкому I списку, но встречаются замены иного порядка:

<i>А. вид</i>	<i>II список</i>	<i>Троицкий I список</i>
запирающе коунъ (ст. 55)	запинающе куны	запинати, не дадуче ему кунъ
воиньский конь (ст. 57)	воиской конь	воиский конь
боудоуть людие (ст. 67)	вылизуть послуси	вылѣзуть людие
люди выидоуть (ст. 68)	людьевылѣзуть	людье вылѣзуть

«Запинающе» в II (ст. 55) — действительное причастие им. падежа мн. числа м. рода от глагола «запинати» (препятствовать, задерживать)³¹, а причастный оборот «запинающе куны» резюмирует выражение Троицкого I списка. Причастие «запирающе» А. вида образовано от глагола «запирати» со значением «закрывать, перекрывать, преграждать доступ»³² и явно представляет собой неточную по смыслу замену «запинающе» II. Хотя оба причастия требуют вин. падежа, слово «коунъ» А. вида повторяет род. падеж мн. числа Троицкого I списка, указывая на сверку с текстом Синодально-Троицкой группы.

Относительно ст. 57 среди историков установилось мнение о первичности чтения «воиский» Троицкого I списка («воиской» II), вариант же «воиньский» рассматривается как поновление³³. Древнерусский книжник перевел здесь знакомое, но устаревшее слово на современный ему язык. Исключен в А. виде глагол «вылѣзуть» (ст. 67—68) в значении «придут, явятся свидетели», употреблявшийся именно в этом значении не позднее XII в.³⁴ М. Н. Тихомиров видел в употреблении «боудоуть» А. вида вместо «вылѣзуть» Троицкого I списка (ст. 67) и «сѣбрашася» вместо «совкупившеся» (ст. 2) «стремление к замене старинных слов новыми»³⁵.

Появление чтения А. вида «в'дати и князю» вместо «выдати и князю» II и «выдати князю» Троицкого I списка (ст. 35) могло быть связано с обновлением юридической лексики. В ст. 35 конокрад — «коневыи тать» — приравнивался к разбойнику и выдавался князю «на потокъ». Глаголы «выдати», «выдавати (кого-либо)» довольно рано, с XIII в., приобрели отрицательную смысловую окраску — «предавать»³⁶. Как читается в уставной грамоте великого князя Василия Ивановича крестьянской волости 1506 г., община уже не выдавала, а просто давала преступника: «...А дощутца д(у)шегубца, и они ег(о) дадут нам ѣстником и их тиуном»³⁷. Местоимение «и» отсутствует в текстах Мерила и старших групп кормчих, оно характерно именно для Пушкинской группы, т. е. в ст. 35 А. вида изменению подвергнут текст, идентичный II.

³¹ СлРЯ XI—XVII вв.— М., 1978.— Вып. 5.— С. 264; Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика... — С. 276.

³² СлРЯ XI—XVII вв.— Вып. 5.— С. 261, 264.

³³ ИР.— М.; Л., 1947.— Т. 2. Комментарии.— С. 494—495.

³⁴ СлРЯ XI—XVII вв.— М., 1976.— Вып. 3.— С. 217.

³⁵ Тихомиров М. Н. Исследование... — С. 159.

³⁶ СлРЯ XI—XVII вв.— Вып. 3.— С. 197.

³⁷ Акты русского государства 1505—1526 гг.— М., 1975.— № 18.

Концовка ст. 87 А. вида «про муки не платити емоу ни единого желѣзного» также представляет собой переделку фразы «про муки не платити емоу, но одино желѣзное» Троицкого I и II списков. Речь в статьях 85—87 идет о различии в платежах при безрезультатном для обвинителя испытании обвиняемого железом: в случае, если обвиняемый подвергался ордалии по показаниям холопа, «по холопыи рѣчи», истец помимо «железного урока» выплачивал 1 гривну пострадавшему «про муки»; если же испытание велось «по свободныхъ людий рѣчи», то «про муки» не платилось, только «одино желѣзное». Поправка редактора А. вида свидетельствует, что он не знаком с платежом «про муки». Поэтому глагол «не платити» отнесен им к платежу «желѣзное», и произведено грамматическое согласование: «не платити ни единого желѣзного».

Размер «желѣзного» в «40 гривенъ» (ст. 86) несообразен ни с платежом «желѣзного» в «40 кунъ» II и Троицкого I списка, ни с более поздней и значительно меньшей пошлиной Двинской уставной грамоты 1397 г.: «желѣзного четыре бѣлки»³⁸. Согласно новгородской денежной системе XIV в., одна бела состояла из четырех кун, а в весовом отношении равнялась двум кунам III, заменив ногату XIII в.³⁹ Таким образом, 4 белы, или «бѣлки» «желѣзного», составляли 16 кун. Создателем протографа А. вида, надо думать, допущена описка: «гривенъ» вместо «кунъ».

Тенденция создателя А. вида несколько осмыслить и осовременить текст III была вполне осознанной и целенаправленной, что подтверждает переработка ст. 65. В ней из-за дефекта оригинала и утраты букв «і» осталась цифра «в» вместо «ві» II и Троицкого I списка (величина продажи за укрывательство холопа, ударившего «свободна мужа»). Редактор А. вида, согласуясь с фразой «сынове его по отци оуставиши на коуны», вместо текста о наказании холопа «бити розвязавше» повторил требование об уплате продажи: «также 2 гривнѣ». Е. И. Колычева связывает эту переделку ст. 65 А. вида с исчезновением самого обычая наказывать таким образом холопа, ударившего свободного человека⁴⁰.

Получившийся текст «а любо тако же 2 гривнѣ, а любо взяти 1 гривна за соромъ» настолько нелогичен (предлагается выбор между платежом в 1 и 2 гривны), что писец ЛА или его оригинала сделал выбор в сторону большего и отбросил слова о штрафе в 1 гривну. Создатель А. вида явно не представлял различного назначения этих платежей: 12 гривен (в А. виде из-за порчи текста 2 гривны) владелец холопа платил князю в виде продажи, 1 гривну — оскорбленному ударом холопа «за соромъ». И новый облик ст. 65 А. вида III чрезвычайно далек, как показала Е. И. Колычева, от более поздних правовых норм, когда юридический статус

³⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова.— М.; Л., 1949.— № 88.

³⁹ Янин В. Л. Деньги и денежные системы // Очерки истории русской культуры XIII—XV веков.— М., 1969.— Ч. 1. Материальная культура.— С. 331.

⁴⁰ Колычева Е. И. Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.).— М., 1971.— С. 208—209.

холопа сближился со статусом свободного человека низших сословий⁴¹.

В ст. 28 списки Пушкинской группы отличаются от Синодально-Троицкой пропуском слова «персть» и дополнением «мечемъ»:

<i>А. вид</i>	<i>II список</i>	<i>Троицкий I список</i>
Оже оутнетъ мечемъ [...] кто (Е V «кии») любо	Аже оутнетъ мечемъ [...] кии любо	Аже персть оутнетъ кии любо

Однако на месте «кии» Троицкого I списка и «кии» II в А. виде читается «кто». В итоге в ст. 28 А. вида появился обычный для Русской Правды оборот «оже кто», обозначающий лицо, совершившее деяние, рассматриваемое в статье. Перед нами в А. виде несомненный след редактирования статьи списка, близкого II, для придания ей внешней исправности. Аналогичное разночтение содержит ст. 85 Пушкинской группы:

<i>А. вид</i>	<i>II список</i>	<i>Троицкий I список</i>
зане [...] холопью рѣчью яль и	зане [...] холопы рѣчи яль и	зане по холопы рѣчи яль и

Фрагмент II совпадает с Троицким I списком, за исключением пропуска предлога «по». Нет этого предлога и в А. виде, однако, в отличие от Троицкого I и II списков, здесь читается «холопью рѣчью». Творительный падеж употреблен не по ошибке, а для согласования со словом «яль» при отсутствии предлога «по». Следовательно, перед нами переделка создателем А. вида текста, идентичного II.

Новое доказательство такого редактирования находим и в ст. 90 о выморочном наследстве «Аже смердь умреть», где II. группу отличает от Синодально-Троицкой добавочное чтение «безажю» II и «безъ дѣтии» А. вида.

<i>А. вид</i>	<i>II список</i>	<i>Троицкий I список</i>
Аще смердь оумреть безъ дѣтии, то задница князю	Аще смердь оумреть безажю, то князю задница	Аже смердь оумреть, то задница князю

«Безажю» II, этимологически связываемое с «безадщиной», переводится «без наследников»⁴² и составляет необходимый элемент статьи, поясняя условие, при котором имущество умершего смерда переходило князю. Отсутствие его в Синодально-Троицкой группе следует рассматривать как пропуск. «Безъ дѣтии» А. вида ошибочно, поскольку дети у смерда все-таки были, и дальше речь идет о его дочерях, не признававшихся в III, в отличие от сыновей, наследниками отца. Таким образом, «безъ дѣтии» представляет, подобно «запирающе» ст. 55, неточную замену архаичного тер-

⁴¹ Там же.

⁴² СлРЯ XI—XVII вв.—М., 1975.— Вып. 1.— С. 92; ПР.— Т. 2.— С. 616—619.

мина II⁴³. Тем не менее книжник верно понимал смысл слова «безажю» как «без наследников». В XIV—XV вв. при отсутствии сыновей право прямого наследования получили дочери не только бояр или дружинников, как во времена Русской Правды, но и представителей других социальных групп⁴⁴. Поэтому значение слова «безажю» расширилось и редактор А. вида соответственно перевел его «безъ дѣтии». Начало статьи А. вида совпадает с II, исключая замену «безажю», но фрагмент «то задница князю» повторяет кормчие, возможно, вследствие правки.

Заглавия ряда статей (55, 57, 64, 66, 81, 83) А. вида дополнены по сравнению с II и Синодально-Троицкой группой вступительным «а се». В трех статьях этим же способом распространены заглавия, специфичные для II.

<i>А. вид</i>	<i>II список</i>	<i>Троицкий I список</i>
1. А се аще придетъ кровавъ моужь (ст. 29)	Аще прид(еть) кровавъ муж(ь)	А придетъ кровавъ моужь
2. А се оуроци городнии (ст. 96)	Оуроци городнии	А се закладаюче городъ
3. А се о безадници (ст. 98)	О безадници	А се о задницѣ

Статья 79 А. вида отличается расположением уроков от II и Троицкого I списка:

<i>А. вид</i>	<i>II список</i>	<i>Троицкий I список</i>
Аще лодию оукрадоуть, то 60 коунъ продажи, а лодия лицемъ воротити; не боудет ли лицемъ, то за заморьско- ую (СМВ «морскую») лодию 3 гривны, а за боиноую (СМV, ЛA «набоиноую», ПIV «набоино- ую», EV «набою») 2 гривны, а за строгъ гривна, а за чельв 8 коунъ.	Аже лодью оукрадутъ, 60 кунъ продаж(и), а лодью лицомъ воротити; не боудет лица, то з [...]орьскую лодью 3 гривны, а за боиноую лодью 2 гривни, за челонъ 8 ногать, а за стругъ грив(на).	Аже лодью оукрадетъ, то 60 кунъ продажѣ, а лодию лицемъ воротити; [...] а морьскую лодью 3 гри- (вны), а за набоиноую лодью 2 гри(вны), за чельв 20 кунъ, а за стругъ гривна.

В Пушкинской группе имеется добавочный текст: «не будет лица, то» (II) и «не боудет ли лицемъ, то» (А. вид). Анализ убеждает, что перед нами не вставка. Статья одинаково начинается требованием уплаты продажи за кражу «лодью», которую воры должны были возвратить «лицемъ». Далее в Синодально-Троицкой группе перечисляются платежи. Текст Пушкинской группы содержит логически необходимую мотивацию этих платежей: если не будет украденной «лодью» в наличии («не будет лица»), то владельцу возмещается стоимость похищенного. В списках III Мери-

⁴³ Позднейшей заменой устаревшего «безажю» считал вариант «безъ дѣтии» В. И. Сергеевич (Лекции и исследования...—С. 556—557). С его мнением соглашался А. Е. Пресняков (Княжное право в Древней Руси.—Спб, 1909.—С. 281).

⁴⁴ Мартысевич И. Д. Псковская Судная грамота.—М., 1951.—С. 90—91; Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время.—Л., 1980.—С. 98; История государства и права СССР: Уч. пособие.—М., 1972.—Ч. 1.—С. 119, 185, 247.

ла Праведного и кормчих ст. 79 имеет пропуск, нарушающий связность текста ⁴⁵.

Важное отличие *II* от Троицкого *I* списка, помимо искажений «зорьскую», «боиную», заключается в указании платежа за челн: «8 ногать» вместо «20 кунъ». Так как гривна в *III* содержала в себе 50 кун, или 20 ногат, то, следовательно, 8 ногат были эквивалентны 20 кунам ⁴⁶, и размер урока за челн одинаков в *II* и Троицком *I* списке.

А. вид расходится с Троицким *I* списком на месте искажений *II*: в четырех списках читается «за заморьскоую», передавая протограф Пушкинской группы. *SMV* повторяет чтение *III* кормчих «за морскую», по-видимому, в результате исправления. Разнобой чтений А. вида на месте «боиную» *II* указывает на изолированную правку отдельных списков или их оригиналов, в силу чего написание «боиноую», представленное *AII*, допустимо отнести к протографу А. вида.

Обращает на себя внимание в А. виде расположение текста и размер платежа за челн. Создатель А. вида перенес его в конец статьи явно из стремления расположить платежи в порядке убывания: 3, 2, 1 гривна и 8 кун. При этом «8 коунъ» представляет интерполяцию «8 ногать» *II* и «20 кунъ» Синодально-Троицкой группы ⁴⁷. Как видим, перерабатывая текст, аналогичный *II*, книжник стремился его упорядочить.

О попытках систематизировать терминологию свидетельствуют статьи 9 и 74 А. вида. В этих статьях *III* содержится формула о даче корма коню: «на ротъ сути овесь», где «суть» означает «сыпать» ⁴⁸. В *II* относительно Троицкого *I* списка в ст. 9 добавлены префиксы «въ-» и «во-» («всуть» и «на воротъ»). Употребление слова «судити» в ст. 74 в *II* объясняется, вероятно, ошибкой писца, принявшего какой-то надстрочный знак за выносное «д». Списки А. вида в обеих статьях сочетают чтение Синодально-Троицкой группы «суть» и чтение *II* «на воротъ». Если вариант *II* единичен и случаен, то его появление в удаленных друг от друга статьях А. вида — результат сознательной деятельности книжника. Редактируя текст, тождественный *II*, он исправил «всуть» (ст. 9) на

⁴⁵ Г. Е. Кочину представлялись более точными в ст. 79 списки Пушкинской группы (Правда Русская: Уч. пособие.— М.; JL, 1940.— С. 78).

⁴⁶ Бауер Н. Н. Денежный счет Русской Правды // Вспомогательные исторические дисциплины.— М.; JL, 1937.— С. 205; Янин В. JL Денежно-весовые системы русского средневековья.— М., 1956.— С. 48.

⁴⁷ Возможна свертка А. вида с вариантом Синодальной кормчей «а за челнь 8 коунъ», на что как будто указывают и общие написания «холопъ или роба» ст. 17, «боярского» ст. 66. Однако текст Синодальной кормчей при традиционном расположении платежей, в свою очередь, связан с правкой на основании списка *II* вида, отчего появились также чтения: «то господинъ в томъ» ст. 64 («то господину в томъ не платити» *II*; «то господинъ в немъ» Троицкого *I* списка); «на послушество холопа не складуютъ» ст. 66 («на послушество холопа не кладываютъ» *II*; «а послушства на холопа не складуютъ» Троицкого *I* списка).

⁴⁸ Срезневский И. И. Материалы...— Т. 3.— Стб. 630.

«сути», оставив чтение «на воротъ», а встретив ту же формулу в последующем тексте, переписал ее по образцу ст. 9.

В ст. 105 слова «иночима» и «иночимля» Троицкого I списка («иноцимля» в II) заменены редактором А. вида на «отчима» и «отчимля». Список EV составляет исключение, надо полагать, вследствие сверки с текстами других видов III. Статья 105 трактует вопрос опекуинства второго супруга по отношению к детям первого, своего «иночима»: «Будеть ли потерялъ своего иночима что, а онѣхъ отца, а оумреть, то възворотитъ брату, на не же и людьє вылѣзуть, что будетъ отецъ его истерялъ иночимля; а что ему своего отца, то держитъ» (Троицкий I список)⁴⁹. В случае смерти второго супруга, истратившего часть имущества опекаемых детей, ответственность переходила на его сына-наследника, обязанного возратить своим братьям (по матери), «что будетъ отецъ его истерялъ иночимля», т. е. иночимом оказывается и второй супруг. Представляется возможным заключить, что иночимом ст. 105 III называет одного мужа женщины по отношению к другому⁵⁰.

Словари древнерусского языка знают существительное «иночь» и производное от него прилагательное «иночнѣ», «иночѣ»⁵¹. «Не съвещавай... съ женою о иночи ея и съ страшливым в брани», — читается в Геннадиевской библии 1499 г., где «иночи ея» представляет собой полную аналогию выражению «своего иночима» III, так как «иночью» названа одна жена в отношении к другой. Причем жена и ее иночь сосуществуют⁵², очевидно, в рамках полигамной семьи. И сегодня сербскохорватский язык знает слова «иноча», «иноч(н)ица» (ж. рода) с основным значением «вторая жена у многоженцев»⁵³.

По данным И. И. Срезневского, в «Златоструе» XII в. упоминается о женщине, которая «яко на соупостаты на иночѣ (вар. «иночнѣ») дѣти взираеть и тѣх жизнью аки трясею изнемогаеть». И. И. Срезневский согласно греческому тексту переводит «иночѣ» как «относящийся к первой жене»⁵⁴. Следовательно, речь идет о враждебности жены второбрачного супруга к его детям от первой жены, к детям иночи. Здесь разумеется уже не полигамная, а христианская моногамная семья, как и в ст. 105 III, в рамках которой иночью друг для друга оказываются сменяющиеся жены одного мужчины.

⁴⁹ ПР.— Т. 2.— С. 684—686.

⁵⁰ Еще Д. Дубенский полагал, что иночимом называли «первого мужа жены в отношении к ее второму» (Русские достопамятности.— Ч. 2.— С. 130). Исходя из сербских слов «иноча», «иночица», А. И. Соболевский не совсем точно представлял смысл термина: «... это слово значит вообще другой муж» (Язык Русской Правды // ЖМНП.— 1886.— № 4.— С. 381).

⁵¹ Срезневский И. И. Материалы... — М., 1958.— Т. 1.— Стб. 1107; СЛРЯ XI—XVII вв.— Вып. 6.— С. 245.

⁵² Современный перевод Библии на русский язык говорит о жене и «сопернице ее». См.: Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового завета.— М., 1979.— Спр, гл. 37, 11.

⁵³ Толстой И. И. Сербскохорватско-русский словарь.— М., 1982.— С. 178.

⁵⁴ Срезневский И. И. Материалы... — Т. 1.— Стб. 1107.

«Оба приведенных фрагмента взяты из древнерусских версий болгарских переводов симеоновской школы конца IX — начала X в.⁵⁵ и со значительной долей вероятности могут быть причислены к конъектурам древнерусских книжников, тем более, что слова «иночь», «иночѣ» в древнеболгарских текстах не отмечаются⁵⁶. Поэтому есть основания говорить о существовании в архаичном лексическом слое древнерусского языка пары слов с корневой основой «инъ-» (другой): «иночь» ж. рода и «иночимъ» м. рода. Термин «иночь» встречаем как для обозначения взаимного отношения жен в полигамной семье, так и для сменяющих одна другую жен в моногамной. Последнее значение явно вторично, первичным для слова «иночь» было обозначение взаимного отношения нескольких жен одного мужчины при полигинии. Аналогичную эволюцию претерпел с утверждением христианской моногамии термин «иночимъ», изначальное же значение его связано с обозначением отношения друг к другу нескольких мужей одной женщины при полпандрическом браке.

Документально сосуществование полигинии и полиандрии в Древней Руси засвидетельствовано Уставом князя Ярослава о церковных судах. Статья 27 Пространной редакции Устава Ярослава определяет суровые санкции в случае связи двух братьев с одной женщиной: «Аще два брата с единою женою, митрополиту 30 гривен, а женку пояти в дом церковныи»⁵⁷. В то же время ст. 25, в которой говорится: «Аще деверь с ятровию впадетъ [в блуд], митрополиту 12 гривен», предусматривает только денежный штраф значительно меньшего размера⁵⁸. Следовательно, для законодателя важен не просто факт такой связи, важна форма брака при этом⁵⁹. В ст. 27 Устава Ярослава предстает полиандрическая семья в «братской» ее форме, наиболее распространенной у многих народов мира⁶⁰. Столь же строго Устав Ярослава преследовал многоженство, предписывая вторую жену, «пойти в дом церковныи», а с виновного взять «митрополиту 20 гривен»⁶¹.

III в соответствии с церковными уставами единственно законной признает моногамную семью, и термин «иночимъ»⁶² ст. 105 —

⁵⁵ Евсеев И. Е. Геннадиевская Библия 1499 г.— М., 1914.— С. 5—6; Малинин В. Н. Десять слов Златоструя XII в./Предисл. А. И. Соболевского.— СПб, 1910.

⁵⁶ Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка: Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X—XI вв.— М., 1977.— С. 242, 310—334.

⁵⁷ Российское законодательство X—XX вв.— Т. 1.— С. 191.

⁵⁸ Там же. Краткая редакция для этих казусов соответственно указывает платежи в 100 и 30 гривен (Там же.— С. 169).

⁵⁹ См.: Очерки истории культуры XIII—XV вв.— М., 1970.— Ч. 2. Духовная культура.— С. 51; Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси.— М.; Л., 1966.— С. 182—184, 192—193, 201.

⁶⁰ Советская историческая энциклопедия.— М., 1968.— Т. 11.— Стб. 266.

⁶¹ Российское законодательство X—XX вв.— Т. 1.— С. 190.

⁶² Издатели СлРЯ XI—XVII вв. (вып. 6, с. 241) предпочли в качестве основного вариант «иноотчимъ» Синодального III списка Меряла Праведного, хотя во всех древнейших списках читается «иночимъ».

всего лишь реликт дохристианского быта восточных славян. Заменив редактором А. вида слова «иночимъ» на «отчимъ» нельзя интерпретировать как переработку III для фиксации более поздней юридической нормы опекунства пасынка над детьми «своего отчима», так как утрачена смысловая связь с контекстом фрагмента «что боудеть истеряль отецъ его отчимля». Причина замены, надо думать, иная: утрата в лексике ко времени редактирования III термина «иночимъ», не известного какому-либо древнерусскому памятнику письменности, кроме Русской Правды⁶³. Столкнувшись с непонятным словом, книжник вместо него вписал знакомое «отчимъ», встреченное несколько ранее в ст. 99 со сходным содержанием об опекунстве вообще и опекунстве отчима в частности.

Анализируя любую часть III А. вида, нужно учитывать, с одной стороны, поновления и осмысления, внесенные в исходный текст, тождественный с II, попытки некоторой его систематизации, а с другой — неотрывную от процесса редактирования сверку его со списками Синодально-Троицкой группы. Поэтому в статьях А. вида в большей или в меньшей степени обнаруживаются интерполяции II и Синодально-Троицкой группы:

<i>А. вид</i>	<i>II список</i>	<i>Троицкий I список</i>
в которой же верви (ст. 3) оже не ходитъ года, то ворочати милость (ст. 111)	въ которой верви оже не ходитъ года, то вороцати емлетъ	въ чьей же верви оже не доходятъ года, то ворочати ему милость

Продуктивность нашего подхода, позволяющего понять специфические черты А. вида, подтверждает анализ статей 18—19 о клепной вире:

<i>А. вид</i>	<i>II список</i>	<i>Троицкий I список</i>
Аще боудеть на кого клепнаа вира, то оже будеть 7 свѣдѣтели, то ти имуть вѣроу; паки ли варягъ или инь к'то, то 2 (ст. 18)	Аще быть оу кого клепная вѣра, то же будеть послуховъ 7, то то идуть виру, паки ли варягъ или инь кто, то два.	Аще будеть на кого клепная вира, то же будеть послуховъ 7, то ти выведуть виру; паки ли варягъ или инь кто, тогда.
А на костехъ по мер'твомъ не плакати (IIА «платити»), IIIV «платити») верви, оже имени не вѣдати, ни знати его (ст. 19)	А в костехъ и по мертвецѣ не плати верви, оже имени не вѣдаютъ, ни знаютъ его.	А по костехъ и по мертведи не платитъ верви, оже имени не вѣдаютъ, ни знаютъ его.

Особенности текста II выявляются при его сравнении с Троицким I списком: «буть», образовавшееся из «будеть» после утраты выносного «д»⁶⁴; предлог «оу» вместо «на»; глагол «идуть» вместо «выведуть»; усеченная форма «плати» вместо «платити» (в Троицком I «платить»).

Редактор А. вида выражение «послуховъ 7» преобразовал в «7 свѣдѣтели». Чтение «имуть вѣроу» получает объяснение при сопоставлении с вариантом II «идуть виру», образовавшимся из

⁶³ Срезневский И. И. Материалы... — Т. 1. Стб. 1107; СлРЯ XI—XVII вв. — Вып. 6. — С. 241.

⁶⁴ Тихомиров М. Н. Исследование... — С. 157.

«выведут виру» вследствие порчи текста. Придавая смысловое и грамматическое согласование фразе, создатель А. вида заменил «идуть виру» на «имуть вѣроу». «Вѣра» здесь не равнозначна «вира», поскольку слово «вира» употребляется в тексте ПП А. вида без замены «и» на «ѣ», также «вирнии», «вирникоу», «полоувирье». «Вѣроу имуть» — 3-е лицо мн. числа оборота «вѣру яти» (доверять, верить)⁶⁵. То есть судьи «вѣроу имуть» «поклепу» в убийстве по представлении «7 свѣдѣтелии». В данной статье новация редактора не изменила в целом смысла статьи, чего нельзя сказать о переработанном варианте следующей статьи.

Вероятно, расхождение в предлогах П («в костехъ») и Синодально-Троицкой группы («по костехъ») и усеченная форма глагола «плати» в П вызвали к жизни вариант А. вида, в котором «плати» осмыслено как «плакати»⁶⁶: «на костехъ по мер'твомъ не плакати», — напоминающий бытовавший со второй половины XIII в. фразеологический оборот «стати на костехъ»⁶⁷. Похоже, редактор не понимал содержания статьи, предписывающей верви не платить виры при безымянности останков, найденных на ее территории, или же не считал вервь территориальной общиной, так как юридическая норма об ответственности территориальной общины за убийство на ее земле дожила в России до XX в.⁶⁸ и не могла быть неизвестна создателю А. вида. Согласно выправленному книжником тексту, вервь не должна была оплакивать погибшего, если было неизвестно его имя: «оже имени не вѣдати, ни знати его». Очевидно, по мысли редактора, вервь оплакивала умершего только тогда, когда знали его имя. Поскольку погребение и оплакивание от родового строя до современности входило в обязанности родственников умершего⁶⁹, нетрудно заметить, что вервь представлялась создателю протографа А. вида коллективом родственников.

Несмотря на общие с П чтения: «кляпнаа вира», «то 2», — и производное от чтения П «имуть вѣроу», две детали ст. 18 А. вида сближают ее с Троицким I списком: «на кого» вместо «оу кого» (П) и «то ти» вместо «то то». Восходят ли эти детали к протографу Пушкинской группы? Учитывая первичность текста П для статьи в целом, больше оснований расценивать их как вторичные, попавшие в текст при сверке со списками Мерила и кормчих.

Если создатель А. вида предпочел выправить по своему усмотрению статьи 18—19 исходного списка, идентичного П, ограничив-

⁶⁵ Срезневский И. И. Материалы... — Т. 1. — Стб. 490—491; СлРЯ XI—XVII вв. — М., 1975. — Вып. 2. — С. 79—80.

⁶⁶ «Платити» ПIV и «платити» ЛА при неизменности начала статьи выдают позднейшую правку по текстам Синодально-Троицкой группы.

⁶⁷ СлРЯ XI—XVII вв. — М., 1980. — Вып. 7. — С. 373.

⁶⁸ Свод законов Российской империи. — Спб, 1912. — Т. 9. — Вып. 9. Кн. 1. Общее положение о крестьянах. — С. 37, 44.

⁶⁹ История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. — М., 1986. — С. 364; Косвен М. О. Семейная община и патронимия. — М., 1963. — С. 118; Народы европейской части СССР. — М., 1964. — Т. 1. — С. 472—473, 869; Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. — М., 1968. — С. 130.

пись мелкими исправлениями по текстам Синодально-Троицкой группы, то несколько иной способ редактирования предстает в ст. 76:

А. вид

Оже пчелы выдереть, 3 гривны; а за пчелы, аже боудоуть не лажены пчелы, то 10 коунъ; боудет ли олекъ-оть (СМV «гнѣздо олегъ», EV «олекъ», ЛА, ПIV «олекъ рекше гнѣздо»), то 5 коунъ.

II список

[...] аще пчелы не лажены, 10 кунъ, будет ли олѣкъ, 5 кунъ; аще пчелы выдреть, 3 грив(ны) продаж(и).

Троицкий I список

Аже пчелы выдереть, то 3 гри(вны) продажи, а за медь, аже будеть пчелы не лажены, то 10 кунъ; будеть ли олѣкъ, то 5 кунъ.

В *II* пропущен имеющийся в Троицком I списке фрагмент в начале ст. 76 между дважды употребленным существительным «пчелы», т. е. писец *II*, а вернее, его протограф допустил гаплографию. Пропущенные слова он вписал сразу после окончания статьи, отбросив ставшие лишними последние «а за медь», вследствие чего была утрачена мотивация штрафа в 5 и 10 кун.

Статья *A.* вида на первый взгляд совпадает (за исключением опущенного слова «продажи» и перестановки слов — «не лажены пчелы» вместо «пчелы не лажены») с Троицким I списком. Однако небольшое отличие (чтение «за пчелы» вместо «за медь») лишает смысла вторую часть статьи: платежи в 5 и 10 кун, согласно *A.* виду, взимаются не за украденный мед, а за пчел, если они не будут тронуты, «не лажены», т. е. безо всякого криминального основания.

Вспомним, что в *II* сохранилась мотивировка платежа в 3 гривны: «аще пчелы выдреть». Выправляя текст, подобный *II*, редактор *A.* вида распространил эту мотивировку на штрафы в 5 и 10 кун, внося конъектуру «а за пчелы» перед их перечислением. Сходство с *III* Киевско-Софийского и Фроловско-Браиловского списков Новгородско-Софийского вида, в которых нет союза «то», позволяет считать аналогичный им, но более ранний список тем образцом, по которому правился редактируемый текст. Книжника здесь заботила скорее похожесть текста на списки кормчих, нежели его содержание.

Затрудняясь отделить испорченный текст от полноценного, создатель *A.* вида ориентировался на авторитетные тексты *III* кормчих книг и Мерила Праведного, заменяя значительно отличающиеся от них чтения перерабатываемого списка. Таким образом перекочевали из Мерила слова «от виры помечного» ст. 20 *A.* вида (*II* — «помочного», кормчие старших видов — «помоченаго») и крупный заголовок перед ст. 53 «Оустав Володимерь Всеволодича» («Оустав Володимира князя» *II*, в кормчих нет крупного заголовка). Невозможно определить, из какого текста Синодально-Троицкой группы перешло в ст. 64 *A.* вида чтение «господинъ в немъ», ощутимо не имеющее логического конца, вместо «господи ну в томъ не платити» (*II*).

Автор настоящей статьи вслед за М. Ф. Владимирским-Будановым и Б. А. Романовым считает изначальным вариант ст. 64 в

*П.*⁷⁰ Закуп *ПП*, в отличие от холопа, не являющегося субъектом права, сохранял элементы юридического статуса свободного человека: мог обращаться в суд, обязан был оплачивать имущественные претензии хозяина; при судебном преследовании закупа, обвиненного в краже, *ПП* предусматривает случай, когда господин «не хотѣти начать платити за нь». При этом господин поступал с закупом, как кредиторы с несостоятельным должником (ст. 55): после того, как «продать и»⁷¹, господин оплачивал штрафы, оставшееся же забирал себе — «а прокъ ему самому взяти собѣ» (Троицкий I список). Таким образом осуществлялась возможность «господину в томь не платити». Но прежде в статье излагается иной казус: господин возмещает уроки за закупа, автоматически превращающегося в его обельного холопа. По-видимому, несоответствие начала статьи и ее продолжения побудило книжников убрать из древнейшего текста Синодально-Троицкой группы чтение «господину в томь не платити», дошедшее до нас в *П*, и вписать маловразумительное «господинъ в немъ» (Троицкий I список), хотя нельзя исключать и элементарное ухудшение текста с утратой конца предложения.

Ряд общих чтений связывает *А.* вид с Мясниковско-Розенкамповским звеном кормчих: «наставъ медъ» ст. 50 повторяется во всех трех видах *ПП* этих кормчих. Розенкамповский (Чудовский) вид имеет варианты: «другое холопство» в ст. 110 (*А.* вид «а отидеть»), «а отидеть» в ст. 115 (*А.* вид «а отидеть»). Более десятка статей Мясниковского вида начинается подобно *А.* виду союзом «иже» вместо «аже», в ст. 42 читается «крадут(ь)» (*А.* вид «крадоуть»), в ст. 46 — «чернестии» (*А.* вид «чернечьскыи»).

Подводя итоги анализа не обусловленных пропусками разночтений *П* и *А.* вида, следует сказать, что *П* не обнаруживает следов целенаправленной редакторской работы и исправлений по другим текстам *ПП*. Для него характерны опiski, искажения, замены же слов не имеют целью обновление лексики.

Иное дело списки *А.* вида. Здесь практически отсутствуют искажения типа *П*. Расхождения с Синодально-Троицкой группой и *П* вызваны свободой обращения с текстом создателя *А.* вида, позволявшим себе перестановки слов и осмысления, дополнения и обновление устаревших слов, например, «выидоуть» вм. «вылѣзуть». Наиболее крупные поновления внесены в текст статей 18—19, 65, 99, 103, 106, 108. Ряд статей говорит о желании редактора упорядочить терминологию. При этом проступает облик переработанного текста, идентичного *П*. Выясняется, что в процессе редактиро-

⁷⁰ Владимирский-Буданов М. Ф. Христоматия по истории русского права. — 4-е изд. — СПб; Киев, 1908. — Вып. 1. — Прим. 106; Правда Русская: Уч. пособие. — С. 74.

⁷¹ Остается спорным, подразумевалась здесь только продажа имущества или также самого закупа (ср. аналогичную формулу ст. 54). См.: *ПР.* — Т. 2. — С. 430—438, 531—534; Российское законодательство X—XX вв. — Т. 1. — С. 105—106.

вания текст сличался и исправлялся по Мерилу Праведному и кормчим книгам. В итоге чтения А. вида, отличающиеся от *П*, представляют в значительной степени редакторские поновления и интерполяции текстов *П* и Синодально-Троицкой группы.

Обратимся к разночтениям *П* и А. вида, вызванным пропусками в тексте, и пока не рассматривавшимся. Текст *П* на месте небольших лакун А. вида в статьях 45, 54, 73, 85 идентичен Троицкому I списку⁷². Некоторые отклонения *П* от Троицкого I списка обнаруживаются в статьях 8 («вложи» вместо «вложиться»), 67 («а» вместо «аже», пропуск союза «а», «нѣт» вместо «нѣтоу»), 99 («тому» вместо «то то ему»). Два фрагмента, имеющиеся в Троицком I списке, пропущены в ст. 81 А. вида в начале («а за куря 9 кунь») и конце статьи («а за лебедь 30 кунь, а за жеравль 30 кунь»). Размер платежа за журавля не указан и в *П*, отличающемся от Синодально-Троицкой группы в ст. 81 пропускном союзе «а»⁷³.

Текст *П* в ст. 110 на месте лакуны А. вида отличается от Троицкого I списка повторением «послухъ поставитъ» и дополнением «а не без него»:

<i>А. вид</i>	<i>П список</i>	<i>Троицкий I список</i>
...еже кѣто коупитъ хотя до до полоугрив'ны, а послуухы (СМV — «послухъ») поставитъ [...] (СМV доб. «а ногату дасть предѣ самымъ холопомъ послууха поставитъ»), а не без него.	...еже кто купи хотя до полугрив(ны), а послухъ поставитъ, а ногату дасть предѣ самым холопомъ и послухъ поставитъ, а не без него.	...еже кто хотя купитъ до полугри(вны), а послухи поставитъ, а ногату дасть перед самымъ холопомъ.

Пропуск А. вида приходится между повторами *П* «поставитъ, а», на основании чего можно заключить, что древний книжник допустил гаплографию, копируя текст, тождественный *П*. Обращает на себя внимание несогласованность А. вида в числе: «а послуухы поставитъ, а не без него». Если в *П* фигурирует один послух, то в текстах Мерила и кормчих указано мн. число «послухи». А. вид в результате редакторской работы совмещает, как видим, чтения Синодально-Троицкой группы и *П*. Полнота СМV, здесь, как и в ст. 81, результат сверки со списком *П*. вида.

Таким образом, фрагменты *П*, соответствующие лакунам А. вида, обладают той же спецификой, что и рассмотренные выше чтения *П*, а ст. 110 *П* оказывается исходной для А. вида.

⁷² СМV содержит урок за коровье молоко (ст. 45). Южно-славянская форма «млеко» в нем повторяет Мясниковский, Розенкамповский виды и Карамзинскую группу III, указывая, таким образом, на источник пополнения.

⁷³ СМV носит черты дополнения по списку, близкому *П*: содержит те же нормы (нет урока за журавля), причем указание о платеже за лебедя, последний в *П* и предпоследний в Синодально-Троицкой группе, оказалось вписанным в начале статьи вместе с другим пропущенным в А. виде уроком «за куря». О сверке СМV со списком *П*. вида свидетельствует вариант ст. 57 «на свое на ино орудие», совмещающий чтения *П* и А. вида.

Лакуны самого *П* гораздо обширнее, и именно за их отсутствие исследователи ценили *А. вид*. В подавляющей массе текст *А. вида* на месте пропусков *П* идентичен текстам кормчих и Мерила Праведного (статьи 42, 50, 53, 54, 58, 66, 94). В четырех статьях (110, 112, 114, 120) фрагменты *А. вида* на месте лакун *П*, в свою очередь, имеют пропуски. В пяти статьях (24, 76, 87, 107, 116) они отличаются от Синодально-Троицкой группы. Два пропуска *П* (статьи 16—17 и 45) точно повторяются в *А. виде*, за исключением *СМV*, где восполнена лакуна ст. 45.

Почти полностью опущенная в *П* ст. 94 *А. вида* воспроизводит текст Мерила, заменяя написания «своея», «возмутъ» на характерные для Синодальной кормчей «своеи», «възмоутъ». Тем не менее, хотя фрагменты *А. вида*, соответствующие пропускам *П*, в перечисленных выше статьях совпадают с текстом Синодально-Троицкой группы, окружающий текст сохраняет специфические чтения *А. вида* или Пушкинской группы в целом. Нагляднее всего иллюстрирует эту особенность ст. 66 *А. вида*:

А. вид

П список

Новгородско-Софийский вид

На послушество холопа не выкладывають; но оже не боудеть свободнаго, то по ноужи сложити на боярьскаго тиюна на дворьского, а на иных не выкладывати.

На послушество холопа не кладывають [...] сложити на боярьска тиюна на дворьскаго, а на иных не складывати.

На послушество на холопа не съкладають; но оже не боудеть свободнаго, то по ноужи сложити на боярьска тиюна, а на иных не с'кладывати.

Текст *А. вида* на месте пропуска *П* совпадает с Новгородско-Софийским видом, отличающимся от Троицкого *I* списка, подобно *III* всех кормчих, предлогом «на» вместо союза «а» в начале статьи и союзом «то» вместо «но» в середине. Отсутствие предлога «на» перед словом «холопа» и вставка «на дворьского» в *А. виде* общие с *П* и в совокупности являются признаками Пушкинской группы. Глаголы «выкладывають», «выкладывати», не встречающиеся в других видах *III*, определяют особенность *А. вида*. Глагол «кладывають» *П* списка подсказывает причину появления «выкладывають» *А. вида* — переоформление глагола присоединением префикса «вы-». В конце статьи в *П*, как и в Синодально-Троицкой группе, читается «складывати», создатель же *А. вида* с его тенденцией к единообразию терминов употребил инфинитив «выкладывати».

Итак, в ст. 66 *А. вида* фрагмент *III* кормчей, соответствующий лакуне *П*, окружен текстом с чертами Пушкинской группы и редакторскими поновлениями. Материал рассмотренных различий дает ключ к объяснению данного факта: при сверке перерабатываемого текста с кормчими и Мерилом Праведным замеченный редактором пропуск должен был заполняться. Так, из Новгородско-Софийской кормчей был вписан фрагмент на месте лакуны ст. 66 *П*.

Аналог ст. 66 находим в статьях 110, 114 *А. вида*, хотя здесь во фрагментах, параллельных лакунам *П*, сделаны пропуски. Не-

смотря на обширный пропуск и присущее Пушкинской группе чтение «вязебную грив(на)», текст ст. 114 о розыске бежавшего холопа в *II* ближе Троицкому I списку, нежели А. вида. Характерное редактирование А. вида выразилось в заменах: «храмѣ» вместо «городѣ»⁷⁴, «в'язти» вместо «пояти» и «в'язти» вместо «оувязати». Фраза Троицкого I списка и *II* «а будеть посадникъ не вѣдалъ» передается в нем следующим образом: «а не ведеть⁷⁵ посадникъ не вѣдалъ».

Приведем конец ст. 114 А. вида с текстом, соответствующим лакуне *II*:

<i>A. вид</i>	<i>II список</i>	<i>Троицкий I список</i>
... дати емоу вязебноую гривноу [...] собѣ емоу пагоуба, а (СМУ, ПIV доб. «не») платит(ь) в' то никто же, тѣм' же переима нѣсть.	... дати ему вязебную грив(на), [...] а не платит в то никто же, тѣм же и переима нѣтуть.	... дати ему вязебную 10 кунѣ, а переима нѣтуть; аче оупуститъ и гоня, а собѣ емоу пагуба, а платит в то никто же, тѣм же и переима нѣтуть.

«А платить в' то никто же» читается в трех списках А. вида. СМУ имеет исправление, внесенное также и писцом ПIV или его оригинала. Частица «не» в данном фрагменте отсутствует в Мери-ле и трех кормчих Мясниковского вида. Текст А. вида «собѣ емоу пагоуба» восстанавливает конец лакуны *II*, начало же ее совпадает в обоих видах. Выписан конец, как и последующее «а платить в' то никто же», редактором А. вида, очевидно, из одной рукописи, причем здесь вкралась гашлографическая ошибка — оказался пропущенным отрывок между двумя союзами «а».

Несколько более удачно действовал редактор при восполнении лакун ст. 110 *II*, но и здесь между повторением «безъ ряду» Троицкого I списка недостает слов: «или привяжеть ключъ к собѣ безъ ряду». На месте небольших лакун *II* в ст. 122 А. вида не хватает одного слова, в ст. 120 — двух. То, что пропуски при заполнении лакун допущены лишь в конце редактируемого текста, в Уставе о холопах ПП имеет, скорее всего, причины субъективные — спешку или усталость. Перед нами следы кропотливого труда древнерусского книжника.

Особняком стоят фрагменты А. вида, соответствующие лакунам *II* и отличающиеся от текста ПП Синодально-Троицкой группы. Ст. 76 о пчелах рассматривалась выше, остановимся на фрагментах статей 24—25 и 86—87.

<i>A. вид</i>	<i>II список</i>	<i>Троицкий I список</i>
Оже ли вынемъ мечь, а не оударитъ, то гривна коунѣ. Оже кто кого оуда-	Оже ли вынезъ метъ [...] батогомъ или цапешю, любо рогомъ,	Аже ли вынезъ мечь, а не оутнетъ, то гри(вна) кунѣ. Аже кто

⁷⁴ Первоначально читалось, как увидим ниже, полногласное «хоромѣ». Обстоятельства появления слова проясняются, если вернуться к ст. 65 ПП о бегстве холопа в «хоромѣ» своего господина. Перед нами новая попытка редактора А. вида унифицировать текст.

⁷⁵ «Не ведеть» написано в четырех списках А. вида, список АII имеет усечение окончания — «не веде».

р и т ь б а т о г о м ь и л и ч а п е ю ,
и л и р о г о м ь , и л и т ы л е с н ю ,
т о 12 г р и в е н ь (ст. 24—25).

л ю б о т ы л е с н ю , т о
12 г р и в н и .

к о г о о у д а р и т ь б а т о г о м ь
л ю б о ч а п е ю , л ю б о
р о г о м ь , л ю б о т ы л ь с н ю ,
т о 12 г р и (в е н ь) .

...к т о с и в ч е м ь е м л е т ь .
А е ж е е м л е т ь н а ж е л ь з о ...
во... (ст. 86—87)

...к т о с е в ч е м ь е м л е т ь
[...] н а ж е л ь з о ...

...к т о с и в ч е м ь е м л е т ь .
А ж е и м е т ь н а ж е л ь з о ...
во...

В статьях 24—25 фрагмент А. вида, совпадающий с лакуной *П*, приходится между повторением глагола «оударить», в статьях 86—87 — между двумя глаголами «емлеть». Тексты Синодально-Троицкой группы повторений здесь не имеют: «оутнетъ» ст. 24 и «оударить» ст. 25; «емлеть» ст. 86 и «иметь» ст. 87. Писец *П* или его протограф мог сделать пропуски в результате гаплографии, копируя текст данных статей А. вида.

От ст. 107 *П* сохранился лишь заголовок и начало: «А се оуроци суднии», после чего следует без заглавия и начала текст ст. 109 о ротных уроках. Перед ст. 107 в *П* записана ст. 108 «О задницѣ», посвященная разделу наследства между братьями и точно так же расположенная в списках А. вида и Карамзинской группы. Именно смыкание статей о судебных и ротных уроках сделало возможным пропуск *П* между однотипным началом статей: «а се оуроци суднии» и «а се оуроци ротнии» (А. вид). Текст ст. 107, не утраченный в А. виде и Карамзинской группе, отличается здесь от Синодально-Троицкой группы дополнительными судебными уроками «от ролѣинои земли» и «освободивше челядинъ» (А. вид). Таким образом, особый порядок следования ст. 107 после ст. 108 коррелируется со своеобразным ее текстом. Данное наблюдение позволяет заключить, что статья «Оуроци суднии» *П* была тождественна А. виду и Карамзинской группе, а более обширное ее содержание составляло примету архетипа Пушкинской группы.

Во фрагменте ст. 116 А. вида, соответствующем лакуне *П*, употреблено отрицание «а не» вместо союза «али» Троицкого I списка:

А. вид

Аще гдѣ холопъ выл'жетъ
коуны, а онъ боудеть не
вѣдая далъ⁷⁶, то господиноу
выкупати, а не лишатися;
вѣдая ли боудеть далъ, то
коунъ лишеноу емоу быти.

П список

Аже гдѣ холопъ куны
вылжетъ, а онъ буде
не вѣдая далъ, [...]
а куны ему лиху быти.

Троицкий I список

Аче же холопъ кдѣ куны
вложить, а онъ будеть не
вѣдая вдаль, то господи-
ну выкупати али лиш-
тися его; вѣдая ли будеть
далъ, а кунъ ему лиш-
тися.

Пропуск *П* приходится между словами Троицкого I списка «вдалъ» и «далъ», в самом же *П* на месте «вдалъ» читается «далъ», как и в А. виде. Двойное употребление слова «далъ» в протографе Пушкинской группы вызвало пропуск *П* или его ори-

⁷⁶ Восстановлено по ЛА. См.: ПСРЛ.—Т. 16.—Стб. 289. В АП читается «не вѣдаалъ»: писец, записывая причастие «вѣдая» с окончанием «а» («вѣдаа»), опустил повторный слог «да» и сразу приписал окончание «-ль».

гинала. Начало ст. 116 II и А. вида совпадает за исключением усеченного окончания глагола «буде» (II). «Лишеноу быти» в конце статьи А. вида представляет собой переделку из «лиху быти» II под влиянием глагола «лишиться» Синодально-Троицкой группы. Помимо сверки редактор А. вида самостоятельно заменил союз «а» II и Троицкого I списка в конце статьи на «то»: «то коунъ».

Фрагмент А. вида на месте лакуны II отличается от Троицкого I списка отсутствием местоимения «его» и вариантом «а не» вместо «али». Последнее чтение А. вида радикально меняет смысл статьи. Троицкий I список предоставляет господину холопа, обманом получившего деньги⁷⁷, альтернативу: выкупить холопа, заплатив его долг, или лишиться его. А. вид указывает только одну возможность: господин должен выкупать холопа, «а не лишати-ся» его.

Согласно ст. 117 всех групп III, холопа, пущенного в торг господином и задолжавшего, необходимо «выкупати его господину, и не лишитис(я) его» (Троицкий I список). Точно так же господин оплачивал долги бежавшего холопа согласно ст. 119, сохранившейся полностью в Пушкинской и Карамзинской группах: «Аже холопъ бѣгая будеть добудеть товара, то господину долгъ, господину же и товаръ, а не лишитис(я) его» (II). Кредитору холопа, торгующего с ведома владельца (ст. 117), или беглого холопа (ст. 119), о господине которого кредитор мог ничего не знать, III предоставляет право взимать долг с владельца холопа, не имевшего возможности отказаться от владельческих прав на холопа. Такого же добросовестного заимодавца, введенного в заблуждение чьим-то холопом, выдавшим себя за свободного человека или за доверенное лицо своего господина, имеет в виду и ст. 116 А. вида, обязывая владельца холопа возместить долг, а «не лишати-ся» холопа.

Подробно проблема ответственности собственника за своего холопа в III рассматривалась И. И. Смирновым, пришедшим к однозначному выводу: «Основная и единая для статей 116—119 норма, взятая в общем виде, состоит в том, что за действия холопа, связанные с торгом и деньгами, несет ответственность господин холопа, причем он не может снять с себя ответственность, отказавшись от прав собственности на холопа»⁷⁸. Этим исследователем аргументирована мысль об исправности ст. 116 именно в АII, в отличие от всех других текстов III⁷⁹.

Итак, анализ чтений А. вида, соответствующих лакунам в II и расходящихся с параллельным текстом Синодально-Троицкой группы, позволяет отнести их к архетипу Пушкинской группы.

⁷⁷ В текстах Синодально-Троицкой группы читается дефектное «вложити» вместо «вылжеть». Глагол «вылгати» и в XVII в. сохранял тот же смысл: «с помощью лжи получить что-либо, присвоить». — См.: СЛРЯ XI—XVII вв. — Вып. 3. — С. 216.

⁷⁸ Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв. — М.; Л., 1963. — С. 194.

⁷⁹ Там же. — С. 146—152.

Варианты А. вида в статьях 24 и 87 могли вызвать гаплографические ошибки II. Иное, нежели в Синодально-Троицкой группе расположение ст. 108 перед ст. 107 обусловило пропуск II. Если исключить редакторские поновления ст. 116 А. вида, то в ней находим, по мнению И. И. Смирнова, с которым солидарен автор, чтение архетипа III.

В заключение можно к III А. вида отнести слова М. Н. Тихомирова о Законе Судном А. сборника: «...текст Археографического извода близок к тексту Пушкинского списка, но представляет собой особую переработку, которая основана не на самом Пушкинском списке, а на его протографе»⁸⁰.

В самом деле, если не брать во внимание пропуски, сохранность текста II списка III лучше, нежели А. вида, дальше отстоящего от Синодально-Троицкой группы из-за многочисленных изменений текста. Внесенные в А. вид поновления, как легко убедиться, не случайны, а целенаправленны и представляют собой результат систематического редактирования исходного списка III, аналогичного II. Налицо желание книжника «улучшить» редактируемый текст, сделать его понятнее, логичнее для человека своей эпохи. Отсюда описанные выше попытки упорядочения терминологии и даже расположения статьи о штрафах (79), замена малопонятных, устаревших слов знакомыми, не всегда совпадающими по смыслу, как, например, «запиряюще» вместо «запинающе» II (ст. 55), «отчимъ» вместо «иночимъ» (ст. 105). В правке редактора проступают реалии иного периода развития права: отсутствие платежа «про муки» (ст. 87), переосмысление слова «безажю» (ст. 90). При сохранении в целости традиционного текста статей 19, 65, 72, 87, 105, 114 внесенные поновления противоречат контексту и разрушают логическую связь. Из существенно измененных редактором лишь две статьи, долгое время остававшиеся актуальными, — о поклепной вире (ст. 18) и о дележе наследства между братьями (ст. 108) — книжнику удалось сравнительно адекватно передать в понятиях своего времени, так как эти нормы были ему знакомы.

Из-за малопонятности «улучшение» редактируемого текста подразумевало для книжника одновременно и его приближение к освященным авторитетом церкви кормчим книгам и Мерилу Праведному, со списками которых, как можно было убедиться, постоянно производилось сличение. Наблюдается весьма свободное обращение с перерабатываемым текстом II. вида и более строгое копирование III Мерила и кормчих.

Анализ текста А. вида на месте лакун II, не совпадающего с параллельным текстом Синодально-Троицкой группы, убеждает в его первичности для II. Следовательно, редактируемый создателем А. вида список III, почти идентичный II, но не имевший пропусков в статьях 24—25, 86—87, 107 и 116, можно рассматривать в

⁸⁰ Закон Судный людем пространной и сводной редакци.— С. 12.

качестве протографа *П*, а следовательно, всех списков *ПП* Пушкинской группы.

Описанные М. Н. Тихомировым приемы редактирования, характерные для создателя А. извода списка Закона Судного людем *П*. вида, аналогичны для *ПП*: расширение заглавий, поновления в тексте⁸¹. Ранее, сопоставляя Слово Василия Великого *П*. и А. сборников, М. Н. Тихомиров писал: «...пушкинский список сохраняет более первоначальный текст», так как в А. сборнике пропущен отрывок «нища не помиловати... на ближнего своего»⁸². Первичность Слова в Пушкинском сборнике для А. вида подметил также В. П. Любимов⁸³. Поэтому будет вполне обоснованным говорить об одновременном редактировании *ПП* и статей сборника *П*. вида, вошедших в протограф сборника А. вида, т. е. о переработке сборника *П*. извода в целом.

Косвенные сведения о времени такой переработки можно получить при сопоставлении А. вида *ПП* с Карамзинской группой. Списки Русской Правды Карамзинской группы также содержатся в юридических подборках, являющихся составной частью Софийской I летописи (далее — *СИЛ*) или выписками из нее⁸⁴, за исключением самого старшего, Троицкого IV сборника первой половины XV в. Для всех них характерен особый, Карамзинский извод *ПП*, соединенной с Уставом Ярослава о мостех, и сводная редакция Закона Судного людем. Троицкий IV сборник, выделенный в самостоятельный вид, помимо этой общей части включает пять статей Василия Великого. Скопирован он весьма точно с перелутанных тетрадей оригинала⁸⁵.

Юридические подборки *СИЛ*, помещенные непосредственно в летописном тексте под 6527 г., делятся на два вида соответственно двум редакциям *СИЛ*. Содержание сборника старшей редакции ограничивается *ПП*, включающей Устав Ярослава о мостех, и Законом Судным людем. Юридическая подборка младшей редакции *СИЛ* по составу шире за счет включения церковных уставов Владимира (Бальзеровский вид Крестининского извода Синодальной редакции) и Ярослава (Бальзеровский извод краткой редакции), «Правила святых отец 100 и 60 и 5», Правила о церковных людях, подтвердительной грамоты великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана 1402 г. Наиболее заметная общая черта сборников обеих редакций *СИЛ* — приписка так называемых статей о прибытке к статье *ПП* «О месячном рѣзу»⁸⁶. Вид *ПП* из

⁸¹ Закон Судный людем пространной и сводной редакции. — С. 11—12.

⁸² Тихомиров М. Н. Исследование... — С. 150.

⁸³ Любимов В. П. Списки Правды Русской. — С. 37.

⁸⁴ Там же. — С. 36; Тихомиров М. Н. Исследование... — С. 167.

⁸⁵ *ПР*. — Т. 1. — С. 323—326; Тихомиров М. Н. Исследование... — С. 169.

⁸⁶ *ПСРЛ*. — Т. 6. — Спб., 1853. — С. 57—86; Древнерусские княжеские уставы... — С. 24—41, 107, 120—125; *ПР*. — Т. 1. — С. 39, 53; Тихомиров М. Н. Исследование... — С. 167—168, 178; Щапов Я. Н. К характеристике некоторых летописных трудов XV в. // Летописи и хроники. 1973. — М., 1974. — С. 175—176.

сборников старшей редакции получил наименование Карамзинско-Оболенского, из сборников младшей — Музейского⁸⁷.

В качестве начального этапа истории Карамзинских списков ПП исследователи рассматривали самый ранний — Троицкий IV. Чтения ПП в нем, писал В. П. Любимов, доносят «все то, что мы встречаем в Синодально-Троицкой и Пушкинской группах, только в соединении друг с другом и в согласованной форме... в Правде же Софийской летописи мы видим во многих местах замену старого текста новым, с новой терминологией»⁸⁸. Эта текстологическая черта Троицкого IV списка ПП отмечалась и М. Н. Тихомировым, который его основу видел в сходном с А. видом ПП протографе Пушкинской группы, дополненном «по текстам, близким к Мясниковскому и Синодальному того же новгородского происхождения»⁸⁹. Как можно было убедиться, протограф Пушкинской группы ПП относился к П. виду, поэтому факт сходства Троицкого IV списка с А. видом, зафиксированный М. Н. Тихомировым, говорит об использовании его создателями текста именно А. вида. Перечень приведенных М. Н. Тихомировым вариантов Троицкого IV списка, свойственных именно А. виду, но не II (т. е. никак не общему протографу), можно продолжить: «оже за мало днии» (ст. 51), «протнет(ь)» и «перетынит(ь)» (ст. 72), «переимет(ь) чюж(ь) холопъ или робоу» (ст. 113); «кун лишеноу емоу быти» (ст. 116).

Наиболее выразительны процитированные М. Н. Тихомировым чтения Троицкого IV списка, сочетающие специфичный для А. вида ПП текст с чтениями Синодально-Троицкой группы⁹⁰, поэтому повторим их:

<i>Троицкий IV список</i>	<i>А. вид</i>	<i>Троицкий I список</i>
...то оже боудет(ь) послу- ухов 7, то же выведет(ь) ви- роу, то ти имоут(ь) вѣроу (ст. 18)	...то оже боудеть 7 свѣдѣтели, то ти имуть вѣроу	...то же будеть послуховъ 7, то ти выведуть виру
Аще кто посѣчет(ь) верю или вервь перетнет(ь) в пе- ревѣсе... (ст. 80)	Аще кто посѣчетъ ве- рею въ перевѣсѣ...	Аже кто подотнетъ вервь в перевесѣ...

При таком сопоставлении обращает на себя внимание насыщенность текста ПП А. вида яркими приметами второго южно-славянского влияния, почти совершенно отсутствующими в Троицком IV списке — употреблением «а» в окончаниях на месте «я», неполногласными образованиями и др.: «тожде» вместо «то же»; Троицкого IV списка (ст. 9); «трѣпя» вместо «терпя» (ст. 26); «нѣсть» вместо «нѣт», «нѣтоу» (статьи 39, 49, 114, 115); «прежд(е)» вместо «переже» (ст. 83); «оумираа» вместо «оумирая»

⁸⁷ ПР.— Т. 1.— С. 35.

⁸⁸ Там же.— С. 53.

⁸⁹ Тихомиров М. Н. Исследование... — С. 176.

⁹⁰ Там же.— С. 175—176.

(ст. 92); «знаа или вѣдаа» вместо «зная или и вѣдая» (ст. 112)⁹¹.

Характерные для А. вида чтения статей 49, 72, 114 находим в полногласном варианте в Троицком IV списке и в неполногласном — в списках III А. вида:

<i>А. вид</i>	<i>Троицкий IV список</i>	<i>II список</i>	<i>Троицкий I список</i>
бологодѣялѣ и хранилѣ (конец ст. 49)	бологодѣялѣ и хранилѣ	бологодѣялѣ ему, хоронилѣ	въ бологодѣлѣ и хоронилѣ товарѣ того
дворнюю межю претынить (ЕУ«претынить») (ст. 72)	дворнюю межю тыном(ь) перетынит(ь)	дворнюю тыномъ перегородить межю	дворнюю тыномъ перегородить межю
в чьемъ любо храмѣ (ст. 114)	в чьем(ь) любо городѣ или въ хормѣ	въ чьемъ любо городѣ	въ чьемъ любо городѣ

Полногласным «претынить» ст. 72 списка ЕУ А. вида можно пренебречь как произвольным изменением писца (остальные четыре списка согласно показывают «претынить»). Полногласные чтения Троицкого IV списка передают в целом протограф Карамзинской группы, так как с незначительными вариациями повторяются в Карамзинско-Оболенском и Музейском видах. Для конца XIV в.⁹² или первой половины XV в., если датировать обработку по старейшему списку Карамзинской группы, маловероятно исключение редактором архетипного текста группы следов второго южно-славянского влияния. Кроме того, встречающиеся в Троицком IV списке неполногласные варианты (за исключением «млеко» ст. 45) воспроизводят соответствующие чтения списков III с традиционной древнерусской орфографией из Пушкинского сборника, Троицкого Мерила Праведного, кормчих книг старших изводов русской редакции — явление, практически невозможное при предполагаемом редактировании.

Правомерно заключить, что в основе первичного текста III Карамзинских списков лежал список А. вида с орфографией, традиционной для XIII—XIV вв., тогда как дошедшие до нас списки этого вида, восходящие к сборнику Новгородской I летописи младшего извода (далее — НИЛ), несут на себе приметы второго южно-славянского влияния. Обозначим архаичный текст А. вида, использованный при создании протографа Карамзинской группы III, буквами А (К).

Поскольку издателями Закона Судного людем сводной редакции из Карамзинских сборников и Троицкого IV было установлено, что «в основу Закона Судного людем сводной редакции был положен какой-то список типа А. извода»⁹³, то речь должна идти

⁹¹ Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография.— 2-е изд.— М., 1982.— С. 20—21; Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика...— С. 37—38. Слова «орудиа» и «млеко» Троицкого IV списка, отражающие новые веяния русской книжности XV в., внесены, судя по другим спискам Карамзинской группы, редактором ее протографа.

⁹² Тихомиров М. Н. Исследование...— С. 177.

⁹³ Закон Судный людем пространной и сводной редакции.— С. 25—26.

об обработке не одной ПП, а всего архаичного сборника А. извода, содержавшего ее, который для краткости также будем обозначать А(К). Соотнося состав Карамзинских и А. сборников, отмечаем в Троицком IV наличие предисловия к ПП А. сборников (Слова о судьях и клеветах), отсутствующего в юридических подборках СИЛ. Следовательно, в Троицком IV сборнике мы имеем дело с обработкой всего того комплекса документов А. сборников, которому предпослан заголовок «Оуставъ великого князя Ярослава».

Определив самостоятельность Закона Судного людем, лишенного в А. сборниках заглавия и начала, редактор протографа Троицкого IV сборника выписал из Мерила его заглавие «Соуд святаго царя Константина, Закон Судный людем»⁹⁴, а текст выверил по дополнительным источникам, прежде всего по краткой редакции Закона Судного древнейших кормчих⁹⁵. Принадлежность Закона Судного не Ярославу, а греческому царю заставила книжника вынести его перед заглавием «Оуставъ великого князя Ярослава». Точно так же им было установлено, что предисловие к Русской Правде является частью Слова Василия Великого о судьях и клеветах, однако убирать предисловие редактор не стал, а просто приписал недостающую часть Слова перед заглавием «Оуставъ великого князя Ярослава»⁹⁶. Предваряющие Троицкий IV сборник четыре статьи Василия Великого попали в его протограф, по-видимому, вместе со Словом о судьях и клеветах. Без какой-либо замены исключен редактором крупный заголовок «Оустав Володимеръ Всеволодича» ПП А. вида. Устав Ярослава о мостех, завершающий «Устав великого князя Ярослава», как мы будем для краткости называть эту подборку А. сборников, остался и здесь последней статьей, но уже примыкающей к ПП из-за переноса Закона Судного людем вперед и озаглавленной «О городских мостехъ; осменики поплата».

Итак, Троицкий IV сборник представляет собой своеобразное исследование древнерусским книжником «Устава великого князя Ярослава» сборников А. вида и попытку воссоздать аутентичный, по представлению книжника, «Устав». Интерес к данному комплексу А. сборников не будет выглядеть беспочвенным, если вспомнить летописный рассказ СИЛ о пожаловании Ярославом Новгороду устава, предшествующий юридической подборке: «И дав имъ правду и уставъ, списав грамоту, рече: „По сему ходите и держите, якоже списахъ вамъ“»⁹⁷.

Исследователями русского летописания убедительно обоснован тезис о переработке составителями СИЛ и Новгородской IV летописи (далее — НIVЛ) общего протографа, так называемого Новго-

⁹⁴ Тихомиров М. Н. Исследование... — С. 171.

⁹⁵ Закон Судный людем пространной и сводной редакции. — С. 25—26.

⁹⁶ Тихомиров М. Н. Исследование... — С. 169—170.

⁹⁷ ПСРЛ. — Спб, 1851. — Т. 5. — С. 134.

родско-Софийского свода 1448 г. или 1430-х гг.⁹⁸. Изучая взаимосвязь обеих летописей со своим протографом, Я. С. Лурье показал существенную трансформацию его в НІVЛ, тогда как «СІЛ представляет, по-видимому, не что иное, как сокращенный и не очень значительно отредактированный текст того памятника, который А. А. Шахматов назвал сводом 1448 г.»⁹⁹

Текст о пожаловании Ярославом устава Новгороду имеется в НІVЛ, следовательно, он читался и в общем протографе СІЛ и НІVЛ; вслед за ним должна была помещаться подборка юридических документов¹⁰⁰, сохранившаяся в СІЛ из-за незначительности редакторского вмешательства и начинающаяся заголовком «Оуставъ великого князя Ярослава Володимерича о соудѣхъ». Судя по юридическому сборнику СІЛ, составителей свода 1448 г. не удовлетворила реконструкция «Устава великого князя Ярослава», предложенная создателем протографа Троицкого IV сборника. Содержание «Устава» в целом было приближено к сборнику А. вида, несмотря на исключение Слова о судьях и клеветах, причем Закон Судный людем был вновь поставлен после ПП. На этом этапе редактирования в текст ПП был влит комплекс статей о прибытке.

Таким образом, на подготовительном этапе создатели свода 1448 г. воспользовались «Уставом великого князя Ярослава» архаичного протосборника А. извода. Из этого же протосборника «Устав великого князя Ярослава» без каких-либо существенных изменений перешел в НІЛ. Независимо друг от друга составители свода 1448 г. и НІЛ могли заимствовать сборник А(К) только из общего протографа этих летописей, названного А. А. Шахматовым Софийским Временником 1421 г. и осторожно обозначаемого ныне как протограф СІЛ — НІVЛ — НІЛ¹⁰¹.

Набор статей сборника А(К) помимо «Устава великого князя Ярослава», естественно, должен был отразиться в сборниках НІЛ и свода 1448 г. О сборнике данного свода позволяет судить СІЛ, но, как упоминалось выше, объем юридических подборок старшей и младшей редакций СІЛ различен. Статьи церковного происхождения сборников младшей редакции, соответствующие аналогичным статьям А. сборников, заимствованы, как определил Я. Н. Щапов, не из последних, а из особых сборников Фроловско-

⁹⁸ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XV вв.— М.; Л., 1938.— С. 153—156; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв.— Л., 1940.— С. 143—150; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение.— М.; Л., 1947.— С. 312, 446—450.

⁹⁹ Лурье Я. С. Общерусские летописные своды XIV—XV вв.— Л., 1976.— С. 87.

¹⁰⁰ Там же.— С. 83; Тихомиров М. Н. Исследование...— С. 172, 181.

¹⁰¹ Шахматов А. А. Обзорение...— С. 155—156; Лурье Я. С. Общерусские летописные своды.— С. 93—94; Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники. 1980.— М., 1981.— С. 162—163; 181; Хорошев А. С. Летописные списки новгородских владык // Новгородский исторический сборник.— Л., 1984.— Вып. 2(12).— С. 137.

го извода, генетически восходящих к кормчей Чудовской редакции¹⁰². Если предположить, что по составу подборка свода 1448 г. совпадала со сборником старшей редакции СЛ, тогда пополнение его в младшей редакции церковными статьями требовало повторного обращения для сверки либо к сборнику А(К), если в нем помещались данные документы, либо к сборнику НЛ. Хорошо известна промосковская направленность младшей редакции СЛ, и какие-либо текстологические свидетельства обращения ее составителей к новгородским летописям не известны¹⁰³. Нет признаков дополнительного сличения со сборниками А. вида ни в тексте ПП Музейского вида, ни в тексте Закона Судного людем¹⁰⁴, что говорит против гипотезы о позднейшей доработке юридического сборника младшей редакции СЛ.

Очевидно, состав его унаследован от протографа СЛ, а значит, и от свода 1448 г. Скорее, составители старшей редакции, стремясь увязать содержание сборника с летописным рассказом об уставе и грамоте Ярослава, не стали вписывать церковные уставы и примыкающие к ним общецерковные статьи, как не предназначенные собственно Новгороду. Поскольку в своде 1448 г., как и в юридической подборке НЛ, имелись помимо «Устава великого князя Ярослава» церковные уставы князей Владимира и Ярослава, Правило о церковных людях и Правило 165-ти святых отец, то нельзя сомневаться в наличии их и в протосборнике А. извода. Правомерно также предполагать в нем, в силу его новгородского происхождения, присутствие собственно новгородских документов сборника НЛ: Устава князя Всеволода о церковных судах и Рукописания князя Всеволода, исключенных московскими редакторами свода 1448 г.¹⁰⁵

На вопрос, являлись ли создатели новгородского протографа СЛ — НЛ — НЛ одновременно и творцами юридического сборника А(К), видимо, следует ответить утвердительно. Если «Устав великого князя Ярослава» протосборника А. извода, как можно было убедиться, появился в результате редактирования юридической подборки П. вида, то церковные статьи имели источником сборник Архангельского типа. Установивший данный факт Я. Н. Шапов склонен отнести редактирование Архангельского сборника ко времени новгородского владыки Евфимия II

¹⁰² Шапов Я. П. К характеристике...—С. 177—178; Он же. Княжеские уставы и церковь.— М., 1972.—С. 202—203.

¹⁰³ Шахматов А. А. Обзорение...—С. 217—219; Приселков М. Д. История русского летописания...—С. 154; Лихачев Д. С. Русские летописи...—С. 452—453.

¹⁰⁴ ПР.—Т. 1.—С. 53—54; Закон Судный людем пространной и сводной редакции.—С. 22—27.

¹⁰⁵ Приселков М. Д. История русского летописания...—С. 149—150; Лурье Я. С. Общерусские летописные своды...—С. 104—107; Троицкий IV сборник, почти механически точно передающий оригинал, свободен от новгородских диалектизмов, что свидетельствует о проведении подготовительной работы сводчиками 1448 г. вне Новгородской земли.

(1429—1456), однако указанная им верхняя временная граница (начало — первая четверть XV в.)¹⁰⁶ вполне соответствует периоду формирования новгородского протографа СІЛ — НІВЛ — НІЛ (Софийского Временника 1421 г.)¹⁰⁷.

Таким образом, протосборник А. вида возник путем переработки сборников П. и Архангельского изводов, причем приемы редактирования церковных статей чрезвычайно схожи с отмеченными выше для ПП и характерными для Закона Судного людем А. извода¹⁰⁸. Синодальный извод памятников, возможно, из Синодальной кормчей, служил образцом для поправок Русской Правды П. сборника и церковного устава Владимира Архангельского сборника¹⁰⁹. Все это позволяет говорить об одновременном редактировании обоих сборников в процессе создания сборника А(К).

Кроме того, генеалогические и административные перечни, помещенные в НІЛ перед летописным текстом и датированные в подавляющем большинстве 1421—1424 гг., перешли в нее, по-видимому, из протографа СІЛ — НІВЛ — НІЛ (Софийского Временника 1421 г.)¹¹⁰. С ним связывают формирование списков новгородских посадников и владык В. Л. Янин и А. С. Хорошев¹¹¹, причем работа книжников над посадничьими списками, в ходе которой привлекался ряд источников, а при отсутствии нужных сведений домысливались отчества и родственные связи посадников¹¹², сопоставима в какой-то мере с редактированием юридических статей.

Нам представляется, что составители новгородской летописи, послужившей протографом СІЛ — НІВЛ — НІЛ, коренным образом пересмотрели содержание юридического сборника Пушкинского типа, прежде всего Русскую Правду, и, соединив с отредактированным сборником Архангельского извода и дополнительными новгородскими документами, создали первоначальный сборник А. вида А(К). При включении в НІЛ сборник А(К) претерпел некоторые стилистические преобразования, радикально же был трансформирован создателями свода 1448 г., дав начало новому, Карамзинскому изводу юридических сборников, и соответственно Карамзинскому изводу ПП в нем. Графически зависимость исто-

¹⁰⁶ Шапов Я. Н. К характеристике...— С. 181.

¹⁰⁷ Шахматов А. А. Обзорение...— С. 155—160; Приселков М. Д. История русского летописания...— С. 143, 150—151; Лурье Я. С. Общерусские летописные своды...— С. 94.

¹⁰⁸ Шапов Я. Н. К характеристике...— С. 181; Он же. Княжеские уставы и церковь.— С. 220—221; Он же. Редакции устава князя Ярослава Владимировича // Проблемы источниковедения.— М., 1963.— Т. 11.— С. 499—501.

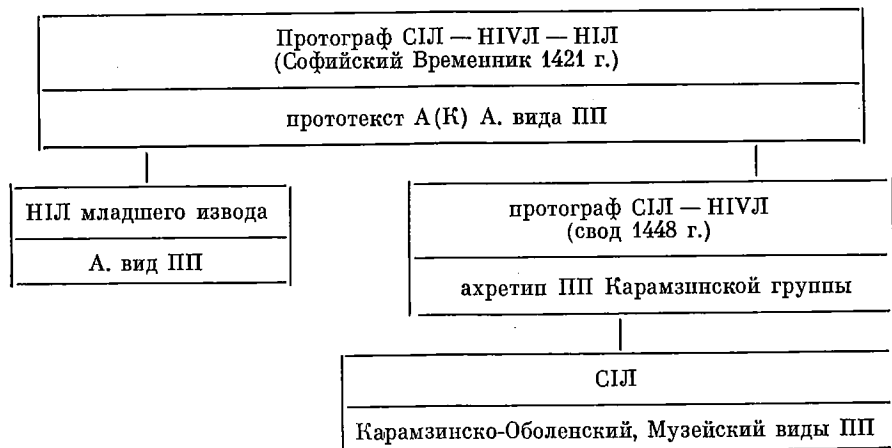
¹⁰⁹ Древнерусские княжеские уставы...— С. 16.

¹¹⁰ Зимин А. А. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия.— М., 1952.— С. 127; Янин В. Л. Новгородские посадники.— М., 1962.— С. 24—25.

¹¹¹ Янин В. Л. Новгородские посадники.— С. 38—43; Хорошев А. С. Летописные списки...— С. 137.

¹¹² Янин В. Л. Новгородские посадники.— С. 31—33.

рии Русской Правды А. вида от этапов летописания можно изобразить в виде небольшой стеммы:

Следует согласиться с Я. Н. Щаповым, отрицающим значение сборника А. извода как практического юридического руководства: «...сборник Археографического типа, находящийся рядом с летописным текстом и генеалогическими и персонально-административными списками, трудно рассматривать в качестве такого руководства. ...Сборник приобрел уже другой, политический смысл, как одна из составных частей литературного идеологического предприятия, направленного на обоснование древних прав Новгорода на самостоятельное существование и независимость от московского великокняжеского суда»¹¹³. Относительно юридической компетенции ПП А. вида можно заметить, что при том слабом понимании ее содержания редактором протосборника А. извода, которое явствует из ряда неудачных конъектур, нет оснований говорить о ее модификации с намерением приблизить к системе права Новгородской феодальной республики начала XV в., особенно если принять во внимание систематическое сличение и исправление текста П. вида по спискам ПП Мерила Праведного и кормчих.

¹¹³ Щапов Я. Н. К характеристике...— С. 182.

Т. В. БУЛАНИНА

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ «РИТОРИКИ»

Настоящая работа представляет собой развернутое обоснование гипотезы, которая, как нам кажется, помогает лучше понять обстоятельства возникновения первой славянской «Риторике», бывшей в Московском государстве до конца XVII в. единственным руководством по теории красноречия на национальном языке. Создание «Риторике» обычно приписывается новгородскому митрополиту Макарию и датируется первой четвертью XVII в., однако, как будет ясно из дальнейшего изложения, она атрибутирована Макарию необоснованно (мы предлагаем называть теперь учебник «Риторикой» псевдо-Макария) и появилась на несколько десятилетий раньше в одном из культурных центров Западной Руси¹. К сожалению, прямых указаний на существование текста «Риторике» до 1620 г. обнаружить не удалось, поэтому предлагаемую здесь датировку и локализацию его приходится квалифицировать как гипотезу. Чтобы показать правомерность этой гипотезы, необходимо, как представляется, во-первых, доказать ошибочность бытующих в историографии атрибуций учебника и, во-вторых, найти культурную среду, в которой мог быть осуществлен перевод памятника.

«Риторика» давно стала достоянием русской филологической науки. Уже первые ученые, высказавшие свои соображения о ней — А. Х. Востоков и А. Г. Филонов, были уверены, что перед ними переводный учебник, причем указывали на следы польского оригинала². До сих пор преобладает мнение о переводе памятника с польского языка, хотя оригинал славянского текста до последнего времени не был известен. Особой точки зрения придерживались А. И. Соболевский, считавший «Риторику» переводом с латинского³, и Д. С. Бабкин, доказывавший, что первый славянский учеб-

¹ Ранее мы разделяли традиционную точку зрения о великоросском происхождении учебника: Аннушкин В. И., Буланина Т. В. Макарий. // ТОДРЛ.— Л., 1985.— Т. 40.— С. 127 (раздел «Исследовательские материалы для „Словаря книжников и книжности Древней Руси“»).

² Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея.— СПб, 1842.— С. 238—239; Филонов А. Русские учебники по теории прозаических сочинений. Статья первая // ЖМНП.— 1856.— Апр.— С. 10.

³ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы // Сб. ОРЯС.— СПб, 1903.— Т. 74, № 1.— С. 119.

ник по теории красноречия — оригинальное русское сочинение⁴. Что касается атрибуции «Риторики», то о ее переводчице или авторе строились различные предположения.

П. М. Строев, опубликовав в своем «Библиологическом словаре» завершающую один из списков памятника (ГИМ, Синодальное собр., № 918, л. 139 об.) приписку, которая сообщает имя писца (Феодор) и год переписки (1631 г.), задает вопрос: «Этот Феодор есть ли сочинитель сей Риторики или только писец?»⁵. Наши знания о «Риторике» псевдо-Макария дают возможность разрешить сомнения ученого археографа. Сейчас известны списки «Риторики», изготовленные за 10 лет до Феодора. Немного больше мы знаем и о самом писце. Дело в том, что помимо рукописи Синодального собрания обнаружено еще две (ГПБ, Q.XV.80, л. 68; собр. Титова, № 3512, л. 66 об.—67) с идентичной припиской. В рукописи ГПБ, Q.XV.80 кроме имени названо отчество (фамилия?) писца: «Феодор Афонасьев»⁶; в двух других списках оно заменено формулой «имя рек». Ни один из трех списков не может быть признан автографом Феодора, так как все они сделаны позднее 1631 г., который, следовательно, определяет время создания их общего протографа⁷. Этот протограф содержал уже позднейшую пополненную редакцию «Риторики» псевдо-Макария («2-ю пространную редакцию», по терминологии В. И. Аннушкина)⁸. Таким образом, приписывать Феодору первоначальный вариант учебника нет никаких оснований⁹.

Д. С. Бабкин предлагает считать автором «Риторики» возведенного в 1619 г. в митрополиты новгородские и великолукские вологодского и великопермского архиепископа Макария. Каковы же аргументы исследователя в пользу такой атрибуции? Базовым пунктом всего построения Д. С. Бабкину послужила запись в одном из ранних списков памятника: «Написася в лето 7131-го февраля в 8 день с книги пресвященнаго митрополита Макария богоспасаемых градов Великаго Новаграда и Великих Лук» (ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 874, л. 45 об.). В своих рассуждениях исследователь исходит из того, что три ранних известных ему спис-

⁴ Бабкин Д. С. Русская риторика начала XVII в. // ТОДРЛ.— М.; Л., 1951.— Т. 8.— С. 341—343.

⁵ Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы.— Спб., 1882.— С. 301.

⁶ Приписка по этой рукописи опубликована в кн.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1885 год.— Спб., 1888.— С. 67.

⁷ Аннушкин В. И. Редакция «Риторики» начала XVII в. // Древнерусская литература. Источниковедение.— Л., 1984.— С. 236.

⁸ Аннушкин В. И. О словесных разночтениях в ранних списках «Риторики» начала XVII века (замечания к истории текста памятника) // Роль слова в стихе и прозе (Материалы конференции).— М., 1983.— С. 8—9.

⁹ Д. С. Бабкин (Русская риторика...— С. 339) высказал предположение о том, что Феодор является автором двух предисловий (первое: «Ознаменованіе или приказнь риторики»; второе: «Предисловіе», нач.: «Аз есмь риторика доброголаголиваго и яснорительнаго разумения...»), предпосланных учебнику во всех списках с его именем. Как указал А. И. Соболевский (Переводная литература...— С. 119), второе предисловие написано «стихами с рифмами, различной величины».

ка «Риторика» (ГИМ, Синодальное собр., № 933 — 1620 г.; собр. Щукина, № 941 — 1622 г.; ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 874 — 1623 г.) изготовлены в Новгороде. «Появление их в Новгороде, — отмечает он, — хронологически совпадает с приходом сюда Макария в качестве митрополита». Сопоставив далее эти три списка, ученый пришел к выводу: «...все они по содержанию совпадают, за исключением незначительных буквенных опечаток и пропущенных ими некоторых слов в тексте... Поскольку в третьем списке подлинником названа книга Макария, значит она же являлась подлинником и для первых двух списков»¹⁰. Первый славянский учебник по теории красноречия, как полагает Д. С. Бабкин, Макарий создал, находясь еще в Вологодской епархии. В качестве доказательства он ссылается на упоминаемый в «Библиологическом словаре» П. М. Строева Устав о соборной службе, составленный вологодским и великопермским епископом Макарием¹¹. В сборнике Антониево-Сийского монастыря, которым пользовался автор словаря, содержался также «Перевод Кириллова (Белозерского) монастыря головщика старца Ефрема, как он сам сзывает чел и людие учил», и это свидетельство старца Ефрема доказывает, по мнению Д. С. Бабкина, что «Макарий занимался в Вологде преподаванием риторики»¹².

Предложенная Д. С. Бабкиным атрибуция дала название первому пособию по риторике и до последнего времени не подвергалась сомнению ни одним из исследователей, в том или ином контексте упоминавших памятник¹³. Лишь Б. А. Успенский и Р. Лахман, подготовившая фототипическое издание «Риторика», осторожно именуют учебник «так называемая Риторика Макария», «Риторика, приписанная Макарию»¹⁴. К сожалению, аргументация Д. С. Бабкина в пользу Макария как автора «Риторика» при про-

¹⁰ Бабкин Д. С. Русская риторика... — С. 345.

¹¹ Строев П. М. Библиологический словарь... — С. 198.

¹² Бабкин Д. С. Русская риторика... — С. 345.

¹³ История русской литературы. В 3 т. — М.; Л., 1958. — Т. 1. — С. 260; Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. — М., 1962. — С. 162; Вомперский В. П. Русские риторика XVII века // Рус. речь. — 1969. — № 2. — С. 17; Он же. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. — М., 1970. — С. 21—22; Он же. Риторика XVII — начала XVIII в. и их роль в описании процессов развития русского литературного языка и русской литературы // Науч. докл. высшей школы. — 1978. — № 5. — С. 40. — (Сер. филол. науки); Судakov Г. В. Грамотность и книжная культура вологжан в XVII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. — Вологда, 1973. — С. 221. — (Северный археографический сборник, вып. 3); Возникновение русской науки о литературе. — М., 1975. — С. 29; Николаев П. А., Курилов А. С., Гришунин А. Л. История русского литературоведения. — М., 1980. — С. 14—15; Курилов А. С. Литературоведение в России XVIII века. — М., 1981. — С. 48; Понырко Н. В. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. — Л., 1981. — Т. 36. — С. 157; Kraus J. Rétorika v dějinách jazykové komunikace. — Praha, 1981. — S. 124; Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики. — Минск, 1984. — С. 8.

¹⁴ Die Makarj-Rhetorik. "Knigi suť ritoriki dvoji po tonku v voprosech spisany..." / Von R. Lachmann. — Köln; Wien, 1980. — S. IX. — (Rhetorica slavica, Bd 1).

верке оказывается малоосновательной. Прежде всего ученый перепутал двух Макариев, один из которых занимал вологодскую кафедру во второй половине XVI в., а другой — в 1617—1619 гг.; именно последний Макарий был поставлен в митрополиты новгородские¹⁵. Поэтому аргументы в пользу авторства каждого из Макариев нужно рассмотреть порознь.

О первом Макарии известно немного. Не поддаются точному определению даже годы его управления вологодской епархией. Согласно известному справочнику П. М. Строева, он был епископом вологодским и великопермским в 1571—1575 гг.¹⁶, заняв кафедру после епископа Иоасафа, умершего в 1570 г. Но в Вычегодско-Вымской летописи приводятся иные сведения, заметно удлиняющие срок владычества Макария: смерть Иоасафа и поставление его преемника датируется в этой летописи 7073 (1565) г., о кончине Макария сообщается под 7085 (1577) г.¹⁷ Хронология Вычегодско-Вымской летописи находит подтверждение в Житии митрополита Филиппа. Здесь вологодский епископ упоминается в числе владык, участвовавших в знаменитом соборе, на котором митрополит выступил против опричнины¹⁸. Этот собор А. А. Зимин датирует 1568 г.¹⁹ Выходит, что именно при Макарии, в 1568—1570 гг., был воздвигнут в Вологде Софийский собор²⁰. В числе других иерархов вологодский епископ присутствовал на соборе 1572 г., разрешившем царю, вопреки каноническим правилам, вступить в четвертый брак²¹. Именно этот Макарий в «Библиологическом словаре» П. М. Строева и в «Обзоре» Филарета Гумилевского²² признается составителем Устава о соборной службе. Поскольку «воспоминания его современника головщика Кирилло-Белозерского монастыря старца Ефрема»²³, в которых, по Д. С. Бабкину, рассказывается о педагогической деятельности Макария, входят в тот же сборник Антониево-Сийского монастыря, что и Устав, на этой рукописи придется остановиться подробнее.

Как Д. С. Бабкин, так и другие исследователи первой русской «Риторики» сведения о сборнике Антониева монастыря черпали лишь из справочника П. М. Строева. Между тем нам удалось про-

¹⁵ Ошибочное отождествление Д. С. Бабкиным разных Макариев впервые отмечено в нашей рецензии на книгу Р. Лахман: Буланина Т. В. Издание первой русской риторики // Рус. лит.—1981.— № 4.— С. 236.

¹⁶ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви.— СПб, 1877.— Стб. 730. Первая дата исправлена на 1570 г. в кн.: Алфавитный указатель имен русских деятелей.— СПб, 1888.— Ч. 2.— С. 3.— (Сб. имп. Рус. ист. о-ва, т. 62).

¹⁷ Документы по истории коми. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихьевская) летопись // Историко-филологический сборник.— Сыктывкар, 1958.— Вып. 4.— С. 266.

¹⁸ ИРЛИ, собр. ИМЛИ, № 6, л. 610б.

¹⁹ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного.— М., 1964.— С. 248—253.

²⁰ История русского искусства.— М., 1955.— Т. 3.— С. 463—464.

²¹ ААЭ.— СПб, 1836.— Т. 1.— № 284.— С. 329—332.

²² Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы.— 3-е изд.— СПб, 1884.— С. 162.

²³ Бабкин Д. С. Русская риторика...—С. 345.

следить дальнейшую судьбу этой рукописи: в составе Архангельского собрания она попала в Библиотеку Академии наук СССР, где и хранится сейчас под шифром Архангельское собр., Д. 219. Знакомство со сборником показывает несостоятельность рассуждений Д. С. Бабкина. Рукопись Антониева монастыря безусловно заслуживает постатейного описания²⁴; здесь мы ограничимся лишь сведениями, необходимыми для опровержения аргументации Д. С. Бабкина.

Рукопись БАН, Архангельское собр., Д. 219, в восьмерку, на 342 + IV + 15 (без фолиации) листов, включает в основном статьи канонического и литургического содержания и представляет собой сборник-конволют, состоящий из разновременных фрагментов (от конца XVI и до середины XVII в.). Разнообразие почерков, полууставных и скорописных, самостоятельные сигнатуры у отдельных фрагментов рукописи, бумага разных сортов (к сожалению, из-за малого формата рукописи большинство филиграней не поддается отождествлению) — все указывает на разновременность составляющих сборник частей-аллигатов. Наконец, внутри сборника встречаются сильно загрязненные свободные листы, которые некогда начинали или завершали самостоятельные части рукописи. По нашим наблюдениям, сборник объединяет не менее 10 аллигатов:

1) л. 1—64 (извлечение из «Стоглава»)²⁵. На л. 1 запись: «Сия книга игумена Павла»²⁶. Один почерк — скоропись; на л. 41 сохранилась сигнатура, отмечающая начало шестой тетради; филиграни: а) кувшинчик одноручный типа Гераклитов, № 404 — 1594 г., б) сфера. После л. 64 следует лист без фолиации, загрязненный с обеих сторон;

2) л. 65—104 («Предание старьческо новоначальным, како подобает жити у старца в послушании»). Один почерк — полуустав; филиграни не просматриваются;

3) л. 105—136 (мелкие статьи уставного и назидательного характера). Один почерк — полуустав; на л. 113, 121, 129 сохранились сигнатуры, отмечающие начало второй — четвертой тетрадей; филиграни не просматриваются;

4) л. 137—175 (мелкие статьи, преимущественно уставного характера, в том числе «Перевод Кирилова монастыря головщика старца Ефрема, как он сам статью чел и людие учил»). Один почерк — полуустав, тождественный почерку л. 105—136 об.; на л. 137,

---

²⁴ Краткую ее характеристику можно найти в кн.: Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. — СПб, 1890. — С. 103; Белова Л. Б., Кукушкина М. В. К истории изучения и реконструкции рукописного собрания Антониево-Сийской библиотеки // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. — Л., 1978. — С. 179.

²⁵ Ср. извлечение, описанное в кн.: Стефанович Д. О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. — СПб, 1909. — С. 107—118.

²⁶ По-видимому, этот Павел — игумен Кожеозерского Богоявленского монастыря в 1662—1682 гг. (Строев П. М. Списки иерархов... — Стб. 1001). См.: Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. — Л., 1977. — С. 43—44.

145, 154 (так!), 160, 168 сохранились сигнатуры, отмечающие начало первой — пятой тетрадей; филигрань: столбы. После л. 175 следуют два листа без фолиации, из которых первый загрязнен с лицевой стороны, а на втором запись: «Толкование о святей и велицей апостольстей соборней церкви»;

5) л. 176—229 («Толкование апостольстей соборней церкви»). Один почерк — полуустав; на л. 198, 222 сохранились сигнатуры, отмечающие начало четвертой, седьмой тетрадей, на л. 181об., 197об., 213об. — сигнатуры, отмечающие конец первой, третьей, пятой тетрадей; филигрань: кувшинчик одноручный — подобный знак в справочниках не обнаружен;

6) л. 230—244 («Выписано из обиходника живоначальные Троицы Антониева монастыря Сийскаго церковная предания и монастырскаго благочиния»), два листа без фолиации, л. 245—264 («Преосвященнаго епископа вологодскаго и великопермьскаго владыки Макария и всего честного его собора начало соборней службе»). Два почерка — полуустав (л. 230—244 и 245—264об.); на л. 237об. сохранилась синатура, отмечающая конец первой тетради; филигрань: кувшинчик. После л. 264 следуют три листа без фолиации, из которых оборот третьего загрязнен;

7) л. 265—303 («Иже во святых отца нашего Григория Богослова, патриарха Коньстянтинаграда, сказание о святей божественей литоргии» и другие мелкие статьи). Один почерк — полуустав; на л. 265, 273, 281, 291 сохранились сигнатуры, отмечающие начало первой — четвертой тетрадей; филигрань: кувшинчики двуручные типа Гераклитов, № 917—1633 г., Дианова, Кстюхина, № 799 — 1646—1654 гг. После л. 303 следуют три листа без фолиации, из которых второй загрязнен с лицевой стороны;

8) л. 304—315 («Чин о повагии» и другие мелкие статьи). Один почерк — скоропись; филигрань: лилия на щите. После л. 315 следуют три листа без фолиации, из которых загрязнены оборот второго и лицевая сторона третьего;

9) л. 316—324 («Повесть преподобных отец наших скитцких, благослови отче»). Один почерк — полуустав; филигрань — кувшинчик двуручный. После л. 324 следует лист без фолиации, загрязненный с лицевой стороны;

10) л. 325—342 («Чин и устав на трапезе за приливок о здравии благочестивому и христоробивому царю и великому князю Михаилу Феодоровичю и всеа Русии самодержцу») ²⁷. Один почерк — скоропись; филигрань: гербовый щит.

Кодикологическое описание сборника Антониево-Сийского монастыря определенно показывает, вопреки высказанной нами раньше мысли ²⁸, независимость двух текстов — входящей в четвертый фрагмент статьи головщика Ефрема (л. 172об. — 175об.) и Устава

²⁷ В тексте (л. 327 об.) упоминаются родители первого государя из Романовых — патриарх Филарет (умер в 1633 г.) и инокиня Марфа (умерла в 1631 г.).

²⁸ Буланина Т. В. Издание... — С. 236, примеч. 17; Аннушкин В. И., Буланина Т. В. Макарий. — С. 126.

епископа Макария (Устав занимает вторую половину шестого фрагмента). Совершенно ясно, что Ефрем сообщает, «как он сам статью чел и людие учил», а не о педагогической деятельности вологодского епископа. Если «начало соборной службе», которое, как можно предположить, епископ Макарий составил для новопостроенного Софийского собора в Вологде, лишь добавляет небольшой штрих к нашим сведениям об этом иерархе, то «Перевод» Ефрема, думается, должен привлечь внимание специалистов. Здесь содержатся рекомендации о правильном произнесении отрывков («статей») из книг, которые предназначались для чтения в церкви²⁹; это действительно «любопытный документ для древнеславянской декламации», как его охарактеризовал издатель «Библиологического словаря» П. М. Строева А. Ф. Бычков³⁰. Вместе с тем знакомство со статьей головщика Кирилло-Белозерского монастыря позволяет утверждать, что его «Перевод» не имеет отношения ни к параграфу первой риторики «О гласомерном выговорении», как считал Д. С. Бабкин³¹, ни к преподаванию теории красноречия вообще.

Устав о соборной службе — единственное сохранившееся творение вологодского епископа Макария, которое само по себе ничего не говорит о литературных интересах иерарха. Акты с именем Макария — жалованная грамота Кирилло-Белозерскому монастырю от 24 марта 1574 г.³², а также благословенная грамота священнику Парфению Пантелеймонову от 14 сентября 1572 г., на которой имеется собственноручная подпись владыки³³, носят вполне деловой характер. Таким образом, атрибутировать Макарию XVI в. первый славянский учебник риторики было бы в высшей мере произвольной акцией. К тому же едва ли можно всерьез говорить о существовании «Риторики» на территории Московского государства в те годы, когда первый Макарий управлял вологодской епархией.

О втором Макарии, которого Д. С. Бабкин в сущности и предлагает считать автором «Риторики», мы знаем несколько больше. Он начал свою карьеру игуменом Тихвинского Успенского монастыря (1614—1617 гг.), затем был поставлен в архиепископы вологодские и великопермские (1617—1619 гг.), наконец в 1619 г. возведен в митрополиты новгородские и великолукские³⁴. Умер Макарий 12 сентября 1626 г. и «положен бысть у Софии в притворе»³⁵. Иерарх принимал активное участие в политической жизни

²⁹ Сочинению Ефрема предшествует в рукописи (л. 171—172) еще один отрывок подобного содержания («Зри, внимаи и разумей, размотри и памятуй, как в книгах что говорити»).

³⁰ Строев П. М. Библиологический словарь... — С. 198, примеч. 1.

³¹ Бабкин Д. С. Русская риторика... — С. 345.

³² ААЭ. — Т. 1. — № 287. — С. 333—334.

³³ Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. — СПб, 1838. — № 389, I. — С. 410—411. Автограф Макария сохранился также на духовной Василия Шкуля (Там же. — С. 458).

³⁴ Строев П. М. Списки иерархов... — Стб. 63, 731, 36. Было высказано предположение, что этот Макарий и Макарий, бывший в 1602—1608 гг. настоятелем Клопского Троицкого монастыря (Там же. — Стб. 69), — одно лицо. См.: Азбучный указатель... — Ч. 2. — С. 690.

³⁵ ПСРЛ. — СПб, 1841. — Т. 3. — С. 273.

страны: будучи игуменом Тихвинского монастыря, он проводил царских послов, ехавших для заключения Столбовского мира³⁶, в 1619 г. присутствовал на торжественной встрече возвращавшегося из польского плена митрополита Филарета³⁷ и участвовал в чине возведения царского родителя в патриархи³⁸.

Памятником административной деятельности Макария являются составленные в его канцелярии документы — приказ о взимании с Софийских крестьян недоплаченных ими денег и хлеба от марта 1617 г.³⁹ и многочисленные жалованные грамоты 1619—1626 гг.⁴⁰ В благословенной грамоте диакону Андронику от 8 апреля 1617 г. и ставленной грамоте диакону Онисифору от 25 января 1618 г. сохранились автографы Макария⁴¹. Наряду с этими чисто деловыми грамотами известны следующие послания новгородского митрополита, свидетельствующие о его эпистолярной культуре: отписка Белозерскому воеводе П. И. Чихачеву о присылке пороха и свинца в связи с ожидаемой осадой Тихвинского монастыря (1614 г.)⁴², грамота в Корелу к православному духовенству, оказавшемуся на шведской территории (август 1619 г.)⁴³, окружная грамота игумену Тихвинского монастыря Вассиану в связи с бракосочетанием царя Михаила Федоровича с Евдокией Стрешневой (5 февраля 1626 г.)⁴⁴. Правда, как и в случае с другими церковными и светскими властями, нельзя наверняка утверждать, что эти послания составлены им самим, а не секретарями от имени отправителя. Чтобы исчерпать информацию о текстах с именем Макария, укажем, наконец, его письмо князю Дмитрию Матрюковичу (июнь 1618 г.)⁴⁵. Что Макарию второму не чужды были литературные интересы, подтверждает написанное по его благословию Житие Артемия Веркольского (по наблюдениям Л. А. Дмитриева, вскоре после 1618 г.)⁴⁶. По-видимому, находясь в Вологде, Макарий пытался как-то контролировать летописание в своей епархии; во всяком случае обрыв повествования на 1619 г. в Вычегодско-Вымской летописи мотивирован тем, что «владыко Макарий вологодский великопермский писати не велел малым попам и причтовым людям ни

³⁶ Там же.— С. 304.

³⁷ ПСРЛ.— М., 1965.— Т. 14.— С. 148.

³⁸ ДАИ.— Спб., 1846.— Т. 2.— 4 76, II.— С. 209—221.

³⁹ Курдюмов М. Г. Описание актов, хранящихся в архиве имп. Археографической комиссии. Коллекция П. И. Савваитова // ЛЗАК за 1914 год.— Пг., 1915.— Вып. 27.— С. 9—10.

⁴⁰ Греков Б. Д. Описание актов, хранящихся в архиве имп. Археографической комиссии // ЛЗАК за 1915 год.— Пг., 1916.— Вып. 28.— С. 120—122, 124—128, 156, 158.

⁴¹ Акты юридические...— № 390, II.— С. 414—415; Курдюмов М. Г. Описание актов, хранящихся в архиве имп. Археографической комиссии // ЛЗАК за 1904 год.— Спб., 1907.— Вып. 17.— С. 386.

⁴² ДАИ.— Т. 2.— № 30, II.— С. 55—56.

⁴³ ААЭ.— Спб., 1836.— Т. 3.— № 108.— С. 147—149.

⁴⁴ Там же.— № 169.— С. 247—248.

⁴⁵ Грамотки XVII — начала XVIII века.— М., 1969.— № 458.— С. 283.

⁴⁶ Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв.— Л., 1973.— С. 250—251.

по что»⁴⁷. Всего этого, однако, недостаточно, чтобы считать новгородского митрополита автором учебника по теории красноречия.

Несостоятельны оказываются и другие аргументы Д. С. Бабкина в пользу Макария. Вопреки мнению Д. С. Бабкина, нет оснований говорить о Новгороде как о месте первоначального распространения «Риторики». Новгородское происхождение самого раннего списка учебника (ГИМ, Синодальное собр., № 933) не может быть доказано, потому что «Риторика» в этом сборнике-конволюте переписана не новгородцем Иваном Козыревым, а «другим лицом»⁴⁸, причем задолго до Козырева. Запись в «Риторике» 1622 г. «Новгородский мещанин Феодор Васильев господин Фирсов» (ГИМ, собр. Щукина, № 941, л. 79 об.), как установил В. И. Аннушкин, — поздняя⁴⁹, так что она не может помочь в определении места возникновения списка. Наконец, еще один ранний список памятника (ЦГАДА, ф. 381, библиотека Московской Синодальной типографии, № 1028) изготовлен в Ярославле⁵⁰. О знакомстве жителей новгородских пределов с первым пособием по риторике в 1620-е гг. свидетельствует, таким образом, только список, оригиналом которого послужила книга Макария (ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 874). Ошибочно также заключение Д. С. Бабкина о тождественности трех «новгородских» списков «Риторики». Как выяснил В. И. Аннушкин, в каждом из них содержатся различные редакции учебника: если ГИМ, Синодальное собр., № 933 — единственный сохранившийся список «начальной редакции», то в ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 874 представлена «1-я стилистическая», а в ГИМ, собр. Щукина, № 941 — «2-я пространная» редакции (названия редакций принадлежат В. И. Аннушкину⁵¹). Следовательно, они не могут восходить к одному оригиналу — «книге пресвященного митрополита Макария». Наконец, проделанное В. И. Аннушкиным «сопоставление собственноручных приписок митрополита Макария на отдельных грамотах, почерков писцов его канцелярии и переписчиков „Риторики“ пока успеха не принесло»⁵². Роль Макария в судьбе первой русской риторики, видимо, исчерпывается тем, что новгородский митрополит был владельцем одного из многих списков памятника.

Помогает ли определить время и место создания «Риторики» судьба первого ее списка (ГИМ, Синодальное собр., № 933), сохранившего, согласно В. И. Аннушкину, начальную редакцию учебника? По мнению Д. С. Бабкина, сборник-конволют Синодального собрания был создан «жителем Великаго Новаграда» Иваном Козыревым. «Обрамляя разрозненные рукописи (составляющие Сино-

⁴⁷ Документы по истории коми. — С. 271.

⁴⁸ Бабкин Д. С. Русская риторика... — С. 328.

⁴⁹ Аннушкин В. И. Редакции «Риторики»... — С. 238; Он же. Композиция и терминология первой русской «Риторики» // Риторика и стиль. — М., 1984. — С. 45.

⁵⁰ Бабкин Д. С. Русская риторика... — С. 331.

⁵¹ Аннушкин В. И. Редакции «Риторики»... — С. 239—246; Он же. Композиция и терминология... — С. 46—47.

⁵² Аннушкин В. И. Редакции «Риторики»... — С. 239.

дальний сборник.— Т. Б.) приписками, Иван Козырев очевидно стремился установить между отдельными статьями внутреннюю связь и тем самым создать некоторое единство всего сборника»⁵³. Д. С. Бабкин не пытался приписать Козыреву авторство или перевод «Риторики», поскольку список ее в составе Синодальной рукописи датируется 1620 г., в то время как деятельность новгородского книжника развернулась в более позднее время. Однако, если можно было бы говорить об интересе Ивана Козырева в конце 1630—1640-х гг. к первому учебнику по теории красноречия, разве нельзя было бы предположить, что двадцатью годами раньше он написал и саму «Риторику»? Прежде чем ответить на этот вопрос, скажем несколько слов о Козыреве — малоизученном деятеле книжной культуры XVII в. Сведения о нем содержатся в специальной статье, озаглавленной «Увещание о летописце» и сохранившейся в трех списках:

1. ГИМ, Синодальное собр., № 933, л. 365—368 об. (далее — Синодальный сборник)⁵⁴. Эта рукопись, в восьмерку, на 654 л., писанная полууставом и скорописью, представляет собой конволют: основная часть сборника датируется 1640-ми гг. (перечень филиграней см. в описании Т. Н. Протасевой), но список «Риторики» сделан двумя десятилетиями раньше, как явствует из записи, завершающей ее текст: «Преписана с божиею помощью в лета 7128 году в марте месяце» (л. 473 об.). «Увещание о летописце» завершает в рукописи «Диалектику» Иоанна Дамаскина;

2. ГПБ, собр. Погодина, № 1655, л. 200—201 (далее — Погодинский сборник)⁵⁵. Эта рукопись относится к числу сборников-конволютов, составленных П. М. Строевым; л. 200—201, размером в четверку, написанные полууставом, представляют собой самостоятельный фрагмент, видимо привлечший внимание маститого археографа тайнописью, которой завершается «Увещание о летописце» (в рукописи заглавие статьи отсутствует). Филигрань на двух листах, составляющих фрагмент, отсутствует;

3. ГПБ, Q.XVII.148, л. 155—155 об. (далее — Публичный сборник)⁵⁶. Эта рукопись, в четверку, на 155 л., писанная скорописью и датирующаяся последней четвертью XVII в.⁵⁷, по составу во мно-

⁵³ Бабкин Д. С. Русская риторика...— С. 328—329.

⁵⁴ Описание см.: Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // Исследования по русскому языку.— Спб, 1895.— Т. 1.— С. 999; Бабкин Д. С. Русская риторика...— С. 326—329; Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева)/Сост. Т. Н. Протасева.— М., 1973.— Ч. 2.— С. 76—77.

⁵⁵ Описание см.: Ягич И. В. Рассуждения...— С. 998—999; Пруссак А. В. Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделении имп. Публичной библиотеки.— Пг., 1915.— С. 21—22.— (ПДПИ, т. 186).

⁵⁶ Описание см.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века.— М.; Л., 1955.— С. 261—262.

⁵⁷ Филигранные: медведь на гербовом щите типа Дианова, Костюхина, № 976—1677 г.; лилия на щите под короной — Гераклитов, № 245—1671 г.; гербовый щит — Дианова, Костюхина, № 267—1673 г.; голова шута с семью бубенцами нечеткой конфигурации.

гом напоминает Синодальный сборник: здесь, как и в более ранней Синодальной рукописи, представлены, в частности, «Риторика», «Лаодикийское послание», «Иоанна Дамаскина сказание осми частех слова», «Диалектика». «Увещание о летописце» (окончание отсутствует), как в Синодальной рукописи, завершает «Диалектику».

«Увещание о летописце», написанное от первого лица, подробно рассказывает о трудах Ивана Козырева по разъяснению перевода «Диалектики» («философская книга»), который, как считает новгородский книжник, пострадал «от презорства и нерадением невеж пишущих». Козырев усердно вдумывался в смысл текста, «изъясняя светлость глагол чертами, запятыми и точками, еще же и оглавление наложих по числу цифирных мудрости ради разумения (в рукописи: размения) неведущих». Далее книжник сообщает о несчастьях, которые обрушились на его голову: «Силными святыми века сего за извещение слова божия предан бых во узы яко злодей и связан железы лютости, всегда томим приставственными озлоблении естественными недостатки воды и хлеба». Несмотря на эти гонения, Иван Козырев благополучно закончил свою работу — «едва возмогах видети конец в совершении желания моего, и о сем возвеселихся, яко обретая корысть многу», причем в начале «Увещения» он точно датировал ее окончание: «В лето осмыа тысящи 144⁵⁸... слово последнее начах в месяце июли 28 и скончах, богу помагающе, августа 8». Завершается «Увещание о летописце» традиционной просьбой исправлять ошибки⁵⁹. Иван Козырев не преувеличивал своих заслуг в истолковании текста «Диалектики»: результаты его труда наглядно видны в списке «Диалектики», который входит в Синодальный сборник и поля которого «буквально испещрены киноварными примечаниями»⁶⁰.

В тексте статьи ревностный исправитель «Диалектики» не указал своего имени, скрыв его несложной цифирной тайнописью, расшифровка которой дает и его имя (Иоанн), и «порекло» (Козырев)⁶¹. Тайнопись заканчивается в Синодальном сборнике словами «житель Великаго Новаграда», в Погодинском сборнике — «бывый житель Великаго Новаграда». Что касается Публичного сборника, то здесь тайнопись отделена от «Увещения»: если статья Ивана Козырева помещена в конце рукописи, то тайнопись, включающая в зашифрованном виде имя и «порекло» книжника, а также слова «житель Великаго Новаграда», помещена после «Лаодикийского

⁵⁸ В Погодинском сборнике иная дата — 7145 (1637) г.

⁵⁹ Бабкин Д. С. Русская риторика... — С. 327—328. Текст выверен по рукописи.

⁶⁰ Гаврюшин Н. К. «Книга диалектичныя глубины...» // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. — М., 1983. — Вып. 2. — С. 98. Здесь приведены некоторые образцы маргиналий повгородского книжника.

⁶¹ Жители Новгорода и Пскова по имени Козыря, Козырев известны с XVI в. См.: Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. — М., 1974. — С. 148.

послания» на л. 63 («житель Великаго Новаграда» записано позднейшим почерком и на нижней крышке рукописи).

Ни одна из рукописей, содержащих «Увещение о летописце», не может быть признана автографом Ивана Козырева⁶². В списке «Диалектики», который входит в Публичный сборник, отсутствуют замечания Козырева, засвидетельствованные Синодальной рукописью. К тому же поздняя датировка кодекса противоречит предположению о Козыреве как ее писце. Имя писца, чьей рукой переписан фрагмент в Погодинском сборнике, нам известно. После тайнописи, скрывающей сведения об Иване Козыреве, писец фрагмента поместил еще одну, снабдив ее такими словами: «И аще кто восхопет и сего многогрешнаго имя ведати, сие тщательное списание преписавшаго, начало же положим се» (л. 201 об.). Расшифровка следующей далее цифирной тайнописи дает имя писца — Иларион⁶³. Не может быть автографом Козырева и Синодальный сборник или отдельные его части. Дело в том, что В. И. Аннушкин прочел часть замаранного текста, который следовал за тайнописью на л. 369 и в котором, как выясняется, говорилось об исправителе «Диалектики» в третьем лице. Прочитанный исследователем отрывок показывает, что слова в «Увещении о летописце» относительно напастей, преследовавших новгородского книжника, которые можно было бы считать топомосом, имеют под собой реальную основу: «...и беды свои... лния и напасти сказал, елико страдал торговаго чину человек Великаго Новаграда Иван Козырев. А... за некое дерзновение слова сослан бысть во оп... от окияна моря за опалу в Соловецкий монастырь, тамо неколико лет поживе в заточении и сконча. И поведают о нем некии мнозии — хитр бе божественным писанием, украшен внешней философии»⁶⁴.

Вопреки убеждению Д. С. Бабкина, Ивану Козыреву приходится отказать в роли составителя Синодального сборника, включающего самый ранний список «Риторики». Как установил В. И. Аннушкин, части рукописи, составившие сборник-конволют ГИМ, Синодальное собр., № 933, объединил под одним переплетом диакон Артемий Спиридонов. Это произошло между 1636 г. (в этом году завершил работу над «Диалектикой» Иван Козырев) и 1679 г. (в этом году сборник продала вдова Артемия Спиридонова). По данным В. И. Аннушкина, Артемий Спиридонов, помимо переплета, «не только записал содержание рукописи на внутренней стороне верхней крышки, но и заполнил чистые листы новыми стать-

⁶² Есть основания думать, что Погодинский и Публичный списки «Увещения» восходят к Синодальному, однако взаимоотношения трех списков — тема специального исследования.

⁶³ «Увещение о летописце» Иларион предварил следующими словами: «Списана бо книга сия с рукописания потщавшагося некоего, известно спискав, преписати ю. Той же сам в последовании книги сея о лете времени того, в не же писав, ю, паче же и о себе написа и о своем потщании известив сицевым писанием» (л. 200).

⁶⁴ Аннушкин В. И. Редакции «Риторики»...—С. 237. Согласно В. И. Аннушкину, зачерненный текст переписан тем же писцом, который копировал «Увещение».

ями, в частности предварил „Диалектику“ и „Риторику“ предисловиями-похвалами (тексты, которые Д. С. Бабкин атрибутировал Козыреву.— Т. Б.) из „Сказания о семи свободных мудростех“⁶⁵. Поскольку в «Увещении» речь идет только о «Диалектике», а о «Риторике» Иван Козырев не обмолвился ни одним словом, из числа кандидатов в создатели учебника он может быть исключен.

Удивительно, что до сих пор исследователи не пытались атрибутировать «Риторику» переписчику второй по древности рукописи, содержащей памятник — Георгию Евсевиеву Комынину (варианты: Комонин, Камынин; возможно, он связан с дворянским родом Камыниных). Между тем «ржевитин» Комынин был трудолюбивым книжником — помимо сборника с «Риторикой», известно пять кодексов его руки⁶⁶. Как явствует из записей, в которых Комынин обстоятельно рассказывал о создании каждой рукописи, он занимался перепиской в Москве и Ярославле. Рукописи эти следующие: 1) ГБЛ, ф. 247, собр. Рогожской общины, № 681 — сборник догматических и полемических сочинений («Синаксарий, сиречь собрание»), 1603 г.; 2) ГИМ, собр. Уварова, № 444 — «Небеса» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха, 1608 г.⁶⁷; 3) ГИМ, Музейское собр., № 95 — Псалтирь, 1612 г.⁶⁸; 4) ГБЛ, ф. 173, собр. МДА фонд., № 26 — творения Дионисия Ареопагита, 1617 г.⁶⁹; 5) ГИМ, собр. Уварова, № 492 — сборник житий, 22 марта 1620 г.⁷⁰; 6) ЦГАДА, ф. 381, библиотека Московской Синодальной типографии, № 1028 — сборник статей по грамматике, включающий «Риторику», 26 мая 1620 г.⁷¹ Содержание перечисленных сборников свидетельствует об определенных «филологических» склонностях писца, однако отсутствие каких-либо дополнительных сведений, подтверждающих интерес Георгия Комынина к теории красноречия, избавляет от необходимости всерьез обсуждать вопрос о его авторстве по отношению к «Риторике».

Мы исчерпали список лиц, которым могли бы усвоить «Риторику» псевдо-Макария, и убедились в отсутствии прочных оснований для атрибуции учебника каждому из них. С этой стороны, таким образом, передатировка памятника не встречает препятствий. Когда

⁶⁵ Аннушкин В. И. Редакции «Риторике»... — С. 237—238. У В. И. Аннушкина ошибочно: «Сказание о семи свободных художествах».

⁶⁶ За указание на эти кодексы благодарим А. А. Турилова.

⁶⁷ Описание см.: Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. — М., 1893. — Ч. 1. — С. 176—177.

⁶⁸ Рукопись отмечена в кн.: Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. — М., 1985. — С. 220.

⁶⁹ Описание см.: Леонид, архимандрит. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии). — М., 1887. — Вып. 2. — С. 34—35.

⁷⁰ Описание см.: Леонид, архимандрит. Систематическое описание... — М., 1893. — Ч. 2. — С. 481—485.

⁷¹ Описание см.: Погорелов В. Библиотека Московской Синодальной типографии. — М., 1899. — Ч. 1. Рукописи. — Вып. 2. Сборники и лексиконы. — С. 23—29; Бабкин Д. С. Русская риторика... — С. 330—331.

же и где могла родиться мысль о переводе на славянский язык учебника по теории красноречия? Самый краткий экскурс в историю школьного дела в Западной Руси второй половины XVI в. показывает, что именно здесь, в таких православных центрах, как Львов, Вильно, Острог, впервые возникла острая необходимость в учебниках по наукам тривиума, написанных на родном языке. Тем самым наша гипотеза о переводе «Риторики» псевдо-Макария в Западной Руси во второй половине XVI в. приобретает больше прав на существование.

То было время тяжелых испытаний для западно-русской православной церкви. Русское, украинское и белорусское население все больше подпадало под влияние польской католической культуры. Люблинская политическая уния 1569 г., тесно соединившая Польшу и Великое княжество Литовское, немало способствовала тому, что православные в этих землях начали изменять вере отцов и переходить в католицизм. Деятельность иезуитов, появившихся здесь первоначально для борьбы с протестантизмом во всех его проявлениях, но вскоре обративших свою энергию и против православных, поколебала положение Восточной церкви в Литве. Иезуитский орден, взявший на себя ответственность за усовершенствование человеческой души и распространение веры посредством христианского образования, быстро выявил уязвимые места западно-русской православной церкви — консерватизм и отсутствие школьной выучки духовенства и паствы. «Бо за тым, иж науж нет, великое грубиянство в наших духовных умножилось», — сетовал князь Константин Острожский⁷². В широко развернувшейся в Литовском княжестве полемике столкнулись не только различные религиозные системы. Здесь противостояли друг другу две культуры, из которых лишь одна — польско-европейская в совершенстве владела таким действенным оружием, как проповедь, типографии, школы. Сторонники традиционной восточно-славянской культуры вынуждены были спешно перестраивать свои ряды, опираясь на опыт недругов. Этому способствовали некоторые благоприятные обстоятельства: государственная веротерпимость, отсутствие дискриминационных законодательных мер по отношению к не католикам; наметившееся сближение православных и протестантов в борьбе против «латинян»; переселение в Западную Русь отдельных выдающихся деятелей Московского государства, которые помогали местным ревнителям православия отстаивать свою религию и вместе с ними — народность.

«Князю Курбскому едва ли не принадлежит почин в том умственном движении, какое проявило западно-русское православное общество в сторону защиты своей веры»⁷³. Волею судьбы оказавшийся в Речи Посполитой А. М. Курбский посвятил свой досуг книжным занятиям и распространению знаний, необходимых для

⁷² Monumenta Confraternitatis stauropigianae Leopoliensis. — Leopoli, 1895. — Т. 1. — Р. 474.

⁷³ Харлампович К. Новая библиографическая находка // Киевская старина. — 1900. — Т. 70. — С. 214.

борьбы с католической экспансией. Ревность к славянскому языку не помешала князю в зрелом возрасте выучить латынь и обратить свою переводческую деятельность на пользу православия. Придавая большое значение «внешнему» образованию, он сам «не мало лет» провел, «в грамотических, и в диалектических, и во прочих науках приучаясь»⁷⁴. В отличие от многих своих современников он хорошо представлял европейскую школьную систему и не видел никакого вреда в том, что православные христиане выучатся грамматике, риторике, диалектике — «словесным наукам», «ими же человек был украшен от бога по внутреннему человеку, сиречь душе, иже бы до конца в забвение и неведение не пришел род наш»⁷⁵. Высшим авторитетом для А. М. Курбского здесь были почитаемые им отцы церкви, которые «ездили учиться тех наук з домов от родителей своих до Афин ко поганским философам»⁷⁶, а потому от советов окружающих: «Аще ли не обрящут в земле своей таковых учителей, да не ленятся ездити и до чужих стран»⁷⁷. Так поступил по его наущению князь Михаил Андреевич Оболенский, отправившийся учиться в Краков и Италию. Хотя нет сведений о конкретных мероприятиях князя А. М. Курбского по организации школ, его переводы, безусловно, использовались в школьной практике.

А. М. Курбский не был одинок в своих просветительских начинаниях. Религиозное оживление всего православного общества Западной Руси стимулировало появление типографий (Заблудов, Львов, Вильно, Острог, Евье) и устройство братств (Вильно, Львов, Могилев, Брест, Минск и др.). Культурный подъем не мог не отразиться на системе образования. Первым училищем нового типа стала знаменитая Острожская «академия», о которой, к сожалению, мало что известно: ее возникновение современный исследователь датирует 1576 — началом 1577 г.⁷⁸. Естественным следствием учреждения братств явилось открытие братских школ в Вильно (1584—1585 гг.), Львове (1586 г.), Могилеве (около 1590 г.), Бресте (около 1591 г.)⁷⁹.

Программа всех этих училищ строилась по европейским образцам и предусматривала помимо изучения греческого и латинского языков освоение некоторых из «семи свободных искусств» — грамматики, риторики и диалектики. Науки квадривиума получили меньшее распространение; о том, в каком объеме они преподава-

⁷⁴ Andrej Michajlovic Kurbskij. *Novyj Margarit*. /Herausgeg. von I. Auerbach.— Giessen, 1976.— Fol. 5v.— (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen.— 4 Ed.— Bd 1, 1.— Lieferung 1).

⁷⁵ Оболенский М. О переводе князя Курбского сочинений Иоанна Дамаскина // Библиогр. записки.— 1858.— Т. 1, № 12.— Стб. 365.

⁷⁶ РИБ.— Спб., 1914.— Т. 31.— Стб. 453.

⁷⁷ Оболенский М. О переводе...— Стб. 361.

⁷⁸ Исаевич Я. Д. Преемники первопечатника.— М., 1981.— С. 7. Сводку известий об Острожской «академии» можно найти в кн.: Немировский Е. Л. Иван Федоров (около 1510—1583).— М., 1985.— С. 162.

⁷⁹ Харлампович К. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви.— Казань, 1898.— С. 316, 290—293, 337—338, 332.

лись, точно не известно. Это не удивительно: вступив в новый период истории своего просвещения, православные жители Литвы в первую очередь обратили внимание на «словесные науки», чтобы бороться с «зело искусными силогизмами поганских философ»⁸⁰.

Какими же учебниками располагали западно-русские школы? Первой специальной книгой для обучения стала Азбука Ивана Федорова (Львов, 1574). С тех пор выпуск славянских азбук и букварей уже никогда не прекращался. К 1634 г., когда была издана первая в Московской Руси Азбука Василия Федоровича Бурцева, на западно-русских землях вышло уже около 10 подобных учебников в Остроге, Вильно, Кутейно. В дополнение к азбукам и букварям типографии издавали Псалтирь и Часослов, еще долго использовавшиеся как самые доступные пособия для обучения грамоте.

Постижение грамоты — необходимое условие для глубокого изучения «от седми начальной и свободной мудрости грамматики». Выдающимся явлением в книжно-письменной культуре Западной Руси явилось издание в 1586 г. у Мамоничей сочинения «О осми частех слова». Книга Мамоничей — памятник авторитету Иоанна Дамаскина, которому славянская традиция приписывала авторство грамматического трактата⁸¹. Пиетет по отношению к этому сочинению сделал его грамматическим канонем православия (недаром Иван Федоров в первой своей Азбуке написал, что он! создавал учебник «не от себе, но от божественных апостол и богоносных святых отец учения, и преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина»⁸²). Статья «о осми частех слова», выпущенная в свет в Вильно, «едва ли была удобной для изучения славянского языка по своей краткости, преследовавшей, по-видимому, не школьные задачи, а общее знакомство с теорией языка»⁸³. «'Αδελφότης. Грамматика доброглаголиваго еллино-словенскаго языка», напечатанная во Львове в 1591 г., опиралась уже на опыт западно-европейских грамматик эпохи Возрождения⁸⁴. Наконец, на исходе XVI в. Лаврентий Зизаний создал первую систематическую грамматику церковно-славянского языка («Грамматика словенска». — Вильно, 1596).

На протяжении нескольких веков у южных и восточных славян обращался в списках среднеболгарский или сербский перевод XIV в. «Диалектики» Иоанна Дамаскина — единственное на Руси пособие по этой науке⁸⁵. «Не будет преувеличением сказать, что «Диалектика» Иоанна Дамаскина является одной из важнейших книг в истории русской науки и образования, той азбукой филосо-

⁸⁰ РИБ. — Т. 31. — Стб. 471.

⁸¹ Weiher E. Die älteste Handschrift des grammatischen Traktats "Über die acht Redeteile" // Anzeiger für slavische Philologie. — 1977. — Bd 9. — S. 367—427.

⁸² Азбука. — Львов, 1574. — Л. 39об. (без пагинации).

⁸³ Харлампович К. Западно-русские православные школы... — С. 445.

⁸⁴ Мечковская Н. В. Ранние... — С. 40.

⁸⁵ Weiher E. Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirchenslavischer Übersetzung. — Wiesbaden, 1969. — (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes, t. 8).

фии, логики и отчасти риторики, мимо которой не мог пройти ни один вдумчивый древнерусский читатель»⁸⁶. Древний перевод «Диалектики», по-видимому, и служил учебником в западно-русских школах конца XVI — начала XVII в.⁸⁷ Проявлением интереса православного населения Литвы к этому пособию по третьей науке тривиума можно считать выполненный А. М. Курбским новый перевод памятника (с существовавшим уже переводом князь не был знаком). Неудовлетворенный кратким изложением учения о силлогизме в «Диалектике», А. М. Курбский дополнил его переводом трактата Иоганна Спангенберга «О силлогизме», который был напечатан в типографии Мамоничей в 1586 г.⁸⁸ Назначение переводов прежде всего как учебных пособий подчеркнуто в «Андрея Курбского сказе о лоике»: «Учите же ся и навывкайте ее неленостне, и аще ее добре навывкнете, удобне ва будет читати и разумети писания философские, яко наших великих учителей христианских, так и внешних философов»⁸⁹.

История не сохранила нам ни печатного, ни рукописного восточно-славянского учебника риторики XVI в. из Западной Руси. Согласно К. Харламповичу, и по сей день авторитетнейшему исследователю истории западно-русских школ, преподавание риторики в православных школах осуществлялось по греческим и латинским учебникам⁹⁰. Однако в «порядке» Львовской братской школы 1586 г. — единственном документе, описывающем программу училищ XVI в., определенно называется славянское пособие по риторике: «А так ныне тому учатся, до болших наук приступаючи, ко диалектице и реторице, которые науки по словенску переведенные вынайдено в школе львовской руским языком списано, диалектику и реторику и иные философские писма, школе належачие»⁹¹. Подтверждение этих данных дает второй устав Луцкой школы (около 1624 г.), который буквально повторяет львовский документ: «А так ныне тому учатся, до болших приступаючи, к диалектице и реторице, которые науки по словенски переведенные русским языком списано, диалектику и реторику и иные философские писма, школе належачие»⁹². Можно предположить, что как раз названную здесь

⁸⁶ Гаврюшин Н. К. «Книга диалектичныя глубины...» — С. 100.

⁸⁷ Харлампович К. Западнорусские православные школы... — С. 428.

⁸⁸ Харлампович К. Новая библиографическая находка. — С. 214—224; Eismann W. O silogizme vytolkovano. Eine Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij aus den Erotemata Trivii Johann Spangenberg. — Wiesbaden, 1972. — (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes, t. 9); Гаврюшин Н. Первая российская «Логика» // Альманах библиофила. — М., 1983. — Вып. 15. — С. 238—242.

⁸⁹ Eismann W. O silogizme vytolkovano. — S. 76.

⁹⁰ Харлампович К. Западнорусские православные школы... — С. 430.

⁹¹ Diplomata statutaria a Patriarchis Orientalibus Confraternitati stauripigianae Leopoliensi a. 1586—1592 data, cum aliis litteris coaevis et appendice. — Leopoli, 1895. — Т. 2. — Р. 29.

⁹² Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше утвержденною при Киевском военном Подольском и Волинском генерал-губернаторе. — Киев, 1845. — С. 115. Пытаясь локализовать перевод «Риторики» псевдо-Макария, В. И. Аннушкин привлекает данные луцкого устава,

риторику разрешил издать Львовскому братству константинопольский патриарх Иеремия в 1589 г.: «Маюте волность братство Успения Богородица друковати невозбранно священныя книги церковныя прилежно и з великим олатрением, не токмо часословцы, псалтыры, апостолы, минеи и треоди, требники, синаксары, евангелие, метафрасты, торжники, хроники сиреч летописцы и прочая книги богословов церкви нашея Христовы, но училищу потребные и нужные, сиреч грамматику, пеитику, ретику и философию»⁹³.

Таким образом, сохранились недвусмысленные указания источников XVI в. на наличие за пределами Московского государства какого-то учебника по теории красноречия. Отсутствие его создает труднообъяснимую лакуну в активной деятельности западно-русских писателей и книжников этого времени, которые всячески пропагандировали науки тривиума и обеспечивали их преподавание соответствующими книгами. Названным в документах 1586 и 1589 гг. учебником могла быть только лишь «Риторика» псевдо-Макария — единственное школьное руководство на славянском языке по этой науке вплоть до конца XVII в.

Гипотеза о переводе «Риторики» в Западной Руси облегчает решение вопроса об оригинале памятника. Напомним, что большинство ученых высказывалось в пользу польского оригинала «Риторики» псевдо-Макария, хотя конкретный источник учебника не был обнаружен. Аргументы, подтверждающие эту точку зрения, сформулировал еще А. Х. Востоков: «Переведено, как видно, с польского. Ибо собственным именам греческим и римским дана польская форма. Напр. „атениенчики“ вместо „афинян“, „Маркиса Тулиуша“ вместо „Марка Туллия“ и пр.»⁹⁴; те же примеры в основном повторяются и в других работах, посвященных «Риторике»⁹⁵. Все же позднейшие исследователи пополнили наблюдения А. Х. Востокова еще несколькими замечаниями о содержании и языке памятника, которые, по их убеждению, выдают его польское происхождение. По мнению А. Г. Филонова, «в доказательство польского происхождения учебника можно привести след.: „в постановлении неистинства говорится: священник, который бы женился, чтоб был повешен (рук. Имп. публ. библ. отд. XVII, № 2)“. У нас, как известно, такого закона нет. Священник наш должен быть женат непременно

однако не решается утверждать, что учебник появился в Западной Руси (Аннушкин В. И. Первая русская «Риторика» начала XVII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— М., 1985.— С. 10).

⁹³ *Diplomata statutaria...*— Т. 2.— Р. 64.

⁹⁴ Востоков А. Х. Описание...— С. 239.

⁹⁵ Филонов А. Русские учебники...— С. 10; Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии.— Казань, 1881.— Ч. 1.— С. 402; Соболевский А. И. Переводная литература...— С. 120; Бабкин Д. С. Русская риторика...— С. 339; Берков П. Н. Очерк развития русской литературоведческой терминологии до начала XIX в. // ИОЛЯ.— 1964.— Т. 23, вып. 3.— С. 241; Вомперский В. П. Русские риторики XVII века.— С. 18; Он же. Стилистическое учение М. В. Ломоносова...— С. 23; *Die Makarij-Rhetorik.*— S. VIII.

но, без чего не может быть священником...»⁹⁶. П. Н. Берков усматривает влияние польского оригинала в термине «выображение»⁹⁷, а Р. Лахман указала не только на этот термин, взятый из польского, но и на другие использованные в учебнике риторические понятия: «розвязание», «замкнение», «вытягнение», «откинение», как на следы польского образца исследовательница указывает также на форму дательного падежа «Катонови» и формы «роздел» и «розделалося»⁹⁸. Наконец, В. П. Вомперский считает полонизмом слово «господарство»⁹⁹. Приведенные примеры, пожалуй, можно было бы считать приметам польского происхождения учебника, будь он переведен в Москве. Если же принять гипотезу о западно-русском переводе «Риторики», то выявленные в переводе полонизмы должны оцениваться по-другому. По меткому выражению А. И. Соболевского, в XVI—XVII вв. «сочинения, имевшие в виду широкий круг публики — всех православных Польско-литовского государства. обыкновенно пишутся на западно-русском языке с огромным количеством полонизмов и нередко с малорусизмами»¹⁰⁰. Учебники типа «Риторики» псевдо-Макария были как раз адресованы всему православному населению Западной Руси, поэтому, как говорит тот же ученый, они «редки на славянском языке»¹⁰¹. Предположение о западно-русском происхождении первого восточно-славянского пособия по теории красноречия делает ненужной гипотезу о его переводе с польского оригинала.

На односторонность аргументации в пользу польского происхождения «Риторики» псевдо-Макария уже обращал внимание Д. С. Бабкин, заключающий отсюда, что этот учебник — оригинальное русское сочинение¹⁰². Вывод исследователя оказался, однако, ошибочным. Источник русской «Риторики» обнаруживается среди многочисленных латинских пособий по теории красноречия, издававшихся в Западной Европе в XVI в. На конкретный образец русского учебника в отечественной историографии впервые указал В. И. Аннушкин. Этим образцом явилась латинская «Риторика» знаменитого реформатора, сподвижника Лютера Филиппа Меланхтона¹⁰³. Исследователи жизни и творчества Меланхтона установили, что он последовательно усовершенствовал свой учебник по риторике, который сохранился в трех вариантах: «De rhetorica libri tres» (1519 г.), «Institutiones rhetoricae» (1521 г.), «Elementorum

⁹⁶ Филонов А. Русские учебники...— С. 10; См. приведенную цитату в издании «Риторики»: Die Makarij-Rhetorik.— С. 110.

⁹⁷ Берков П. Н. Очерк развития...— С. 241. См. в издании «Риторик»: Die Makarij-Rhetorik.— С. 133.

⁹⁸ Die Makarij-Rhetorik.— С. VIII. См. перечисленные слова в ее издании: Die Makarij-Rhetorik.— С. 98, 99, 103, 144, 156, 124, 109, 100.

⁹⁹ Вомперский В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова...— С. 23. См. в издании «Риторики»: Die Makarij-Rhetorik.— С. 79.

¹⁰⁰ Соболевский А. И. История русского литературного языка.— Л., 1980.— С. 91.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Бабкин Д. С. Русская риторика...— С. 341—343.

¹⁰³ Аннушкин В. И. Редакции «Риторики»...— С. 248; Он же. Композиция и терминология...— С. 47.

rhetorices libri duo» (1531 г.)¹⁰⁴. Сравнив «Риторику» псевдо-Макария с последним вариантом, В. И. Аннушкин пришел к выводу, что «русская „Риторика“ выглядит как школьная переработка „Риторики“ Меланхтона, сделанная в вопросах и ответах»¹⁰⁵. Различия между памятниками заставили его сохранить гипотезу о существовании польской риторики — посредницы между латинским и русским текстами¹⁰⁶.

Дальше, чем В. И. Аннушкин, продвинулся в поисках оригинала русского учебника западно-германский славист Г. Штайнкюлер, установивший, что «Риторика» псевдо-Макария представляет собой перевод школьной обработки «Риторики» великого реформатора, многократно и без изменений издававшейся начиная с 1550-х гг.¹⁰⁷ Автором этой обработки был Лука Лоссий (Лотце) — ревностный последователь Меланхтона, подвизавшийся в Люнебурге¹⁰⁸. Сохранив композицию последнего варианта «Риторики» Меланхтона («Elementorum rhetorices libri duo»), он подверг учебник значительным сокращениям, которые в точности соответствуют купюрам «Риторики» псевдо-Макария. Необходимо отметить, что, хотя близость между «Риторикой» псевдо-Макария и учебником Лоссия исключает случайность¹⁰⁹, отсутствие в латинском оригинале некоторых разделов славянского памятника (в начальной части «Риторики») позволяет продолжить поиски его непосредственного источника. И все же можно определенно сказать, что в многолетнем споре о происхождении первой русской «Риторики» прав оказался А. И. Соболевский: учебник переведен с латинского языка. Открытие Г. Штайнкюлера лишает всяких оснований предположение о польской основе славянского учебника¹¹⁰.

Полученный вывод не противоречит гипотезе о западно-русском происхождении «Риторики» псевдо-Макария. Нас не должен

¹⁰⁴ Hartfelder K. Philipp Melancton als Praeceptor Germaniae.— Berlin, 1889.— S. 220—231.— (Monumenta Germaniae paedagogica, Bd 7).

¹⁰⁵ Аннушкин В. И. Композиция и терминология...— С. 47.

¹⁰⁶ См.: Аннушкин В. И., Буланина Т. В. Макарий.— С. 127.

¹⁰⁷ Steinkühler H. Die Theorie der Rede in Russland zu Beginn des 17. Jahrhunderts. Die Makarij-Rhetorik im europäischen Kontext // Slavische Barockliteratur.— München, 1983.— Bd 2. Gedenkschrift für D. Tschzewskij.— S. 153—177.— (Forum Slavicum, Bd 54).

¹⁰⁸ См. о нем: Allgemeine deutsche Biographie.— Leipzig, 1884.— Bd 19.— S. 220—221.

¹⁰⁹ В «спрепарированной» Лоссием «Риторике» Меланхтона сохранен и пассаж о женившемся священнике, который А. Г. Филонов считал приметой польского оригинала русского учебника. См.: Erotemata dialecticae et rhetoricae Philippi Melanthonis et praeseptionum Erasmi Roterodami de utraque copia verborum et rerum. iam primum ad usum scholarum (quas vocant trivales) breviter selecta et contracta per Lucam Lossium Luneburgensem ediscendi gratia.— Francoforti, 1554 (в конце книги указан 1553 г.).— P. 168.

¹¹⁰ Steinkühler H. Die Theorie der Rede...— S. 175, Anm. 55. В последней своей работе В. И. Аннушкин независимо от Г. Штайнкюлера сопоставил «Риторику» псевдо-Макария с учебником Лоссия (считая, впрочем, автором адаптации самого Меланхтона), убедился в их тождестве и отказался от предположения о существовании польского перевода-посредника (Аннушкин В. И. Первая русская «Риторика»...— С. 8—10).

смущать тот факт, что ревнители православия Западной Руси из множества пособий по красноречию, существовавших в то время, избрали сочинение одного из основоположников протестантизма. Нет также необходимости видеть в этом факте проявление единомыслия между последователями реформации в Речи Посполитой и подвизавшимися там защитниками православия. К риторике применимо то, что отметил В. Айсман в отношении переведенного А. М. Курбским трактата «О силогизме»: «На вопрос о том, почему же Курбский перевел выдержки из труда Иоганна Спангенберга, ученика Лютера и одного из ревностнейших поборников протестантизма, можно прежде всего ответить, что „Erotemata“ Спангенберга по сути дела не связаны ни с протестантизмом, ни с католицизмом или православием»¹¹¹. Педагогическая деятельность Филиппа Меланхтона, снискавшая ему громкое прозвище «наставника Германии» (praeseptor Germaniae), получила признание далеко за пределами лютеранской Германии: не случайно реформированная им школа послужила образцом для иезуитов. Составленные Меланхтоном учебники по различным школьным дисциплинам были повсеместно распространены в XVI в., знали их и в западно-русских землях¹¹².

Неподвергавшаяся до сих пор сомнению датировка «Риторики» псевдо-Макария вторым десятилетием XVII в. и локализация перевода в пределах Московского государства представляются ошибочными еще по одной причине. Перевод учебника риторики предполагает какие-то серьезные мероприятия для организации обучения наукам тривиума. Между тем источники молчат о какой-либо активности русского правительства в первых десятилетиях XVII в. по учреждению школ, включающих в свои программы грамматику, риторику и диалектику. Едва ли говорит о многом неизменная во всех работах о «Риторике» ссылка на царскую грамоту в Троицкий монастырь от 8 ноября 1616 г.¹¹³, в которой дается указание исправлять Требник вместе с архимандритом Дионисием Зобниновским «старцу конархисту Арсению, да книгохранителю старцу Антонию, да попу Ивану и иным духовным и разумичным старцом, которые подлинно и достохвално извычни книжному учению и грамотику и риторию умеют»¹¹⁴. Указания на постижение тем или иным человеком наук тривиума (или отречение от них в «самоуничжительной формуле»), встречающиеся во многих памятниках древнерусской письменности, означают попросту искушенность этого человека во «внешних науках» (или, в «самоуничжительной формуле», декларацию непричастности к ним). Никаких конкрет-

¹¹¹ Eismann W. O silogizme vytolkovano.— S. 28.

¹¹² Харлампович К. Западнорусские православные школы...— С. 452; Исаевич Я. Д. Преемники первопечатника.— С. 24.

¹¹³ Соболевский А. И. Переводная литература...— С. 119—120; Бабкин Д. С. Русская риторика...— С. 340; Вомперский В. П. Русские риторики XVII века.— С. 17; Он же. Стилистическое учение М. В. Ломоносова...— С. 22; Аннушкин В. И. Первая русская «Риторика»...— С. 10.

¹¹⁴ ААЭ.— Т. 3.— С. 483.

ных выводов из подобных указаний делать не приходится¹¹⁵. Едва ли вообще могла быть речь о каких-то больших реформах в организации русских школ в первые годы после Смуты, когда страна не успела еще оправиться от разрухи. Хорошо известно, что после Смутного времени в Московское государство широким потоком хлынула литература из Речи Посполитой. Не проще ли предположить, что «Риторика» псевдо-Макария, переведенная во второй половине XVI в. в западно-русских землях, проникла в Великороссию именно оттуда? Разумеется, это только гипотеза. Подтвердить или показать ее несостоятельность может только дальнейшая разработка конкретного материала.

---

¹¹⁵ Между прочим, процесс обучения одного из упоминаемых в царской грамоте старцев — Арсения Глухого мы знаем из его собственного послания протопопу Ивану Лукьяновичу. Начав с устойчивой формулы — *caritatio benevolentiae* («я нищей воспитан в месте ненарочите и сельском... во училищи не бывал»), Арсений Глухой далее подробно и с конкретными деталями описывает традиционную схему образования в Древней Руси: «Отнеле же убо облекохся во иноческое одеяние, много паче честныя обители прохождах и в них много священныя книги обретах». Главным источником его познаний послужила книга Иоанна Дамаскина («обретох и прелюбезнейшу мне паче инех книгу святаго Ивана Дамаскина»), содержавшая «о осмих частех слово» и «священную философию» — издавна обращавшиеся в древнерусской письменности памятники (Исправление богослужебных книг при патриархе Филарете // Православный собеседник. — 1862. — Ч. 2. — С. 367—368). Не будет большой смелостью предположить, что к этой книге восходит обнаруженный Г. Якше сборник руки Арсения 1605 г. (ГБЛ, ф. 98, собр. Егорова, № 612), который, хотя и обнаруживает повышенный интерес его составителя к «словесным наукам», не содержит в сущности новых, неизвестных ранее в Древней Руси статей; нет здесь и никакого пособия по риторике (Jakšche H. Arsenij Gluchoj — ein russischer «Philologe» des 17. Jahrhunderts // Anzeiger für slavische Philologie. — 1984—1985. — Bd 15—16. — S. 68—72). Из западно-русской учебной литературы Арсений Глухой был, по-видимому, знаком лишь с «Грамматикой» Зизания, выписка из которой содержится в Егоровском сборнике и которая использована им в послании Борису Михайловичу Салтыкову (Ibid. — S. 62—63, 72).

О. В. ЧУМИЧЕВА

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ СОЛОВЕЦКОГО ВОССТАНИЯ (1666—1671 гг.)

Соловецкое восстание 1668—1676 гг.—одно из наиболее сильных и самое продолжительное восстание XVII в.—давно привлекает внимание исследователей. Публикация источников по истории восстания началась в прошлом веке. В «Материалах для истории раскола...», изданных Н. И. Субботиным, эти документы заняли целый том¹. Дополнения к изданию подготовили Е. В. Барсов², Я. Л. Барсков³ и др. Опубликовано так много материалов, что возникает иллюзия полного знания всех фактов, всего хода событий. Наиболее полно ход восстания был изложен в монографии И. Я. Сырцова еще в 1888 г.⁴ Авторы последующих работ о соловецком восстании опирались на ту же источниковую базу. Менялись концепции восстания, подход к его изучению, но комплекс фактов оставался неизменным.

Данная работа построена на новых материалах по соловецкому восстанию. Все эти документы находятся в различных фондах одного архивохранилища — ЦГАДА. Все найденные материалы — деловые документы, отложившиеся в Новгородском приказе, Разрядном приказе и приказе Тайных дел. Это следственное дело царской комиссии, работавшей в 1667 г. в Сумском остроге под руководством стольника Александра Севостьяновича Хитрово⁵, переписка

¹ Материалы для истории раскола за первое время его существования / Изд. Н. И. Субботин. — М., 1878. — Т. 3. Н. И. Субботин издал материалы, находящиеся в Синодальном собрании ГИМ. Это документы Патриаршего приказа, среди которых — следственные дела XVII в. о старообрядцах.

² Новые материалы для истории старообрядчества XVII — XVIII вв., собр. Е. В. Барсовым. — М., 1890. Это документы из фонда Московского гос. архива Мин-ва иностр. дел. Сейчас дело находится в ЦГАДА — ф. 163 (Раскольничьи дела), оп. 1, д. 5 (1674 г.). Е. В. Барсов издал почти все дело, за исключением л. 122—123, 151—155, 180—194, 197—200, 203—209, 211 (различные указы, памяти и отписки по хозяйственным делам, связанным с осадой монастыря).

³ Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества // ЛЗАК (за 1911 г.). — Спб, 1912. — Вып. 24. Это документы из различных собраний. Два из них (№ 9 и 10) из фондов приказа Тайных дел. Они находятся сейчас в ЦГАДА, Госархив, р. XXVII, д. 587, 588 (допросы двух высланных из монастыря мирян по «государеву делу»).

⁴ Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в XVII в. — Кострома, 1888.

⁵ ЦГАДА, Госархив, р. XXVII, д. 533, 538.

лиц, осаждавших Соловецкий монастырь, с московскими приказами⁶.

Следственное дело комиссии Хитрово состоит из двух групп документов. Первая включает указ стольнику Хитрово ехать в Сумской острог, наставления, как вести следствие, выписки допросов, проводившихся в Москве в Патриаршем приказе дьяком приказа Тайных дел Дементием Башмаковым и князем Никитой Ивановичем Одоевским. Вторая группа содержит документы допросов в Сумском остроге, которые проводил А. С. Хитрово, его отписки в Москву в Патриарший приказ Башмакову и Одоевскому. Следственное дело находится в очень плохом состоянии. Документы наполовину сгнили, листы перепутаны. При реставрации фрагменты листов не были разобраны. Для того чтобы восстановить последовательность действий А. С. Хитрово, ход допросов, необходимо было сделать реконструкцию текста. Однако и после реконструкции остаются темные места, не выясненные даты, имена. Это обусловлено повреждением текста, отсутствием некоторых фрагментов.

Переписка воевод, осаждавших Соловецкий монастырь, с Москвой отражена в целом ряде источников. Здесь и отдельные, разрозненные документы, и систематическая подборка переписки за несколько лет (например, ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, л. 5). Среди этих источников — челобитные и отписки воевод, соловецкого архимандрита Иосифа, расспросные речи выходцев из монастыря и стрельцов, побывавших в осажденной обители, отпуски грамот и указов, направленных в Сумской острог к воеводам (на них есть правка). Судя по составу документов, перед нами части приказных архивов, находившихся в Москве.

Найденные источники по-новому освещают все этапы восстания. Объем новых материалов столь велик, что подробно рассмотреть их в одной статье невозможно. Поэтому хронологические рамки работы не совпадают с датировкой восстания. В статье речь пойдет только о некоторых событиях 1666—1671 гг., т. е. кануна восстания и первых шагов открытого сопротивления. В будущем предполагается провести анализ новых источников по заключительному периоду восстания.

КАНУН ВОССТАНИЯ. СЛЕДСТВИЕ А. С. ХИТРОВО. «ДЕЛО СИЛЬВЕСТРА»

В июле 1666 г. в Москву поступила жалоба соловецких монахов на архимандрита Варфоломея, связанного со сторонниками царской политики. Обвинения были традиционными: пьянство, беспорядки в монастыре. Кроме того, авторы челобитной попытались

⁶ ЦГАДА, ф. 125 (реестр монастырским делам), ф. 141 (приказные дела старых лет), ф. 159 (приказные дела новой разборки), ф. 163 (раскольничьи дела), Госархив, р. XXVII, ф. 240 (разрядный приказ). Некоторые дополнительные сведения можно найти в документах ф. 1201 (Соловецкий монастырь).

представить Варфоломея инициатором неприятия реформы в обители. Первая попытка властей разобраться в ситуации связана с деятельностью комиссии под руководством Ярославского архимандрита Сергия в октябре 1666 г.⁷ Сергий не смог выяснить ничего и покинул монастырь. Новые материалы раскрывают перед нами продолжение этих событий. Повторное расследование проходило под руководством стольника А. С. Хитрово. Цель его допросов заключалась, во-первых, в том, чтобы проверить факты челобитной монахов на Варфоломея, во-вторых, провести следствие по «государеву делу», которое заявил сосланный на Соловки дьякон Сильвестр.

Итак, допросы по первой теме. В январе — феврале 1667 г. в Сумской острог была вызвана целая группа людей⁸. Среди них — лидеры оппозиции Геннадий Качалов, Иона Брызгало, ссыльный саввинский чернец Тихон и др. На допросы были приглашены представители обвиняемых: Варфоломей, келарь Саватий Обрютин. Стольник Хитрово лично проводил все допросы. Он выяснил обстоятельства создания челобитной на архимандрита Варфоломея, расспрашивал о ее авторах — Герасиме Фирсове и Александре Стукалове. Кроме того, Хитрово пытался выяснить, справедливы ли обвинения архимандрита. Основные факты обвинения подтвердились. Это послужило в дальнейшем причиной для смены архимандрита: вместо Варфоломея был поставлен соловецкий постриженник, бывший строитель московского подворья Иосиф.

Вторая группа допросов связана с расследованием «государева слова», начатого по доносу сосланного в Соловецкий монастырь дьякона Сильвестра. В извете он сообщал, что соловецкий келарь Саватий Обрютин говорил «непристойные речи» о царевиче Алексее Алексеевиче. Сильвестр утверждал, что создан заговор против жизни царевича.

Первый этап допросов по делу Сильвестра проходил еще в ноябре — декабре 1666 г. в Москве, второй этап — дополнительное расследование — в Сумском остроге⁹. В обстановке полной секретности Хитрово должен был завершить следствие. В ходе второго этапа допросов на очных ставках, на допросах «с пристрастием» дьякон Сильвестр покаяться в возведении напраслины на Саватия Обрютина и других лиц, а также сознался в распространении заговорных писем¹⁰ (сведения о последних пришли в Патриарший приказ из Соловецкого монастыря еще на первом этапе следствия)¹¹.

По окончании следствия Хитрово со всеми допрошенными отправился в Ярославль. В июне — сентябре 1668 г. он все еще находился в городе с колодниками. Среди них — князь Михаил Львов, бывший келарь Саватий Обрютин, старцы Иона Брызгало, Генна-

⁷ Материалы... — Т. 3. — С. 125—164.

⁸ Хитрово поехал в монастырь 31 декабря 1666 г. — ЦГАДА, Госархив, р. XXVII, д. 533, л. 9—23.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, д. 538, л. 36, 107об.

¹¹ Там же, д. 70.

дий Качалов, Исихия Хлебной. Другие имена не сохранились в перечне¹². Во всяком случае можно утверждать, что к началу 1667 г. основные лидеры оппозиции покинули Соловки.

Идеологическое значение дела Сильвестра выходит далеко за рамки обычного ложного доноса. Дело в том, что на первом из допросов «с пристрастием» в Москве дьякон заговорил не только о письмах со смутной угрозой «известия» царевича, но и об эсхатологических слухах, распространившихся в Соловецком монастыре.

Что же сообщил следствию опальный дьякон? Сильвестр находился в заключении в хлебне монастыря. Там он встретился с соловецким монахом Иоакимом, попавшим в хлебню за побег из обители с группой монахов¹³. Сильвестр изложил на допросах рассказы Иоакима о том, что патриарх Никон — антихрист, а после Алексея Михайловича ни одного царя на Московском государстве не будет. По его словам, у царя Алексея Михайловича 10 детей и «из них де не царствовать ни одному. И после де великого государя иного царя на московском государстве не будет. Потому что де на московском государстве было семь царей. А осмого де царя не будет»¹⁴. О том, что Никон является антихристом, в Соловецком монастыре говорили и накануне, и в период восстания¹⁵. Царь Алексей Михайлович в рассказе Сильвестра не назван антихристом, но упоминание о 10 детях царя (10 рогов антихриста), количестве царей на московском престоле (восьмому не бывать) вызывает прямые ассоциации с Апокалипсисом. В середине 1660-х гг. тема царя-антихриста еще не сложилась в Соловецком монастыре, недовольство властями еще не зашло так далеко. Но обстановка накалялась, созревали условия для создания такой концепции.

Доказательство наступления последних времен Иоаким (а вслед за ним и Сильвестр) видит в появлении антихриста Никона. Такая концепция обосновывалась следующим образом: «И он де Иоаким показывал ему Селивестру письмо на одном столбце писано мелким самым писмом. А в нем написано числами 666. А выписал де он Иоаким то из Апокалипсиса, а толковал он Иоаким, что бывшему патриарху Никону в мирском чину имя было Никита, а во иночестве Никон. А по-гречески де Никитиос. И в то де число то имя придет. И ему де Никону на московском государстве быть папою. И побыв де он на московском государстве папою полтора года, пойдет с Москвы во Иерусалим к жидом, потому что де он покусился в Воскресенском монастыре построить церковь Воскресения Христова. И той же церкви не состроит(ь) ему отнюд(ь). И пришед де он во Иерусалим, учнет строить церковь, чтоб ему в том перед ними — жидами — не погрешить»¹⁶.

¹² Там же, л. 20, 23, 18.

¹³ Там же, д. 533, л. 6. Это побег пяти соловецких монахов, с которыми должен был бежать князь Львов. — *Материалы...* — Т. 3. — С. 96.

¹⁴ ЦГАДА, Госархив, р. XXVII, д. 533, л. 4.

¹⁵ Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. Из истории старинной русской повести. I. Слухи и толки о патриархе Никоне в литературной обработке писателей XVII—XVIII вв. — Спб, 1900. — Т. 2.

¹⁶ ЦГАДА, Госархив, р. XXVII, д. 533, л. 4—6.

Из сообщения Сильвестра можно сделать вывод, что в 1660-х гг. в Соловецком монастыре сложилась концепция чувственного антихриста, или поиски того конкретного человека, в котором он воплотился. Но в то же время среди соловецких иноков ходило и сочинение анзерского священноинюка Феокиста «Об Антихристе и тайном царстве его», в котором формулировалась концепция духовного антихриста, т. е. понимание его как силы зла, нечестия, воцарившихся в мире¹⁷. Таким образом, еще накануне восстания в Соловецком монастыре зарождается эсхатологический спор, подхваченный затем всеми старообрядцами.

ПЕРВЫЙ ЭТАП ВОССТАНИЯ

Появление Волхова под стенами монастыря. Когда же вспыхнуло Соловецкое восстание? В литературе первый шаг восставших к открытому сопротивлению отождествляется с различными событиями, в частности с отказом черного собора монастыря принять новопечатные книги 8 июня 1658 г.¹⁸ Началом называют также день, когда ворота монастыря оказались закрытыми перед отрядом стрельцов Игнатия Андреевича Волохова. По опубликованным источникам можно понять, что это событие произошло в ноябре 1668 г.¹⁹ Иногда за начало восстания принимают тот момент, когда соловецкие повстанцы стали стрелять по царским войскам. Споры о стрельбе на черном соборе монастыря относятся к 1670 г.²⁰

Традиционно началом восстания считают ноябрь 1668 г.—этим месяцем ранее датировалось первое появление Волохова под стенами монастыря.

Новые материалы дают возможность уточнить ход событий, несколько изменяют представление о начале восстания.

Среди найденных документов есть отписка Волохова о его приезде под монастырь и отчет о первой встрече с восставшими. Вот что там написано: 22 июня 1668 г. отряд Волохова впервые подошел к Соловецкому монастырю. Ворота оказались запертыми, а со стен обители раздались выстрелы. Судя по всему стрельба была не очень активной, разрозненной²¹. Но важен сам факт: с первой встречи осажденные демонстрируют готовность к активной борьбе.

Итак, с июня, а не с ноября 1668 г. Соловецкий монастырь закрыт. Военные действия начаты. Восстание стало реальностью. Впереди десять лет осады и ожесточенной борьбы. Но что происходило внутри монастыря? Как развивались события, взгляды повстанцев? О всех процессах, происходивших в осажденном монастыре, сохранились отрывочные сведения в расспросных речах соловец-

¹⁷ Сырцов И. Я. Возмущение...— С. 99—100. Вопрос об авторе этого сочинения в науке не решен.

¹⁸ Материалы...— Т. 3.— С. 3—6.

¹⁹ Барсков Я. Л. Памятники...— С. 116, 119.

²⁰ Материалы...— Т. 3.— С. 327, 335, 341.

²¹ ЦГАДА, Госархив, р. XXVII, д. 533, л. 25—26.

ких выходцев, отписках царских воевод в Москву. Но наибольшая часть документов такого рода относится к завершающему этапу восстания, ко времени появления под стенами монастыря воеводы И. Мещерянова²². Ранний этап восстания в опубликованных источниках освещен слабо.

Новые материалы дают нам достаточно широкое представление о том, какие споры и схватки происходили среди осажденных, какими сложными, непрямыми путями шло соловецкое восстание.

Июнь 1669 г.: высылка из монастыря противников восстания и ссыльных, шестая соловецкая челобитная. 18 июня 1669 г. из Соловецкого монастыря было выслано 12 человек, в разные годы сосланных в обитель по царским указам, а также девять старцев и мирян, не поддерживающих восстание²³. Но монастырские лидеры не просто отправили группу недовольных на берег. Они дали им челобитную, адресованную царю²⁴. До сих пор последний известный документ сношений с властями датировался 23 февраля 1668 г.²⁵ Теперь в нашем распоряжении оказывается еще одна челобитная, написанная полтора года спустя — 16 июня 1669 г. Челобитная составлена от имени келаря Азария, казначея Симона, соборных старцев, братии и трудников. Основная часть челобитной объясняет причины высылки из монастыря ссыльных: соловецкий черный собор заявляет, что не в состоянии охранять ссыльных, так как из-за осады не может преследовать беглых. Затем следует просьба оставить обитель при старом обряде и категорическое утверждение: «а нового пения, великий государь, нам принять невозможно»²⁶. Таким образом, эта шестая соловецкая челобитная отличается от предыдущих (четвертой и пятой²⁷) краткостью. Здесь нет никаких доказательств в защиту старого обряда. На общем фоне челобитной просьба оставить монастырь при старой вере звучит формально. Основной смысл документа в том, что монастырь готов на полный разрыв с властями, никакой компромисс со стороны восставших невозможен. В данном контексте высылка ссыльных приобретает не только практический смысл, но и значение символического жеста. Соловецкий монастырь слагает с себя обязательства перед царем, отказывается выполнять его службу. Черный собор направляет также Волохову реченевую отписку с именами ссыльных, чтобы он мог проверить, не сбежал ли кто-нибудь из них по дороге²⁸. В этой отписке названы миряне Аверчка Иванов сын Москвитин, ротмистр Осип Пирютин, старцы киевский игумен Виктор, Герасим, Зиновий, Иев Салтыков, афонский келарь Кирилл, черный поп Кирилл, белый поп Козьма Иванов, митрополит Гревенский Макарий Грек, Моисей, Софоний (Сергей Плошкин).

²² См.: *Материалы...* — Т. 3; *Новые материалы...*

²³ ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 3—4.

²⁴ Там же, л. 32.

²⁵ *Материалы...* — Т. 3. — С. 297—311.

²⁶ ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 32.

²⁷ *Материалы...* — Т. 3. — С. 208—211, 213—276.

²⁸ ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 33.

Таким образом, к середине 1669 г. обитель окончательно порывает с властями.

Почему же решили избавиться от ссыльных? Всех ли изгнали на берег из обители?

Участие ссыльных в восстании — факт, известный еще по опубликованным источникам. Но в шестой челобитной высланные названы противниками восстания. Значит, позиция ссыльных не была одинаковой. Чтобы определить роль ссыльных в происшедших в монастыре событиях, необходимо составить представление о том, кто был сослан в монастырь, об отношении этих людей к восстанию.

Выяснить, сколько всего ссыльных находилось в обители, невозможно. Записей такого рода нет. Не случайно в исследовании М. А. Колчина о ссылке в монастырь по XVII в. почти никаких данных нет²⁹.

Ссыльные различались между собой и по национальности, и по социальному положению. Состав преступлений известен не по всем ссыльным, но наиболее часто причиной наказания служили ложные доносы и челобитья. Кроме того, можно назвать обвинения по «государеву слову» (старец Зиновий и белый поп Козьма Иванов), в еретичестве (белый поп Сысой, сосланный сначала в Вологду из Новгорода по делу патриарха Никона, а затем на Соловки за какие-то высказывания о Христе³⁰), церковной краже (Аверчка Москвитин), убийстве (Андрей Веревкин) и др.

Вся эта пестрая и разнородная группа ссыльных не могла быть единой во взглядах. Среди известных нам ссыльных восемь человек на разных этапах поддерживали сопротивление царским властям, пять решительно выступали против восстания, о позиции семерых ничего не известно.

Все пятеро противников восстания были нерусскими: греки, украинец. Среди греков только афонский архимандрит Феофан был связан с оппозицией (еще с 1650-х гг.). Греки и украинец оказались в монастыре в жесткой изоляции. Убеждение соловецких инок и мирян в порче веры у греков, подкрепленное фактами биографии ренегата Арсения Грека³¹, определило отношение к заключенным. Греков называли «неверными и некрещеными бусурманы», на пасхе не допустили к святыням, а 22 апреля 1669 г. отлучили от церкви. Шли разговоры о том, что «гречан-киевлян» надо заново крестить. Впервые в истории старообрядчества соловецкие власти ввели бытовые разграничения: грекам выделили особую посуду для еды и питья «для того, что де им с нами из одних

²⁹ Колчин М. А. Ссыльные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI—XIX вв.: Исторический очерк.— М., 1908.

³⁰ В. С. Румянцев предполагает, что Сысой был последователем Феодосия Косого и отрицал божественную природу Христа.— Румянцев В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII в.— М., 1986.— С. 77.

³¹ Обличению Арсения Грека посвящен даже специальный раздел в соловецком сочинении «Собрание от божественных писаний» (БАН ОР, 16.7.21, л. 155—156об), которое, по мнению Н. Ю. Бубнова, принадлежит перу Геронтия, автора пятой челобитной.— Описание ОР БАН СССР.— Л., 1984.— Т. 7.— Вып. 1. Сочинения писателей-старообрядцев XVII в.— С. 20.

сосудов нельзя ни пить, ни есть», жаловался игумен Виктор на допросе³². Так на практике выразилось негативное отношение к грекам, сформулированное и в пятой челобитной, и в «Собрании от божественных писаний» Геронтия.

Из монастыря летом 1669 г. высланы были те ссыльные, которые не желали принимать активного участия в борьбе. Таким образом решался вопрос о сокращении едоков в осажденной обители.

Среди ссыльных, активно участвовавших в восстании, особое место занимают трое: белый поп Сысой, афонский архимандрит Феофан и Андрей Веревкин. Из монастыря они сбежали. Их побег послужил поводом для высылки остальных ссыльных³³. Не вполне ясны обстоятельства и дата побега. В шестой соловецкой челобитной названо 1 октября 1667 г. Но 19 октября 1668 г. в Сумской острог пришла отписка из Соловецкого монастыря о побеге этих трех ссыльных 1 октября 1668 г.³⁴ Вторая дата достовернее, так как отписка по времени более близка к событию, чем шестая соловецкая челобитная, составленная в июне 1669 г. Интерес представляет и вопрос о поисках сбежавших. В отписке 1668 г. говорится, что за ними никого в погоню не отправляли: существовал царский запрет соловецким повстанцам распоряжаться в поморских волостях. Авторы шестой челобитной рассказывают о 10 погибших на море трудниках, посланных вдогон сбежавшим. Не исключено, что погоня эта была вымыслом, сочиненным для драматизации обстановки и доказательства главной мысли: Соловки не могут более служить царской тюрьмой.

Не ясна судьба беглецов. Волохов об этом ничего не знал. Поиски, организованные после получения отписки, результатов не дали, о ссыльных не получено ни одного известия³⁵. Как сообщают авторы челобитной, обнаружены были тела Феофана и Андрея Веревкина, утонувших во время бури, а Сысой не найден ни живым, ни мертвым. Трудно судить о достоверности сообщения, поскольку все остальные факты в шестой соловецкой челобитной не являются бесспорными. Ясно одно: авторам челобитной побег Сысоя, Феофана и Андрея Веревкина нужен был лишь как прецедент, повод: они не стремились к фактической точности.

Но почему все-таки эти люди покинули монастырь? Ведь они не относились к числу преследуемых в обители. Андрей Веревкин прославился на Соловках своими видениями, в которых находили божественные знамения в пользу восстания. Видения Веревкина можно сопоставить с «чудом» благоухающих мощей бывшего соловецкого игумена Иринарха, которое описывает протопоп Аввакум. И то и другое должно было служить «прямым свидетельством духовного торжества „верных“ и неправоты их врагов „никониан“»³⁶.

³² ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 4—5, 35—36.

³³ Там же, л. 32 (шестая соловецкая челобитная).

³⁴ Там же, оп. 2, д. 68.

³⁵ Там же, ЦГАДА, Госархив, р. XXVII, д. 533, л. 38.

³⁶ Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в.— М., 1974.— С. 209.

Содержание видений Веревкина неизвестно, но его авторитет на Соловках был безусловным. Не случайно Волохов в увещательной грамоте стремился опорочить Веревкина: «За какую б огу добродетель вору казненному Веревкину видение видеть? За то ли, что у него одна рука осталась да голова, а то весь кругом за воровство обсечен? И тою одною рукою извощика зарезал. То ли ему от бога в правду вменилось? И отец его бил челом великому государю, чтоб не отрубали голову. И царь помиловал его». Так что, заключает Волохов, у Веревкина не видение, а «от неприязни привидения призрак»³⁷. Можно предположить, что причиной «побега» Сысоя, Феофана и Андрея стало решение распространять в Поморье или еще далее идеи восстания. Сысой и Феофан были активными и давними сторонниками оппозиции. Их имена звучали в жалобе Варфоломея на «беспорядки» в монастыре еще в июле 1666 г.³⁸

В целом позиции и действия ссыльных были столь же различны, как поступки и взгляды соловецких иноков и мирян. Поэтому можно не выделять ссыльных в отдельную группу, а рассматривать их как членов той или иной партии внутри монастыря.

Радикальные реформы в осажденном монастыре. Когда в Сумском остроге оказались высланные из монастыря противники восстания, архимандрит Иосиф и Волохов немедленно приступили к допросам. Из отдельных фактов, оценок, деталей складывается широкая картина решительной преобразовательской деятельности руководителей монастыря.

Опубликованные источники давали основания думать, что в 1669 г. в осажденном монастыре произошли какие-то события, в частности были уничтожены новопечатные книги³⁹. Но составить ясное представление о случившемся было невозможно. Теперь, по новым документам, мы узнаем подробности этого принципиально важного события.

В Великий пост 7 марта 1669 г. группа монахов и мирян во главе с келарем Азарием, Фадеем Петровым и другими⁴⁰ собрала все

³⁷ ЦГАДА, Госархив, р. XXVII, д. 533, л. 34. Волохов направил в Соловецкий монастырь две увещательные грамоты: одна (л. 31—35) написана до сентября 1668 г. (к казначею Геронтню); вторая — (л. 29—30) с сентября 1668 до сентября 1669 г. (к келарю Азарию и казначею Симону). Обе грамоты построены на цитатах из священного писания и церковных книг, чередующихся с указами царя. Первая грамота спокойная по тону: Волохов обещает милость, уговаривает. Вторая грамота резкая: в ней преобладают не обещания, а угрозы (и судным днем, и царским наказанием).

³⁸ Материалы...— Т. 3.— С. 101. Не следует забывать, что трое ссыльных, люди крайне беспоконные, неуживчивые, могли вступить в какие-то конфликты с лидерами восстания на этом этапе. Сысой еще до всех своих ссылок, когда был попом в Новгороде, оказывался в водовороте конфликтов. Так, в декабре 1664 — январе 1665 г. в Новгородском приказе разбиралась ссора между Сысоем и одним из прихожан, на которого священник написал донос. Судя по всему, донос Сысою был ложный (последствий для Сысою не было).— ЦГАДА, ф. 141, оп. 3, 1664, д. 244.

³⁹ Материалы...— Т. 3.— С. 342; Новые материалы...— С. 50.

⁴⁰ При этом не было одного из главных лидеров восстания — архимандрита Никанора. См.: Материалы...— Т. 3.— С. 342.

новопечатные книги, находившиеся в монастырской казне и в частном владении. В число новопечатных книг вошли не только изданные при патриархе Никоне, но и те, которые были начаты при Иосифе, а кончены при Никоне. Кроме того, к этому подбору, по некоторым сведениям, были присоединены книги «старые киевские печати». Выходцы из монастыря утверждали, что таких книг набралось в обители очень много: назывались цифры — 300—400, некоторые высланные уточняли — 300 книг в переплете и 100 в тетрадах. Все книги были вынесены из монастыря на берег.

Уничтожение книг проводилось организованно и обдуманно. Книги были расчленены: отдельно доски переплета, страницы, печатные образы. На некоторых книгах (евангелиях) оказались серебряные оклады. Это может свидетельствовать о том, что среди соловецких жителей были люди, с уважением относившиеся к новопечатным книгам.

«Доски жгли на огне», а листы выбросили в море. Изображения Спаса, богородицы и святых из книг «за монастырем на пристани драли и ругались, и топтали ногами, и копыями попирали». Приводятся такие подробности: «...а каторой оброс кверху всплывет, и они копыи, бердуши в лица калолы и под лед подвадили». Двое больничных старцев — Исая Слепой и Васьян Крюков, несогласные с уничтожением книг, спрашивали о причинах истребления образов, напечатанных в них. Определенного ответа старцы не получили. По их словам, больничный келарь Филипп и подкеларник Иосиф вместо ответа «начали ругаться, называть нас (Исайю и Васьяна.— О. Ч.) отметниками веры христианския, еретиками. А книги де те все еретическия, и никакия в них истины нет». Образцы в книгах были при этом названы кумирами⁴¹.

Видимо, протест радикальных монахов и мирян связан с тем, что на образах перстосложение для благословения — именованное, а не двуперстное. Именно поэтому они могли восприниматься как еретические кумиры.

Уничтожение книг — закономерный акт, завершивший развитие негативного отношения к новопечатной литературе. В пятой соловецкой челобитной, других идеологических документах восстания основной причиной «порчи книг» называется искажение веры у греков⁴². Поэтому уничтожение книг по времени совпадает с враждебными действиями восставших по отношению к ссыльным грекам.

Нововведения в Соловецком монастыре не ограничивались изъятием новых книг. В марте 1669 г. в монастыре везде были сняты старые четырехконечные кресты; их «сломали и ссекли». Вместо них установлены новые — восьмиконечные. Кроме того, кресты были заменены на выносных хоругвях, фонарях, пеленах⁴³. Это событие не менее знаменательное, чем уничтожение новопечатных книг. Здесь налицо прямое новшество: восставшие не побоялись

⁴¹ ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 7—18.

⁴² Материалы... — Т. 3. — С. 143—151, 213—276.

⁴³ ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 9.

снять старые кресты, не соответствующие той форме, которая признавалась старообрядцами как единственно правильная.

Общий настрой в монастыре в мартовские дни 1669 г. отличался решительностью. Все высланные утверждали, что повстанцы царю «во всем противны». На Соловках шла энергичная подготовка к вооруженной борьбе. Устанавливался порядок караула, расписывались сотни и десятки. Готовилось к бою оружие. На городских стенах появились запасы «камня дробного». Были приготовлены котлы для варки. Миряне упражнялись в стрельбе. Для захвата на море запасов продовольствия выделено 200 «лутчих» людей и шесть карбасов с пушками. Раздавались отдельные голоса, что надо было побить Волохова с его людьми, когда они в первый раз подошли к монастырю⁴⁴.

Итак, весной — летом 1669 г. восстание достигло высокой точки подъема. Именно на этой волне было принято решение о высылке из монастыря ссыльных, которые не являлись сторонниками восстания. В июне 1669 г. они прибыли в Сумской острог.

Сентябрь 1669 г.: переворот в монастыре, победа «умеренных». Однако в монастыре далеко не все были настроены так решительно, как руководители восстания. По утверждениям высланных, до трети монастырской братии и мирян не хотели воевать с царем, не одобряли расправу с книгами. Оказывается, уже давно сидел в тюрьме Геронтий — автор четвертой и пятой соловецких челобитных. Он по-прежнему выступал против церковной реформы, но военные действия считал недопустимыми. Традиционно предположительной датой ареста Геронтия считается 1670 г. Теперь мы можем передвинуть эту дату на полтора года — самое малое на сентябрь 1668 г.⁴⁵

Внутренний конфликт достигает кульминации после того, как руководители восстания — келарь Азарий, казначей Симон и другие — весной — летом 1669 г. (точная дата неизвестна) изменили традиционную молитву за царя. Из молитвы были убраны имена царя и его семьи. Вместо них появились слова о «благоверных князях». Вместо молитвы за патриарха и митрополита появилась просьба о здравии «православных архиепископов». Таким образом, из привычных молитв исчезла всякая конкретность⁴⁶. Фактически это означало введение в монастыре немоления за царя и патриарха. И это, оказывается, произошло в 1669 г. — за четыре года до того, как 28 декабря 1673 г. черный собор монастыря принял знаменитое решение: «за великого государя богомолье отставить»⁴⁷.

Видимо, в это время в монастыре произошло еще одно важное в идеологическом отношении событие. По опубликованным источникам известно, что на заключительном этапе восстания миряне и иноки Соловецкого монастыря перестали ходить на исповедь к

⁴⁴ Там же, л. 42, 39.

⁴⁵ 19 сентября 1668 г. Геронтий находился уже в тюрьме. — ЦГАДА, Государственный архив, р. XXVII, д. 533, л. 1.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 101, 96.

⁴⁷ Материалы... — Т. 3. — С. 337.

духовным отцам, которые не поддержали радикальных установлений восставших⁴⁸. Но архимандрит Никанор, судя по некоторым данным, отказался от исповеди не в 1670-е гг., а раньше. В 1674 г. один из выходцев, Пахомий, заявляет, что Никанор не исповедовался уже лет пять⁴⁹, т. е. примерно с 1669 г. Как известно, Никанор сказал: «...Мы де и без священников проживем, и в церкви де часы станем говорить, а священники де нам не нужны»⁵⁰.

Но далеко не все в монастыре готовы были принять смелые новшества Азария, Никанора и их товарищей. Восстание развивалось настолько стремительно, что основная масса участников не успевала за лидерами. В начале сентября 1669 г. инициаторы наиболее радикальных мероприятий восстания были схвачены и посажены в тюрьму⁵¹. Опасения, что в монастыре назревает мятеж, еще летом 1669 г. высказывал один из главных лидеров радикальной партии Григорий Черный⁵².

Кто же возглавил переворот в монастыре? Из новых документов мы узнаем, что келарь Епифаний и казначей Глеб в результате этого переворота получили власть в обители. Один из первых шагов новой верхушки — освобождение из тюрьмы Геронтия⁵³. Но играл ли он какую-то серьезную роль в этот период, неизвестно.

Находившийся 17 сентября в монастыре стрелец Петрушка Иванов отметил твердость мирян и старцев в желании бороться против реформы. Особенно решительно были настроены миряне. Стрелец утверждал: «А трудники все собралися воры. чаю тово, что ис тюрем утеклецы и от смертной казни беглецы. И того чаю, что из московских бунтовщиков в монастыре есть»⁵⁴. Какое из знаменитых московских восстаний середины XVII в. он имеет в виду, неизвестно.

Итак, восставшие по-прежнему не желали мириться с реформой. Но тогда почему арестованы руководители восстания? Может быть, это случайный перевес сил в борьбе за власть между двумя группами лидеров? Развитие событий в монастыре в сентябре 1669 г. опровергает предположение о случайности ареста.

8 сентября «в обедное время» четыре бельца — Григорий Черный, Киприан Кузнец, Федор Брагин и Никита Троещина — сумели «сбить» с себя «железа» и выйти из тюрьмы. В воротах они захватили «топорки» и бердыши и пошли освобождать других заключенных. Всем освобожденным раздавалось оружие. Вооруженный отряд ринулся в трапезную, чтобы захватить врасплох новую верхушку монастыря. Начался бой. Но силы оказались неравными. Радикальная группа вновь была скована и выслана из монастыря

⁴⁸ Новые материалы... — С. 121.

⁴⁹ Материалы... — Т. 3. — С. 337.

⁵⁰ Там же. — С. 344.

⁵¹ ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 98.

⁵² Там же, л. 57.

⁵³ Там же, л. 96.

⁵⁴ Там же.

во избежание новых столкновений. Ладью с ними нашли сумские стрельцы, поехавшие на рыбную ловлю. 19 сентября 1669 г. все лидеры первого этапа восстания оказались в Сумском остроге в руках Волохова⁵⁵. Насильственно было выслано 37 чел., среди них келарь Азарий, казначей Симон, черный поп Дмитрий, еще 10 монахов (в том числе организатор морских рейдов за продовольствием старец Аника Пушкарь), а также миряне — Фадей Петров, Елевзар Алексеев, Григорий Черный (впервые бунтовавший в монастыре в 1663 г. в связи с «делом Геронтия»), еще 21 белец⁵⁶.

Среди лидеров монастыря весной — летом 1669 г. постоянно упоминается Никанор, но среди высланных его не оказалось. Он остался в монастыре. Какую роль он играл в событиях конца 1669—1671 г., пока непонятно.

Из всего этого можно сделать вывод о том, что осенью 1669 г. радикальная группа в монастыре оказалась в изоляции. Первый шаг — выступление против властей в защиту «старины», традиционного обряда — был сделан всеми участниками восстания, т. е. большинством иноков и мирян, проживающих в Соловецком монастыре. Второй шаг — откровенные догматические и обрядовые новшества — многих еще пугал.

Политика «умеренных», развитие восстания, победа радикальной партии. Новые власти монастыря были настроены далеко не так воинственно, как Азарий, Симон и их товарищи. Об этом можно судить по тону отписки, отправленной с высланными, в которой наряду с желанием сохранить обряды выражается покорность и верность царю⁵⁷. В этом смысле отписка — существенный шаг назад по сравнению с четвертой — шестой соловецкими челобитными. Характерно, что отписка составлена только от имени старцев, миряне в ней даже не упоминались. Более того, обвиняя радикальную партию, авторы отписки стремились подчеркнуть, что в ее составе действовали главным образом миряне и несколько «худых» иноков. Хотя такая оценка не вполне соответствует действительности⁵⁸. Более того, в разговоре с Петрушкой Ивановым келарь Елифаный и казначей Глеб, а также близкие к ним старцы согласились на переговоры с Волоховым о том, на каких условиях монастырь откроет ворота⁵⁹.

В новых документах события 1670 г. представлены отрывочно и очень коротко. Из них видно, что тот же стрелец Иванов вновь ездил на Соловки для переговоров. У него просили царскую грамоту с обещанием милости, если ворота будут открыты⁶⁰.

В 1671 г. в обитель был направлен стрелецкий сотник Иван Порошин. Ему сказали, что монастырь откроет ворота, если царские войска снимут осаду, а архимандритом вместо Иосифа царь

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 94.

⁵⁶ Там же, л. 99.

⁵⁷ Там же, л. 98—99.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же, л. 100.

⁶⁰ Там же, л. 298.

назначит кого-нибудь другого. Причем прозвучало обещание служить по-новому при новом архимандрите ⁶¹.

Все эти переговоры проходили на фоне усиливающейся вооруженной борьбы монастыря с царскими войсками. Видимо, поэтому царь, не очень доверяя устным обещаниям, потребовал их документального подтверждения ⁶².

Опасения царских властей оказались ненапрасными. В сентябре 1669 г. радикальные идеи Азария и его окружения пугали и отталкивали многих участников восстания. В той ситуации умеренные лидеры смогли повести массу восставших за собой. Но удержаться у власти в условиях постоянного подъема восстания умеренные не могли.

5 октября 1671 г. в Москву поступила отписка стрельцов, вновь побывавших в начале сентября в Соловецком монастыре ⁶³. Встреча Ивана Порошина и его стрельцов с восставшими произошла на этот раз на Заяцком острове. При виде стрельцов соловецкие старцы (их было около 15) сели в ладью и быстро отправились к монастырю. Стрельцы окликнули их и сообщили, что едут в обитель по царскому указу. Вскоре к острову на двух судах приплыли вооруженные миряне. Они велели стрельцам ждать на Заяцком острове до утра.

На следующий день в сопровождении вооруженного отряда стрельцы прибыли к монастырю. Там их встретили около 100 чел. «з дубьем». Городничий старец под конвоем отвел стрельцов к келарю и братии. Стрельцы подали отписку с изложением приказа царя писать челобитную с обещанием открыть ворота в случае смены архимандрита. После прочтения келарем отписки вслух все присутствующие заявили, что ничего подобного они не обещали, а ворота откроют тогда, когда можно будет служить по-старому. «И новые служебники им не надобны. Да и архимарит де им никто не надобен же».

Имен келаря и других старцев восставшие Порошину не сказали. Никакой отписки не дали. А тех старцев, с которыми велись все предшествующие переговоры, Порошин в монастыре не увидел. И келарь, и казначей были новыми.

Примерно в то же время один из соловецких выходцев назвал главным руководителем всего происходящего в монастыре архимандрита Никанора ⁶⁴. Как только победило радикальное крыло восставших, он вновь оказался у власти. Никанор остался единственным уцелевшим от начала до конца восстания лидером этого направления. Может быть, его спас громадный личный авторитет у всех иноков и мирян или помогла его гибкая позиция — сказать трудно. (Действия Никанора зачастую были уклончивыми, непоследовательными: покаяние на соборе в Москве, где он сумел убедить царя в своей способности навести порядок в монастыре; смена

⁶¹ Там же, л. 323.

⁶² Там же, л. 328.

⁶³ Там же, л. 382—390.

⁶⁴ Там же, л. 384.

клубука со старого на новый в Москве и наоборот — на Соловках и денежный счет за покупку нового клубука, предъявленный казначею обители; не было Никанора при уничтожении книг — акте, вызвавшем много сомнений у рядовых повстанцев.)

Итак, осенью 1671 г. восставшие умеренного крыла, готовые на компромисс с властями и даже на прямое предательство, потерпели поражение. Теперь восставшие начали возвращаться к тем смелым решениям, которые радикальная партия пыталась реализовать уже в 1669 г.

Социальный состав восставших. Опора восстания на местное население Поморья. Соловецкое восстание сумело преодолеть сложный и крутой переход от радикализма к умеренности и обратно. Но за шесть лет (1666—1671 гг.) восстание понесло тяжелые потери. Из монастыря выбыли наиболее энергичные руководители. Первый раз в 1666—1667 гг., когда на допросы в Сумской острог к Хитрово и в Москву выехали Герасим Фирсов, Александр Стукалов, Геннадий Качалов, Иона Брызгалов, Тихон. Второй раз — в 1669 г., когда умеренным удалось изгнать Азария, Симона, Фадея Петрова, Елезара Алексева и др. Но закономерно, что утрата лидеров не привела к окончательному спаду движения. На их место приходили другие, еще более решительные.

Новые лидеры поднимались из масс — из рядовых участников восстания. Рано делать выводы о численном соотношении монахов и мирян в рядах активных участников событий. Противники восстания были и среди бельцов, и среди иноков. Однако уже сейчас можно заметить, что на первых порах во главе движения оказались в основном богословски образованные иноки из числа соборных старцев (Герасим Фирсов, Никанор, Геронтий, Александр Стукалов). Их сменили рядовые монахи — Азарий, Симон, Аника Пупкар, получившие звание соборных старцев только в период восстания. Наряду с ними к руководству монастырем пришли радикально настроенные миряне (Фадей Петров, Елезар Алексеев, Григорий Черный), а из прежней верхушки монастыря — лишь Никанор, человек ранее близкий к царю. Таким образом, радикализация идеологии движения сопровождалась демократизацией социального состава.

Среди умеренных лидеров мирян не было. Монахи этого направления, как мы видели, отреклись от союза с бельцами. Мы можем говорить о том, что умеренная партия представляла в обители интересы далеко не демократических слоев. Вместе с тем, ни один из этих монахов не играл серьезной роли в Соловецком монастыре накануне восстания. Их имена не встречались в известных соборных приговорах 1650—1660-х гг. Эти монахи не выполняли значительных поручений в обители⁶⁵. Так что к мона-

⁶⁵ Это утверждение основано на изучении списков соборных и приказных старцев, опубликованных Н. И. Субботиным (Материалы... — Т. 3), а также рукописных документов Соловецкого монастыря (ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, д. 36, 38, 42, 43, 48, 81, 222—223, 232—234, 237, 243—246, 248, 252, 255, 258, 444, 451, 461, 471, 480, 484, 486, 490).

стырской верхушке умеренные лидеры не относились. Судя по всему, это были выходцы из рядовой братии, которые стремились в основном к сдерживанию восстания и установлению прочных контактов с московскими властями. Видимо, они ставили целью лично утвердиться в обители, питали надежду закрепиться на высших ступенях монастырской иерархии.

Можно предположить, что радикальное крыло восставших состояло из рядовой братии, части монастырской верхушки, вошедшей в конфликт с Москвой, и мирян. Это были люди полностью и решительно порвавшие с правительством, от которого они не ждут справедливости. Умеренные формировались главным образом из рядовых иноков, а также некоторых представителей монастырской верхушки, стоявших на традиционных религиозных позициях (Геронтий). Эта группа явно рассчитывала на союз с правительством, его поддержку. Среди умеренных были и те, кто мог предать восстание, отказаться от борьбы, и те, кто категорически отрицал церковную реформу. Для последних равно невозможны и компромисс с властями, и смелые преобразовательные мероприятия радикального крыла восставших. К их числу относился Геронтий⁶⁶.

Ситуация в осажденном монастыре осложнялась внутренними конфликтами. Но почему восстание оказалось столь устойчивым? Монастырь выдержал почти девять лет осады, несмотря на перевороты внутри него.

Сила и продолжительность восстания в основном объясняются тесной связью повстанцев с местным населением. Факт помощи крестьян осажденным общеизвестен. Однако новые материалы добавляют к общей картине некоторые немаловажные штрихи. Выявляются конкретные пути связи крестьян и иноков, имена людей, организующих доставку продовольствия и информации о царских войсках. Власти на берегу не могли противостоять этому процессу, на что неоднократно жаловались в Москву воеводы, осаждавшие обитель; об этом говорили и выходцы из монастыря⁶⁷.

Местных жителей зачастую вдохновляли на протест соловецкие иноки, местные священнослужители, т. е. наиболее авторитетные в духовном смысле для крестьян люди. Так, 14 марта 1669 г. стало известно, что кемский поп Симеон Маковеев еще на первой неделе поста отпросился «на озерка будто молитвы давать» и исчез. Как выяснилось, он до последнего времени вел службу по-старому и ему грозило разоблачение и наказание. К началу апреля попа отыскивали в одной из поморских деревень Реболдской волости. Стрельцы, тайно окружившие избу, в окно увидели: «а поп Семен сидит в ызбе и чтет книгу». Симеона схватили, но это вызвало волнения в деревне. На дворе собралось больше 50 чел. Зачитали приказ об аресте попа. «И поп де Семен почал им крестьянам

⁶⁶ Геронтий не принял реформу и в тюрьме в Сумском остроге.— См.: *Материалы*...— Т. 3.— С. 334.

⁶⁷ ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 7, 28—29, 70, 85, 93, 97, 331.

бить челом, чтоб его не выдали». Хозяин двора схватил топор, его поддержали другие. Попа отбили, а стрельцов называли «еретиками и отпадшими». Стрельцам пришлось уйти, а поп Симеон на этот раз скрылся от властей⁶⁸. Подобные ситуации не раз описывались в документах. Из той же Кемы сбежал дьячок Якушка Кивроев, ушедший потом в Олонецкий уезд и непоиманный⁶⁹. Ушел в Соловецкий монастырь и еще один кемский священник — успенский поп Матфей Евстратьев. В том же 1669 г., 17 августа, он вышел из монастыря с дьяконом Григорием Измайловым и тайно поселился на берегу. Затем они подали покаянную челобитную, адресованную царю. Свое разочарование в восстании оба выходца объяснили «мятежами и несогласиями» между повстанцами⁷⁰. Можно предположить, что эти люди были не слишком убежденными старообрядцами. Позиция многих местных священнослужителей в поддержку восстания стимулировала протест поморских жителей против реформы. Когда в Кемь прислали нового священника Иону, «крестьяне многие к церкви не почали ходить»⁷¹.

Каковы были формы связи между поморским населением и осажденным монастырем? Во-первых, монастырь регулярно получал «вести» о войсках. Из Шуи их посылал монастырский служка Макар Иванов сын Бешеной, из Сороки — дьячок Филька Сидоров и крестьянин Фетка⁷².

Второй формой помощи были поставки в монастырь продовольствия. Крестьяне сами отвозили припасы, отдавали их приехавшим из монастыря старцам и мирянам⁷³. Выделяется один случай. В 1669 г. архимандрит Иосиф послал в Мурманск за рыбой старца Авдея с трудниками. Все они с рыбного промысла уехали на Соловки. Позднее выяснилось, что ладья попала в бурю и трудники дали обет отдать рыбу чудотворцам в Соловецкий монастырь, если останутся живы. Ладью разбило, но люди и груз уцелели. Поэтому в монастырь отправился Данило Полтинин и еще четверо рабочих людей, чтобы позвать старцев за рыбой⁷⁴. Эта история еще раз доказывает, что высочайший духовный авторитет обители в Поморье был непоколебим.

Крестьяне продолжали поставлять в монастырь продукты не только на продажу, но и безвозмездно, т. е. поставляли обычные

---

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 25—26. Симеон был схвачен вместе с реболдским крестьянином Феткой Фокиным 13 декабря 1669 г., оба доставлены в Новгород к митрополиту Питириму. — Там же, л. 160.

⁶⁹ Там же, л. 25—26.

⁷⁰ Там же, л. 150, 154.

⁷¹ Там же, л. 25.

⁷² Там же, л. 42, 88. Филька Сидоров и Фетка в июне 1669 г. попали в руки Волохова и оказались в тюрьме. Филька там занялся переписыванием «воровских писем» для высланного повстанца Григория Черного. Бумагу и ножик для заточки перьев ему дал тюремный сторож Лазарко Васильев. Однако нашелся доносчик — бывший товарищ Фильки Фетка. — Там же, л. 88, 120, 165—166.

⁷³ Там же, л. 7, 42, 298, 330.

⁷⁴ Там же, л. 96, 104.

феодалные платежи, несмотря на зачитанный новым архимандритом Иосифом царский указ, отписывающий соловецкие вотчины на царя⁷⁵. Крестьяне продолжали по традиции платить дани. Соловецкий монастырь в этот момент обладал огромным духовным авторитетом не только как знаменитый религиозный центр, но и как идеологический центр, выражающий протест местного населения против центральных феодальных властей. Борьба с московским правительством приобретала в этой ситуации решающее значение, хотя иногда сохранялись и старые традиционные связи обители и крестьян. Так, беднейшие семьи продолжали приезжать за милостыней на Соловки и во время осады⁷⁶. Некоторые крестьяне, приехавшие на Соловецкий остров, оставались в монастыре. Например, когда Волохов был на острове, его спутники узнали среди повстанцев сумского бобыля⁷⁷. На побеги крестьян в монастырь из Кеми жаловался архимандрит Иосиф⁷⁸. О крестьянах, прибывших из Сороки, и «корелянах» сообщали выходцы из монастыря⁷⁹. Но не все могли остаться в обители. В сентябре 1671 г. к черному собору обратился безместный поп Феофилакт Рознухин с просьбой оставить его в монастыре. Но собор отказал ему на том основании, что кемский поп Матвей тоже сначала просился в монастырь, а потом ушел и служит в Кеми по-новому (речь идет об упоминавшемся выше Матвее Евстратьеве)⁸⁰. Однако в источниках не встречались указания на отказ собора принять мирян. Видимо, в этом акте выразилось недоверчивое отношение восставших к духовенству, приведшее потом к отказу от института церковной иерархии.

Третья форма общения повстанцев с местным населением строилась на инициативе самих осажденных, которые выезжали за припасами. Из монастыря направлялись закупочные старцы, как это бывало до восстания. Крестьяне оказывали им содействие⁸¹. В монастыре подготавливались и организовывались морские рейды на ладьях с оружием — на каждой ладье по пять пушек⁸². На этих судах старцы и миряне ходили в бывшие монастырские волости или совершали нападения на корабли Волохова. Обычно в рейде участвовали один-два монаха и группа мирян. Например, старец Аника Пушкарь и 26 мирян в сентябре 1668 г.⁸³, старцы Варфоломей и Глеб Кривой с 20 мирянами в октябре 1667 г.⁸⁴ Видимо, в этом проявлялась традиция монастыря направлять на работы (в усолья, на промыслы) мирян под руководством инок.

⁷⁵ Иосиф жаловался, что многократные чтения грамоты не помогают.— Там же, л. 331.

⁷⁶ Там же, 1670, д. 5, л. 266—268; 1671, д. 31, л. 37.

⁷⁷ Там же, 1669, д. 5, л. 97.

⁷⁸ Там же, л. 330—331.

⁷⁹ Там же, л. 298.

⁸⁰ Там же, 1670, д. 5, л. 113, 131.

⁸¹ Там же, 1669, д. 5, л. 7, 42.

⁸² Там же, л. 8.

⁸³ Там же, л. 14.

⁸⁴ Там же, л. 16.

Повстанцы были абсолютно уверены в том, что помешать им никто не сможет. Они, по утверждению выходца Васьяна Крюкова, говорили: «...На мори путь широк, стряпчему и архимондриту перенять нельзя»⁸⁵. И основой для такой уверенности служила повсеместная поддержка поморцев. Волохов считал, что даже местные стрельцы ненадежны, так как у многих «есть племяна, и друзья, и знакомцы» в монастыре⁸⁶.

*

*   *

Итак, можно утверждать, что новые материалы существенно расширяют представление о событиях, происходивших в Соловецком монастыре, раскрывают совершенно неизвестные страницы восстания. На основании этих документов в дальнейшем будет сделан анализ идеологических воззрений восставших в динамике. Это станет возможным при обработке новых источников по заключительному этапу восстания. По-иному можно оценить взгляды восставших на проблемы церковной реформы, царской власти, антихриста. Новые материалы дают значительную информацию о социальном составе участников восстания, их связях с местным населением, о судьбах повстанцев.

---

⁸⁵ ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 39.

⁸⁶ Там же, л. 85.

Н. Н. ПОКРОВСКИЙ

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ
ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ
О «СЛОВЕ И ДЕЛЕ ГОСУДАРЕВОМ»**

В развитии законодательства о политических преступлениях, обозначавшихся знаменитой в XVII—XVIII вв. формулой «слово и дело государево», исключительную по важности роль сыграл Петр I и его ближайшие помощники в судебно-карательной сфере.

При сопоставлении текстов петровских законов о «слове и деле» бросаются в глаза определенные противоречия, через которые проходит в своем развитии основная государственная доминанта экстраординарности, коей суждено удивительное многовековое долголетие. Объяснение этих противоречий — не только в сложных, меняющихся потребностях момента, но и в унаследованных от сословно-представительной монархии XVII в. традиционных представлениях, как правительственных, так и народных. Как всегда у Петра, сквозь хаотическое, казалось бы, следование сиюминутной острой нужде проступает логичная работа на века, а самые реформационные новации на деле имеют подчас давние причины и корни. Сплав множества подобных противоположностей — одна из самых интересных загадок Отца отечества.

В нашей предыдущей статье¹ мы стремились показать, что в XVII в. наряду с постепенно оформлявшимся пониманием «государева слова и дела» как особо важного политического преступления бытовало гораздо более широкое — как любого существенного для государства и государя вопроса. Ему соответствовала система представлений народного антифеодального монархизма о праведной борьбе в союзе с «добрым» государем против «плохих» бояр, воевод, приказных. Но и престол был не прочь использовать народную «теплую веру» в государя в интересах укрепления авторитета власти и для борьбы с нарастающей коррумпированностью и неэффективностью государственного аппарата. Строй сословно-представительной монархии давал готовые земские формы привлечения выборных демократических органов и общественного мнения

¹ Покровский Н. Н. Сибирские материалы XVII—XVIII вв. по «слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. — Новосибирск, 1988. — С. 24—61.

срловий для решения этих задач с использованием механизма «слова и дела государева». Но уже восстания середины XVII в. показали, как легко народные обвинения «плохих» слуг царя в нарушении государева интереса приобретают грозную антифеодальную окраску, становясь политическим обоснованием (подчас детально разработанным) острых актов классовой борьбы.

Подавив восстания середины века, правительство делает первую попытку кодификации политических преступлений, еще несовершенную, но проникнутую уверенностью, что главное дело карательной системы — борьба со «скопом и заговором», а не с воеводской коррупцией. Но сохранение права народного челобитья на провинившегося, некомпетентного или чрезмерно жестокого администратора в «Соборном Уложении» подчеркнуто особо.

Эти разные направления использования судопроизводства по «слову и делу», как и неоднозначное понимание самого термина, дожили до правления Петра I, несмотря на постепенное усиление абсолютистских начал при его отце. Важнейшим итогом деятельности великого преобразователя в этой фундаментальной государственной сфере было решение двух кардинальных задач: во-первых, ограничение особого политического судопроизводства по «слову и делу» наиболее опасными для монарха и империи преступлениями, включая важные формы классовой борьбы, но исключая финансовые злоупотребления и притеснения представителей власти; во-вторых, передача этого судопроизводства в исключительное ведение особого правительственного органа, фактически поставленного выше всех других органов власти в качестве личного инструмента карающей десницы государя. Иными словами, именно Петру принадлежит честь классического формулирования юридического понятия особо опасного государственного преступления и создания тайной политической полиции. Правда, как только что упоминалось, в обеих этих сферах новации Петра опирались на серьезные традиции, реформируя их.

Первым специфическим органом русского политического сыска постепенно становится в последние годы XVII в. Преображенский приказ, что на обширных документальных материалах фонда этого грозного учреждения убедительно проанализировано в известной монографии Н. Б. Голиковой². Итогами ее анализа мы и воспользуемся, несколько уточнив его применительно к нашей теме и высказанным в предыдущей статье соображениям. Как справедливо отмечает Н. Б. Голикова, начало процесса превращения Преображенского приказа в орган, концентрирующий у себя все судопроизводство по опасным политическим преступлениям, относится к 1697 г. В этом году князь Ф. Ю. Ромодановский, инициативный помощник Петра в судебно-карательной сфере, глава Преображенского приказа, начинает целенаправленно отбирать в потоке извещений «свои» дела³. Преобразования в стране еще едва разворачива-

² Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. — М., 1957.

³ Там же. — С. 21—22.

ются, но государственной власти уже приходится иметь дело с их противниками, и постепенно (начиная со старца Авраамия в январе 1697 г.) их все более последовательно препоручают заботам князя Федора Юрьевича. Последний, возможно, предвидел неизбежное значительное расширение работы и много потрудился над ее упорядочением и систематизацией.

С самого начала он обратил внимание на то, что ни в Соборном уложении, ни в позднейшем законодательстве не перечислены четко и последовательно все виды политических преступлений и что, в частности, не дается единообразное толкование важного термина «слово и дело государево». Опираясь не столько на законодательство, сколько на предшествующую практику московских приказов и собственное понимание задач момента, опытный администратор стал с 1697 г. производить систематический отбор в Преображенском приказе изветов, добиваясь превращения этого приказа в орган, специализирующийся на сыске по важным политическим делам. Это означало, во-первых, что из довольно пестрого потока изветов по «государеву слову и делу» следовало исключить, передавая в другие приказы, все, что в эту категорию, по мнению князя (и царя!), не входило, и, во-вторых, отстранить все другие государственные учреждения от следствия по этой категории дел.

Н. Б. Голикова по фонду Преображенского приказа рисует картину быстрых успехов Ф. Ю. Ромодановского в обоих этих направлениях. Принимая в целом эти ее выводы, отметим все же, что новшество внедрялось не без труда и на практике первое время не обходилось без непоследовательности. В воеводских наказах 1697 г. новая практика еще не нашла своего отражения, а был зафиксирован старый порядок, оставлявший за местными воеводами весьма значительный объем прав в судопроизводстве по политическим преступлениям.

В наказе казанскому воеводе князю П. Л. Львову от 31 марта 1697 г. ему поручается вести все предварительное следствие по изветам об «измене и шатости», посылая для этого за оговоренными дворян и самостоятельно ведя весь «розыск», включая пытку. Окончательное решение здесь традиционно оставляется за Москвой, за исключением ложных изветов и случаев, требующих срочного решения, когда воеводе разрешается даже самостоятельно вершить дело⁴.

В наказе верхотурскому воеводе стольнику К. П. Котову от 4 сентября 1697 г. ему даются еще большие права: вообще решать самостоятельно «по Уложению», лишь поставив Москву в известность позднее, дела по изветам «в измене или в каком воровстве», наказывать виновных и награждать доносчиков. Обращаться предварительно в Москву воевода мог лишь в том случае, когда сам этого хотел, считая дело неясным для себя⁵.

⁴ ПСЗ.— Т. 3, № 1579.— С. 286.

⁵ Там же.— № 1595.— С. 379—380.

Сведения о постепенности перехода политических дел в исключительную юрисдикцию Преображенского приказа содержат и судебно-следственные источники других приказов, фиксирующие случаи судопроизводства вне ведомства Ф. Ю. Ромодановского по «слову и делу». Случаи, когда, например, в Сибири и на Урале вопреки указам следствия по «слову и делу» велось на местах, не так уж редки в конце XVII — начале XVIII в.⁶ Да и позднее местные власти, которые по закону должны были лишь удостовериться, что изветчик настаивает на квалификации сообщаемого им деяния именно по «слову и делу» (не раскрывая содержания дела), проводили бывало настоящее следствие. Особенно часто занималось этим уральское горное начальство⁷.

Усилия князя Федора Юрьевича получили законодательную основу в важнейшем акте — именном государевом указе от 25 сентября 1702 г.⁸ Если бы в XIX в. руководителям охранки и III отделения е. и. в. канцелярии, корпуса жандармов, пришла в голову странная мысль искать в седой старине отправной пункт юридического провозглашения кардинальных принципов своей системы, указ 1702 г. более всего подходил бы для этого. Указом все судопроизводство по «государеву слову и делу» полностью изымалось из компетенции любых центральных и местных правительственных органов и сосредоточивалось в Преображенском приказе. Любое административное учреждение, в которое мог обратиться изветчик по «слову и делу», обязано было немедленно переправить его, не начиная следствия, в Преображенский приказ. Особо подчеркивалось, что от следствия по этой категории дел отстраняются как Судный приказ, так и местные воеводы. В самом начале указа оговорено распространение его действия на всех изветчиков любых сословных групп, включая помещичьих крестьян и холопов (что, впрочем, соответствовало практике предыдущего века).

Указ 1702 г. создавал, таким образом, особый орган тайного политического сыска, поставленный в этой важной сфере выше всех прочих правительственных учреждений страны и пользующийся монопольным правом на ведение следствия и суда по «слову и делу государеву». Указ употреблял этот знаменитый термин, но еще не раскрывал его содержания.

Такой существенный недостаток законодательства, явно отстававшего от интенсивной практики Преображенского приказа, которая значительно ограничивала в эти годы прежнее широкое толкование термина, несколько исправлялся именованным указом 1703 г., изданным Петром I в связи с иной проблемой, волновавшей его.

---

⁶ ПГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1372, л. 404—407, 464—468; оп. 2, ст. 1337, л. 1—182; ст. 1423, л. 1—26; оп. 5, ст. 901, л. 1—33 — дела 1698—1705 гг., по которым центральная власть никаких процессуальных претензий не высказывала.

⁷ ПГАДА, ф. 494, оп. 1, ч. 1, № 740, л. 35—42об., 54—85; ф. 623, оп. 1, № 982, л. 110—124, 190—197; оп. 2, № 32, л. 1—33; Пихоя Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII—XVIII в.).— Свердловск, 1987.— С. 25—26.

⁸ ПСЗ.— Т. 4.— № 1918.

Как справедливо отмечала Н. Б. Голикова, несмотря на всю суровость петровской реакции на политические преступления, законодатель несколько смягчал здесь государственные обычаи XVII в., ограничивая сферу применения смертной казни⁹. Прагматические интересы подсказывали преобразователю, что виновных куда как выгоднее использовать на каторге, чем «казнить смертью». Тем более, что мало кто мог вынести обычные 10 лет петровской каторги.

В развитие этих гуманных мыслей царь издал 19 ноября 1703 г. «именной, из Преображенского приказа» указ:

«На Москве во всех приказах приводных всяких чинов людей, которые явятся по розыскным делам в государевых делах — в измене и в бунте — и в смертных умышленных убийствах, или кто кого каким смертным питием или отравкою уморит: и тех людей за те их вины казнить смертью. А которые люди явятся опричь вышеписанных вин в иных всяких воровствах: и тех, по прежнему своему великого государя указу, за их вины ссылать в Азов на каторгу»¹⁰.

Именным указом от 14 января 1704 г. это распоряжение было повторено в качестве общего по всей стране¹¹, с некоторыми уточнениями относительно ссылаемых на каторгу и без употребления термина «государевы дела» для «измены и бунта». Старый этот термин, как мы видим, вводится в новое законодательство еще неуверенно, границы его нынешнего применения не вполне пока ясны. Когда в связи с одним частным случаем 1 марта 1708 г. был вынесен боярский приговор о расследовании в Преображенском приказе всех дел о распространении печатных писем «к возмущению народа», термин «государево слово и дело» не употреблялся¹².

Весьма характерным для этих колебаний является именной указ от 9 февраля 1705 г. На первый взгляд он противоречит предшествующему законодательству о ведении всех следствий по «государеву делу» лишь в Преображенском приказе. Но в действительности он только отражает реальную нечеткость понятия «государево слово и дело», идущие из глубины XVII в. противоположные тенденции в его трактовке. Петр I видит обе эти тенденции — и правительственное стремление поставить на первое место в содержательном смысле термина такие политические преступления, как оскорбление царского величества и т. д., и упорное народное желание называть этим термином в первую очередь многочисленные финансовые и прочие злоупотребления администрации. Он предпринимает попытку разграничить эти две вещи, разделяя термины «государево слово» и «государево дело» и применяя лишь первый из них для политических преступлений, подлежащих

⁹ Голикова Н. Б. Политические процессы. — С. 25.

¹⁰ ПСЗ. — Т. 4. — № 1951. Знаки препинания (тире) поставлены нами. Причислять здесь обычные убийства к «государственным делам» невозможно хотя бы потому, что тогда излишним было бы упоминание «всех приказов», «государевыми делами» уже не занимавшихся.

¹¹ Там же. — № 1957.

¹² Там же. — № 2189.

исключительной юрисдикции Преображенского приказа. Но подобный выход из противоречия не соответствовал ни давней исторической традиции, ни сути дела, ни смыслу слов. Поэтому в дальнейшем от него пришлось отказаться.

Таков, на наш взгляд, наиболее вероятный способ объяснения появления этого странного законодательного акта. Приводим его полный текст¹³.

«Которые из купецких и всякого чина на Москве и в городе [x] ведомых в Ратуше людей будут сказывать за собою Государево слово, и тех на Москве брать, а из городов присылать в Ратушу, и во-первых спрашивать их Инспекторам Ратушского Правления Алексею Курбатову с товарищи, нет ли чего за ними причинного о Его Государеве здравии, и буде скажет, что есть, и тех, не спрашивая, отсылать для учинения указа в Преображенский приказ к стольнику Федору Юрьевичу Ромодановскому. А если, не ведая кто разности слова с делом, скажет слово, а явится дело, и тем, и другим, которые станут сказывать за собою его Государевы дела, указ чинить в Ратуше им, инспекторам, с товарищи. И о том для ведома в Преображенский приказ послать е. и. в. Государя указ, а в города и бурмистрам памяти».

Этот текст, обойденный историками, нельзя трактовать как попытку изъять часть политических преступлений из ведения Преображенского приказа. Наоборот, его следует рассматривать как соответствующую практике Ф. Ю. Ромодановского попытку отделить от политического тайного следствия другие случаи, включая «интересные» дела — нарушение государевых финансовых интересов и т. п. Что касается содержания политических преступлений, то здесь указан лишь умысел на государево здоровье, который вскоре будет стоять на первом месте в знаменитых трех пунктах «слова и дела». Возможно, он назван «государевым словом», потому что наиболее распространенной формой этого умысла весь XVII в. было произнесение колдовских заговорных формул или матерной брани, также считавшейся магическим заклинанием¹⁴.

Новая серьезная попытка определить содержание понятия «государево слово и дело» была предпринята в «именном, из Сената» указе от 23 декабря 1713 г.¹⁵ Великий государь указал (и указ этот был «сказан всенародно и кликан биричем во всех городах»): «ежели кто напишет, или словесно скажет за собою государево

¹³ ПСЗ.— Т. 4.— № 2029.

¹⁴ Новомбергский. Слово и дело государевы.— М., 1911.— Т. 1—2; Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Studia Slavica*.— Budapest, 1983.— 29.— С. 33—69; Покровский Н. Н. Материалы по истории политических верований сибиряков XVII—XVIII вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII—начала XX в.— Новосибирск, 1975.— С. 115, 124.

¹⁵ ПСЗ.— Т. 5.— № 2756. Н. Б. Голикова пользуется не этой публикацией, а сделанным в Преображенском приказе не вполне точным пересказом указа и ориентировочно датирует его по трем делам фонда приказа январем 1714 г.— Голикова Н. Б. Политические процессы...— С. 26. Ошибка эта укрепилась в позднейшей литературе.

слово или дело, и те бы люди писали и сказывали в таких делах, которые касаются о их государском здоровье и высокомонаршеской чести, или уведают какой бунт и измену».

Указ, таким образом, четко формулирует все основное содержание особо опасных политических преступлений, не разбивая еще его на отдельные пронумерованные статьи. В соответствии с понятной стойкой традицией умысел на государево здоровье поставлен на первое место. Характером общественного сознания, религиозных и политических представлений XVII в., всей толпой судебной практики прошлых лет обусловлено и тесное привязывание урона «высокомонаршеской чести» к угрозе государевому здоровью. Лишь в елизаветинское время эта средневековая связь постепенно начнет ослабевать (что не сразу, но скажется на тяжести приговоров), и только в просвещенное правление Екатерины II она будет совсем ликвидирована. Однако не будем забывать, что фундаментальные причины, вызвавшие к жизни это новое мышление середины и второй половины XVIII в., неотделимы от деятельности Петра Великого.

Весьма показательно для логики петровского законодательства и то, что изю всех остальных политических преступлений указ 1713 г. называет самое основное, существенное — бунт и измену. Это полностью соответствует предшествующей традиции. Но не во всем указ шел за традицией, уже следующие его строки были направлены против нее.

В них делалась решительная попытка исключить из состава «государева слова и дела» с его экстраординарным судопроизводством все остальные преступления. Несомненно, законодатель в первую очередь имел здесь в виду все те нарушения государева интереса, которые наряду с вышеперечисленными в XVII в. традиционно включались в «слово и дело». Это финансовые злоупотребления, насилия и некомпетентность властей. Абсолютная власть пытается, таким образом, противостоять многочисленным попыткам мирских организаций, народных масс, использовать «слово и дело» для борьбы не только с коррупцией, но и с процессом усиления этой власти, с давно уже наметившимся курсом на изживание сословно-представительного строя с его правом апелляции общин к монарху. Приводим это окончание указа.

«А о прочих делах, которые к вышеписанным не касаются, доносить кому надлежит, а в тех своих доношениях писать им, ежели на кого какие дела ведают, сущую правду. А письменно и словом в таких делах слова и дела государева за собою не сказывать.

А буде с сего его, великого государя, указу станут писать или сказывать за собою государево слово или дело, кроме помянутых причин, и им за то быть в великом наказании и разорении, и сосланы будут на каторгу».

Задача решительной борьбы с практикой народного расширительного толкования «слова и дела», с использованием этого толкования в актах антифеодалного протеста впервые вводит здесь

в законодательство новую тему, которая будет иметь весьма интенсивное широкое практическое применение. Эта тема наказаний за ложное сказывание «слова и дела», не соответствующее новому объему понятия.

Однако в дальнейшем во всей этой важной проблеме содержания «слова и дела» будет проявлена определенная непоследовательность. Она, как показывает судебная практика первой половины XVIII в., будет в полной мере использована народным юридическим сознанием в пользу традиционного толкования проблемы. Именным указом от 25 января 1715 г. «похищение казны» будет опять недвусмысленно включено в число преступлений по «слову и делу государеву»¹⁶.

Непосредственным поводом к появлению этого указа послужила несколько иная, тоже немаловажная проблема (и в истории советского общества было бы куда меньше так называемых негативных явлений, если бы законодатели XX в. приняли подход к ней Отца отечества века XVIII). Речь шла об анонимных доносах, поступавших в правительственные органы. Для судопроизводства по «слову и делу государеву» (как впрочем, и в других сферах) анонимный извет являлся в принципе бессмыслицей: любой извет обязательно подкреплялся готовностью изветчика отвечать за него, и очень часто — на жестокой пытке, которую он должен мужественно переносить ради правды и государя. Пословица «доносчику первый кнут» была важным процессуальным правилом Преображенского приказа, пытка изветчика была неизбежна при любом расхождении его показаний со словами ответчика¹⁷. Конечно, Петр понимал, что анонимность доноса не всегда означала его ложность и бывала подчас связана с опасностью расправы. В практике петровского времени иногда (хотя и очень редко) встречались поэтому следствия по анонимкам, но удивительна та прозорливая мудрость, с которой создатель новой России предвидел страшные для государства и общества разрушительные последствия веры анонимным доносам¹⁸.

Ярким доказательством этой мудрости и является указ 1715 г. Он категорически предписывает самое кардинальное средство борьбы с анонимками: сожжение их при свидетелях до прочтения. Указ имеет в виду распространенную форму подбрасывания авторами, желающими остаться в неизвестности, информации властям — «подметные письма». Осуждая этот способ, государь всячески призывает своих подданных «явно» доносить обо всех непорядках и преступлениях. Приводя примеры награждения изветчиков за спра-

¹⁶ ПСЗ.— Т. 5.— № 2877.

¹⁷ Конечно, при равном сословном статусе, помещика не так легко подвергали пытке по доносу его крепостного, хотя серьезнейшего разбирательства, а подчас пытки, он все равно не избежал сы.— Голикова Н. Б. Политические процессы...

¹⁸ О подобном же отношении Екатерины II к анонимным доносам см.: Покровский Н. Н. Жалоба уральских заводских крестьян 1790 г. // Сибирская археология и источниковедение.— Новосибирск, 1979.— С. 162.

ведливые доносы, ссылаясь на учреждение должности фискалов, «которые непрестанно доносят не тоию на подлых, но и на самыя знатныя лица без всякой боязни, за что получают награждения», Петр призывает всех следовать этим добрым примерам и не прибегать к «подметным письмам». С осуждением рассказывается, как для одного анонимного доносчика, обещавшего явиться открыто и сделать правительству важное заявление, было даже «денег в фонаре 500 рублей поставлено», но тот испугался и не пришел.

В начале указа объясняется и еще одна существенная причина появления распоряжения о немедленном уничтожении любого «подметного письма» («кто какое письмо поднимет, тот бы отнюдь не доносил об нем, ниже чел, ни распечатывал, но объявляя посторонним свидетелям, жгли на том месте, где подымет»). Причина эта в том, что в «подметных письмах» встречается не только похвальное стремление сообщить властям важные вести, но и нечто противоположное: «многия являються подметные письма, в которых большая часть воровских и раскольничьих вымышлений, которыми под видом добродетели яд свой изливают». Это важное доказательство страха властей перед старообрядческой агитацией, проявлениями классовой борьбы.

Но понимая, что проблема «подметных писем» охватывает далеко не одни лишь старообрядческие листовки и прочие «вражеские выходки», законодатель тут же проявлял заботу об авторах тех писем, которые вполне добродетельно хотели осведомить власти о неотложных обстоятельствах. При этом указ особо выделяет самые «нужные и важные» для государя дела. О них всякий, «кто истинной христианин и верный слуга своему государю и отечеству... без всякого сумнения может явно доносить словесно и письменно... самому государю, или пришед ко двору его царского величества, объявить караульному сержанту, что он имеет нужное доношение». Далее следует знаменитое изложение этих дел в трех пунктах. И хотя термин «государево слово и дело» как таковой в тексте указа (и нескольких последующих) не встречается¹⁹, именно эти формулировки со ссылкой на указ 1715 г. или без нее будут затем постоянно цитироваться в последующем законодательстве и в судебных делах при определении содержания «государева слова и дела»²⁰. Вот эти формулировки: «...что он имеет нужное доношение, а имянно о следующих: 1) о каком злом умысле против персоны его величества или измены, 2) о возмущении или бунте, 3) о похищении казны». Обо всех других делах предлагалось «доносить кому те дела врученны... а писем не подметывать».

Можно заметить, что формулировки политических преступлений в первых двух пунктах этого указа, пожалуй, менее полны и логичны, чем в предыдущем указе 1713 г. Здесь вообще пропущено (после умысла на государеву персону) поругание «высокомонаршей

¹⁹ Умолчание, крайне характерное для колебаний законодательства этого времени при установлении объема и терминологического аппарата сферы государственных преступлений.

²⁰ См., например: ПСЗ.— Т. 6.— № 3553, 3739, 3971.

чести», одно из самых частых преступлений по «слову и делу». Интересно, что в реальной судебной практике такие дела всегда квалифицировались по первому пункту указа 1715 г. Измена упомянута в указе в составе этого же пункта. Во втором пункте наряду с бунтом, упоминаемым указом 1713 г., названо и близкое понятие «возмущение». Все они встречались и в судебных делах XVII в.

Но самым удивительным является третий пункт, включающий (вопреки указу 1713 г.!) в состав особо опасных государственных преступлений «похищение казны». Можно отметить две основные причины такой непоследовательности. Во-первых, ломка сильной традиции предыдущего века, когда финансовые преступления составляли важнейшую часть судопроизводства по «государеву слову и делу», оказалась исключительно трудным делом. Речь ведь шла не только о государственном законе, но и о широком народном правосознании; слишком многих по указу 1713 г. пришлось бы загонять на каторгу за вполне справедливый донос о финансовых злоупотреблениях.

Но еще важнее вторая причина, коренящаяся не в наследии прошлого, а в острой сиюминутной потребности. Правительство Петра I, как известно, вынуждено было уделять исключительное, первоочередное внимание финансовым вопросам, они лежали в основе главных петровских реформ, диктовали ведущие направления внутренней политики. «Добродетельные» доносчики о финансовых злоупотреблениях и упущениях были крайне нужны, их всячески поощряли, и грех было отправлять их на каторгу.

Уже в 1718 г. Петр найдет остроумный выход из всего этого противоречия между четким стремлением обособить судопроизводство по наиболее важным чисто политическим делам и опасением нарушить существенные интересы казны. Именными указами от 19 января и 22 декабря 1718 г. финансовый третий пункт оставался в составе самых важных государственных преступлений, т. е. «слова и дела государева», но исключительная юрисдикция с разрешением обращения к самому императору (через караульного офицера) сохранялась лишь для первых двух пунктов указа 1715 г. По третьему же пункту предписывалось обращаться к возглавившему Тайную канцелярию гвардии майору А. И. Ушакову, полковнику Кошелеву, а указом от 22 декабря — к фискалам или Юстиц-коллегии (по мере развертывания петровских административных преобразований сюда добавлялись и другие учреждения)²¹.

Создание в 1718 г. в связи с особой ситуацией — делом царевича Алексея с розыском в самой царской семье — Тайной канцелярии одно время привело к дублированию этой канцелярией и Преображенским приказом судебно-следственных функций по первым двум пунктам. Но 21 апреля 1724 г. последовал сенатский указ о передаче всех таких дел из Тайной канцелярии и даже

²¹ ПСЗ.— Т. 5.— № 3143, 3261.

из Сената в ведение одного Преображенского приказа²². Мы видим, таким образом, что исключение финансовых злоупотреблений из ведения тайных органов политического сыска было сделано постепенно и не до конца еще последовательно — одно время Тайная канцелярия занималась делами по всем трем пунктам.

Для народного юридического сознания XVIII в. очень характерна тенденция при использовании механизма «слова и дела» в борьбе с коррумпированными властями ссылаться на текст указа 1715 г., а не 1718 г.!

Обширный указ Петра I от 22 декабря 1718 г. заслуживает дополнительных замечаний. Он очень показателен для идеологии абсолютистского «регулярства», стремления к всеобъемлющей регламентации как верному средству достижения общего блага. Указ начинается с красочной жалобы на то, что государь единолично не в силах удовлетворить всех челобитчиков, всех обиженных. Таким образом читатель подводится к мысли о необходимости стройной централизованной системы судопроизводства: «Понеже челобитчики непрестанно его царскому величеству докучают о своих обидах, везде, во всяких местах не дая покою; и хотя с их стороны легко разсудить можно, что всякому своя обида горька есть и несносна, но при том каждому разсудить же надлежит, что такое их множество, а кому бьют челом, одна персона есть, и та коликими воинскими и прочими несносными трудами объята есть: и хотя б и таких трудов не было, возможно ль одному человеку за так многими усмотреть? Воистину не точию человеку, ниже Ангелу», кои тоже ведь не могут быть одновременно в нескольких местах.

Тем не менее государь заботится обо всех. Сначала он должен был «в сей тяжкой войне» думать о военных делах — «не только что войну вести, но все вновь людей во оной обучать, правы и уставы воинские делать принужден был, и сие с помощью божиею в такой доброй порядок привел, что какое ныне перед прежним войско стало и какой плод принесло, всем есть известно».

Затем пришло время учредить такой же образцовый порядок и в гражданских делах: «Милосердя его величество о народе и земском справедливом правлении, не изволил пренебречь потрудится и сие в такой же добрый порядок привести, как и воинское дело...». Государь, сделавший решающий вклад в сокрушение опирающейся на земское самоуправление сословно-представительной монархии XVII в., именуется собственной машиной гражданской власти «земским справедливым правлением»! Это не только привычная демагогия власть имущих в новой абсолютистской форме идеологии общего блага, но и отзвук тоски великого преобразователя по действительному аппарату контроля над коррупцией и самовластием бюрократии.

Хорошо известно, что Петр возлагал тщетные надежды на принцип коллегиальности как препону этому самовластию. Поэтому указ ссылается на учреждение коллегий как на важный пример

²² Там же. — Т. 7. — № 4494.

начавшейся перестройки и упорядочения гражданского управления на основе справедливости: «...как и воинское дело, чего ради учинены коллегии, то есть собрание многих персон (вместо приказов), в которых президенты или председатели не такую мочь имеют, как старые судьи: делали, что хотели. В коллегиях же президент не может без соизволения товарищей своих ничего учинить».

Далее в указе излагаются основы новой судебной системы, призванной внедрить справедливость в российскую жизнь и избавить государя от потока жалобщиков. Отныне лично к государю обращаться с жалобами категорически запрещается под страхом «наказания жестокого» (см. предыдущий указ об этом). «Для полного удовольствия челобитчикам всем суда правого» учреждались нижние суды в городах, провинциях и губерниях. На их решения можно было жаловаться в надворные суды, создаваемые в «знатных губерниях», на решения надворных судов — в Юстиц-коллегию, а на ее решения можно было подавать жалобы сенатскому секретарю. Сенат решал дело окончательно, в последней инстанции. За жалобу государю на решение Сената указ определял смертную казнь, но сам Сенат в затруднительных случаях мог докладывать дело царю, испрашивая его именного указа.

На фоне провозглашения этого стройного порядка, безусловно запрещавшего прямое обращение к государю, особенно выделялось единственное исключение, сделанное в последнем (седьмом) параграфе указа: предписывалось «по указу, опубликованному 1715 года генваря 25 числа, доносить его величеству по силе того указа», но только по первым двум пунктам.

Упомянутые в указе от 22 декабря 1718 г. военные уставы также внесли немаловажный вклад в борьбу с государственными преступлениями, поэтому выписки из них часто содержатся в судебно-следственных делах всего XVIII в. не только в военном, но и в гражданском судопроизводстве²³.

Наибольшее значение для кодификации норм о политических преступлениях имели артикулы 18 и 19 третьей главы Артикула воинского. Первый из них предусматривал квалифицированную смертную казнь (четвертование) с конфискацией имущества в тех случаях, «есть ли кто подданный войско вооружит или оружие предпримет против его величества, или умышлять будет помянутое величество полонить или убить, или учинить ему какое насилство»²⁴. В толковании к этому артикулу провозглашалось, что «голый умысел» наказывается здесь точно так же, как и совершенное деяние.

Для самого массового вида политических преступлений — «непристойных слов» о монархе — Артикул воинский 1715 г. предус-

²³ Шворина Т. И. Воинские артикулы Петра I. — М., 1940. — С. 14; Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военного законодательства Петра I. — М., 1947. — С. 25; ПСЗ. — Т. 5. — № 3010.

²⁴ Российское законодательство X—XX веков: В 9 т. — Законодательство периода становления абсолютизма/Отв. ред. А. Г. Маньков. — М., 1986. — Т. 4. — С. 331; ПСЗ. — Т. 5. — № 3006.

матривал наказание куда более тяжкое, чем обычная практика XVII и XVIII вв., а именно обязательную смертную казнь:

«Артикул 20. Кто против его величества особы хулительными словами погрешит, его действо и намерение презирать и непристойным образом о том рассуждать будет, оный имеет живота лишен быть и отсечением главы казнен».

Принципиально важно толкование, присовокупленное законодателем к этой статье и дающее чеканную формулу монархического самовластия, объявляющего преступлением любое обсуждение и критику государевых решений и деяний:

«Толкование. Ибо его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять»²⁵.

Действие этой статьи распространялось и на «непристойные речи» о царице «и его государства наследии».

Те же самые положения были вскоре внесены и в Устав морской (кн. V, гл. 1, ст. 2)²⁶.

Умысел на государево здоровье (точнее — любое злоумышление против царя — «кто будет зло умышлять против его величества»), а также недонесение об этом преступлении одинаково карались по военным уставам квалифицированной смертной казнью путем четвертования с конфискацией имущества²⁷.

Вполне понятно, что воинские уставы уделяли значительное внимание «измене и переписке с неприятелем», за которые наказывали смертной казнью. И здесь один «голый умысел» наказывается точно так же, как и осуществленное деяние²⁸.

В связи с изменой и шпионажем военный и морской уставы касались также (при определении наказания за недоносительство, которое каралось в зависимости от тяжести смертной казнью или телесным наказанием) одной острой проблемы, не раз встававшей и в гражданских следствиях: как быть, если кто-нибудь узнает или догадается о готовящейся измене, подозреваемых в шпионаже людях, но не будет иметь доказательств и свидетелей, чтобы подтвердить свое подозрение на следствии. Ведь извetchик, с одной стороны, отвечал спиной за правильность извета, а с другой — спиной или жизнью за недоносительство. Эта трудная дилемма в армейских условиях нашла интересное решение. Уставы различали здесь две ситуации. Первая — «ежели кто явно ведает о какой измене или вредительном деле» и имеет доказательства, он немедленно сообщает обо всем «аншеф-командующему», который тут же производит арест подозреваемых и ведет следствие в общем порядке. Вторая — когда имеются лишь подозрения и нет доказательств —

²⁵ ПСЗ.— Т. 5.— № 3006.

²⁶ Там же.— Т. 6.— № 3485.

²⁷ Там же.— № 3485, кн. V, гл. 1, ст. 1.

²⁸ Измене целиком посвящена глава 16 Воинского артикула, артикулы 124—132.— Законодательство периода становления абсолютизма...— С. 350—352; ПСЗ.— Т. 5.— № 3006.— С. 357.

«ежели присмотрит подозрение некоторое, а подлинно знать не может». И в этом случае должно сделать немедленный извет «аншеф-командующему» под угрозой жестокого наказания за недоносительство. Но этот последний, получив извет, не должен ни требовать доказательств ни производить сразу арест подозреваемых, «ибо может быть, что и честной человек от злоумышленного и мстительного человека невинно оклеветан бывает»²⁹. Командующий, предостереженный изветчиком, должен установить наблюдение за подозреваемыми, чтобы узнать, нельзя ли «присмотреть» доказательства справедливости извета³⁰.

Наконец, в уставах упоминалось и такое важнейшее политическое преступление, как «бунт и возмущение». Предусматривалось, что если «кто каким образом причину к бунту и возмущению учинит... оный живота лишится»³¹.

Таким образом, статьи военных уставов содержали нормы о наказаниях за все виды политических преступлений, перечисленных в двух первых пунктах указа от 25 января 1715 г., значительно детализируя положение этого указа, чем и определялось значение уставов для судопроизводства страны.

Рассмотренные законодательные акты 1702—1718 гг., несмотря на отдельные нестыковки, разногласия и упущения, заложили прочную юридическую основу отношения властей русской абсолютистской империи XVIII в. к политическим преступлениям. С учетом богатой практики Преображенского приказа, а затем и Тайной канцелярии они кодифицировали состав криминальных деяний, особую процедуру следствия и суда, его тайный даже для самого бюрократического аппарата характер и набор наказаний.

Законодательные акты последних лет правления Петра внесли в этот важный комплекс лишь несколько частных добавлений, а иногда даже противоречащих основной тенденции отдельных исключений, не носивших принципиального характера и долго не державшихся.

Два из них связаны с конкретизацией принципа монопольной юрисдикции Преображенского приказа для Дона и Украины. Подчеркнув этот принцип для Дона было особо необходимо в связи с известной традицией «с Дона выдачи нет». Сенат, указом от 28 марта 1720 г. распорядившись о посылке на Дон дополнительного количества пороха и свинца, счел этот случай удобным, чтобы присовокупить: «Кто из казаков будет сказывать за собою государево слово и дело, таковых присылать к розыскам» (со ссылкой на распоряжение об этом Коллегии иностранных дел)³². Здесь

---

²⁹ Напомним, что строки эти писались через восемь лет после трагической истории Кочубея.

³⁰ ПСЗ.— Т. 5.— № 3006, арт. 129, с. 358.

³¹ Там же.— Т. 6.— № 3485, кн. V, гл. XIII, ст. 92 (Морской устав). По Военскому артикулу (гл. 17, артикул 135) здесь предусмотрена возможность замены смертной казни телесным наказанием.— Законодательство периода становления абсолютизма...— С. 352.

³² ПСЗ.— Т. 6.— № 3553.

явно имеется в виду порядок суда по политическим преступлениям, установленный указами 1702, 1713, 1715 и 1718 г., причем употреблено традиционное выражение «государево слово и дело».

Второй указ, именной от 16 апреля 1723 г., среди прочих распоряжений, данных Малороссийской коллегии, содержит и не очень ясное указание о том, как поступать с содержащимися в этой коллегии украинцами, обвиненными в произнесении «непристойных слов» против государя. Указ повелевает в этих случаях «розыскивать вправду и чинить, чему достойны». Однако исходя из отмеченного выше рационального принципа экономии жизней подданных и принесения их в жертву лишь в более тяжелых случаях, Петр I распорядился применять должное наказание только когда выяснится, что преступление «из злости происходит... а что спроста, то втолковывать ему, а не наказывать»³³. Остается неясным, почему эта полезная мысль внушается Малороссийской коллегии, а не Преображенскому приказу и Тайной канцелярии. То ли указ признает тем самым для украинцев юрисдикцию Малороссийской коллегии в политических делах (прямо это не сказано, но вроде бы следует по смыслу), то ли речь идет о смягчении в этой коллегии приговоров, вынесенных Ф. Ю. Ромодановским и А. И. Ушаковым при отсылке колодников в коллегию для наказания, — неясно. На практике Преображенский приказ постоянно занимался делами украинцев на общем основании, так что исключение по указу 1723 г., если оно и было провозглашено, сколько-нибудь реального значения не имело.

Особая юрисдикция по «слову и делу» была еще раз подтверждена и именным указом Петра I от 5 ноября 1723 г. о «форме суда». В частности, на политические преступления не распространялось общее положение о предоставлении ответчику до суда списка выдвинутых против него обвинений³⁴.

Два других акта посвящены очень острой проблеме ложных доносов о «государевом слове и деле», всегда в избытке поступавших от арестованных, стремившихся таким сомнительным способом облегчить свое положение. Сам по себе удивительно показателен этот поиск российским человеком лучшей доли даже путем перемещения в тюрьму Преображенского приказа. Многие колодники испытывали непреодолимую потребность информировать правительство о важных «государевых делах», даже если никакой реальной информации у них не было. Для осужденных на смертную казнь это был способ продлить свои дни и даже попытаться счастья в побеге по дороге в столицу. Замешанные в преступлениях могли надолго оттянуть таким образом основное следствие. Но главное, даже из самой отдаленной тюрьмы империи можно было известить авторитетнейшие столичные учреждения о насилиях и злоупотреблениях местных властей, помещиков, — либо традиционно квалифицируя их, несмотря на все запреты, как «государево дело», либо

³³ Там же. — Т. 7. — № 4196.

³⁴ Там же. — № 4344.

примысливая обвинения в оскорблении чести царя, умысле на его жизнь и т. д. И при всей явной абсурдности многих подобных заявлений (например, о колдовском умысле на царское здоровье высших чинов Тобольска) экстраординарный следственный механизм по политическим преступлениям с его немалыми полномочиями должен был каждый раз немедленно вступать в действие³⁵. В этом была реальная слабость механизма и помеха в нормальном функционировании государственной власти.

Ложные доносы явно снижали эффективность работы самого Преображенского приказа, хотя, конечно, очень способствовали нагнетанию общей атмосферы страха в стране — что особенно проявится в годы правления Анны Иоанновны, да и позднее. Но раз создав устрашающую систему тайного политического сыска, абсолютной власти было крайне трудно соглашаться на любые исключения из нее, даже полезные для этой власти. Указы петровского времени хорошо демонстрируют то немалое затруднение, в котором пребывал здесь великий преобразователь: в отличие от своих преемников, он хорошо видел весь вред от ложных доносов, но не решался ни в чем менять столь ценный им механизм политического насилия и устрашения.

В сенатском указе от 16 февраля 1721 г. сурово констатируется «в правлении генеральных дел помешательство», происходящее от того, что колодники часто «сказывают за собою и за другими людьми государево слово и дело», а генерал-губернаторы, вице-губернаторы и воеводы присылают их в Сенат. Но в постановляющей части указа лишь повторяется предписание присылать этих колодников не в Сенат, а в Преображенский приказ. Это, конечно, облегчало работу Сената, но отнюдь не устраняло остального «помешательства»³⁶.

Более полно и близко к трудной реальности вся проблема рассмотрена в сенатском указе от 20 сентября 1723 г.³⁷ Указ был принят по письму в Кабинет известного горного начальника генерал-майора Геннина. Он жаловался, что в отсутствие сибирского и тобольского губернатора многие каторжные колодники смело кричат «государево слово и дело», «отбывая от виселицы и от прочих штрафов». По этим напрасным изветам «командиров и выслано к Москве немало... и ежели де сие не прекратить, то в отпращивании дел великая остановка». Между тем по Генеральному регламенту от опельмованных и публично наказанных людей никаких свидетельств и челобитных принимать не велено.

Однако Сенат, приказывая тобольскому надворному судье князю С. Козловскому всячески беречься каторжных колодников и

---

³⁵ Нам приходилось уже писать, как в 1722 г. по ложному доносу об измене был немедленно арестован и отправлен в кандалах в Преображенский приказ полковник Батасов, командовавший карательной экспедицией против Тарского восстания. — Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. — Новосибирск, 1973. — С. 35—36.

³⁶ ПСЗ. — Т. 6. — № 3739.

³⁷ Там же. — Т. 7. — № 4308.

«до вольностей и непотребных поступков не допускать их», не решается распространить норму Генерального регламента на изветы по «слову и делу». Наоборот, указ подтверждает в соответствии с обычной в этих случаях практикой, чтобы изветчики и оговоренные немедленно были закованы и отправлены в тюрьму, где их следует держать «за крепким караулом» изолированно от всех других колодников, «и для того те тюрьмы утвердить накрепко». Единственной незначительной уступкой жалобам Геннина является распоряжение повременить с отправкой этих колодников к следствию до прибытия в Тобольск губернатора, сообщив одновременно в Сенат, за какие вины они сосланы в Сибирь. Уступка эта к тому же не принималась во внимание Преображенским приказом, продолжавшим требовать незамедлительной присылки из Сибири в его распоряжение всех, сказавших «слово и дело».

Ссылка в указе на сибирского губернатора, возможно, объяснялась тем, что как раз в это время широко развернулась страшная работа Тарской тайной комиссии розыскных дел. Она была создана в ноябре 1722 г. по инициативе самого государя сенатским распоряжением для проведения непосредственно на месте массового розыска всех, замешанных в Тарском бунте 1722 г. и связанных с ним многочисленных актах протеста в других местах Сибири. В розыске по тарскому делу большую роль играл сибирский и тобольский губернатор князь А. К. Черкасский, а возглавлял тайную комиссию вице-губернатор А. П. Петрово-Соловово. Это исключение из монополии Преображенского приказа по «слову и делу» было вызвано практическими соображениями и носило временный характер.

Указ 20 сентября 1723 г. отнюдь не решал сложной проблемы нанесения ущерба государственным интересам от ложных доносов по «слову и делу», коллизия эта остро стояла все время существования института и была одной из причин его отмены. Сенат, издав указ 1723 г., вынужден был продолжать заниматься ею и сделать здесь новые, впрочем также весьма незначительные и не учитываемые на практике уступки, уже в правление Екатерины I³⁸.

Проблема ложных доносов по «государеву делу» волновала не только светские, но и духовные власти империи. Вопросу о политических преступлениях духовенства в XVIII в. недавно была посвящена специальная работа Н. Д. Зольниковой³⁹, поэтому мы, не касаясь здесь проблемы в целом, упомянем лишь о синодальном указе от 18 апреля 1722 г.⁴⁰

³⁸ По сенатскому доношению именованным указом от 26 августа 1726 г. приказывалось в случае изветов колодников по первым двум пунктам указа 1715 г. не только спрашивать у них на месте, соответствует ли извет «силе» этих пунктов, но и добиваться подтверждения ими этого соответствия под пыткой.— ПСЗ.— Т. 7.— № 4952.

³⁹ Зольникова Н. Д. Институт «слова и дела» и сибирское духовенство в XVIII в. // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири в дооктябрьский период.— Новосибирск, 1987.— С. 125—140.

⁴⁰ ПСЗ.— Т. 6.— № 3971.

Указ начинается с интересной констатации: «Святейший Правительствующий Синод, усмотря по обретающимся в Синоде делам такую в монахах дерзость, что многие сказывают за собою е. и. в. слово и дело, а когда по присылке в Синод бывают о том спрашиваны, тогда не точию такой важности, какая во оных слове и деле заключаются, не объявляют⁴¹, но признаются, что и силы того слова и дела не знают», не ведают о пунктах указа 1715 г., о жестоких наказаниях, положенных последующими указами за объявление «слова и дела», не соответствующее первым двум пунктам или вообще ложное.

Однако средство, избранное Синодом для пресечения зла, было хотя и логичным, но не вело к решению проблемы, свидетельствуя лишь о значительности явления. Синод предписал разослать по епархиям «печатные дубликаты» указов о «слове и деле», «дабы незабытной ради памяти оные дубликаты на каждый месяц во всяком монастыре были во услышание всем прочитаны».

Несмотря на все указы, на все старание духовных и светских властей, на широкое и неотвратимое применение жестоких наказаний (обычно кнута) за ложное объявление «слова и дела государева», важная проблема эта так и не была решена при Петре I, как не справились с ней и его преемники. Здесь сказалась как прочность идущей из глубины XVII в. народной традиции более широкого толкования содержания «слова и дела», так и особенно соблазн использовать этот важный институт в личных целях, отнюдь не совпадающих с видами правительства.

В заключение этого обзора петровского законодательства о политических преступлениях остановимся на одном указе, изданном в связи с частным случаем, который, однако, позволил Петру законодательно напомнить о принципиально важных моментах борьбы с такими преступлениями. В тексте указа явственно ощущается личное участие государя в его составлении.

28 апреля 1722 г. был издан именной, объявленный из Сената указ, который «е. и. в. указал во всех губерниях и провинциях публиковать всенародно»⁴². В констатирующей части акта сообщалось о том, что жители г. Пензы проявили недостаточное рвение к охране государевой чести, когда нашелся злоумышленник, который «кричал всенародно многие злые слова, касающиеся до превысокой чести его императорского пресветлого величества и весьма вредительные государству». «Людей немалое число», сбегавшихся послушать оратора, вопреки указам, не торопились доносить о происшедшем властям, пока в Пензе не нашелся единственный доносчик, посадский Ф. Каменщик. За свое деяние он

⁴¹ В этой формулировке слышен отзыв безнадежной борьбы Синода за полноту собственной власти над духовным сословием. Монахи, действительно подведомственные Синоду, в силу общегосударственного законодательства не имели права «объявлять» в Синоде о каких-либо обстоятельствах своего извета по «слову и делу». Они должны были, по общему правилу, лишь подтвердить его соответствие указам 1715—1718 гг.

⁴² ПСЗ.— Т. 6.— № 3984.

получил 300 руб. денег, пожизненное право беспошлинной торговли и особое указание всем властям впредь никогда не притеснять его и «от всяких обид охранять».

Сообщая с глубоким возмущением о дефиците гражданских чувств у жителей Пензы, указ извещал о личном требовании императора в связи с этим делом. Государь распорядился публиковать по всей стране, чтобы явных злодеев, подобных пензенскому, немедленно хватали и приводили «в города к правителям». Последние обязаны, сковав их в ручные и ножные железа, не спрашивая, присылать в Тайную канцелярию или в Преображенский приказ. «А ежели кто проведает за кем, что он тайно некоторо зло производит, и на таковых доносить в городах командирам, а им, командирам, весьма скоро тайным поведением оных злодеев сыскивать, и, не спрашивая, присылать в означенные канцелярии». В этом распоряжении гражданским и военным властям видно определенное влияние цитированной выше нормы воинских уставов.

Указ всячески поощряет доноительство, в конце его несколько ужесточается кара за недоношение: вместо возможного выбора между смертной казнью и кнутом по предшествовавшему законодательству провозглашается (вопреки стремлению к сбереганию жизни подданных) безусловная смертная казнь. Расхваливая выгоду верного доноса, обязательную награду за него, автор указа не может обойти одной противоречившей этой рекламе процессуальной нормы, исправно соблюдавшейся на практике: доносчика следовало немедленно арестовать и закованного выслать в Тайную канцелярию или Преображенский приказ — практически точно так же, как и всех оговоренных им. Указ пытается несколько смягчить эту норму, разрешая отправку доносчика «за поруками» или «за провожатыми под честным арестом» (!). Но суровые практики политического сыска вроде Ф. Ю. Ромодановского и А. И. Ушакова таких вольностей явно не одобряли, а судебные дела свидетельствуют о господстве прежнего порядка доставки доносчиков и после издания этого указа.

Однако несмотря на эти частности, указ, несомненно, способствовал внедрению важной мысли о необходимости суровой борьбы с уроном государевой чести и другими политическими преступлениями.

Т. В. ПАНИЧ

«ОПИСАНИЕ ТРЕХ ПУТЕЙ ИЗ РОССИИ В ШВЕЦИЮ» АФАНАСИЯ ХОЛМОГОРСКОГО

(к истории текста памятника)

«Описание трех путей из державы царского величества, ис поморских стран в Швецкую землю и до столицы их» было написано холмогорским архиепископом Афанасием в связи с Северной войной. Долгое время исследователям был известен единственный список сочинения, включенный в рукописный сборник начала XVIII в.¹ На основании этого списка «Описание» было датировано 1701 г. На это указывала дата в заглавии памятника: «...Сочинися же сие самом преосвященным архиепископом Холмогорским Афонасием... Лета господня 1701, месяца марта». Этот список был опубликован дважды: в 1838 г. П. Г. Бутковым² и в 1908 г. В. М. Верюжским в приложении к жизнеописанию холмогорского архиерея³.

В 1960 г. Л. А. Дмитриев опубликовал новый список «Описания трех путей», найденный им в библиотеке Саратовского государственного университета в сборнике первой половины XVIII в. (собрание Шляпкина, № 329.530)⁴. По указанной в названии нового списка дате («1700 марта дня») и некоторым особенностям текста исследователь датировал памятник мартом 1700 г., высказав предположение, что дата в списке из собрания Толстого является опiskeй, а сам список представляет более позднюю по сравнению с вновь найденным переработку «Описания». Исследователь подчеркнул, что новый список «не может быть назван иной редакцией интересующего нас произведения»⁵.

¹ ГПБ, собрание Толстого, F.XVII 10, л. 46—58 об. Описание сборника см.: Калайдович К. Ф. и Строев П. М. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке графа Ф. А. Толстого. — М., 1825. — С. 158—159 (далее — Т. Ф. 10).

² Описание трех путей из России в Швецию, составленное в 1701-м году/Подгот. к печати П. Г. Бутковым // ЖМВД. — СПб, 1838. — Ч. 29. — С. 260—295. Позднее «Архангельские губернские ведомости» (1854. — № 6, 8) перепечатали отсюда первую часть памятника — описание первого пути.

³ Верюжский В. М. Афанасий архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. — СПб, 1908. — С. 656—665.

⁴ Дмитриев Л. А. Новый список «Описания трех путей» Афанасия Холмогорского // Археографический ежегодник за 1958 год. — М., 1960. — С. 335—349 (далее — Шл. 329.530).

⁵ Там же. — С. 337.

И. П. Шаскольский в историко-географической заметке, посвященной «Описанию трех путей», имея в виду уже оба списка памятника, заметил, что ранее известный «представлял собой позднейшую переработку сочинения Афанасия Холмогорского, произведенную через несколько десятилетий после окончания Северной войны»⁶.

Предположение Л. А. Дмитриева о первичности текста, представленного списком из собрания Шляпкина, справедливо и бесспорно. Действительно, ранее известный список (Т.Ф.10) является собой позднейшую переработку первоначального текста, читающегося в опубликованном Л. А. Дмитриевым списке. Однако нам представляется, что здесь следует говорить о новой редакции памятника, сделанной до осени 1702 г., вероятно, самим автором «Описания трех путей». Ниже мы попытаемся обосновать это предположение результатами текстологического анализа имеющихся списков сочинения и некоторыми косвенными данными. Говорить же о позднем происхождении переработки, известной пока лишь в единственном списке, а тем более относить ее на несколько десятилетий после создания первоначального текста, как это предположил И. П. Шаскольский, нельзя уже потому, что сам сборник из собрания Толстого датирован писцом 1707 г. На л. 570 имеется его запись, к сожалению, оставшаяся незамеченной: «Писал Иван Василев сын Валяев, лета 1707-го».

Недавно нам удалось отыскать еще один список «Описания трех путей» в рукописном сборнике, хранящемся в ГПБ в составе собрания Петербургской духовной академии под № 424 (далее — Ак. 424). Рукопись имеет печатное описание⁷, но из-за дефектности списка (отсутствует начало памятника) сочинение холмогорского архиерея осталось неузнанным. Сборник представляет собой рукопись-конвюлт начала XVII — начала XVIII в., 1°, 68 л., написанную полууставом и скорописью, в картонном переплете, оклеенном цветной бумагой. Рукопись имеет общее название — «Книга о разных духовных и мирских вещех», которое принадлежит, по-видимому, ее составителю, поместившему под одним переплетом несколько рукописей разного времени. Им же написано и оглавление сборника (почерк XIX в.). Составитель имел в своем распоряжении, очевидно, лишь фрагмент рукописи начала XVIII в. с текстом не известного ему памятника, и так как начало с названием было утрачено, то сочинение Афанасия Холмогорского он озаглавил по содержанию рукописи: «Описание реки Нарвы и городов Ругодева, Олонца, Ладоги, Орешка, Канца, Ревеля, Стеколна, Корелска, Выбора, Карибера, Олунского и Абова 1700 году». Так оно значится и в описании А. С. Родосского.

«Описание трех путей» написано скорописью начала XVIII в. и занимает л. 2—16об. При переплете сборника листы с «Описа-

⁶ Шаскольский И. П. «Описание трех путей» Афанасия Холмогорского // ТОДРЛ.— М.; Л., 1958.— Т. 14.— С. 460.

⁷ Родосский А. С. Описание 432 рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание.— СПб, 1893.— С. 378—379.

нием трех путей» были перепутаны, поэтому нарушена последовательность изложения. Список, как отмечалось, дефектный: утрачены не только начальный лист, но и самый конец памятника, а также небольшой фрагмент текста, где начинается описание третьего пути в Шведскую землю (всего утрачено около трех листов)⁸. Некоторые листы сильно потемнели, бумага плохой сохранности, прорвана во многих местах, особенно пострадали л. 15, 16.

Текст исследуемого памятника написан на бумаге с филигранью «Герб Амстердама», точного соответствия которой в справочниках нами не найдено, знак близок: Тромонин, № 545 (1681 г.), а также Хивуд, № 391 (1689 г.). Бумага с близким знаком была и у писца сборника Т.Ф.10, что косвенно свидетельствует о переработке текста в близкие сроки после его написания, а если учесть, что бумага со знаком «Герб Амстердама» (в разных вариациях) встречается во многих рукописях, принадлежавших архиерейской библиотеке (запись на книгах), а также вышедших из архиерейского скриптория⁹, то можно предположительно говорить и о едином месте рождения памятника и его переработки.

Найденный нами список представляет собой тот же первоначальный вид «Описания трех путей», что и опубликованный в свое время Л. А. Дмитриевым. На основании одного из списков этого вида и была сделана сокращенная редакция памятника, которая представлена пока лишь одним списком — Т.Ф.10¹⁰. Каким же образом соотносятся друг с другом списки, представляющие первоначальный вид сочинения Афанасия Холмогорского, и какой из них более полно и точно сохранил авторский текст? При сличении этих списков (Ак. 424 и Шл. 329.530) становится очевидным, что текст Ак. 424 располагает более точными по смыслу чтениями, содержит меньше пропусков по сравнению со списком Шл. 329.530, т. е. он ближе к оригиналу, чем второй список. Вместе с тем текст сокращенной редакции (Т.Ф.10) ближе к тексту списка Ак. 424. Это дает возможность предполагать существование протографа, к которому восходит и список Ак. 424 и сокращенная редакция. Чтобы продемонстрировать соотношение списков,

---

⁸ По сравнению, однако, со списком Шл. 329.530 доля утраченного текста не так велика. Список Шл. 329.530 обрывается в середине статьи «Колской присуд», тогда как в списке Ак. 424 текст продолжается еще на 10 листах, отсутствует лишь последний. В списке же Шл. 329.530 всего утрачено более трети текста памятника.

⁹ См., например, рукописи: БАН, Арх. Д. 487; БАН, Арх. Д. 486; БАН, Арх. С. 417; БАН, Арх. С. 162; БАН, Арх. С. 198; БАН, Арх. С. 122; ГИБ, Собр. Вяземского, Q. 232; ГИБ, Собр. Вяземского, Q. 233; ГИБ, Собр. Соловецкого монастыря, 665/723. Здесь можно сослаться также на выводы М. В. Кукушкиной, которая в ходе палеографического исследования установила, что в рукописях из библиотеки Афанасия употреблялась бумага голландского и немецкого производства со знаками «Герб Амстердама», «Seven provinces» и «Голова шута». — См.: Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. — Л., 1977. — С. 192.

¹⁰ Л. А. Дмитриев, располагая сильно дефектным списком, не имел возможности заметить, что текст первоначального вида памятника подвергся значительной целенаправленной переработке.

приведем несколько примеров:

Ак. 424

Шл. 329.530¹¹

Т. F. 10

...пути в судах до начала реки Свири 270 верст (л. 4)   ...пути в ездах до начала реки Свири 270 верст (с. 338)   ...в судах до начала реки Свири 270 верст (л. 47)

Как видим, список из собрания Шляпкина имеет в этом фрагменте искаженное чтение: «в ездах» вместо первоначального «в судах». Это не единственная ошибка переписчика. Например, в рассказе о разрушенном шведами русском монастыре, некогда стоявшем на о. Валааме, список Шл. 329.530 неточно передает авторскую мысль. Слово «знание» появилось здесь, по-видимому, в результате неверного прочтения слова «знамение», которое ярко и зримо передает картину разрушения — даже знаков существовавшей некогда монашеской обители не осталось:

Ак. 424

Шл. 329.530

Т. F. 10

Ныне уже ниже знамение его обретается, понеже от врагов божих весь разорися (л. 5)   Ныне уже знание его обретается, понеже от врагов шветов весь разорися (с. 339)   Ныне же ниже знамени его обретается, от шведов весь разорися (л. 47об.)

Кроме того, список из собрания Шляпкина имеет ряд пропусков, нарушающих логику повествования и подчас искажающих смысл. Например, в начале статьи «Путь за море» пропущены некоторые слова и словосочетания:

Ак. 424

Шл. 329.530

Т. F. 10

От града того путь чрез море Варяжское до столицы королевской Стеколны в кораблях пособым ветром шествия два нощенства. Не дошед Стеколны 30 верст, из моря лежит пролива... (л. 6об.)   От града того путь чрез море Варяжское до столицы королевской Стеколны пособным ветром шествия два нощенства Стеколны 30 верст из моря лежит пролива... (с. 343)   От града того путь чрез море Варяжское до столицы королевской Стеколны в кораблях пособным ветром шествия два нощенства. Не дошед Стеколны 30 верст, из моря пролива... (л. 51об.)

Список Шл. 329.530 имеет также пропуск во введении, результатом которого является ошибочное чтение, смешивающее названия двух разных городов Нарвы (Ругодева) и Колывани (Ревеля). Поскольку лист с началом памятника в списке Петербургской духовной академии утрачен, сравниваем данный фрагмент с соответствующим отрывком в списке сокращенной редакции:

Шл. 329.530

Т. F. 10

Первы путь из Сумского городка... до Шведского града Нарвы, рекше Колываня... (с. 337)   Первый путь из Сумского городка... до Шведского града Нарвы, или Ругодева, и до града Ревеля, рекше Колывани... (л. 46)

Очевидно, в протографе списка Шл. 329.530 были приведены названия обоих городов (Нарвы и Ревеля) в двух вариантах — местном и русском. Однако в результате ошибки писца шведская крепость Нарва идентифицировалась с Колыванью (русское на-

¹¹ Здесь и далее текст этого списка цитируется по публикации Л. А. Дмитриева.

звание Ревеля). Вероятнее всего, список Ак. 424 имел правильное чтение приведенного фрагмента, но его отсутствие не позволяет нам с уверенностью это утверждать.

Список Ак. 424 сохранил в тексте слово «знаменуй» (т. е. заметить, укажи), видимо имевшееся в черновом автографе и обращенное к переписчику белого списка: «Знаменуй, яко от славнаго государскаго града Пскова пути до градов Ивана и Ругодева 180 московских верст» (л. 3). В списке из собрания Шляпкина соответствующее место читается так: «От славнаго государскаго града Пскова путь до градов Ивана и Ругодева 180 верст московских» (с. 342).

На основании отмеченных особенностей мы можем считать список Ак. 424 более близким, чем список Шл. 329.530, к авторскому тексту, несмотря на то, что и он имеет некоторые ошибочные, хотя и немногочисленные чтения и отдельные пропуски слов. Так, в списке Ак. 424 неверно прочитано словосочетание: «градския страна» вместо «градския стены». В статье «О граде Ревеле», где речь ведется о торговой жизни города и порта, пропущено слово «приход»: «...Пристанище кораблем имеет изрядное. Того ради кораблем бывает немало всегда. Купечествуют вси во граде» (л. 60б.). Список Шл. 329.530 в этом фрагменте дает, на наш взгляд, правильное чтение: «...Пристанище кораблем имеют изрядное. Того ради кораблем приход бывает немалый всегда. Купечествуют вси во граде» (с. 343).

Несмотря на отдельные текстуральные расхождения, оба рассмотренных списка (Ак. 424 и Шл. 329.530) представляют собой первоначальный вид исследуемого нами памятника, составленного, как справедливо предположил Л. А. Дмитриев, в 1700 г. Впоследствии текст сочинения был подвергнут переработке, результатом которой явилась сокращенная редакция «Описания трех путей», сохранившаяся в списке Т.Ф.10 и выполненная, как нам представляется, Афанасием Холмогорским в период до осени 1702 г. Какковы основания для подобного предположения?

Если сравнить между собой первоначальный и переработанный тексты, то в последнем наряду с сокращениями можно отметить ряд уточнений, добавление новых дополнительных сведений. Так, при описании расстояния между Выгезерским погостом и Повенцом в статье «О Выг-езере» в первоначальном тексте автор признается в отсутствии у него сведений о расстоянии до волости Маселги; в новой же, сокращенной редакции он, очевидно, такими сведениями уже располагал, поскольку указал общее число верст от Выгезерского погоста до Повенца. Сравним:

*Шл. 329.530*¹²

Т. Ф. 10

От Выгезерского погоста до волости Маселги знание верст у нас в ней не обретется... От Маселги до Повенскаго посаду 30 верст (с. 338)

От Выгезерского погоста чрез волость Маселгу до Повенетского посаду 65 верст (л. 47)

¹² В данном случае сравниваем со списком, опубликованным Л. А. Дмитриевым, так как в списке Ак. 424 лист с этим текстом отсутствует. Далее при сравнении обеих редакций мы будем привлекать список Ак. 424 как более полный и близкий к авторскому тексту.

Того же плана и уточнение в статье «О монастыре Александрове». К описанию географического положения монастыря Александра Свирского добавляется сведение о расстоянии его от р. Свири: «А от реки Свири той монастырь 4 поприща» (л. 47), тогда как в первоначальном тексте отмечено лишь, что он стоит «одесную тоя Свири» (л. 4).

Редактирование текста шло в основном по пути его сокращения, иногда значительного. Очевидно, автор стремился сделать сочинение более компактным, опуская все то, что представлялось ему лишним, не связанным с конкретными задачами «Описания трех путей из России в Швецию», и оставляя только самые необходимые конкретные сведения и факты. Так, последовательно исключаются по всему тексту своеобразные концовки-моления, завершающие описание каждого из трех путей, в которых автор, взывая ко всевышнему, выражал надежду на скорое освобождение исконно русских земель: «Просим — подаждь, господи, дабы вси государския грады с провинциями их, возвратилися в державу царскаго величества. Буди! Буди! Аминь» (л. 3об). Или: «Оканчавая втораго пути сказание... могущему богу благодарение. Пропшу его со всеусердным моим намерением, яко да во [звратит] вся древния грады росийскаго царствия со всеми правинциями их в державу вел[икаго] государя, и предаст всегордаго врага [шведа] в руке его ко славе его святой. Аминь» (Ак. 424, л. 16об.)¹³.

Заключительная фраза списка сокращенной редакции — «Зде же, окончеваая третияго пути», грамматически настроенная на продолжение начатого в ней высказывания, имеет искусственно усеченный вид; очевидно, она является результатом сокращения подобной концовки-мольбы.

Мы не будем останавливаться на мелких сокращениях — они имеются по всему тексту. Приведем примеры лишь самых значительных. В первоначальном тексте при описании второго пути, который вел «из Сумского же городка» «до немецкаго шведскаго рубежа», очень подробно перечисляются все села и погосты Олонецкого и Кольского присудов с указанием количества дворов в каждой деревне и расстояний между всеми населенными пунктами. Описание этого пути занимает несколько листов. В сокращенной редакции от всего текста осталось несколько предложений. Для сравнения приведем начало статьи «О втором пути в Шведскую землю» в его первоначальном виде и переработанном:

Ак. 424

T. F. 10

Из Сумского же городка до волости Шизни 30 верст. В ней 50 дворов крестьянских Соловецкого монастыря.

Из Сумского городка на Шильню и Олонецким и Кольским уездом, чрез многия села и деревни на Тулово, и до немецкаго швед-

Олонецкой присуд.

От Шизни до Шуезерского погоста 30 верст. В нем церковь, дворов крестьянских 80 и вяцши. От Шуезерского погоста до Максазерской волости 20 верст. В ней 10 дво-

¹³ Текст в квадратных скобках восстановлен по смыслу, он не читается из-за плохой сохранности (в этих местах прорвана бумага).

ров крестьянских. В Максозерской волости до Тунгуя волости 10 верст. В ней 40 дворов. От Тунгуя до Березовой деревни 15 верст, в ней 15 дворов. От Березова до деревни Конбакова 15 верст, в ней 15 дворов. От Конбакова до Ругозерского погоста 25 верст, в нем церковь и прихождких 50 дворов. От того погоста до волости Тышки 15 верст, в ней 10 дворов. И те семь вся волости, погосты, деревни — присуду града Олонецкого, живут в них земледельцы кореляня.

ского рубежа и границы 330 верст (л. 54об.)

Колской присуд.

От Тышки до волости Муезера 50 верст, в ней 7 дворов. От Муезера до деревни Лузенги 20 верст, в ней 5 дворов. От той деревни до волости Чолки 25 верст, в ней 20 дворов. От Чолки до Реболского погоста 10 верст. В том погосте церковь, жителей 40 дворов. Окрест того Реболского погоста в разных местах деревень, дворов 50 и вятские. От того погоста до деревни Колвозера 15 верст, в ней 15 дворов. От Колвозера до деревни Туловы 30 верст. До зде Колской присуд. В нем жители все кореляня. От Тулова до немецкого рубежа, рекше границы, 20 верст. На рубеже шведов на великих соснах и на великих камнях вырезаны подписи, а что — незнанно. Всего от Сумского острога до немецкого шведского рубежа, рекше границы, 330 верст (л. 10—11).

Подобное сокращение подробностей наблюдаем также при сравнении описания третьего пути, на участке от русско-шведской границы до г. Кариберя (Каянеборга):

Ак. 424

Т. F. 10

От тех же граничных сосен в приселение шведов путь во град Кариберь многими деревнями, которые стоят по обою страну реки Олнуска разстоянием деревня от деревни верст по 5 и по 6 и 10 и вятские и менши. Жителей имеют те деревни дворов по 3, и по 4, и по 5, и по 6, и по 10 и вятские и менши. Всего от границы до Кариберя 100 верст московских (л. 13об.).

От тех же граничных сосен в Швецкую землю до града Кариберя многими деревнями 100 верст (л. 57об.).

Как видим, сокращения в основном касаются описания второго и третьего путей, ведущих к шведским границам. От подробных обстоятельных описаний остаются лишь очень сжатые фразы, передающие самые общие географические сведения. И. П. Шаскольский, рассматривая историческое значение русских северных путей, отметил, что из описываемых холмогорским архиепископом путей именно первый стал широко использоваться в XVII в. русскими торговыми людьми «для продажи северно-русских товаров на берегах Балтийского моря, в Нарве, Ревеле, Стокгольме... Меньшее значение имели описываемые Афанасием Холмогорским второй и третий пути... Эти пути использовались главным образом для торговли между северными владениями России и Швеции»¹⁴.

Вероятно, Афанасий понимал практическую значимость и важность описания первого пути и, редактируя свое сочинение, сделал сокращения во второй его части. Известно, что задуманный Пет-

¹⁴ Шаскольский И. П. «Описание трех путей» Афанасия Холмогорского.— С. 459.

ром I поход под Нотебург, начатый в августе 1702 г., был осуществлен именно по первому пути, с незначительными отклонениями¹⁵ (вспомним уточнения географических сведений об отрезке пути от Выга до Повенца, сделанные в сокращенной редакции).

Подробное описание этого похода царя с многочисленным войском и двумя судами из Белого моря по воде до деревни Нюхчи и затем сушей к Онежскому озеру до Повенецкой пристани, сохранилось в известном сочинении, приписываемом Афанасию Холмогорскому, «О высочайших пришествиях великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича... из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших, о нахождении шведских неприятельских кораблей на ту же Двину к Архангельскому городу, о зачати Новодвинской крепости и о освящении нового храма в сей крепости» (М., 1783.— С. 96—106)¹⁶. Здесь приведены записи летописного характера, которые велись, очевидно, при архиерейском доме несколькими лицами, в том числе и самим архиепископом, на протяжении нескольких лет. В этом комплексе ему, несомненно, принадлежит та часть, в которой повествуется о драматических событиях во время летнего 1701 г. нашествия шведских военных кораблей на Архангельск. Основанием атрибуции является заглавие этого раздела: «Сие описание из разных писменных известий и от разведывания людей собрано и сочинено самим преосвященным Афанасием»¹⁷. Описание же пути, проделанного царскими войсками во главе с государем из Архангельска до Повенца, могло принадлежать и непосредственному участнику знаменитого похода.

До сих пор мы говорили о переработке текста лишь в плане его сокращения. Однако сочинение было подвергнуто и некоторой стилистической правке. Иногда и сами сокращения диктовались стилистическими соображениями. Например, в статье «О Валамском острове» в новой редакции автор опускает повторы: употребленное только что в предыдущей статье определение «великое» о Ладожском озере представляется ему уже лишним. И если в первоначальном тексте было «На том же Ладожском великом озере есть остров Валам», то в переработанном читаем: «На том же Ладожском озере есть остров Валам». И в следующем предложении, где речь идет об упомянутом острове, редактор находит лишним снова называть его: «На том острове был монастырь словенский с монахи...» (в первоначальном виде эта фраза звучала так: «На том Валамском острове издревле был монастырь словенский с монахи...»). Вместо «хлебороден землею и скотопажитен», автор оставляет: «хлебороден и скотопажитен»; «рыбою в озере изобилен» — «рыбою изобилен»; «водного в судах пути» — «водного пу-

¹⁵ Верюжский В. М. Афанасий архиепископ Холмогорский...— С. 630—631; Шаскольский И. П. «Описание трех путей» Афанасия Холмогорского.— С. 459.

¹⁶ См. также: Мегорский В. «Осударева дорога» // Военный сборник.— 1903.— Авг.— С. 221—242; Кротков А. Взятие Шведской крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 году.— Спб., 1896.

¹⁷ «О высочайших пришествиях...».— С. 68—84.

ти». В данном случае редактор очищал текст от слов, не имевших в этих сочетаниях какого-либо смыслового значения, но утяжелявших стиль, вносявших смысловые повторы. Это лишь несколько примеров, но, на наш взгляд, они дают представление о том, какое значение редактор придавал стилю, хотя на первом месте, разумеется, для него были задачи сокращения сочинения в целом и включение по возможности новых сведений и уточнений чисто практического характера.

Сличение имеющихся списков памятника помогает уяснить (разумеется, весьма приблизительно и предположительно) ход авторской работы над текстом «Описания трех путей» и соотнести ее с реальной исторической обстановкой того времени, точнее с событиями Северной войны.

Оба списка первоначальной редакции памятника называют в тексте статьи «О граде Орешке»¹⁸ одну и ту же дату — 1700 г. Эта же дата, как отмечалось выше, указана и в названии списка Шл. 329.530; о наличии же ее в заглавии списка Ак. 424 можно лишь предполагать, так как начальный лист утрачен. В статье же «О граде Орешке» она упоминается дважды. Этот фрагмент статьи читается в списке Ак. 424: «...В нынешния лета, яко уже от 1700-аго обратно вснять имать 10 лет, в том граде шведы строят велми изрядную и великую башню каменную, зело высокую. По сие господне лето 1700 еще не совершися» (л. 5об.).

Список из собрания Петербургской духовной академии, таким образом, еще раз подтверждает высказанное Л. А. Дмитриевым предположение о создании памятника в 1700 г., а не в 1701, как считалось ранее.

Судя по исследовательской литературе и опубликованным источникам, Петр I, готовясь к войне со Швецией и позднее, собирал различные сведения, касающиеся пограничных земель и путей, к ним ведущих, а также стратегического состояния шведских крепостей¹⁹. В основном эта информация поступала от русских торговых людей, по роду своей деятельности часто бывавших в тех местах²⁰. На источник сведений указывает заглавие «Описания трех путей»: «...Известное знание различных трех путей из державы царскаго величества из поморских стран... до Шведских городков со свидетельством ведущих людей, и теми пути многократне купечески шествовавших»²¹. Привлекались для этих целей и люди, приближенные к царю. Так, в марте 1700 г. Петр I пору-

¹⁸ В сокращенной редакции эта статья специально не выделена, она вошла в статью «О Валамском острове».

¹⁹ См.: Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. — Спб, 1863. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 195—197; Т. 4. — Ч. 2. — С. 192—193; Кротков А. Взятие шведской крепости Нотебург. — С. 33—34, 40—41, 124.

²⁰ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. — Т. 4. — Ч. 2. — С. 192—193; Верюжский В. М. Афанасий архиепископ Холмогорский. — С. 542—543. Например, о расспросе русского торгового человека, ивангородца Гавриила Стефанова сына Лыкова, возвратившегося в июне 1701 г. из-под Ругодева, см. рассказ «О кресте господне, како обретен» в рукописном сборнике конца XVII — начала XVIII в. — БАН, 17.8.27, л. 68—70.

²¹ В числе источников сочинения Афанасия Холмогорского могли быть и традиционные географические справочники, имевшие хождение в XVII в.

чил разведать обстановку в окрестностях Нотебурга (Орешка) стольнику В. Д. Корчмину, который должен был отправиться в Нарву для покупки пушек²². В письме от 2 марта 1700 г. Ф. А. Головину царь писал: «Сказывал мне Брант, что есть в Ругодеве пушки продажныя... И ныне для тех пушек пошли ты Кармина, чтобы он их пробовал и купил несколько. А меж тем накажи ему, чтоб присмотрел города и места кругом, также, если возможно ему дела сыскать, чтобы побывал и в Орешке; а буде в него нельзя, хоть возле ево. А место тут зело нужно: проток из Ладожского озера в море...»²³

Вполне вероятно, что и Афанасий Холмогорский получил указание выяснить и уточнить топографическую обстановку в районах будущих военных действий и путей, ведущих «из поморских стран» к границам Швеции. Очевидно, уже в этот период подготовки к войне со Швецией в планах царя путь «из поморских стран» мыслился как один из возможных. Однако первый поход под Нарву, начатый осенью 1700 г. и окончившийся драматически для русской армии, был осуществлен, как известно, из Москвы через Новгород. И лишь летом — осенью 1702 г. был избран путь от берегов Белого моря к крепости Нотебург, очень близкий первому пути, описанному Афанасием Холмогорским. После поражения русских под Нарвой Петр I предпринял меры, направленные на укрепление северных границ, снабжение армии новой артиллерией, строительство флота и др.²⁴ Афанасий принимал в этом самое активное участие вместе с архангельским воеводой А. П. Прозоровским. В конце 1700 — начале 1701 г. власти распорядились начать строительство в Березовском устье Двины новой крепости для обороны Архангельска от ожидавшегося нападения шведского флота. 12 июня 1701 г. она была торжественно заложена с благословения холмогорского архиерея²⁵. На строительство Новодвинской крепости из архиерейского дома делались щедрые пожертвования строительными материалами и деньгами; участие Афанасия в этом строительстве было отмечено благодарственной царской грамотой²⁶. Все это время от начала войны и до конца своей жизни (6 сентября 1702 г.) Афанасий живет напряженными событиями войны, особенно — тревожного лета 1701 г., когда совершилось нападение шведской эскадры на Архангельск, описанное им по рассказам очевидцев в упомянутом выше сочинении «О высочайших пришествиях...».

Такие, например, как «Книга Большого Чертежа», список которой имелся в келейной библиотеке архиепископа (рукопись ныне хранится в БАН, в составе Архангельского собрания под № С. 197). Отсюда Афанасий мог почерпнуть сведения о расстояниях между населенными пунктами и географическом положении «поморских рек», Ладожском озере и др.

²² Кротков А. Взятие шведской крепости Нотебург... — С. 33, 40.

²³ Письма и бумаги Петра Великого. — Спб, 1887. — Т. 1. — С. 338.

²⁴ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 69—107.

²⁵ Верюжский В. М. Афанасий архиепископ Холмогорский. — С. 543—544; 551; «О высочайших пришествиях...» — С. 56—58.

²⁶ Верюжский В. М. Афанасий архиепископ Холмогорский. — С. 545.

Вполне возможно, что именно в этот период, в 1701 г., Афанасием было переработано и «Описание трех путей из России в Швецию». Таким образом, дата в списке Т.Ф.10 — «Лета господня 1701 месяца марта» — может означать год редактирования сочинения. Однако более вероятным нам представляется предположение Л. А. Дмитриева о том, что дата «1701 г.» в списке Т.Ф.10 является опиской. В таком случае редакторскую работу над «Описанием» можно отнести к 1702 г., т. е. непосредственно ко времени тщательной разработки Петром I операции по захвату Нотебурга, осуществленной осенью 1702 г. На эту мысль наводят два свидетельства в самом тексте списка сокращенной редакции. В статье «О Валамском острове» имеется описание города Орешка: «...В начале тое великие реки Невы на острову стоит град Орешек. Строеные московские великих государей, ныне же владеют шведы (выделено нами.— Т. П.). Весь каменный, невеликий, но zelo крепкий... В том граде шведы строили велми изрядную великую башню каменную, по нынешнее 1702-е лето лет с 10-ть, а не совершиша...» (л. 48)²⁷.

Орешек, таким образом, еще находился во владении шведов (взят 11 октября 1702 г.), следовательно, переработка текста «Описания трех путей» была предпринята, по всей вероятности, до летне-осеннего похода русского войска и в связи с его подготовкой. Кроме того, на дату редактирования может указывать и дата во фразе «по нынешнее 1702-е лето».

Примерно в эти же сроки, возможно, несколько позднее этой переработки, или параллельно с ней, была осуществлена и другая работа над текстом «Описания трех путей». Дело в том, что кроме указанных трех списков сочинения имеется составленная на его основе выборка сведений о пути к шведской столице и ее местоположении под названием «Путь к Стеколне».

До сих пор мы не говорили об этом тексте, так как он не связан непосредственно с теми вопросами в истории текста памятника, которые мы пытались решить. Однако «Путь к Стеколне» представляет своеобразную ее ветвь, без изучения которой картина письменной жизни памятника не будет полной. Никто из исследователей, обращавшихся к «Описанию трех путей», ни словом не обмолвился об этом тексте. Лишь В. Б. Кобрин при описании рукописи Латухинской Степенной из Музейного собрания ГБЛ (№ 2900), содержащей «Путь к Стеколне», отметил ее связь с «Описанием трех путей» Афанасия Холмогорского²⁸. В остальных известных нам описаниях приводится лишь самоназвание. Этот текст, который условно можно назвать особой редакцией исследуемого нами памятника, включает описания пути к шведской столице от Повенца и самой Стекольной (Стокгольма). Он не идентичен одноименной статье в самом тексте «Описания трех путей».

²⁷ В списках первоначальной редакции соответствующее место читается: «По сие господне лето 1700...».

²⁸ Музейное собрание рукописей. Описание.— М., 1961.— Т. 1.— С. 385—386.

Это целенаправленная выборка по всему тексту памятника, продиктованная, очевидно, желанием дополнить известный географический справочник XVII в. «Ведение о разстоянии от царствующаго града Москвы до иных государств»²⁹, который предваряет «Путь к Стеколне» в самом раннем из известных списков; во всех остальных к нему прибавляется еще и статья «Государства Российского грады с розмером»³⁰. В ином окружении или как самостоятельный список текст «Пути к Стеколне» пока не встречался.

Сегодня нам известно шесть списков «Пути к Стеколне»³¹. Все они читаются в составе дополнительных статей к летописным сборникам двух типов: «Летописца вкратце» (три списка) и Латухинской Степенной книги (три списка). По времени написания они не выходят за пределы 60-х гг. XVIII в. Самая ранняя из них — «Летописец вкратце» (это самоназвание свода) из Архангельского собрания БАН (К. 52). Рукопись может быть датирована концом 1702 г., так как летописная часть ее заканчивается записью событий этого года. На л. 387 писец рукописи заносит известие о первых победах русской армии в войне со шведами: «В нынешнем 1702-м году декабря в 4 день великий государь наш его царское пресветлое величество преславно победив шведа на разных местах и многие грады крепя и земли его пустошил, в полон офицеров благородных многое число и салдатов побрал, а многих добротным своим сердцем на свободу пустил. Сам возвратился в царствующий град Москву с великим триумфом». После этой записи уже идут дополнительные статьи: «Ведение о разстоянии от царствующаго града Москвы до иных государств» и «Путь к Стеколне», которая завершает рукопись. Кроме того, в самом тексте «Пути к Стеколне», где повествуется о «государских градах» Яме и Копории, сохранена первоначальная фраза «ныне владеет швед», в то время как в остальных списках она уже опущена, поскольку в летописной части этих рукописей после записи событий 1702-го г. добавляется запись о взятии этих городов в 1703 г., а в 1704 г.—

²⁹ Петров В. А. Географические справочники XVII века // Исторический архив.— М.; Л., 1950.— Т. 5.— С. 76, 90, 149—157.

³⁰ Там же.— С. 86.

³¹ 1. БАН, Арх. К. 52. «Летописец вкратце», начало XVIII в., 1°, полуустав, л. 389—390. Рукопись описана: Описание Рукописного отделения БАН СССР.— 2-е изд.— М.; Л., 1959.— Т. 3.— Вып. 1.— С. 394—396. 2. БАН, 34.4.15 (Осн. 990). «Летописец вкратце», начало XVIII в., 1°, полуустав, л. 652об.—654. Рукопись описана: Описание Рукописного отделения БАН СССР.— Л., 1930.— Т. 3.— Вып. 1.— С. 41—43. 3. Гос. архив Ярославской области, коллекция рукописей, № 20 (53). «Летописец вкратце», 1706 г., 1°, полуустав, л. 573об. (конец рукописи утрачен, сохранилась только часть сочинения). Рукопись описана: Лувьянов В. В. Описание коллекции рукописей государственного архива Ярославской области XIV—XX веков.— Ярославль, 1957.— С. 12—13. 4. ГБЛ, ф. 178 (Музейное собр.), № 2900. Латухинская Степенная книга, начало XVIII в., 1°, скоропись, л. 173—174. 5. ГБЛ, ф. 228 (Собр. Д. В. Пискарева), № 179. Латухинская Степенная книга, начало XVIII в., 1°, полуустав, л. 503—504. Рукопись описана: Виктор А. Е. Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским публичным и Румянцевским музеями в 1868 г. после Д. В. Пискарева.— М., 1871.— С. 48—49. 6. ГПБ, F.IV.597. Латухинская Степенная книга, 60-е гг. XVIII в., 1°, полуустав, л. 615—616.

Ругодева и Ивангорода. Поскольку Ям и Копорье были отвоеваны у шведов весной 1703 г., следовательно текст «Пути к Стеколне» из сборника БАН, Арх. К. 52 был написан не позднее этого времени, т. е. в промежутке между декабрем 1702 г. (запись от 4 декабря 1702 г.) и весной 1703 г.

Вообще рукопись из Архангельского собрания заслуживает особого внимания, поскольку написана она была, скорее всего, в Холмогорах. На л. 1 имеется запись о передаче Летописца священнику Холмогорского Спасского собора Афанасию: «1715 года марта в день отдал сию книгу Холмогорскаго Спасскаго большого собора священнику Афанасию за ево ко мне долг в вечное помяновение и за отправление четырехдесятной собственной литургии по матери нашей Анны Никитишны. Писал Алексей Лебедев».

Возможно, «Летописец вкратце» (К. 52) переписывался непосредственно при архиерейском доме. Здесь не только была поставлена на хорошую основу собственно переписка книг³², но и велись записи летописного характера как о местной, так и общерусской жизни. В этой связи следует вспомнить: Двинскую летопись³³, часть которой была написана близким к Афанасию человеком, сыном боярским Иваном Васильевичем Погорельским, изографом и летописцем³⁴; Чиновники Спасо-Преображенского собора, составленные также при доме архиерея³⁵; «Дневные записки» 1699 и 1700 гг., упоминавшиеся П. М. Строевым³⁶, след которых утерян, «Вести из-под Азова» — записи сведений об Азовских походах 1695—1696 гг.³⁷; сочинение «О высочайших пришествиях... Петра Алексеевича... на Двину к Архангельскому городу...»

Возможно, в «Летописце вкратце» из Архангельского собрания впервые был переписан «Путь к Стеколне» — местный географический справочник, который, по мысли заказчика или исполнителя рукописи, мог тематически дополнить предшествующий ему в этом летописном своде текст «Ведение о разстоянии от царствующаго града Москвы до иных государств», к нему впоследствии присоединилась и краткая редакция Поверстной книги — «Государства Российского грады с розмером». В этом соседстве «Путь к Стеколне» читается уже в остальных известных нам пяти списках. Мы оставляем пока открытым вопрос о взаимоотношении всех этих списков, поскольку для его решения требуется выявить новые списки и не только более подробно и тщательно изучить все тексты «Пути к

³² Кукункина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. — С. 185—197.

³³ Титов А. А. Летопись Двинская. — М., 1889; Сербина К. Н. Двинской летописец // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1973. — Т. 5. — С. 196—219; Богданов А. П., Зиборов В. К. Летописец Двинской // ТОДРЛ. — Л., 1985. — Т. 39. — С. 100—103.

³⁴ Брюсова В. Г. Холмогорский летописец и художник XVII в. (об одном из авторов Двинской летописи) // ТОДРЛ. — М.; Л., 1961. — Т. 17. — С. 445—453.

³⁵ Голубцов А. П. Чиновники Холмогорского Преображенского собора. — М., 1903.

³⁶ Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. — СПб., 1882. — С. 33.

³⁷ Верюжский В. М. Афанасий архиепископ Холмогорский. — С. 534—535.

«Стекольне», но и выяснить соотношение текстов самих летописей, включающих эту выборку. Пока же, например, остается неясным, на каком этапе пересеклись «Летописец вкратце» и Латухиская Степенная книга (в указанных выше списках), содержащие одни и те же дополнительные статьи, в числе которых кочевала и выборка из «Описания трех путей» Афанасия Холмогорского. Сейчас для нас важно отметить, что «Путь к Стекольне» следует рассматривать не как простые выписки, а как самостоятельный текст — своеобразный географический справочник, имевший собственную, хотя и непродолжительную, жизнь в составе дополнительных статей к летописным сводам.

По тексту он восходит к первоначальной редакции «Описания трех путей». Чтобы показать эту зависимость, приведем в качестве примера фрагменты из текстов по спискам Ак. 424 (первоначальная редакция), Т.Ф.10 (сокращенная редакция) и Арх. К. 52:

Ак. 424

Т. Ф. 10

Арх. К. 52

На том вышеписанном Котлын острове есть великой, недвижимои силе человеческой камень... (л. 15об.)

На том вышеписанном Котлын острове есть великой, недвижимои камень... (л. 49)

На том вышеписанном Котлын острове есть великой, недвижимои силе человеческой камень... (л. 389 об.)

К первоначальной редакции восходит и фрагмент с описанием шведской столицы Стекольной, так как сохраняет текст в его полном, не сокращенном виде. Сравним:

Ак. 424

Т. Ф. 10

Арх. К. 52

Столица королевская есть Стеколна, особой градской стени не имеет. Но вместо градской стени по подобю града иметь велможския и первых всяких приказных и чиновных людей каменное домоздание со многими бойницами, на то устроенными. Стоит по самому берегу морския проливы, а на удобных местах между тех домов и полат устроены врата градския, и в них поставлены пушки (л. 7об.— 8).

Столица королевская Стеколна особой градской стени не имеет. Но вместо градской стени иметь велможския и первая всяких приказных и чиновных людей каменны полаты, со многими бойницами. Стоит по самому берегу морские проливы; между тех полат устроены врата градския, и в них поставлены пушки (л. 52об.).

Столица королевская Стеколна особой градской стени не имеет. Но вместо градской стени по подобю града иметь велможския и первых всяких приказных и чиновных людей каменное домоздание со многими бойницами на то устроенными. Стоит по самому берегу морския проливы, а на удобных местах между тех домов и полат устроены врата градския, и в них поставлены пушки (л. 390).

Таким образом, параллельное сличение текстов «Пути к Стекольне» и первоначальной редакции «Описания трех путей» демонстрирует несомненную зависимость первого от второго. Вероятно, около осени 1702 г.— весны 1703 г. на основе текста первоначальной редакции памятника была сделана указанная выборка географических сведений, которую лишь с большой натяжкой можно назвать редакцией, в строгом смысле она таковой не является. Это всего лишь подборка мелких выписок сведений, разбросанных по всему тексту и касающихся описания пути к шведской столице,

начиная от Повенца на Онежском озере. Сделана она была скорее всего как дополнение к названному выше географическому справочнику «Ведение о разстоянии от царствующаго града Москвы до иных государств», который, в свою очередь, или впервые был приписан к летописной части «Летописца вкратце» (К. 52), или же являлся принадлежностью протографа этой рукописи. Как нами отмечалось, выборка имела свою письменную традицию в составе устойчивых текстов, и поэтому изучение ее в истории текста «Описания трех путей из России в Швецию» представляется целесообразным и необходимым.

В данной статье мы попытались, насколько это позволил скудный рукописный материал, представить историю письменной жизни сочинения холмогорского архиепископа Афанасия. Изучение же вопросов, связанных с содержательной стороной памятника, его жанровой природой и структурой, в которой ясно просматриваются, например, следы традиционного жанра хождений, — задача будущего.

О. Д. ГОРЕЛКИНА

**О ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
«ПОВЕСТИ О УБОГОМ ЧЕЛОВЕКЕ,
КАКО ЕВО ДИЯВОЛ ПРОИЗВЕДЕ ЦАРЕМ»**

«Повесть о убогом человеке, како ево диявол произведе царем» — малоизученный памятник демократической литературы XVIII в., представляющий собой оригинальную версию бродячего сюжета о договоре человека с дьяволом.

О необходимости изучения Повести писала еще в 1964 г. Н. С. Демкова¹. Включив ее в круг произведений, группируемых вокруг «фаустовской темы» Повести о Савве Грудцыне, исследовательница впервые обратила внимание на своеобразное преломление в Повести об убогом человеке известного бродячего сюжета. Вскоре Н. С. Демкова совместно с Н. Ф. Дробленковой опубликовали эту повесть (по единственному известному в то время списку), а также ее усть-цилемскую обработку, принадлежащую руке И. С. Мяндина — «Повесть о богоизбранном царе и о прелести дьяволи»². Впоследствии Н. С. Демковой был выявлен и опубликован еще один список Повести об убогом человеке³.

В комментариях к публикациям (которыми в настоящее время ограничивается историография Повести) основное внимание исследователей направлено на выяснение идейно-художественных особенностей позднейшей, мяндинской, обработки сюжета. Относительно же Повести об убогом человеке высказаны лишь отдельные, неконкретизированные замечания. Они касаются в основном сопоставления ее с «Повестью о богоизбранном царе и о прелести дьяволи»: «...оба варианта повести не лишены больших литературных достоинств, сюжетной занимательности, динамичности повествовательной прозы XVII — начала XVIII в. Герой их, состязающийся в

¹ Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салимина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ.— М.; Л., 1964.— Т. 20.— С. 168 (раздел написан Н. С. Демковой).

² Демкова Н. С., Дробленкова Н. Ф. «Повесть о убогом человеке, како от дьявола произведен царем» и ее усть-цилемская обработка // ТОДРЛ.— М.; Л., 1965.— Т. 21.— С. 252—255. Список БАН, 21.П.2, по которому осуществлена публикация, неполон: в рукописи отсутствует лист с окончанием повести.

³ Демкова Н. С. «Повесть о убогом человеке, како ево диявол произведе царем» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, год 1975.— М., 1976.— С. 38—39. По мнению Н. С. Демковой, «список ИРЛИ сохранил не только полный, но и лучший текст» повести, по сравнению с ним «несколько чтений списка БАН кажутся лексическими поновлениями». (Там же.— С. 39).

хитрости с самим чертом, близок к фольклорному герою»⁴. Целе-
направленный анализ Повести о убогом человеке не входил в за-
дачи публикаторов памятника, поставивших его в определенный
литературный контекст и обозначивших в общем виде некоторые
его художественные черты.

В данной статье мы попытаемся более детально рассмотреть
художественные особенности этой «очень незаурядной в литератур-
ном отношении»⁵ повести. Естественно, что внимание будет сосре-
доточено прежде всего на вопросе о жанровой структуре интере-
сующего нас памятника: жанровый аспект позволит рассмотреть в
единстве различные частные стороны идейно-художественной орга-
низации памятника⁶, созданного в литературную эпоху, когда стар-
ые жанровые каноны утратили свое прежнее значение, а новые
только складывались, не успев окостенеть (структура произведе-
ния в такой литературной ситуации особенно значима).

Поскольку речь идет о беллетристическом произведении, т. е.
о повествовании сюжетном⁷, центральное место в нашем исследо-
вании займет анализ сюжета. Учитывая же то, что Повесть о
убогом человеке реализовала один из вариантов известного бродя-
чего сюжета, изучение ее структуры (следовательно, и сюжета)
можно рассматривать как определенную стадию в решении про-
блемы типологии сюжета о договоре с дьяволом, прошедшего на
русской почве длительный эволюционный путь.

Повесть о убогом человеке до сих пор с точки зрения жан-
ровой принадлежности специально в литературе не обсуждалась,
но она рассматривалась в кругу беллетристических повестей пере-
ходного периода. По мнению исследователей, «текст (Повести о
убогом человеке.— О. Г.) ценен как новый факт литературной
жизни бытовой повести второй половины XVII — начала XVIII ве-
ка»⁸. «Повесть» — это и самоназвание интересующего нас па-
мятника.

Однако существующее определение не представляется нам
удовлетворительным. Те произведения, которые обычно в демокра-
тической литературе переходного периода обозначаются термином

---

⁴ Демкова Н. С., Дробленкова Н. Ф. «Повесть о убогом челове-
ке...».— С. 255.

⁵ Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в тек-
стологическом изучении...— С. 168.

⁶ «Жанр есть некая исторически сложившаяся и относительно устойчи-
вая система тех или иных взаимосвязанных элементов
художественной структуры произведений искусства» (выделено нами.—
О. Г.).— Еремин И. П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики.—
М.; Л., 1966.— С. 150.

⁷ По словам Д. С. Лихачева, «развитие беллетристичности есть прежде
всего развитие повествовательного искусства, причем повествования сюжетно-
го, посвященного динамической теме... и излагаемого также динамично — как
процесс, развертывающийся перед нами».— Истоки русской беллетристики. Воз-
никновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе.—
Л., 1970.— С. 7.

⁸ Демкова Н. С., Дробленкова Н. Ф. «Повесть о убогом человеке...».—
С. 255.

«повесть» (беллетристическая, бытовая, историко-бытовая), отличаются, как правило (при всех возможных художественных достоинствах), некоторой аморфностью строения, внутренней жанровой противоречивостью. «Все они еще не имеют четких, устоявшихся жанровых очертаний и характеризуют тот период в истории демократической „беллетристики“, когда она только складывалась, искала форм своего художественного воплощения...»⁹

В полной мере это справедливо по отношению к беллетристическим произведениям, тематически близким Повести об убогом человеке, — к Повести о Савве Грудцыне и «Слову и сказанию о некоем купце»¹⁰. Каждая из этих названных повестей представляет собой развитый в различной степени тип организации повествования, который можно определить как «экстенсивный», замедленный, распространенный, тяготеющий к эпическому. Эпический сюжет, развертываясь в данных произведениях в рамках «чуда», внутренне подрывает реликтовые жанровые формы, но не вполне преодолевает их. В итоге чисто сюжетная занимательность сосуществует в Повестях о Савве Грудцыне и о купце с дидактической направленностью, а структура этих произведений глубоко противоречива.

Строение Повести об убогом человеке принципиально отлично от таких типичных «повестей», какими являются Повесть о Савве Грудцыне и о купце. Памятник, не отягощенный никакими иными функциями, кроме чисто развлекательной, внутренне целостен и гармоничен. Анализ жанровой структуры Повести об убогом человеке обнаруживает в ней вполне определенные очертания жанра, складывающегося в русской литературе переходного периода и в своем раннем, «ренессансном» виде представленного у нас отдельными образцами жанра новеллы. Как мы постараемся доказать, перед нами новелла, или беллетристическая повесть новеллистического типа, созданная на оригинальной основе, в тесной связи с устным народным творчеством.

Новеллистическую природу повести заметил в свое время М. Н. Сперанский. В труде о рукописных сборниках XVIII в. он поместил это произведение в подгруппу «анекдоты типа фадаций» раздела «мелкая беллетристика новой традиции»¹¹.

В нашем понимании структуры новеллы мы будем опираться прежде всего на работу М. А. Петровского «Морфология новеллы»¹². М. А. Петровский видел в этом жанре интенсивный, сосре-

⁹ Еремин И. П. Литература Древней Руси... — С. 200.

¹⁰ О повествовательной организации Повести о Савве Грудцыне и Повести о купце см.: Истоки русской беллетристики... — С. 525—536.

¹¹ Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. — М., 1963. — С. 163. Как известно, в поэтике ранней новеллы много общего с анекдотом, с которым она нередко бывает связана и генетически, являясь итогом нарративации краткого устного рассказа с остроумной концовкой. См., например: Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. — М., 1986. — С. 174—175.

¹² Петровский М. А. Морфология новеллы // *Argv poetica*. I. Сборник статей Б. И. Ярхо, А. М. Пешковского, М. А. Петровского, М. П. Столярова. — М., 1927. — С. 69—100.

доточенный тип организации повествования. Новелла, по его мнению, как бы стремится к краткости, сжатию, «рассчитана на непрерывность и единство художественного эффекта»¹³. Поскольку новелла должна определяться одновременно и со стороны своей фабулы и со стороны сюжета¹⁴, целостность восприятия достигается, во-первых, замкнутостью фабульной основы, тем, что «ядро новеллы чистого типа составляет одно событие»¹⁵, и, во-вторых, специфически сжатым, интенсивным сюжетом, «где не должно быть ни одного случайного компонента»¹⁶. Конфликт, неуклонно нарастая с момента завязки, разрешается эффектной развязкой. При этом и в отборе событийной основы, и в построении сюжета новеллы следует эстетике нетрадиционного. Эффект новизны, наряду со стремлением к сжатию повествовательного материала, составляет одно из главных требований жанра новеллы. Давно признана классической формула, принадлежащая Гете, по которой новелла есть одно «неслыханное происшествие»¹⁷.

Необычайным происшествием, о котором рассказывается в Повести об убогом человеке, является история о том, как «убогий», погибавший от голода и нищеты человек, заключает с дьяволом договор и не только обогащается с его помощью, но и становится царем, а затем избегает расплаты, ловко обманув дьявола. В соответствии с логикой повествования о происшествии автора не интересует жизнь героя в целом. Вся его «предыстория» сосредоточена в одной фразе: «Быть некий человек, живяше в великой скудости»¹⁸. Это — план прошедшего времени, так называемый *Vorgeschichte*. Заключает произведение почти столь же лаконичный эпилог («*Nachgeschichte*»): «Потом царь умре, а что ево души учинено будет — про то не можно никому ведать, но токмо исповедю и чистым покаянием человеку отпущаются грехи. И погребен тот

¹³ Петровский М. А. Морфология новеллы...— С. 70—71.

¹⁴ Там же.— С. 71. В понимании фабулы и сюжета мы придерживаемся терминологии, обоснованной Б. Томашевским и принятой многими современными учеными. Терминология М. А. Петровского прямо противоположна (это было замечено Е. М. Мелетинским — Введение в историческую поэтику...— С. 171). Так, сюжетом М. А. Петровский называл «естественный порядок жизненных событий» — то, что по другой терминологии ближе к понятию «фабулы» («совокупность событий в их взаимной внутренней связи». — Томашевский Б. Теория литературы.— М., 1930.— С. 134). Под «изложением сюжета» М. А. Петровский понимал художественное преобразование этих событий в произведении.

¹⁵ Петровский М. А. Морфология новеллы...— С. 74. Событие может состоять из ряда эпизодов, связанных, однако, единой логической цепью.— Там же.— С. 77.

¹⁶ Михайлов А. В. Новелла // Краткая литературная энциклопедия.— М., 1968.— Т. 5.— Стб. 306.

¹⁷ «Что касается новеллы, то удивительное, исключительное, вплоть до чудесного (но с предпочтением возможного в естественных условиях) является ее излюбленным объектом». — Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику...— С. 173.

¹⁸ Повесть цитируется нами по публикации полного списка: Демкова Н. С. «Повесть об убогом человеке»— С. 39—40. Случай привлечения неполного списка будет оговорен.

царь с протчими царями. Аминь». Все же остальное повествовательное пространство занято изложением истории, случившейся с убогим человеком. Событийное ядро, таким образом, составляет своего рода эпизод, включенный в контекст прошедшего и будущего времени.

В организации повести четко выдерживаются два принципа — динамизм, интенсивность в развитии действия и композиционная симметрия.

Повесть обрамляют краткие зачин и концовка, соответствующие предыстории и эпилогу фабулы. Сюжет повести представляет собой стройное, логически безупречное сцепление мотивов, среди которых преобладают мотивы-действия и речевые мотивы («мотив-речь»), дающие необходимое для динамики сюжета приращение смысла¹⁹.

Конфликт обоснован и подготовлен зачином, который дает только необходимое для дальнейшего сюжетного развития сведение о крайней бедности «убогого человека». Завязка повести приходится на момент встречи героя с дьяволом и подразделяется на три этапа, в соответствии с тремя частями диалога между человеком и дьяволом. (В дальнейшем эти два персонажа организуют конфликт на всем протяжении повести.)

Вначале дьявол «рече борзо: „Человече, что горюеши и плачеши, поведай ми, аз ти помогу“. Той же человек рече дьяволу: „Аз есмь убог и от глада прихожду к смерти“. Дьявол же рече ему: „Что мне даси, аз тя сотворю волми богата и честна?“ Той же человек рече ему: „Видиши ли ты, что мне дати тебе нечего, ибо убог есмь“. Дьявол же рече ему: „Мне ничто же надобно, но токмо ты отрекися Христа, бога своего, и аз тебе дам много богатства“».

Предлагаемая дьяволом сделка — отречение от бога в обмен на обещание наделить героя богатством — представляет собой широко известный в средневековье (в том числе и русском) вариант сюжета о договоре с дьяволом. На Руси подобное сочетание сюжетных функций (герой отрывается от бога — дьявол обогащает его) составляет основу повествовательной части таких религиозных легенд, как «Чудо богородицы» из сборника «Звезда Пресветлая», легенда о Каруле из сборника «Грешных спасение»²⁰. Дьявол как источник богатства — мотив, известный Повести о Савве Грудцыне и «Слову и сказанию о некоем купце»²¹. В системе народного религиозного сознания позднего средневековья эта сюжетная схема опиралась на устойчивое мифологическое представление о том, что

¹⁹ Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору: Сб. статей памяти В. Я. Проппа (1895—1970). — М., 1975. — С. 146—147.

²⁰ О легендах см.: Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне // ТОДРЛ. — М.; Л., 1936. — Т. 3. — С. 109—126.

²¹ Горелкина О. Д. Русские повести конца XVII — начала XVIII в. о договоре человека с дьяволом в связи с мифологическими представлениями позднего русского средневековья // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. — Новосибирск, 1986. — С. 52—54.

богатство можно добыть с помощью черта, — представление, на котором основывались неоднократно зафиксированные в XVIII в. попытки заключения договора с Сатаной.

Используя популярную сюжетную схему, автор Повести об убогом человеке не ограничивается ею, может быть потому, что из-за своей общезвестности и обычности она была недостаточно остра, интересна для захватывающего новеллистического повествования.

На следующем этапе диалога схема договора преобразуется. «Убогий человек» в обмен на отречение запрашивает большего, нежели избавления от нищеты: «...бысть в великом размышлении и рече к дияволу: „Сотвориши ли мя велможею — боярином, князем и царем?“. Дьявол же рече ему: „Все тебе сие сотворю, токмо ты отрексиа Христа“».

Итак, в результате отречения от бога герой должен стать царем. Подобного мотива не знала ни предшествующая литературная традиция, ни народные мифологические представления²². Царь, поставленный на престол дьяволом, — это либо мифологема, используемая в антимонархической борьбе (например, идеологами раннего старообрядчества), либо сказочный мотив. Поскольку Повесть об убогом человеке далека от публицистических проблем, остается допустить близость ее к устному народному творчеству. Сказке подобный мотив знаком (правда, вне темы договора с дьяволом). Так, один из сюжетов, опубликованных Е. Р. Романовым, «Солдат у черта на службе», содержит мотив женитбы солдата на царевне с помощью черта — в результате солдат делается царем²³. В сказке из сборника А. Н. Афанасьева «Беглый солдат и черт», близость которой к Повести об убогом человеке отмечалась Н. С. Демковой²⁴, солдат также женится на «королевне» и управляет царством, правда, совершает он это не с помощью, а вопреки черту, победив его в соревновании (основной тип сюжета, использованный в сказке, — «Состязание с чертом»²⁵).

За обещанием дьявола сделать героя царем следует заключительный этап диалога, во время которого герой ставит перед своим партнером «дополнительное условие». Герой Повести согласился

²² Очевидно, мотив «царь, поставленный на престол дьяволом» отличается от известного мотива (опирающегося на мифологические представления) «дьявол обеспечивает успех в житейских делах, способствует возвышению в служебном положении» (дьявол — источник социального конформизма). См. о последнем мотиве: Горелкина О. Д. Мотив беса-слуги в русских повестях конца XVII — начала XVIII в. о договоре с дьяволом (в связи с народными представлениями) // Литература Древней Руси. Источниковедение. — Л., 1988. — С. 255—256.

²³ Романов Е. Р. Белорусский сборник. — Витебск, 1891. — Вып. 4. — № 39.

²⁴ Демкова Н. С. «Повесть об убогом человеке...». — С. 255.

²⁵ Сравнительный указатель сюжетов. Восточно-славянская сказка. — Л., 1979. — № 1061. Сказка «Беглый солдат и черт» содержит другой мотив, сближающий ее с Повестью об убогом человеке: черт делает солдата купцом, дает ему в столичном городе лавку с разными дорогими товарами. — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3 т./Подгот. текстов, предисл. и примеч. В. Я. Проппа. — М., 1957. — Т. 1. — № 154.

отречься от бога только после того, как дьявол пообещал ему сообщить о часе его смерти заранее (предварительно «убогий человек» выведает, что дьяволу этот час известен). Дьявол уступил не сразу, герою пришлось его долго уговаривать:

Человек же тот рече ему:

— Скажи мне смерть за двадцать лет.

Дьявол же рече ему:

— Не скажу за год..

Тот потом рече человек:

— Скажи мне хотя за месяц.

Дьявол же рече:

— Не скажу ни за неделю, ни за три дня.

И паки человек рече дьяволу:

— Скажи мне смерть за день.

Дьявол рече:

— Скажу за день ²⁶.

Отступая несколько, заметим, что этот эпизод построен по популярной фольклорной схеме. Спор «убогого человека» с дьяволом обнаруживает очевидное структурное сходство с приемом Аники-воина со смертью об отсрочке смертного часа, известным прежде всего по духовному стиху об Анике-воине ²⁷ и по лубочным картинкам ²⁸. Он встречается и в сказке («Солдат и смерть») ²⁹, и в устной легенде («Пустынный») ³⁰, и в «покаянном стихе» о душе ³¹. Можно, по-видимому, считать, что просьба или прение об отсрочке смертного часа составляет своего рода общее место, появляющееся в контексте темы неотвратимости смерти. Из всех известных нам вариантов наиболее близок к Повести об убогом человеке эпизод

²⁶ Поскольку в полном списке этот эпизод сокращен (отсутствует последняя реплика), цитируем здесь Повесть по списку БАН. 21.1.2.— Демкова Н. С., Дробленкова Н. Ф. «Повесть о убогом человеке...»— С. 255.

²⁷ Хотя стих об Анике-воине испытал влияние Прения живота и смерти (Жданов И. Н. К литературной истории русской былевой поэзии // Сочинения.— СПб, 1904.— Т. 1.— С. 493; 568—578; Повести о споре жизни и смерти/ Исслед. и подгот. текстов Р. П. Дмитриевой.— М.; Л., 1964.— С. 70—71), прение со смертью в его окончательном виде формируется уже в стихе и является достойным устного народного творчества. В первой редакции Прения содержится только просьба об отсрочке смерти с целью покаяния: «О смерть, пощади мя до утра, да дело мое могу управити и прежде могу покаяться!» (Повести о споре жизни и смерти...— С. 142). В III редакции эта тема распространяется: «Ныне аз приидох, не пощажу тя ни единого часа» (I группа III редакции; ср.: II группа III редакции и VI редакция — Повести о споре жизни и смерти...— С. 146). Неумолимость смерти, категоричность ее отказа отсрочить свой приход подчеркнуты здесь стилистическим приемом, который затем был подхвачен и отработан духовным стихом: смерть отказывается переждать даже минимальный срок. Собственно спора со смертью в ранних редакциях нет, появляется он в V редакции, испытавшей, как считает Р. П. Дмитриева, обратное воздействие духовного стиха.— Повесть о споре жизни и смерти...— С. 71.

²⁸ Тихонравов Н. С. Повести о прении живота со смертью // Летописи русской литературы и древности.— М., 1859.— Т. 1, кн. 2, отд. III.— С. 185; Русские народные картинки/ Собрал и описал Д. Ровинский.— СПб, 1881.— Кн. 3.— С. 127; Афанасьев А. Н. Народные русские легенды.— М., 1914.— С. 124.

²⁹ Афанасьев А. Н. Народные русские легенды...— № 16.

³⁰ Там же.— № 21.

³¹ Тихонравов Н. С. Повести о прении живота со смертью...— С. 191.

из лубочного рассказа, опубликованного А. Н. Афанасьевым (он назван А. Н. Афанасьевым «народным рассказом»). Этот вариант «прения» наиболее последовательно выдерживает стилистический принцип градации, использованный и в нашей повести.

Смерть моя, смерточка!

Дай мне сроку на один год.

Отвечает смерть:

— Нет тебе сроку и на полгода.

Смерть моя, смерточка!

Дай мне сроку хоть на три месяца.

— Нет тебе сроку и на три недели.

Смерть моя, смерточка!

Дай мне сроку хоть на три дня.

— Нет тебе сроку и на три часа.

.....

Дай мне сроку хоть на один час...

— Нет тебе сроку и на одну минуту! ³²

Обыгрывание популярного фольклорного мотива могло быть вызвано ассоциативной близостью: Аника-воин просит отсрочить смертный час, чтобы покаяться. Также и «убогий человек» (это явствует из концовки повести) просит сообщить о сроке смерти, чтобы исповедаться перед смертью и спасти свою душу. «Покаяние» и «смерть» — узловые понятия и фольклорного мотива, и Повести об убогом человеке. Народному читателю в XVIII—XIX вв. ассоциативная близость к известному мотиву могла помочь угадать заранее развязку повести, состоящую в покаянии героя.

В разных фольклорных вариантах спора об отсрочке смерти называются различные сроки, различается и количество этапов прения (от трех до пяти в известных нам вариантах); Аника-воин приводит разные доводы, пытаясь уговорить смерть, но остается общим построение подобных споров. Вначале Аника называет максимальный срок (год, два года), возражая, смерть постоянно «скашивает» срок. Ритм задается повтором синтаксически однотипных конструкций.

В отличие от духовного стиха и лубочных картинок, логика сюжета Повести об убогом человеке требовала согласия дьявола — договор оказывается заключенным с дополнительным условием. Смысл условия проясняется в развязке, но на данном этапе движения сюжета цена отречения определена, главный герой совершает акт, знаменующий начало реализации договора: «И отречеса тот человек от Христа и от веры православные и снял с себя крест».

Мотив отречения «убогого человека» — своеобразный рубеж, сюжетная грань, за которой следует центральная часть повествования. Идущие затем эпизоды (их организуют почти исключительно «мотивы-действия») представляют собой почти зеркальное отражение предшествующих: при этом каждый мотив-речь завязки реализуется в мотив-действие узловой части.

---

³² Афанасьев А. Н. Народные русские легенды... — С. 124.

После отречения дьявол вначале обогащает «убогого человека» («...нанял ему пребогатый дом и со вседневным добрым кушаньем и питием, и, накрав из лавок, наносил тому человеку денег премногое множество, и обогатися тот человек, и нача торговати, и бысть славный купец»). Затем следует стремительное продвижение главного героя по социальной лестнице — он делается гостем, о нем узнает царь и ставит «над всеми градскими купцами велможею», затем «большим боярином», первым князем, распоряжающимся всеми министрами, князьями и боярами, и, наконец, когда царь умирает, «убогий человек» женится на его вдове и становится «царем — произведением дияволским».

После того как «убогий человек» достигает своей цели и становится царем, наступает пора исполнения дополнительного условия, поставленного им перед дьяволом — тот должен сообщить о сроках смерти, схема договора на этом будет исчерпана — конфликт подходит к завершению. На наш взгляд, наивысшая точка сюжетного напряжения (узел, кульминация) приходится на этот момент — далее наступает развязка. Дьявол, как и было обещано, сообщает герою о приближающейся смерти: «„Я тебе, царю, правду сотворил, не обогал тебе“, — и рече ему: „Токмо завтра тебе в половине дни будет смерть и ты готовься ко мне в наша жилища“». Услышав об этом, встревоженный царь «повеле к себе протопопу привести и поведи ему вся грехи своя и отвержение Христа и от веры христовой. Протопоп же разреши его от того греха и отслужа раннюю обедню приобща царя святых тайн».

Таким образом, развязка обнаруживает смысл дополнительного условия договора. Главный герой надеялся аннулировать свою «плату», зачеркнуть отречение предсмертным покаянием, не отдать навсегда душу дьяволу³³. Равновесие соглашения, заключенного в начале повести, оказалось мнимым. Иллюзорность равноценного обмена раскрывается полностью — перед нами не обмен, а обман одним участником договора другого. В развязке, завершающей действие эффектом неожиданного, но обусловленного предшествующим сюжетным развитием посрамления дьявола, содержится та «заключительная острота», то эффектное разрешение конфликта, которое является неперменным элементом новеллистического сюжета, играющим, по мнению многих исследователей, важную жанрообразую-

---

³³ В Древней Руси, так же как в России XVIII в., не было расхождения между формой и внутренним значением обряда отречения от бога. Такие действия отрекающегося, как отстранение от крестной магии, акты кощунства над христианскими святынями, были значимы. Отречение «убогого человека» не было только показным, чисто внешним действием, скрывающим внутреннюю, душевную верность героя богу: отрекаясь, он «снял с себя крест». Правда, в Повести ничего не говорится о традиционной «богоотметной» расписке, но она не была обязательной. — См.: Горелкина О. Д. Русские повести конца XVII — начала XVIII в. о договоре человека с дьяволом... — С. 45—46. Немаловажно, что в дальнейшем, после заключения договора, герой повести ведет себя как подлинный «богоотступник»: «...к церкви божией никогда не хождаху, ни ко кресту, ни ко святым образам никогда не подходит и не поклоняется им». — См.: Там же. — С. 46—47.

щую роль³⁴. В ней воплощается требование новизны, нетрадиционности сюжетного построения. Подобной развязки не знала ни предшествующая литературная традиция, ни средневековая магическая практика. Обман дьявола как способ нарушения контракта не характерен для той стадии истории сюжета, когда он был напрямую связан с актуальными верованиями. На средневековой стадии сюжет о договоре с дьяволом трактуется как союз с сатаной — верховным существом в христианской демонологии. Фигурирующие в средневековых легендах низшие демонологические персонажи — бесы — играют в сюжете подчиненную роль, выполняя волю царя-сатаны. Они связывают героя с сатаной, реализуют исполнение договора. Сам же контракт заключается на уровне земного героя и демонического божества, обладающего на земле значительным влиянием³⁵. В этом — еретическая окраска сюжета о договоре с дьяволом, в основе своей содержащего немалый заряд дуализма.

Понятие об иерархичности «нечистой силы» входило и в народные магические представления: тот, кто пытался заключить договор с сатаной, обращался к нему, как к божеству, а контакт с сатаной происходил через бесов, не имеющих самостоятельной силы. Традиционная структура сохраняется и в Повести о Савве Грудцыне³⁶, и в «Слове и сказании о некоем купце». Разрыв договора (нарушение контракта, без которого не могло быть литературных версий сюжета) происходил в легендах и в повестях вследствие вмешательства святого или Богородицы, поскольку силами земного героя договор, санкционированный «на высшем уровне», не расторгим. Структура конфликта, лежащего в основе сюжета, менялась, таким образом, по ходу повествования: если в начале главными персонажами являются человек и дьявол, то в концовке земной герой перестает быть активным участником конфликта, борьба происходит уже между светлыми и темными силами, между божественным и дьявольским началом. В результате религиозные легенды выполняли свое жанровое предназначение, а позднейшие повести не порывали окончательно с традициями средневековья.

В Повести об убогом человеке договор нарушается героем самостоятельно, без помощи сверхъестественных сил. Конфликт на всем протяжении повести организуется только двумя персонажами — человеком и дьяволом, и произведение вместо апофеоза религиозных идей представляет собой повествование о соперничестве двух персонажей, которое завершается победой более хитроумного героя над недалеким, глуповатым чертом. Средневековое представление об иерархии царства тьмы в Повести об убогом человеке

³⁴ Петровский М. А. Морфология новеллы... — С. 76; Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику... — С. 168—176.

³⁵ Представление об иерархичности «нечистой силы» уходит корнями в Священное писание, в Новый Завет. См.: Рязановский Ф. А. Демонология в древнерусской литературе. — М., 1915. — С. 51.

³⁶ В Повести о Савве Грудцыне важную роль в динамике сюжета играет бес — слуга, но эпизод подачи богоотметного письма «царю Сатане» сохраняет традиционную расстановку сил. Сатана остается «силовым полюсом» основного конфликта.

никак не отразилось, «высшего уровня», придающего силу контрасту, попросту нет. Хотя демонологический персонаж этой повести определен автором как «ненавидяй рода христианского злый супостат диавол», он напоминает скорее глуповатого беса, одного из членов устойчивой пары новеллистической сказки. Он заключает с «убогим человеком» договор, но он же и не гнушается постоянным посещением героя, служит ему, а главное — позволяет себя обхитрить. Модификация демонологического персонажа, организующего конфликт, делает возможной победу над ним героя. Основная сюжетная функция героя сводится к обману дьявола, к хитрой уловке, а его соперника — к тому, чтобы наделить героя всем обещанным и быть обманутым. Подобная структура конфликта и принцип типизации персонажей известны в фольклоре: они характерны для бытовой (новеллистической) сказки. Об особенностях образа черта в русской сказке еще А. Н. Афанасьев писал: «Черт здесь не столько страшный губитель христианских душ, сколько жалкая жертва обманов и лукавства сказочных героев: то больно достается ему от злой жены, то бьет его солдат прикладом; то попадает под кузнечные молоты, то обмеривает его мужик на целые груды золота»³⁷. Эта же тенденция в изображении черта в сказке отмечалась В. Я. Проппом: «Черт в бытовой сказке всегда в итоге оказывается обманутым, одураченным — причем герой побеждает, не прибегая к волшебным, сверхъестественным средствам, а пользуясь только своей находчивостью, хитростью»³⁸. Современный исследователь бытовой сказки пришел к выводу, что типы хитреца и глупца (дурака) универсальны для этого жанра, и «любая разновидность бытовых сюжетов строится на хитрости (хитроумном обмане, изобретении, уловке...) или глупости». «В общем виде все сходные функции действующих лиц, — считает И. Ю. Юдин, — представляются или хитроумным обманом, или глупостью»³⁹. Соответственно «по своим логико-психологическим чертам человек в сказках предстает в роли хитреца, черт — в роли глупца»⁴⁰. Эти основные типы бытовой сказки действуют и в сравнительно немногочисленной группе восточно-славянских сказок, зафиксированных в Указателе сюжетов (1170—1190) «Человек продает черту свою душу, спасается хитростью, обычно задав черту невыполнимую задачу»⁴¹.

Уже в обобщающем названии сюжетов намечены и основные моменты композиции таких сказок, и структура конфликта. Рассмотрим две типичные бытовые сказки, обозначенные под № 1175—1178, сборника Н. Е. Опчукова «Бабы заповеди»⁴² и из собрания

³⁷ Афанасьев А. Н. Народные русские легенды... — С. 139.

³⁸ Пропп В. Я. Русская сказка. — Л., 1984. — С. 246.

³⁹ Юдин Ю. И. Типология героев бытовой сказки // Вопросы теории фольклора. — Л., 1979. — С. 52. — (Русский фольклор, т. 19).

⁴⁰ Юдин Ю. И. Русская народная бытовая сказка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Л., 1979. — С. 26.

⁴¹ Сравнительный указатель сюжетов...

⁴² Северные сказки. Сборник Н. Е. Опчукова // Зап. РГО. — 1908. — Т. 33. — № 205.

А. Н. Островского («Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века» — № 69⁴³). Сюжеты обеих сказок содержат три способа обмана черта, поэтому они разнесены по трем типам.

Ончуков, № 205

Русские сказки XIX в., № 69

Зачин	Жил бедный мужик и так ему плохо пришлось, что уж и кормиться нечем. Отправился он куда-нибудь денег наживать. Идет дорогой, стало ему горько, он и подумал:	Попу хотелось быть богатым, но не было ему счастья: что ни начинал, все неудачно. Он вздумал отдать душу черту, на десять лет срока.
Завязка	«Хоть бы черт денег мне дал! Я бы лучше душу ему продал, чтобы ребят кормить». Черт и явился, заговорили, и написали условие кровью из безымянного пальца. Черт дал мужику денег; с этих денег мужик розжился, начал торговать.	Повалило попу счастье, как громобоем. Откуда что взялось.
Узел	Стал мужик стареть, стал задумываться. Мужик признается бабе, что продал душу черту. Она предлагает избавить мужика от черта. Явившемуся черту баба предлагает и свою душу, если тот отгадает три	Между тем, мало-помалу начал сближаться и срок; поп начал задумываться. Поп признается попадье, попадья предлагает свою помощь.
Развязка	загадки. Баба загадывает загадки: тип № 1175, № 1176, № 1178. Черт не может отгадать «загадки».	Попадья заключает условие с чертом еще на 10 лет, обещая отдать через 10 лет черту и душу попа, и свою, если он отгадает три загадки: тип № 1175, 1176, 1178. Черт не справляется с заданиями.

Суть подобных сказок, их новеллистическая (анекдотическая по сути) острота заключается в развязке, где черту задаются нарочито бессмысленные с точки зрения «нормальной логики» задания (например, «поймать прерывистый ветер человека»). Содержащая смеховой момент абсурдность подобных «загадок» дополнена зачастую их непристойностью. Черт, воспринимающий буквально «дурацкую» логику загадок, разумеется, не может их разгадать и оказывается побежденным. Сюжет о договоре с дьяволом превращается в анекдот о хитрой бабе, одурачившей черта⁴⁴.

Нельзя сказать, что сказочный сюжет, основанный на мотиве продажи души черту, относится к числу распространенных в восточно-славянском фольклоре. В Указателе зафиксировано 12 его типов, при том, что мотивы двух сказок (рассмотренные нами) оказались разнесены по трем типам сюжетов из 12, а под № 1188

⁴³ Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века/ Сост., вступ. статья и коммент. Н. В. Новикова.— М.; Л., 1961.— № 69.

⁴⁴ Развязка особенно тесно сближает названный тип сказок с анекдотом. В. Я. Пропп, считавший, что «структура анекдотов отнюдь не противоречит жанровым признакам сказки», предлагал считать те анекдоты, которые возникли и обращались в крестьянской среде, одной из форм бытовой сказки.— Пропп В. Я. Русская сказка.— С. 56—57.

(это один из 12 типов) помещена сказка, совсем не содержащая мотива продажи души черту. Видимо, сюжет о договоре с дьяволом попал в сказку — жанр нарративного фольклора с установкой на вымысел — относительно поздно, в результате разрушения мифологических представлений, а миф о договоре с дьяволом долгое время жив в народном сознании. Об этом свидетельствуют прежде всего судебнo-следственные процессы по делам о «черной» магии, продолжавшиеся до 60-х гг. XVIII в. Сюжеты, аналогичные тому, что лег в основу Повести об убогом человеке, гораздо популярнее поэтому были в фольклорных жанрах, непосредственно связанных с актуальными мифологическими представлениями, — в быличке, бывальщине, легенде.

Сопоставление со сказкой позволяет предположить структурное родство нашей повести с жанром бытовой сказки. Сказка могла послужить жанровым прототипом Повести об убогом человеке. Что касается тематического сходства со сказками о продаже души дьяволу, то оно носит скорее типологический характер: инвариантная основа сюжета о договоре с дьяволом принадлежала топике средневековой культуры, и в процессе десакрализации сюжет проникал как в сказку, так и в беллетристическую повесть. Возможно, на формирование повести оказала влияние сказочная система персонажей, сам принцип типизации образов, основанный на абсолютизации единственной черты, существенной для динамики действия. В повести характеры «убогого человека» и дьявола однозначны: развязка обнаруживает ум, хитрость одного и глупость другого. Автор не стремится конкретизировать образы персонажей, он не пытается создать иллюзию реальности, как это было, например, в Повести о Савве Грудцыне. Не случайно главный герой повести безымянен.⁴⁵ Условность ситуации подчеркивается неопределенными местоимениями — «некий человек», «в некоторое время», «некоторое превеликое царство». Автор создает откровенно вымышленное повествование, весь интерес которого заключается в сюжетной занимательности. Вымысел завоевывает право на существование, при этом создаются принципиально новые законы типизации — на наш взгляд, не без влияния бытовой сказки.

---

⁴⁵ Возможно, в безымянности персонажей памятников типа Повести о убогом человеке сказалась инерция серьезного, «средневекового» отношения к имени. Получая имя при крещении, человек, как известно, обретал якобы свою христианскую сущность (отсюда — отношение к самозванчеству как к акту кощунственному; обряд переименования при переходе в монашество). Автор-беллетрист должен был претендовать на роль демиурга, наделяя именем несуществующего героя, что на первых порах могло опущаться как кощунство. Совсем иное значение имеет безымянность персонажей, встречающаяся в религиозной легенде или в «примере». Там она не была связана с художественным вымыслом, а означала подчиненность конкретного факта абстрактной идее. — См.: Андреев М. Л. «Новеллино» в истории итальянской литературы и европейской повеллы // Новеллино/Изд. подгот. М. Л. Андреев, И. А. Соколова. — М., 1984. — С. 2.

Новеллистической развязкой завершается динамичный сюжет повести, не заторможенный в ходе своего развития ни побочными эпизодами, ни описаниями. Фиксация постоянного пребывания дьявола при «убогом человеке», упоминания о том, что, будучи первым князем и царем, он был до всех граждан милостив, и описание нехристианского поведения царя — вот и все статические моменты повести, важные, однако, для ее содержания. В повести почти отсутствуют второстепенные персонажи⁴⁶.

Нет в Повести об убогом человеке и отвлеченных авторских рассуждений. Автора меньше всего интересуют проблемы христианской морали, и он устраняется от какого бы то ни было морализирования в отношении своего героя, ограничившись лишь краткой сентенцией по поводу его загробной судьбы. Фраза концовки «а что ево души учинено будет — про то не можно никому ведать» Н. С. Демковой показалась еретической. «Поражает неполная вера автора в силу покаяния и в акт отпущения грехов священником», — пишет исследовательница⁴⁷. На наш взгляд, «ересь» заключается как раз в противоположном — в легкости, с которой автор отнесся к вопросу спасения своего персонажа. Ведь в контексте произведения покаяние подано как выход, найденный ловким героем. Сюжетная логика повести предполагает спасение «убогого человека», за день до смерти обратившегося к протопопу. Но именно спасение с ортодоксальной точки зрения было невозможным. Во-первых, раскаяние героя, сознательно решившего отречься от бога, вряд ли можно считать чистосердечным, во-вторых, день — слишком малый срок для избавления души богоотступника от плачевной участи. Ведь поступок, совершенный «убогим человеком», расценивался в христианской культуре как один из наиболее тяжелых грехов и за него (в случае искреннего покаяния) налагалась пожизненная епитимья⁴⁸. Осознание глубочайшей греховности апостасии, свойственное средневековому мировоззрению, проходит и через все древнерусские версии сюжета о договоре с дьяволом,

---

⁴⁶ Единственное исключение — царица, которая «велми зазпраше» царя в его неблагочестивом поведении. Возможно, появление этого образа является следом воздействия на Повесть «Чуда о прельщенном отроке», самой популярной на Руси легенды о договоре с дьяволом (Пролог, 1 января). В «Чуде» роль жены активизируется именно в момент разоблачения героя, происходящего вследствие его «нехристианского» поведения (в описании образа жизни героев-богоотступников также сходство этих двух памятников).

⁴⁷ Демкова Н. С. Повесть об убогом человеке... — С. 38.

⁴⁸ Об этом напоминают многочисленные статьи памятников канонического права: «Христов отметник во всем житии своем да кается»; «иже от Христа отвержется, во все времена живота своего должен есть плакаться, на исходе же жития сподобится святого причащения». — *Кормчая*. — Варшава, 1784./Перепеч. с изд.: М., 1652. — Грань 13, гл. 19, св. Василия Великого прав. 73. На основании этой и подобных статей, а также гражданского законодательства вершились и суды над богоотступниками в XVII — первой половине XVIII в.

от «Чуда о прельщенном отроке» до Повести о Савве Грудцыне. Даже в этом памятнике, стоящем на пороге нового времени, назидательность и «душеполезность» не отрицаются чисто беллетристической занимательностью: ни один из вариантов повести не дает сокращения концовки, представляющей собой описание «чуда» Казанской богородицы. Автор повести вполне в духе средневековья решил вопрос об участи героя: избавленный богородицей от дьявола, он принимает иноческий чин и много лет, до самой смерти, живет в посте и молитве.

Повесть об убогом человеке следует уже иным нравственным и художественным критериям. Тема продажи души дьяволу служит в ней всего лишь материалом для занимательного повествования. Значимой в системе этого произведения является не вина героя, а ловкость, с которой он обхитрил дьявола. Ценностная переориентация сказалась на жанровой структуре произведения, где самодовлеющее значение приобретает новеллистическая интрига.

Возможно, и малая распространенность Повести об убогом человеке; известной всего лишь в двух списках, и тот факт, что лист с окончанием в одном из списков оказался вырван явно намеренно, связаны с тем, что в трактовке сюжета автор далеко опередил свое время. Новеллистическая интерпретация сакральной для средневековья темы была необычна для той эпохи, не вызвала, видимо, сочувствия у массового читателя XVIII в. Именно к XVIII в. (преимущественно ко второй его половине) относится большинство списков Повести о Савве Грудцыне, демонологическая линия которой вполне соответствует мифологическим представлениям того времени. Читателя мог смутить еретический момент в трактовке сюжета — ведь процессы над «богоотступниками» велись до 60-х гг. XVIII в., а суеверные мемораты и фабулаты на тему договора с дьяволом волновали воображение крестьянина и в более позднее время.

В повести об убогом человеке проявилась и еще одна черта мировоззрения ее создателя: в ней нашло отражение народное представление о царе и царской власти, равнодушие к ее происхождению. Царь, поставленный на престол дьяволом, содержит, тем не менее, царство «в великой тишине»; несмотря на то, что ведет себя не по-христиански, он остается «царем милостивым» («в скрытости тому народу милостив бысть...»).

Итак, Повесть об убогом человеке можно, на наш взгляд, считать одним из образцов ранней демократической новеллы, созданной на оригинальной основе, в тесной связи с фольклором. Древнейший международный сюжет, в мифологических категориях запечатлевший извечную дилемму добра и зла, преобразован в новеллистическое повествование, в котором нашла выражение обмирщенная мораль нового времени. Остается добавить, что стиль произведения прост, лаконичен и ясен, чужд стилистических украшений — вполне в соответствии с требованием жанра новеллы.

В. Г. БУХЕРТ

**ЧИСЛЕННОСТЬ
И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ СТАРООБРЯДЦЕВ
НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ
ПО ИТОГАМ ПЕРЕПИСЕЙ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.**

В первой четверти XVIII в. Нижегородский край являлся одним из самых многонаселенных и активных центров раскола. Указ 8 января 1716 г. о введении двойного подушного оклада для старообрядцев положил начало изменению методов борьбы с расколом и вызвал необходимость переписи старообрядцев, которая в Нижегородской епархии была проведена в 1718—1724 гг. Хотя итоговые данные этой переписи опубликованы¹, они не стали предметом самостоятельного исследования в дореволюционной и советской историографии. Эта публикация не позволяет определить социальный состав старообрядцев, что представляется необходимым для понимания особенностей раскола XVIII в. и политики государственных и церковных властей по отношению к старообрядцам.

Основным источником сведений о численности старообрядцев служили данные исповедального учета, поскольку многолетнее непосещение исповеди рассматривалось как признак принадлежности к расколу. Еще П. И. Мельников-Печерский отмечал их крайнюю недостоверность², ее причины исследованы Н. Н. Покровским³. Не возражая в принципе против утверждения последнего автора о том, что «исповедальная система полицейско-церковного учета старообрядцев, созданная при Петре I, не могла быть сколь-нибудь эффективной»⁴, выскажем предположение, что при переписи в Нижегородской епархии все же удалось обеспечить сравнительно точный учет старообрядцев.

Оплотом раскола в Нижегородском крае были Керженские и Чернораменские леса. Проникновение православных миссионеров даже в эти наиболее труднодоступные районы началось уже с 1703 г.⁵, и все же к началу переписи власти мало что знали о ме-

¹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего синода.— Спб, 1897.— Т. 6.— С. 125, XVII—XXII.

² Мельников П. И. Счисление раскольников // Полн. собр. соч.— 2-е изд.— Спб, 1909.— Т. 6.

³ Покровский Н. Н. Организация учета старообрядцев в Сибири XVIII века // Русское население Поморья и Сибири.— М., 1973.

⁴ Там же.— С. 382.

⁵ См.: Иоанн. Сказание об обращении раскольников заволжских // Братское слово.— 1875.— Кн. 3.

стонахождении поселений старообрядцев. Поэтому перепись жителей Керженских и Чернораменских лесов была поручена архиепископом Нижегородским Питиримом бывшему старообрядцу иеромонаху Филарету (Федору Рукавишникову)⁶. Глухие леса не смогли укрыть старообрядцев от переписи.

Недостоверность данных исповедального учета объясняется сознательным искажением их священниками. Стремление старообрядцев избежать записи в раскол с немалой выгодой использовалось приходским духовенством, поскольку «широкие возможности для взяточников были очевидны с самого начала введения системы исповедального контроля»⁷. Однако утайка священниками почти 29 тыс. старообрядцев, вскрытая властями Нижегородской епархии в 1719 г., не повлияла на общие итоги переписи⁸, хотя случаи подачи неверных сведений наблюдались и в дальнейшем⁹. Но важно учесть, что эти данные занижали, а не завышали численность старообрядцев.

Результаты переписи старообрядцев Нижегородской епархии были обобщены в отчете, составленном в 1727—1728 гг. нижегородским вице-губернатором Ю. А. Ржевским по распоряжению Тайного совета. Отчет состоит из сообщения Ю. А. Ржевского об организации переписи старообрядцев и сборе двойного подушного оклада; ведомостей, содержащих сведения о численности старообрядцев и их социальном составе; табеля, суммирующего данные ведомостей; копий с указов 1716—1726 гг., полученных нижегородскими вице-губернаторами С. И. Путягиным и Ю. А. Ржевским¹⁰.

По сведениям отчета, в 1718—1724 гг. в Нижегородской епархии¹¹ было переписано 122 258 старообрядцев, в том числе в Нижегородской губернии 105 333 чел., из них в Нижегородском уезде — 32 526, в Балахнинском — 49 331, Юрьевец-Повольском — 22 025, Алатырском — 1275, Арзамасском — 135, Курмышском — 41 чел. Мы располагаем данными о социальном составе 87 %, или 90 308 старообрядцах Нижегородской губернии, в том числе в Нижегородском уезде — 31 911, в Балахнинском — 36 372, в Юрьевец-Повольском — 22 025 чел. Среди них крестьяне составляли 99,5 % — 89 849 чел.

⁶ ЦГАДА, ф. 248 (Сенат и его учреждения), оп. 14, д. 774, л. 62об. Иеромонахом с 1718 по 1723 г. было переписано 7223 чел.

⁷ Покровский Н. Н. Организация учета старообрядцев... — С. 386.

⁸ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — Спб., 1872. — Т. 2. — С. 657, 322—331.

⁹ ЦГИА, ф. 796 (Канцелярия синода), оп. 5, д. 142, л. 21—24.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, д. 774. Все дальнейшие расчеты основаны на данных этого источника.

¹¹ Кроме территории Нижегородской губернии Нижегородская епархия включала к 1724 г. Гороховец, Вязниковскую слободу с Ярополчем и Ветлужскую волость Галичского уезда.

По данным первой ревизии, крестьян в провинции насчитывалось 469 624 чел.¹², следовательно, в раскол из них записались 19,1 %, в том числе из дворцовых крестьян 37,8, помещичьих — 12,9, монастырских — 5,1 %. Дворцовые крестьяне численно преобладали среди старообрядцев. Они составили 60 % записанных в раскол крестьян (54 169 чел.), в то время как помещичьи — 37 (32 855), а монастырские — 3 % (2825). Соотношение же численности крестьян этих категорий по данным первой ревизии иное: от общего числа крестьян губернии помещичьи составляли около 54 % (253 800 чел.), дворцовые — 31 (143 240), а монастырские — 12 % (54 894).

Хотя среди крестьян губернии преобладали помещичьи, большинство старообрядцев составляли дворцовые крестьяне. Дело в том, что Нижегородская губерния была крупнейшим районом дворцового хозяйства. Причем подавляющее большинство дворцовых крестьян проживало в Балахнинском и Юрьевец-Повольском уездах, на территории которых располагались обширные Чернораменские и Керженские леса. Значительную роль в распространении раскола сыграли старообрядцы, бежавшие в Нижегородский край из других районов России. Поскольку стержнем экономической политики в дворцовом хозяйстве было повышение его доходности, то бежавшим в дворцовые волости крестьянам возвращение на прежние места жительства зачастую не грозило. (Так, в 1722—1726 гг. в Керженской волости Балахнинского уезда появились «поселившиеся собою» крестьяне в количестве 3253 душ мужского пола (88 селений), которые так и не были возвращены владельцам¹³.) Многие беглые старообрядцы попадали таким образом в разряд дворцовых крестьян.

Учение старообрядцев содержало осуждение феодального гнета, в частности, в той его форме, в которой он непосредственно осуществлялся государственным аппаратом и особенно сильно ощущался в дворцовой деревне, что также способствовало распространению здесь раскола.

Среди старообрядцев были не только крестьяне, но и горожане. В целом по Нижегородской губернии в раскол записалось 2,7 %, или 459 (из 16 602), горожан, в том числе разночинцев и ямщиков — 261, посадских — 177¹⁴. В подавляющем большинстве это жители Нижнего Новгорода, принадлежавшие, очевидно, к городским низам. Ю. А. Ржевский в доношении в сенат характеризовал их как «оскуделых и неумеющих грамоте» людей¹⁵.

¹² ЦГАДА, ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки), оп. 2, д. 215, л. 1498; д. 2063, л. 1790—1791; д. 4165, л. 2—4. Общая численность крестьян губернии и численность отдельных категорий крестьян высчитана путем удвоения данных ревизских сказок, содержащих, как известно, сведения о численности лишь мужского населения.

¹³ Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России: Первая половина XVIII в. — М., 1964. — С. 100.

¹⁴ Социальная принадлежность 21 чел. в материалах переписи не указана.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 248, оп. 30, д. 1955, л. 99.

Каков же основной итог переписи и сопровождавшей ее кампании по обращению старообрядцев в православие? Численность старообрядцев Нижегородской епархии в 1718—1724 гг. уменьшилась до 29 362 чел. Сокращение произошло главным образом за счет обратившихся в православие (68 462 чел.) и бежавших (12 701 чел.). В условиях жестоких репрессий непреходимой грани между этими двумя категориями не было — бежали, не только скрывавшиеся от записи в раскол, бежали и насильно обращенные в синодальную веру.

Новая перепись была проведена в губернии в 1730—1735 гг. под руководством стольника М. Трегубова, посланного Раскольнической конторой сената для сбора недоимки, накопившейся по двойному подушному окладу. В ходе этой кампании было установлено, что численность старообрядцев в губернии снизилась к первой половине 30-х гг. XVIII в. до 18 186¹⁶. Сама перепись сопровождалась новыми обращениями в православие, побегам, высылками на прежние места жительства, что вело к дальнейшему стремительному сокращению численности старообрядцев. Данное обстоятельство, а также смерть в 1738 г. энергичного противника старообрядцев архиепископа Питирима и привели, по-видимому, к ослаблению внимания к проблеме раскола.

Епархиальные власти большее значение стали придавать миссионерской деятельности иного вида — христианизации народов Поволжья. Тем не менее успехи борьбы с расколом прежних лет вселили в нового нижегородского епископа Димитрия (Сеченова) надежду на окончательное его искоренение, в первую очередь в Керженских и Чернораменских лесах.

Полагая, что сохранение поселений старообрядцев в этих лесах вызвано уступчивостью прежней администрации, он в доношении в синод в 1743 г. настаивал на высылке всех беглых старообрядцев на прежние места жительства¹⁷. В самом деле, высылка практиковалась и при предыдущих переписях: в различные уезды Нижегородской и других губерний было выслано 637 чел. Стремясь ограничить число старообрядцев в губернии записанными в раскол при первой переписи, епископ считал, что записывать в раскол родившихся после 1718 г. не следует. Димитрий намеревался возродить существовавшую при его предшественнике Питириме систему инквизиторского надзора за ведением учета старообрядцев приходскими священниками, при которой на каждые 10 церквей епархии назначался инквизитор. Если учесть, что численность старообрядцев занижалась в немалой степени по вине приходского духовенства, задуманная епископом мера могла дать определенный эффект. Последняя в рассматриваемый период перепись старообрядцев Нижегородской губернии была приурочена ко второй ревизии. К 1748 г., по данным переписи, в губернии числилось 5447 старо-

¹⁶ Там же, ф. 288 (Раскольническая контора сената), оп. 1, д. 420, л. 40. Согласно другому источнику, до 18 198 чел. (ф. 288, оп. 1, д. 132, л. 117об.—118).
¹⁷ ЦГИА, ф. 796, оп. 24, д. 16а, л. 8—13.

обрядцев, а к 1754 г., по уточненным сведениям, их насчитывалось 5469¹⁸.

Таким образом, численность старообрядцев в губернии уменьшилась с первой половины 30-х гг. XVIII в. до 1754 г. на 12 717 чел., хотя темпы сокращения были значительно ниже тех, что наблюдались при переписи 1718—1724 гг.

Наибольшая убыль пришлось на умерших ко времени второй ревизии (5634 чел.), а также обратившихся в православие (5189) и бежавших (2424 чел.). Кроме того, при проверке данных переписи выяснилось, что 36 чел. записаны в оклад дважды. К убыли приводили и репрессии, направленные против активно протестующих, отказывающихся от записи в раскол и уплаты двойного подушного оклада. В 1718—1725 гг. за это, а также за укрывательство старообрядцев на каторгу было сослано 142 чел.¹⁹ В период второй ревизии число репрессированных достигло 215. Все они, за исключением женщины, сосланной на каторгу, были отданы в рекруты — армейская служба заменила им каторжные работы.

Большая часть переписанных в годы второй ревизии проживала в Балахнинском уезде — 3562 (65 %), Юрьевец-Повольском — 1501 (27 %), Нижегородском — 402 (7,5 %), Арзамасском — 4 (0,1 %).

По социальному составу переписанные старообрядцы распределялись следующим образом: крестьяне — 4186 (76,8 %), купцы — 4 (0,1 %), разночинцы — 6 (0,1 %), монашествующие старообрядцы (главным образом Керженских и Чернораменских лесов) — 1251 (22,9 %). Хотя данные переписи не позволяют определить, крестьяне какой именно категории преобладали среди старообрядцев, можно предположить, что это были дворцовые крестьяне. Балахнинский и Юрьевец-Повольский уезды, в которых проживала большая часть старообрядцев губернии, и во второй четверти XVIII в. сохраняли за собой значение одного из крупнейших в стране районов дворцового землевладения.

Численность женщин среди старообрядцев губернии возросла с 50 % в 1718—1724 гг. (52 941 из 105 333 чел.) до 60 % в 1754 г. (3636 из 5469 чел.). Преобладание женщин особенно характерно для Балахнинского уезда и, по-видимому, объясняется тем, что скиты Керженских и Чернораменских лесов в основном были заселены именно женщинами. Среди старообрядцев подавляющее большинство (82 % общей численности) составляли люди старшего возраста (от 40 лет и более). Примечательно, что из вновь записанных в раскол 22 чел. не достигли 20 лет, т. е. родились после 1718 г., и записи в раскол не подлежали.

Дело в том, что законодательство 40-х гг. XVIII в., препятствуя записи в раскол «тайных» старообрядцев, все же оставляло большой простор «для усмотрения губернских канцелярий гене-

¹⁸ ЦГАДА, ф. 288, оп. 1, д. 346, л. 6—10; д. 420, л. 40, 49; ф. 248, оп. 14, д. 808, л. 306. Все дальнейшие расчеты основаны на данных этих источников.

¹⁹ Там же, ф. 9 (Кабинет Петра), отд. II, оп. 4, д. 56, л. 924—926; ЦГИА, ф. 796, оп. 5, д. 142, л. 21—24.

ральной ревизии, которые во всех вопросах руководствовались в первую очередь фискальными соображениями»²⁰. Всего же во время второй ревизии по губернии был вновь записан в раскол 781 чел.

Анализ данных переписей старообрядцев позволяет сделать вывод о том, что социальной базой раскола в Нижегородской губернии в первой половине XVIII в. являлись главным образом крестьяне, особенно дворцовые, хотя среди старообрядцев насчитывалось немало помещичьих крестьян (значительно меньше — монастырских).

Почти 60% переписанных в 1718—1724 гг. в епархии старообрядцев обратилось в православие — сказались жесточайшие репрессии в этом регионе, где интенсивная инквизиционно-карательная деятельность с применением войск и с казнями наблюдалась не только во второй половине XVII в., но и в конце правления Петра I²¹.

Численность старообрядцев в Нижегородской губернии уменьшилась с 105 333 на рубеже 20-х гг. XVIII в. до 5469 к 1754 г., т. е. в 19 раз, при этом численность «келейных жителей» Керженских, Чернораменских и других лесов сократилась с 7223 до 1251 (к 1748 г.), т. е. почти в 6 раз.

Несмотря на сокращение, численность старообрядцев в крае оставалась все же значительной, а «поток беглецов из разгромленного Керженца стимулировал развитие старообрядчества на огромных восточных территориях»²².

---

²⁰ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII веке. — Новосибирск, 1974. — С. 142.

²¹ Румянцева В. С. Народное церковное движение в России в XVII веке. — М., 1986. — С. 143—187; Синайский А. Отношение русской церковной власти в расколу старообрядства в первые годы синодального управления при Петре Великом (1721—1725 гг.). — Спб., 1895. — С. 213—214, 328—329.

²² Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев... — С. 165.

Л. С. СОБОЛЕВА

К ВОПРОСУ О ФОЛЬКЛОРИЗАЦИИ ОБРАЗОВ БОРИСА И ГЛЕБА В ДУХОВНЫХ СТИХАХ

Созданию образов сыновей киевского князя Владимира русских князей Бориса и Глеба, истории их трагической гибели в княжеской междоусобице были посвящены многие произведения древнерусской словесности различных жанров.

Напомним основы трактовки образов Бориса и Глеба — первых русских святых — в древнерусской литературе и значение их культа для политического развития Русского государства. Борис и Глеб были канонизированы не по церковно-христианским мотивам, а скорее по политическим, их образы «увенчали ореолом святости княжескую власть Ярослава», политико-социальный смысл канонизации состоял «в укреплении государственного единства Руси на основе строгого выполнения феодальных обязательств младших князей по отношению к старшим и старших по отношению к младшим»¹. Доказательству этой идеи служат литературные памятники.

Они привлекали внимание исследователей как у нас так и за рубежом. Благодаря фундаментальным работам С. А. Бугославского, П. В. Голубовского, Н. Н. Воронина, Д. С. Лихачева, И. П. Еремина, А. Поппэ, Л. Мюллера и других к настоящему моменту раскрыты основные проблемы содержания и художественного своеобразия памятников борисоглебского цикла. Интерес вызывали преимущественно произведения литературного характера: летописная повесть, «Чтение» Нестора, анонимное «Сказание», церковная служба и паремийные чтения, посвященные князьям-братьям². Цель данной работы — привлечь внимание к памятнику другого типа — духовным стихам о Борисе и Глебе.

Духовные стихи существуют в устно-поэтической и в рукописной традициях, переплетаясь в процессе бытования. Сборники духовных стихов были излюбленным чтением крестьянского читателя XVIII—XIX вв. и до настоящего времени бытуют в старообрядческой среде, попадая стараниями археографов в государственные

---

¹ Лихачев Д. С. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII веков // ТОДРЛ.— М.; Л., 1954.— Т. 10.— С. 89.

² Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им/Подгот. к печати Д. И. Абрамович // Памятники древнерусской литературы.— Пг., 1916.— Вып. 2.

собрания³. Археографический поиск выявил существование сборников с духовными стихами о Борисе и Глебе на Урале⁴. Вопрос о причинах популярности образов Бориса и Глеба в народной среде, по сути, не раскрыт. Какие чувства и переживания связывал народ с их образами, на какие жизненные вопросы находил ответ в духовных стихах о Борисе и Глебе? Приблизиться к решению этих и ряда других проблем можно, обратившись к анализу стихов и рассмотрев их художественное своеобразие. Наши замечания не претендуют на окончательное решение поставленных вопросов.

Важность обращения к лиро-эпическому жанру духовных стихов была в свое время сформулирована И. В. Ягичем. Духовные стихи — считал он — «важны именно как промежуточная ступень, доставляющая удобный случай проникнуть в процесс народного творчества. В этих произведениях нам вперед аргіогі известен основной сюжет, и точный анализ его обработки в стихе дает возможность уловить и понять приемы народной поэзии»⁵.

На необходимость при характеристике образной системы духовных стихов учитывать устно-поэтические традиции указывала В. П. Адрианова-Перетц: «Привычная схема биографии и образ богатыря — былинного героя кладут свой отпечаток на обрисовку христианского подвижника, далекого от него по внутреннему смыслу; внешнее сходство отдельных моментов из жизнеописания богатырей и святого влечет за собой в дальнейшем изменение содержания стиха»⁶.

Выявление в содержании духовного стиха народно-поэтических представлений об образах Бориса и Глеба, своеобразия понимания конфликта и развития сюжета, значения использования поэтических средств фольклора в стихе — таковы конкретные задачи обращения к памятнику в предлагаемой статье. Наши размышления обусловлены общим вниманием к характеристике народного сознания и не претендуют на охват всех проблем, связанных с исследованием духовного стиха.

Единственная работа, специально посвященная духовным стихам о Борисе и Глебе, была прочитана А. С. Якуб на заседании Общества истории литературы в Москве в 1914 г. Сохранилось краткое упоминание основных вопросов, поднятых в докладе. А. С. Якуб попыталась выделить три редакции стиха и обосновать время его появления — XII в., что вызвало серьезную критику М. Н. Сперанского и Б. Соколова. В обзоре доклада не приведены

³ Никитина С. Е. Устная традиция в культуре русского Прикамья // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций МГУ 1966—1980 гг.). — М., 1982. — С. 91—126.

⁴ УрГУ, Шатровское собр., 1Р/34. Сборник смешанного состава, XVIII в. (70-е гг.), 8°, полуустав, 407 л. Л., 228—230об. — Стихи о Борисе и Глебе; Шатровское собр., 80Р/857. Сборник смешанного состава, конец XIX — начало XX в., 8°, 79 л. Л. 65об.—69об. — Стихи о Борисе и Глебе; Шатровское собр., 25 Р/446, середина XIX в., 8°, 14 л. Л. 3—5 — Стихи о Борисе и Глебе.

⁵ Цит. по: Пышин А. Н. История русской этнографии. — СПб, 1891. — Т. 2. — С. 283.

⁶ Адрианова В. П. Жизнь Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности. — Пг., 1917. — С. 433.

обоснования выделения редакций, справедливым представляется ее разделение стиха на устно-поэтический и книжный, но это было сделано еще в публикации П. Бессонова. Интересно замечание о возможном существовании в качестве источника духовного стиха устной легенды⁷.

Стих о Борисе и Глебе принадлежал к так называемым старшим былевым стихам и существовал в устном бытовании и в рукописной традиции. В публикации П. Бессонова представлено 13 вариантов текста стихов⁸. Несмотря на все недостатки этого издания, отмеченные В. П. Адриановой-Перетц⁹, оно до настоящего времени остается наиболее полным, включающим как устные, так и письменные версии. Именно поэтому в своей работе мы опираемся прежде всего на издание П. Бессонова.

Существует традиционное мнение о зависимости текста стиха от «Сказания о Борисе и Глебе»¹⁰. Анонимное «Сказание» — памятник, популярный в древнерусской литературе и известный по многим спискам, близок к духовным стихам в отдельных фрагментах, хотя в них дается свое понимание событий, своя интерпретация главной идеи. Тот факт, что именно «Сказание» легло в основу народного стиха, кажется неслучайным. В образах Бориса и Глеба «Сказание» подчеркивает их готовность принять мученический венец, сознательное непротивление старшему Святополку во имя избавления от междоусобиц. Старший брат Бориса и Глеба, получивший постоянный эпитет «Окаянный», — один из самых одиозных образов в древнерусской литературе, ему приписывается грех гордости, «высокоумия», стремление к единовластию. Все это является обоснованием для выступления против Святополка Ярослава Мудрого, битва с которым подробно описывается в «Сказании», где его выступление трактуется как месть за убитых братьев.

Однако при анализе данного памятника исследователи отмечали целый ряд отступлений от традиционных канонов в показе образов мучеников. Так, в образе Глеба поражает его особая юношеская незащищенность, трогательная детскость, которая прорывается в молитве князя, сохраняющей, как отметила В. П. Адрианова-Перетц, образы народной причеты¹¹. Мольбы Бориса и Глеба к убийцам о пощаде, хоть и противоречили традиционным представлениям о подвиге мучеников, с радостью идущих на смерть во имя идеи, но зато оказывались более близкими человеку, активнее формировали чувство ненависти к нарушителю спокойствия в Русской земле и были органичны для древнерусской литературы.

⁷ Беседы: Сборник Общества истории литературы в Москве. — М., 1915. — Вып. 1. — С. 84—86 (2-я пагин.).

⁸ Бессонов П. Калки переходные. — М., 1861. — С. 625—669.

⁹ Характеристику публикаций духовных стихов см.: Адрианова В. П. Житие Алексея человека божия... — С. 1—68.

¹⁰ См., например: Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. — СПб, 1902. — С. XII; История русской литературы: В 10 т. — М.; Л., 1948. — Т. 2, ч. 2. — С. 301.

¹¹ Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. — М.; Л., 1947. — С. 143.

«Сказание», как считает Н. Н. Воронин, в отличие от «Чтения» Нестора, где утверждалась идея покорности младшего брата старшему, отстаивает право осуждения старейшего, если он творит беззаконие. По мысли исследователя, в этом проявляется своеобразный гуманизм памятника. Н. Н. Воронин видит в мышлении автора «Сказания» близость с мышлением народа, художественные приемы сближаются с народными¹².

Согласившись с наблюдениями Н. Н. Воронина, хочется дополнить его выводы. Описание внешности князя Бориса, приписанное в конце «Сказания», не соответствует традиционной характеристике христианского мученика. В описании внешнего облика героев-мучеников обычно подчеркивались черты аскетизма, возвышенной духовности, глубокой внутренней веры. Именно так рисует князей-мучеников Нестор. В «Сказании» в облике Бориса отмечается: «тельмь бяше краснь, высокъ, лицьмь кругльмь, плечи велице, тьнькъ в чресла, очима добраама, весель лицьмь». Это описание более напоминает доброго молодца из лирической песни (с ясными соколиными очами, могучими плечами, черными кудрями), чем героя агиографического жанра. В качестве основной добродетели Бориса выделяется его послушание и покорность отцу. В краткой афористичной характеристике героя отмечаются его храбрость в ратях, мудрость в советах, разумность во всем. Все эти качества дороги народу, ими он наделяет своих любимых героев различных устно-поэтических жанров. От жития же остается фраза «благодать божия цветяше на нем»¹³.

В трактовке образа Святополка тоже присутствуют моменты, не соответствующие христианским канонам. Так, в его судьбе претворяется роковая неизбежность греховой жизни, преступления Святополка обусловлены обстоятельствами рождения героя «от двух отец». Вера в судьбу, роковая предопределенность поступков, мотив неизбежности возникает в дохристианскую эпоху и противоречит узкохристианским представлениям¹⁴.

Таким образом, «Сказание» отражает широкий мир идей и смыкается в ряде моментов с народно-поэтическими идеалами. Это качество памятника обусловило внимание к нему народных певцов. Вместе с тем духовные стихи, восходящие к «Сказанию», дают, особенно в устных вариантах, свою трактовку конфликта между братьями, соответствующую народному пониманию. Главным событием стиха является драматическое столкновение Бориса и Глеба со Святополком. Отсекаются эпизоды с Ярославом Мудрым (его месть Святополку за убитых братьев), исчезает мотив предупреждения сестры Предславы о готовящемся убийстве. Стих стремится к своеобразному «сжатию» событий в единое целое, сокращая вре-

¹² Воронин Н. Н. «Анонимное» Сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор // ТОДРЛ.— М.; Л., 1957.— Т. 13.— С. 25—26.

¹³ Успенский сборник XII—XIII вв./Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; Под ред. С. И. Коткова.— М., 1971.— С. 58.

¹⁴ Стеблин-Каменский М. И. Мир саги: Стаповление литературы.— Л., 1984.— С. 115.

менные и пространственные рамки. Он начинается эпически неторопливо, это начало сохраняется во всех известных нам вариантах.

Восточная держава славнаго Киева-града,
Великий Владимир князь, он имел у себя три сына:
Старейшаго Святополка, меньших же Бориса и Глеба ¹⁵.

В отличие от летописи и «Сказания» в большинстве текстов стиха количество сыновей Владимира сводится к фольклорному эпическому числу три. В одном из устных вариантов в издании П. Бессонова кратное трем число сыновей — девять (с. 644), в другом устном стихе, опубликованном Н. Тихонравовым, как и в летописи, — 12, но и в этом случае появляется мотив особой любви Владимира только к трем сыновьям:

Востошная сдержавная
Как у славным гради у Киеви.
А жил себе Володимерь князь,
Володимерь князь Володимеравичь.
Ен имел у себя двинадцать сынов,
Двинадцать сынов любезнейших;
Только возлюбил ен трех сынов:
Святова и Глеба, Бориса,
И третьява Святополка,
Тон имел себе за большаго сына ¹⁶.

Традиционное фольклорное столкновение трех братьев в духовном стихе изменено в соответствии с реальной расстановкой сил. В фольклоре обычно два старших брата и один младший, в духовном стихе — наоборот. Но образы Бориса и Глеба, дополняя друг друга, являются как бы обобщенным воплощением судьбы младшего брата.

Далее в стихе упоминается о разделении России на три части:

Разделяша же Россию всю сыновом своим
на три части:
Святополку — Чернигов град,
Борису и Глебу — Вышпределы (с. 662).

Помимо Чернигова и Вышгорода, в других вариантах упоминается Киев. Подобное разделение не соответствует историческим сведениям летописи, согласно которой Святополк княжил в Турове, Борис — в Ростове, Глеб — в Муроме ¹⁷. В «Сказании» указывается, что Святополк княжил в Пинске. В духовных стихах называются наиболее известные в фольклоре Киев и Чернигов. Вышгород — резиденция киевских князей, место захоронения Бориса и Глеба,

¹⁵ Бессонов П. Калики переходже. — С. 662. Далее при цитировании этого издания страницы указаны в скобках.

¹⁶ Летописи русской литературы и древности/Изд. Н. Тихонравовым. — М., 1859. — Кн. 2. — С. 146—147. Этот вариант записан в устном бытовании от крестьянина Ивана Кондрашева из с. Сабурова Малоархангельского уезда Орловской губернии. Текст интересен важными фольклорными подробностями и приведенными высказываниями исполнителя. Сохраняем орфографию первой публикации.

¹⁷ Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы. XI — начало XII века. — М., 1978. — С. 136.

обеспечить нормальное течение жизни. В тексте, опубликованном Н. Тихонравовым, и в других устных вариантах в этом эпизоде внимание акцентируется на конфликте старшего и младших, здесь нет образа «злого советника дьявола».

Святой Пок пишет листы
Пипет листы к меньшим братьям:
«Ах вы братья, вы и меньшие!
Приезжайте в чистоя поля,
В чистоя поля пировать,
Отца паминать»²⁰.

Конфликт старшего и младшего членов семьи (братьев, сестер) и связанный с этим эпизод предательского обмана отражен в устном народном творчестве наиболее ярко в жанре волшебной сказки с той только разницей, что младший брат один противостоит предательству старших. Идеализация младшего брата, как показало исследование Е. М. Мелетинского²¹, связана с разложением большой патриархальной семьи, в которой младший брат был хранителем коллективной семейной собственности. В связи с новыми особенностями раздела имущества младший брат оказывался в обездоленном положении. В сказках рисуются преследования и попытки убить младшего старшими братьями и даже его временная смерть. Сказка идеализирует младшего брата, наделяя его высшими моральными добродетелями: любовью к родителям и верностью их заветам, юношеской доверчивостью, бескорыстием и добротой. Все эти традиционные черты фольклорного героя не противоречили, а перекликались с идеализацией князей-отроков, гибель которых связывается в памятниках с патриотической идеей единства Руси.

Таким образом, идеи христианской канонизации, воплощенные в «Сказании», в духовном стихе органически заменяются патриархальной идеализацией героев, что делает образы русских князей близкими и понятными народному сознанию. Этот тип идеализации приводит к появлению в стихе «матери порожденной». После приглашения Святополка ряд стихов устного варианта дополняется мотивом материнского предостережения от грозящей беды.

Им матушка говорила:
«Чады вы мои возлюбленные,
Святые князья вы благоверные,
Два брата вы, Бориса и Глеба!
Да вы не ездите к большому брату в гости
Ко стареньшому брату Светополху:
Стареньшой брат ненавистный — злой,
Не на пир зовет он вас пировати,
Не отца в своем доме поминати;
Он хочет, злой, вас затребити,
Всей вашей Россией завладати,
Со всеми со удельными городами,
Со всеми со верными слугами.
Они своей матушки не послушались,

²⁰ Летописи русской литературы... С. 146.

²¹ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки: Происхождение образа.— М., 1958.— С. 64—160.

Садилась на добрых на коней,
Да поехали к большому брату в гости,
Ко стареньшому брату Светополку (с. 626).

Таким образом, к гибели героев, по логике стиха, приводит нарушение материнского запрета. Мотив нарушения запрета — один из самых древних в фольклоре²², он встречается в сказках, в некоторых былинах — «Добрыня и Змей», былины о Василии Буслаеве, Характеризуя образ матери в былинне «Добрыня и змей», исследователи отмечают, что «этот образ как бы олицетворяет семейное начало, отражает еще не порванную связь древнерусского человека с родом, зависимость его от рода»²³. В былинне нарушение запрета вызвано общегосударственными потребностями и не влечет за собой наказания. Духовный стих вносит в политический конфликт представление о недопустимости семейного раздора, братоубийственных столкновений²⁴. В известных нам рукописных вариантах стиха мотив материнского запрета отсутствует; братья только традиционно кланяются матери перед отъездом к Светополку.

Для произведений о Борисе и Глебе образ матери и мотив ее запрета необычен. Мать Бориса и Глеба не была матерью Светополка. Духовный стих, переосмысливая конфликт, отбрасывает драматизм христианских переживаний и усиливает трагичность семейного столкновения. В духовном стихе в мольбе Бориса и Глеба к Светополку звучит тема материнской печали:

Поими нас, брат, в доме своем
Рабочими верными слугами,
Не вем никакого порока.
Чтобы в твоём доме зло сотворити.
Не сотвори, брат, печали матери,
Коя нас с тобой породила (с. 639).

В духовном стихе Светополк сам выезжает навстречу братьям, желая их смерти, а не посылает слуг, как в литературных произведениях, тем самым усиливается драматизм родового конфликта. Встреча героев происходит «в чистом поле» или среди «пути-дороги». Светополк, подобно отрицательному герою былины, «ездит и сам похвально, с яростию насмехается, свирепо на братию взирает» (с. 640). Народная этика не признает хвастовства, и это отрицательное качество заменяет присущие Светополку по литературным памятникам «гордость и высокоумие».

²² Материнский запрет связывается А. Н. Веселовским с идеями матриархата. — См.: Веселовский А. Н. Историческая поэтика. — Л., 1940. — С. 560—563.

²³ Добрыня Никитич и Алеша Попович/Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. — М., 1974. — С. 375. — (Сер. «Литературные памятники»).

²⁴ Вспомним высказывание Ф. Буслаева: «Идея о братолюбии не есть исключительно достояние христианства. Христианство проповедует вообще любовь к ближнему, любовь ко всему человечеству; напротив того с идеей о братолюбии соединяется более тесное понятие о семейных и родовых отношениях, понятие, ограниченное известными историческими обстоятельствами. Это есть по преимуществу добродетель, когда господствуют семейные раздоры». — Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. — Спб., 1861. — Т. 2. — С. 104.

Поведение Бориса и Глеба контрастирует с поступками старшего брата. Они рисуются покорными, кроткими, чувствительными, проливающими слезы, не помышляющими о протесте.

Варианты, существующие в рукописной традиции, включают в состав стиха молитву Бориса и Глеба, восходящую к молитве Глеба в «Сказании» и летописной статье: «Помилуйте уности моей... Вы ми будете господине мой, аз вам раб. Не пожнете меня от жития несъзрела, не пожнете класса не уже съзревша, нъ млеко безлюбия носяща. Не порежете лозы не до конца съзрастоша, а плод имуща... Се несть убийство, но сырорезание...»²⁵. В духовном стихе используются те же выражения:

Не срежь класы незрелыя, не
ноправ нивы неспелыя,
Не отрыгни винограду сей кореня
от сыра земли,
Не подрежь лозы неплодныя, не
продей крови неповинныя (с. 664).

Образная система молитвы Глеба, общая с духовным стихом, едина для фольклорно-литературной традиции. Неспелый колос, нива недозрелая, зеленый виноград — все эти образы гибнущей молодости присутствовали, как было отмечено В. П. Андриановой-Перетц, в поэтической системе народного плача и упоминались в песнопениях церковной службы. Иными словами, обращение к ним в духовном стихе облегчалось их присутствием в фольклоре. Устный вариант стиха дает пример усиления фольклоризации молитвы:

Не срежь главы незрелыя,
Не жни ты неспелую пашеницу,
Не рви ты вишневые листья-коренья
Вот сырой земли (с. 631).

Убийство братьев в духовном стихе происходит в один момент времени, хотя сохраняется деталь описания убийства братьев в «Сказании», где Бориса «копием прободоша, а Глеба ножом заклаша».

В «Сказании» отмечается, что после смерти тело Бориса «принесли Вышегороду у църкви святаго Василия въ земли погребоша», а тело Глеба «повержену на пуге месте межю двема колодами»²⁶. Драматичность погребения Глеба переносится на обоих братьев, вариант стиха в публикации Н. Тихонравова трагедийно усиливает впечатление замечанием, что тела братьев «в топки болоты отвологаивчи, под гнилу колоду подкладавчи»²⁷.

Вспоминается в духовном стихе и древний обычай славян бросать без погребения тела рабов и разбойников²⁸. О действиях Святополка с осуждением говорится:

²⁵ Успенский сборник...— С. 52.

²⁶ Там же.— С. 50, 53.

²⁷ Летописи русской литературы...— С. 147.

²⁸ Велетца Н. Н. О некоторых ритуальных явлениях языческой погре-

Вверзил телеса их при пути,
Обнажил, яко разбойник, и повелед
Влачити святых телеса и промеж двух колод погрузить (с. 661).

В отличие от «Сказания», где Святополк наказывает Ярослав, сражаясь с ним в битве, и Святополк погибает от охватившего его недуга в пустыне «между Чехы и Ляхы», в духовном стихе следует немедленное наказание Святополку:

Под ним земля сколыбалася,
Аки волна морская.
Вознесошася до небес,
Сниде до ада (с. 651).

В рукописных вариантах стиха описание наказания более странно: «бысть мрак 4 дня // Ужасеся вся вселенная, чаяли второго потопа» (с. 665). Стих устанавливал справедливость, делая неизбежным наказание Святополка от «самой земли».

Заканчивается духовный стих прославлением Бориса и Глеба как целителей от всех болезней. Тела Бориса и Глеба лежат нетленными ровно тридцать лет и три года (число, характерное для фольклора). Вариант Н. Тихонравова содержит фольклорный пересказ чуда, нарисованного в «Сказании»: «Се же пречюдно бысть и дивно и памяти достойно; како и колико летъ лежавъ тело святаго, то же не врежено пребысть, ни от коего же плътюядьца, ни беаше почърнело, яко же обычаи имуть телеса мъртвых, нъ светло, и красно, и цело, и благу воню имущю»²⁹. В стихе:

Лежат мощи тридцать лет и три года,
Ничаво мошам не вредилося,
Ни ят солнца ни засохли,
Ни ят ветру ни заветряли,
Ни ят дождю ни сатлели.
Святому Глебу славу поем!
Во век слава его ни митуитца!
Создай наш господь сему миру приукрасный рай!³⁰

В этом варианте интересно, что главным становится образ младшего брата — Глеба. Как не вспомнить выводы А. Х. Алешковского, который при изучении ранних крестов-энколпионов XI—XII вв. с изображениями первых русских князей обнаружил следы предпочтительного почитания не старшего Бориса, как стало привычно потом, а младшего Глеба. Эта глебоборисовская направленность культа приводит исследователя к выводу о первоначальном возникновении культа в народной среде. Именно чистота и невинность Глеба как нельзя более, по мысли историка, соответствовали народному представлению о качествах святого-исцелителя³¹. Исследование народного стиха показало, что идеализация братьев действительно

бальной обрядности: К анализу сообщения Ибн-Фаллана о похоронах «русса» // История, культура, фольклор и этнография славянских народов.— М., 1968.— С. 194.

²⁹ Успенский сборник...— С. 56.

³⁰ Летописи русской литературы...— С. 147.

³¹ Алешковский М. Х. Повесть временных лет.— М., 1967.— С. 97.

шла по линии внимания к младшему члену семьи, но не просто в связи с явлениями юниората, а в связи с разрешением конфликта семейно-родового характера. Борис и Глеб являются носителями особых нравственных качеств, верны традициям семьи. Возможно, покорность старшему брату в народном сознании определялась существованием так называемой «братской» семьи, главой которой признавался старший брат.

Чудеса, происходящие на месте погребения братьев: горящие свечи, огненный столп от земли до неба — в народных верованиях связаны с представлениями о душах умерших³². Описание чудес проникает и в духовный стих: «Проявил господь от святых мощей столп огненный и до небесе» (с. 655). В некоторых устных вариантах «огненный столп» заменяется на «столб белый каменный от земли до неба» (с. 627, 635), видимо, в позднейшем бытовании.

Таким образом, можно сделать вывод, что в основе духовного стиха о Борисе и Глебе лежит произведение письменности — «Сказание», в котором уже присутствуют элементы народного представления об идеализации человека. Обращаясь к конфликту, имеющему ярко выраженный политический и христианско-религиозный характер, духовный стих интерпретирует его с позиций нравственно-этических, превращая конфликт в семейно-бытовой, а потому узнаваемый и легко воспроизводимый в устной традиции. «Отрыв» от житийного текста в большей степени свойственен устным вариантам, тогда как рукописные тексты ближе к житийной традиции.

Сложное устно-рукописное бытование стиха повлияло на образно-стилевую систему вариантов. В устных вариантах нет, например, соотнесенности героев с образами Авеля и Каина, наущения дьявола не является причиной поступков Святополка, в рукописных текстах нет упоминания о поминках по Владимиру, по-разному показывается назначение культа первых русских святых. Устные варианты ограничиваются указанием на их целительную силу, рукописные тексты дополняют представление о значимости князей спасением России всей от «варварского нашествия». Подобного рода прославление встречается в «Сказании» и в церковной службе.

Устные варианты используют традиционные устно-поэтические формулы: «пути-дороги», «отец-мать», «честно-хвально», «честно-благоверно»; встречается тавтология «пир пировати», «млады-младешеньки»; «ум-разум»; не обходится и без постоянных эпитетов: «добрые кони», «темные леса», «почестный пир» и т. д. Приемы народной поэзии повлияли на строй предложения. Часты повторы: «Во славном Киеве, во граде», употребление повторяющегося «да», придающего особую напевность и широту стиху:

«Поём славу да Борисову,
Борисову да и Глебову» (с. 629).

Стиль повествования рукописных вариантов более связан с древнерусской литературной традицией. Так, например, Святополк характеризуется как «властолюбец богомерзкий», Борис и Глеб — «богодержцы» (с. 662—663).

³² Афанасьев А. Н. Древо жизни. — М., 1983. — С. 353.

Широкое распространение культа русских святых в различных социальных слоях имело свою специфику³³. Если для князей Борис и Глеб — покровители рода и с их именами связывались нормы княжеских отношений, а для феодально-дружинной среды Борис и Глеб прежде всего покровители-воины, появляющиеся в решающие моменты битвы, как в «Житии Александра Невского», то для народных масс традиционная идеализация младшего брата связывалась с семейно-бытовым конфликтом, имеющим подспудное социальное звучание. Несправедливость по отношению к младшим в семье духовный стих своеобразно «компенсирует» их святостью, нетленностью мощей, той «славой», которую поют Борису и Глебу. В этом проявляется сложность жанра, сочетающего фольклорную и книжную традиции. Это же объясняет ту популярность, которую имели духовные стихи о Борисе и Глебе в народной среде.

Внимание народного сознания к семейно-родовым конфликтам прослеживается не только в данном стихе, но и, например, в стихе о двух Лазарях. Исследовавший его А. Белоусов отмечает, что «дальнейшее понимание слова „брате“, означавшего религиозную общность в „просьбе“ Лазаря о милостыни, и привело к пониманию его как выражения родства между персонажами народного стиха. Думается, не без влияния окружающих, для которых этот смысл был наиболее понятен, первоначальный, религиозно-этический характер отношений богатого и Лазаря сменяется семейно-родовым»³⁴. Причем, как отмечает автор, это понимание изменяет само содержание произведения, в котором появляются два брата Лазаря. Так, в одном из текстов стиха читаем:

Жила там была вдовушка-вдова,
А у той у вдовушки было два сынка,
Все Лазорюшки...

В другом тексте некоторые выражения напоминают стих о Борисе и Глебе:

Жили-то были два братца,
Два братца, два Лазаря,
Что одна матушка их спородила,
Не одним их господь счастьем наделил...³⁵

Подмена религиозно-нравственной проблематики родственными конфликтами привела в одном из текстов стиха о Лазаре даже к появлению единой матери и отца у Лазаря и Христа³⁶.

Наличие семейно-родового конфликта сближает стихи о Борисе и Глебе и об Иосифе и его братьях. В последнем главным является конфликт младшего Иосифа и старших братьев³⁷. Иосиф «за-

³³ Подробнее см.: Лесючевский В. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства // Сов. археология.— 1948.— № 8.— С. 225—245.

³⁴ Белоусов А. Из наблюдений над русским духовным стихом. «Два брата Лазаря» // *Quinquagenario*: Сборник статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана.— Тарту, 1972.— С. 64.

³⁵ Там же.— С. 61.

³⁶ Там же.— С. 61.

³⁷ Подробнее см.: Фрезер Д. Фольклор в Ветхом завете.— М., 1931.— С. 165—196.

всегда он в своем доме пребывает, // Отца своего Якова спотешает...» (с. 155). В стихе отмечается особая близость младшего к роду. В сцене преступления, где «старейшая большая братия» «свирепо на Осипа взирали», «цветну его ризу скидали, во глубокий ров Осипа вверзили, желтыми песками засыпали» (с. 156), чувствуется внутренняя переключка с описанием преступления Святополка. Включает духовный стих и молитву Иосифа, отсутствующую в библейском тексте (Бытия 37, 20—24). Она близка к молитве Бориса и Глеба:

Взмолился Осип прекрасный:
«Старейшая большая братия,
Не предайте мне злой смерти напрасной,
Не пролейте моей крови бесповинной,
Чем я вам есть не угоден?» (с. 158).

Таким образом, мы видим, что тема невинно гонимых героев проникает и в жанр духовных стихов, объединяя в сознании исполнителя устно-поэтические и книжные образы. Идеализация Бориса и Глеба на основе выявления семейно-бытового конфликта, связанного с верой в справедливое возмездие за невинно гонимых персонажей, свидетельствует о гибкости народного сознания, о стремлении к собственной органической трактовке принимаемых христианских идей и героев.

С. К. СТАРОВАТОВА

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ
«ИСТОРИИ ОБ ОТЦАХ
И СТРАДАЛЬЦАХ СОЛОВЕЦКИХ»
СЕМЕНА ДЕНИСОВА**

«История об отцах и страдальцах соловецких» С. Денисова до сих пор не подвергалась специальному научному исследованию, хотя давно привлекает внимание в связи с изучением выговской литературы первой половины XVIII в.¹

Рассказ о соловецких мучениках и страдальцах, погибших во время Соловецкого восстания (1668—1676 гг.), — главная цель автора; он показывает «мужей исполинов храбрых, великомощных и крепкодушных» (л. 1об.)² от начала возникновения монастыря до разорения его царскими войсками в 1676 г. С. Денисов стремится сосредоточить внимание читателя не столько на реальном Соловецком восстании, сколько на агиографической оценке этого события. По выражению М. Н. Сперанского, «История...» является «образцом агиографического повествования выговцев»³. Уже в заглавии произведения автор делит соловецких подвижников на две группы: «отцов» и «страдальцев». «Отцы» — живущие до восстания, «страдальцы» — «жертвы» восстания. Все имена, упомянутые С. Денисовым, можно разделить на три группы, соответствующие трем крупным периодам истории Соловецкого монастыря: от основания монастыря Зосимой и Савватием «в лето 6928 (1420) при благочестивем князе Василии Василиевиче» (л. 5) до начала восстания, до времени «искушения»; восстание в монастыре и его последствия; после восстания, распространение идей Соловецкого монастыря по всему Северному краю. Сам С. Денисов так определил свои задачи: «И первое убо о начале святыя обители, когда

¹ См., например, работы: Понырко Н. В. Выговское syllабическое стихотворство // ТОДРЛ.— 1974.— Т. 29.— С. 274—290; Она же. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе // Там же.— С. 154—169; Она же. Выговская литературная школа в первой половине XVIII столетия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Л., 1979; Мальцев А. И. Неизвестное сочинение С. Денисова о Тарском «бунте» 1722 г. // Источники по культуре и классовой борьбе периода феодализма.— Новосибирск, 1982.— С. 227—241; Юхименко Е. М. «Виноград Российский» Семена Денисова: (текстологический анализ) // Древнерусская литература: Источниковедение.— Л., 1984.— С. 249—266.

² Здесь и далее в скобках указаны листы по изданию: История об отцах и страдальцах соловецких.— Супрасль, 1788.

³ Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века.— М., 1963.— С. 118.

создася, каковыми ктиторами, каковыми же законы, каковыми преданиями благочинии оградися. Таже и о живущих в ней отцех, каковы святости елико високаго жития, якова чюдного воздержания бяху, наконец о великодушии страдания, ревности благочестия. крепости терпения блаженных отец во время разорения бывших и крови своя за благочестия проливших в сем собрании предлагаем, да от корене древо и от сего ветви, и от ветвей же плоды удобнеише объявятся» (л. 3об.—4).

Особый интерес вызывают упоминаемые С. Денисовым имена. В связи с тем, что при описании истории монастыря автор отталкивается от исторических событий, то имена одних и тех же подвижников повторяются.

Первая группа, распадающаяся на подгруппы соответственно времени жизни соловецких подвижников, представлена следующими именами:

«Быша по преставлении святых» (л. 7об.)	Савватий Зосима Иоанн и Василий пономарь Иоанн и Логгин Яренгские Филипп митрополит Иринарх Диодор Юрьегорский Андрей пустынножитель
«Израстьшия отрасли соловецкаго чудотворцев сада» (л. 8)	Елеазар Анзерский Илья архимандрит, первый период деятельности Иоанн юродивый, первый Гурий Иоанн похабный, юродивый, второй
«Пред самым временем искушения» (л. 14об.)	«брат оный, иже скончаваяся, отцу духовному исповеда, яко келейнаго правила вперед на тридесятолетное время наполни» (л. 14об.—15) «диакон оный, его же ногам от многостояния опухшим, ниже мало радяше...» (л. 15)
«Святых писаний опаснии ведателие, мнози и в разсуждениях благоискусни смотрители быша» (л. 15—15об.)	Герасим Фирсов, «муж довольнаго учения» (л. 15об.—16) Игнатий Соловецкий (как писатель) (л. 16).

В первой группе — имена соловецких подвижников, живших до начала восстания. Автор соблюдает довольно точную хронологическую последовательность: имена основателей монастыря (Зосимы и Савватия) возглавляют не только выделенную первую группу, но и остальные группы. С. Денисов на протяжении всего повествования подчеркивает, что Соловецкий монастырь пронес

через годы существования и испытаний идеи, заложенные еще основателями; эти идеи были проверены во время «искушения», и соловецкие выходцы разнесли их по Северу после поражения восстания. Неслучайно поэтому автор неоднократно призывает братью вспомнить о делах и заветаниях Зосимы и Савватия.

Упоминание С. Денисовым имен вышеупомянутых подвижников дает право предположить, что он пользовался житийными источниками. Сам автор указал на три из них: «книга жития преподобную отцу (вероятно, Житие Зосимы и Савватия Соловецких.— С. С.), и житие Филиппа митрополита, и житие преподобного Дiodора, начальника Юрьегорского» (л. 8об.). Были ли эти жития в библиотеке Выга?

В начале XVIII в. началось интенсивное собирательство книг для Выговской библиотеки⁴, в результате чего она пополнялась редкими рукописями и старопечатными книгами⁵; но выговские «большаки» и писатели имели возможность пользоваться и библиотеками других монастырей⁶. Чтобы определить, что С. Денисов извлек из житийных источников, распишем первую группу имен с краткими комментариями о них автора.

Первыми названы основатели монастыря: «Начало жития во отце преподобный отец Саватия произведе в лето 6928 (1420) при благочестивем князе Василии Василиевиче, многа лета уединенным житием спасително безмолствова, по преставлении же онаго преподобный отец Зосима обнови жителство отока и кинов возгради и братию собра, чины и уставы и предания церковная и отеческая к назданию душ человеческих предав, спасителное наследие учеником остави» (л. 5—5об.). Житие Зосимы и Савватия, одно из самых ранних северных житий⁷, читалось и переписывалось во многих монастырях. Соловецкий монастырь специально распространял биографии своих основателей⁸. В Выголексинской библиотеке

⁴ По свидетельству В. Г. Дружинина, в Выговской библиотеке в начале XVIII в. насчитывалось 257 названий книг.— См.: Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни.— Спб, 1911.— С. 8.

⁵ См.: Барсов Е. В. Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке.— Спб, 1874; Яковлев Г. Извещение праведное о расколе беспоповщины.— М., 1888.— С. 125—134.

⁶ Об использовании, например, библиотеки Троице-Сергиевой лавры см.: Шашков А. Т. Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII — начале XVIII в.: (Подделка и ее разоблачение) // ТОДРЛ.— Л., 1979.— Т. 33.— С. 86.

⁷ См.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник.— М., 1871.— С. 270.

⁸ Об этом говорят записи на рукописях Жития Зосимы и Савватия, например: «Книга глаголемая Житие Зосимы и Саватия Соловецких чудотворцов Ивана Федорова деревни Огрыскова, а куплена у соловецких чудотворцов, дано за нею (так!) полтора рубля».— Дергачева-Скоп Е. И., Ромодановская Е. К. Собрание рукописных книг Государственного архива Тюменской области в Тобольске // Археография и источниковедение в Сибири.— Новосибирск, 1975.— С. 118 (№ 56, середина XVII в.). При описании библиотеки Соловецкого монастыря в XIX в. было зафиксировано несколько рукописей Жития.— См.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии.— Казань, 1885.— Ч. 2.— С. 287—298 (№ 556—566).

находилось несколько списков их Жития⁹. К Житию основателей Соловецкого монастыря братья Денисовы обратились и при составлении на Выге Четий-Миней, время написания которых Е. Барсов определял 1710-ми гг.¹⁰ Обращался к Житию С. Денисов и в «Истории...».

«Иоанн и Василий пономарь по смерти своей вкупе с преподобными людем чудесне являющеся» (л. 7об.). Рассказы об Иоанне «светоносном» и Василии пономаре находятся среди чудес Зосимы и Савватия: об Иоанне — в чудесах «О явлении преподобных отец, еже виде старец Леонид» и «О самом Анисиме, впадшем в недуг», а о Василии пономаре — в чуде «О беснующемся иноце Викентии»¹¹. В первом рассказе речь идет о том, как старцу Леониду явились три старца, «пресветлым светом светящася». В двух первых он узнал Зосиму и Савватия, «третьяго же не позна, кто есть... и яко же потом поведя Леонид видение братии, и глаголют ведущи, яко третий Иоан есть светоносный, по образу той бо преподобный Иоан, всеми знаем, бе соловецкий постриженник и жилец, мнози бо о нем свидетельствуют и помнят труды его, яко великий подвижник бысть, в монастыре том пустынное бо отхождение и жителство любя, всяким послушанием, смирением и кротостию украшен бе и много монастыре поработа в рыбной ловитве, тем же и сподобися причтен быти с преподобными отцы». В рассказе об Анисиме Иоанн также является больному старцу вместе с Зосимой и Савватием. В рассказе о Викентии читаем о Василии пономаре: «...являются ему (Викентию.— С. С.) два старца в куполах и отнимаху его от бесов и провожаху в келие, является ему и третий старец, незнаем, иже велику приязнь творяху ему, егда мучаху его демони, к себе влекуще и своим называюще, он же отгоняше крестным знаменем, ограждая». Однажды Викентий спросил старца, кто он. Старец отвечал: «Не знаеши ли мя? Аз бех ближнии сосед ваш, пономарь, на Ильине улице, Василии именем бе».

Таким образом, Житие Зосимы и Савватия соловецких послужило для С. Денисова источником сведений не только об основателях Соловецкого монастыря, но и о первых иноках, живших в обители, — Иоанне «светоносном» и Василии пономаре.

Иоанн и Логгин, «бывшая киноии служебники, ныне же новоявленная Яренская чудотворца» (л. 7об.). На протяжении всего XVII в. в окрестных от Яренги селениях и в Соловках существовал культ этих святых¹². Ко времени написания «Истории...», т. е. к 30-м гг. XVIII в., на Севере были известны две редакции Сказания о Яренских чудотворцах: первоначальное Сказание о них составлено на рубеже 40—50-х гг. XVI в. священником с. Яренги Барлааом; вторая редакция — в середине XVII в. Сергием Шелони-

⁹ См.: Барсуков Н. Источники русской агиографии. — Спб., 1882.

¹⁰ Барсов Е. В. Четьи-Миней братьев Денисовых // Сборник статей в честь М. К. Любавского. — Пг., 1917. — С. 663—708.

¹¹ ИРЛИ, Карельское собр., № 131, XVIII в., л. 56, 40, 46—46об.

¹² Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. — Л., 1973. — С. 225.

ным¹³. Какой именно редакцией пользовался С. Денисов, установить из текста трудно, так как сообщаемые автором сведения чрезвычайно кратки. Известность на Выге Сказания о Яренгских чудотворцах подтверждается рукописной традицией: Н. Барсуков среди списков Сказания называет и рукопись XVIII в., принадлежавшую Выголексинской библиотеке¹⁴.

Филипп, «святой второй киновии и многотщательный ктитор и всероссийский чудотворец и архиерей» (л. 7об.). Появление в Соловецком монастыре Филиппа Колычева, будущего митрополита, прославленного столкновением с Иваном Грозным, имело огромное значение для развития монастыря¹⁵. После смерти Филиппа стали появляться многочисленные легенды о его жизни и деятельности, на основе которых и возникло его Житие. Существуют две редакции Жития, из которых вторая (Тулуповская) получила в XVII в. наибольшее распространение¹⁶. Г. Г. Латышева убедительно доказала создание Тулуповской редакции в 1601—1620 гг. за счет включения в текст первой (Колычевской) редакции (конца XVI в.) многочисленных цитат из Поучения дьякона Агапита цесарю Юстианину¹⁷.

С середины XVII в. культ митрополита Филиппа растет повсеместно. На Соловках Житие Филиппа интенсивно переписывается и распространяется¹⁸. С. Денисов указал на использование им Жития Филиппа, но в какой редакции — установить из текста невозможно. Скорее всего, это Тулуповская редакция, как наиболее распространенная.

«Яков игумен и многотрудный чуднаго стеноздания соградитель» (л. 7об.—8). В данном случае речь идет об игумене Соловецкого монастыря, ученике Филиппа Колычева, Якове, который «в двадесят первое лето по преставлении святаго» привез мощи митрополита Филиппа из Твери в Соловки. Об этом говорится в Житии Филиппа в главе о перенесении мощей святого в Соловецкий монастырь «ко отечеству своему»¹⁹. Таким образом, из Жития Филиппа С. Денисов взял сведения не только о будущем митрополите Ф. Колычеве, игумене Соловецкого монастыря, но и о Якове, игумене того же монастыря.

Преподобный Иринарх, «игумен и дивный пустынножитель» (л. 8). Сохранилось Житие Иринарха, бывшего игумена Соловец-

¹³ Знаменский П. Сергий Шелонин, один из малоизвестных писателей XVII в. // Православное обозрение.— 1882, февр.— С. 294.

¹⁴ Барсуков Н. Источники русской агиографии.— Стб. 529, № 48.

¹⁵ Яхонтов И. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник.— Казань, 1881.— С. 136.

¹⁶ Латышева Г. Г. Публицистический источник по истории опричнины: (К вопросу о датировании) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории: Сб. трудов.— М., 1974.— С. 47—48. Ср.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых.— С. 311—312.

¹⁷ Латышева Г. Г. Публицистический источник...— С. 30—31.

¹⁸ Приклонский А. Житие митрополита Филиппа XVII в. // Материалы Соловецкого отделения Археологического общества краеведения.— Соловки, 1926.— Вып. 1.— С. 39—40.

¹⁹ ИРЛИ, собр. ИМЛИ, № 6, XVIII в., л. 93об.— 94.

кого монастыря (1614—1626 гг.), представляющее собой записки об Иринархе, составленные соловецким монахом, впоследствии Калязинским игуменом Иларионом²⁰. В. О. Ключевский относит написание Жития Иринарха к середине XVII в., когда создавался ряд сказаний о соловецких святых²¹. А. Н. Робинсон указал на такой источник Жития, как народные легенды²². Имя Иринарха, вероятно, не случайно попадает в «Историю...». Культ этого подвижника «древнего благочестия»; существовавший в Соловецком монастыре на протяжении всего XVII в., особенно усилился во время восстания. По словам А. Н. Робинсона, восставшие пытались укрепить свой авторитет обновлением памяти Иринарха²³. Указаний на Житие Иринарха или легенды о нем нет в «Истории...», поэтому трудно судить об источнике сведений С. Денисова.

«Преподобный Диодор, трудник и общежитель Соловецкия киновии таже и пустынножитель и отшелник чюдный, иже послезде Юрьегорский возградивый монастырь и в нем от здешних к богу свято преселився» (л. 8). С. Денисов указал на использование им Жития Диодора Юрьегорского (л. 8об.). В. О. Ключевский относит написание Жития ко второй половине XVII в.²⁴ Житие Диодора (список XVIII в.) хранилось и в Выголексинской библиотеке²⁵.

Возможно, что именно из Жития Диодора Юрьегорского С. Денисов выписал сведения о соловецком пустынножителе Андрее. В «Истории...» о нем читаем: «Преподобный и дивный пустынножитель... Андрей, бывый трудник соловецкий, иже пятьдесят и осмь лет пустынно уединением господев работав, выше естественныя благодати сподобися» (л. 8—8об.). В. О. Ключевский знал Повесть о пустынножителе Андрее, содержание которой представляет собой выписки из Жития Диодора Юрьегорского²⁶.

Таким образом, автор приводит ряд имен соловецких подвижников, жития которых создавались в XVII в., были широко распространены к началу XVIII в. и, что особенно важно, были известны на Выге. Существенно, что эти же имена находим и в так называемом Соловецком Патерике, который ведет свое проис-

²⁰ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых...— С. 325. Яхонтов И. Жития святых севернорусских подвижников...— С. 182. Нам известен единственный список Жития Иринарха Соловецкого: ГПБ, Соловецкое собр., № 238/238, XVIII в.

²¹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых...— С. 325—326.

²² Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания.— М., 1963.— С. 308.

²³ Там же. Этот случай описан Аввакумом в «Книге толкований» (Из толкования на Книгу пророка Исаи).— См.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения/Под ред. Н. К. Гудзия.— М., 1960.— С. 167—168.

²⁴ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых...— С. 326—327.

²⁵ Барсуков Н. Источники русской агиографии.— Стб. 145, № 53.

²⁶ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых...— С. 327. Известная В. О. Ключевскому Повесть об Андрее находится в сборнике «Повести о пустынножителех соловецких» в ГПБ, в собрании Соловецкого монастыря, № 1195/1366, XIX в., и опубликована в приложении к Архангельскому Патерику.— Никодим. Архангельский Патерик.— Спб, 1901.

хождение с середины XVI в., первоначально включая в себя жития основателей Соловецкого монастыря Зосимы и Савватия, службы им и чудеса. В XVII в. к ним прибавляются жития других соловецких святых²⁷. П. М. Строев указал на такой Соловецкий Патерик, в состав которого входят следующие произведения: Житие Зосимы и Савватия Соловецких, Повесть о Германе Соловецком, Житие Филиппа митрополита, «Сказание вкратце от летописца» об игуменах соловецких, Сказание о Яренгских чудотворцах, Сказание о Пертоминских чудотворцах, Житие Никиты пустынножителя, Повести о пустынножителех соловецких, Житие Ирнарха Соловецкого, Житие Елеазара Анзерского²⁸. В ГПБ находится рукопись Соловецкого Патерика, сходная по составу с описанной П. М. Строевым²⁹. Сравнивая содержание Патерика с известиями о соловецких подвижниках «Истории...», видим, что автор использовал в основном те же жития, что составляют основу Патерика.

Использование С. Денисовым житийных источников представляется интересным. Такое использование необычно для писателя начала XVIII в.: при изложении содержания прочитанного автор обходится буквально одной-двумя фразами. Создается впечатление, что он ознакомился с источниками заранее. Некоторые факты из биографии С. Денисова позволяют сделать такое предположение. Как известно, после Новгородского заточения С. Денисов «провел в келье шесть лет сидя, книги читая...»³⁰. Вполне возможно, что именно в это время при чтении книг проходил определенный отбор материала для дальнейшей работы. В 30-е гг. XVIII в. С. Денисов пишет и «Виноград Российский» — собрание мучеников старообрядческих мучеников, работа над которым требовала знания широкого круга житийных источников. Характер использования источников С. Денисовым близок к использованию их Аввакумом. В основном литература, известная протопопу Аввакуму, читалась им в молодые годы³¹, затем делались многочисленные ссылки по памяти. Сходное использование источников характерно и для С. Денисова при написании «Истории...».

Далее, рассказывая о соловецких подвижниках, С. Денисов использовал не только традиционные жития, но и легенды явно старообрядческого происхождения. Среди последних особое место

²⁷ Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. — СПб, 1882. — С. 383—391.

²⁸ Там же. — С. 383—386.

²⁹ ГПБ, Софийское собр., № 452, начало XVIII в. Ср. содержание: Оглавление (л. 1—4), Жития Зосимы и Савватия (л. 5—180об.), Повесть о Германе Соловецком (л. 181—198), Житие Филиппа митрополита (л. 199—268), «Сказание вкратце от летописца» о соловецких игуменах (л. 269—272), Сказание о Яренгских чудотворцах (л. 273—316об.), Сказание о Пертоминских чудотворцах (л. 317—318), Житие Никиты пустынножителя (л. 319—324), Житие Елеазара Анзерского (л. 324—326об.), Житие Ирнарха (л. 327—339об.), тропарь преподобному отцу Елеазару Анзерскому (л. 339 об.).

³⁰ Цит. по: Понырко Н. В. Семен Денисов Вторушин (1682—1740) // ТОДРЛ. — 1986. — Т. 40. — С. 155.

³¹ Сарафанова Н. С. Произведения древнерусской письменности в сочинениях Аввакума // ТОДРЛ. — 1962. — Т. 18. — С. 330.

занимает легенда о видении Елеазаром Анзерским змея, обвинившего вокруг шеи патриарха Никона. Этот рассказ существовал в нескольких вариантах³², но ни одного из них нет в Житии Елеазара Анзерского. Все они имеют общее начало: во время пребывания Никона в Анзерской пустыни игумен монастыря Елеазар в момент чтения Никоном Евангелия увидел, как вокруг шеи будущего патриарха обвился черный змей. Один вариант передает слова Елеазара следующим образом: «О какова мятежника питает Россия. Сей бо смутит пределы ея, потрясет всею Россиею и поколеблет вси грады, села и веси, многих трясений и бед наполнит, от сего смутника вся Россия кровию обогрится... аще бы кто сего убил, аз бы приял защение греха того»³³. В другом варианте старец воскликнул: «О какова смутителя и мятежника Россия в себе питает. Сей смутит тоя пределы и многих трясений и бед наполнит»³⁴. В третьем варианте, имеющемся в «Истории...», Елеазар произносит следующие слова: «Яко великое зло Росиа себе сего израсти» (л. 9—9об.). Рассказ о видении змея в «Истории...» близок к рассказу из «Повести о рождении и воспитании и о житии и кончине Никона...», опубликованному В. Н. Перетцем. Для сравнения приведем оба отрывка:

«Повесть...»

Чистого же ради жития оный старец Елеазар пророческими дарованиями обогатився, о пребывающем у него в послушании Никоне сам братии своей прорицая глаголаше: «О какова смутителя и мятежника Россия в себе питает! Сей убо смутит тоя пределы и многих трясений и бед наполнит». Виде бо святыи единому служащу Никону литургию (яко достовернии анзерстии жители рекоша), змия черна и зело велика, около выи его оплетшася, и вельми ужасеся. И от того времени возненавиде святыи Никона и тяжко гневашеся на нь и сотвори его бежати³⁵.

«История...»

Преподобный и духоносный Елеазар, чюдворец Анзерский, соградивый скит и жителство в нем составив, иже чистаго ради жития пророческими дарованиями обогатися о Никоне патриарсе о началовводителе новостей, в послушании у него пребывающим, прорече: «Яко великое зло Росиа себе сего израсти!» Виде святыи единому служащу литургию Никону, яко достовернии анзерожителие рекоша, змия черна и зело велика около выи его оплетшася и вельми ужасеся, от того возненавидев его, сотвори ему бежати (л. 9—9об.).

О. Пахомова предполагает, что на Выге в начале XVIII в. знали и использовали «Повесть о рождении и воспитании и о житии и кончине Никона», поэтому не исключена возможность знакомства С. Денисова с сюжетом о видении Елеазаром змия по «Повести...».

³² См.: Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы.— Спб, 1900.— Т. 2: Из истории старинной русской повести.— Ч. 1: Слухи и толки о патриархе Никоне в литературной обработке писателей XVII—XVIII вв.— С. 57; Пахомова О. В. Цикл старообрядческих сочинений о патриархе Никоне: Дипломная работа.— Новосибирск, 1981.

³³ Филиппов Иван. История Выговской старообрядческой пустыни.— Спб, 1862.— С. 14—15.

³⁴ ИИФиФ, № 54/71. «Виноград Российский» С. Денисова.

³⁵ Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы.— Т. 2, ч. 1.— С. 57.

С. Денисовым пересказаны еще несколько легенд о соловецких подвижниках. Среди них рассказы о первом архимандрите Соловецкого монастыря Илье, «муже великого воздержания» (л. 9об.), об Иоанне юродивом, умершем у «филиппова кладязя» (л. 10), о Гурии Соловецком, который предсказал приезд в монастырь патриарха Никона за мощами митрополита Филиппа, а Игнатию Соловецкому — основание Палеостровского монастыря (л. 11—11об.), об Иоанне похабном, сожженном в срубе за «возвещение глазом свободным... древлецерковныя благочестия уставы» (л. 11об.—14об.). Записи этих легенд мы обнаружили в сборнике из собрания Соловецкой библиотеки № 1195/1366, содержащем «Верное и краткое изчисление, сколь можно было собрать, преподобных отец соловецких, в посте и добродетельных подвигах просиявших, которые известны по описаниям»³⁶. Если С. Денисов показывает мучение и страдание соловецких иноков от «никоновых новин» во время Соловецкого восстания, обвиняя при этом не только патриарха, но и царя, пославшего войска на разгром монастыря, то в «Верном и кратком изчислении...» заметно затушевывание антиправительственных моментов в передаче причин восстания, а имя Никона внесено в список иноков Соловецкого монастыря. Возможно, объяснение этому нужно искать в происхождении «Верного и краткого изчисления...». Сравним тексты:

«Верное и краткое изчисление...»

Иоанн юродивый второй, сей в Соловецкой киновии пребываше, посем на брег приехав, живяше в всех монастырских, некогда ходящу ему обычно юродствовашу, муж пьяный от ту сущих, диаволом науцен, наскочи на блаженнаго и удари его о землю, бив даже до полуумертвия, Иоанн же мало полежа, восстав, воздрев на убийцу и рече ему: «Кий прибыток получил еси? Вскоре от псов растерзан будеши, ни же следа костей обрящется». И слово блаженнаго в дело абие забывается. Помале грядущу биющему сему в весь, нападша на него пси, всего растерзаша, ни же костей его оставиша, по глаголу блаженнаго. Пришед во Архангельск, яко татя соглядатая и прелазая его взяша и вопрошаху: «Откуда и кто еси?» Свезен на Холмогоры и по многих истязаниях и ранах осужден на сожжение и народу на позор много стекшуся, и самому воеводе, иже имеяше на своих руках младенца дитища и егда в струн спустиша его, той на восток молящеся, объявшу огню страдальца, пад на землю, тогда младенец воеводе возопи и перстом указуя: «От-

«История...»

Иоанн, нарицаемый похабный, иже блаженным похабством благодати предзрети будущия сподобися, сей в Соловецктей киновии пребывая, аще миру сущу глубоко, ходя во обители, вопияше: «Бежим отсюду, яко иноземцы грядут ко обители!» И некоему от мореплавателей, приехавшу во обитель, Амосу именован, молящеся взяти с собою на брег, тому же вопрошающу: «Почто?» Рече: «Яко иноземцы будут разоряти обитель». Взяв же его на ладью и особь вопросив блаженнаго о сем, услыша, яко цареву воинство приидет и разорит обитель и обычаи и законы монастырския изменятся. На брег же приехав, живяше в всех примориа Калгалакши и прочих, некогда ходящу ему и обычене юродствующу, муж пьяны от ту сущих диаволом науцен, наскочив на блаженнаго, ударив о землю, би его, даже до полуумертвия. Иоанн же мало полежа, восстав и возрев на убийцу, рече ему: «Кий прибыток получил еси? Се вьскоре от псов растерзан будеши и ни же костей твоих обрящется». Слово блаженнаго дело абие бывает. Помале грядущу тому в весь некую, нападше на него пси, всего растерзаша и ни же костей его

³⁶ ГПБ, Соловецкое собр., № 1195/1366, XIX в., л. 38об.—49.

че! Отче! Се Иоанн на высоту поиде, се на небо восходит». Сия от народа мнози слышаша и прославиша бога»³⁷.

оставиша, по глаголу блаженнаго. И понеже во всех странах помория, хождаше даже и до града Архангельскаго и древлецерковныя благочестия уставы гласом свободным возвещаше, ят бысть и свезен на Колгоморы и по многих истязаниях, по различных мучениях и ранах непреложное права блаженнаго, разумевше мучители, даша ответ на сожжение. Ведому блаженному на смерть весь народ стечеса на позор, яко и самому воеводе приехати, имущу младеничнаго детища и егда в сруб спустиша его, ста на восток моляшеса, и объявшу же огню сруб и опалившу страдальца, паде на землю, тогда младенец воеводы возопи, перстом указуя: «Отче! Отче! Се Иоанн на высоту поиде! Се на небо восходит». Сия от народа мнози близостоящи слышавше и прославиша бога маловременными мучения скорбми на вечную небесе славу своя рабы возводяща (л. 11об.— 14об.).

Как видим, легенда, помещенная в соловецкий сборник, не объясняет причин расправы над юродивым. Эти причины становятся ясными после прочтения «Истории...»: они связаны с Соловецким восстанием, упоминания о котором исключены из «Верного и краткого изчисления...».

Таким образом, используя житийные источники и старообрядческие легенды, автор доводит повествование об «отцах» соловецких до начала восстания.

Вторая группа, выделенная нами из списка подвижников, представлена следующими именами:

Мирный период
(послание челобитных в Москву, отсутствие военных действий)

Илья архимандрит, второй период деятельности
Варфоломей архимандрит
Никанор архимандрит Савина монастыря
Александр Стукалов (отвозит челобитную соловецких старцев в Москву)
Герасим Фирсов

Военный период
(оборона монастыря от нападения царских войск и разорение монастыря, казнь восставших)

Логин, прославший на карауле в ночь предательства Феоктиста
Стефан
Антоний «с прочими тридесатыми»
Самоил сотник
Никанор архимандрит
Макарий
Хрисанф древорезец и ученик его Андрей Федор живописец и другие «иноки и бельцы числом яко до шести десятых» (л. 61)

³⁷ ГПБ, Соловецкое собр., № 1195/1366, л. 45об.— 46об.

«блаженный... к пятидесяти стам числом суще» (л. 64об.—65)

«Сих убо в киновии пострадавших различными казньми... иноков и белцев всякаго чина, кроме малых оставших или предавшихся, их же число вящше трех сот и к четирым стам приближашесе или до пятих сот, яко неции глаголаша, дохождаше» (л. 65—65об.)

Димитрий белец

Епифаній ключник.

Вторая группа состоит из имен соловецких иноков, живших в монастыре во время восстания и погибших после взятия его Иваном Мещериновым. Здесь выделяются две подгруппы в соответствии с двумя периодами, на которые автор делит восстание: мирный и военный. Состав второй подгруппы близок к статье старообрядческого Синодика, опубликованного А. Н. Пыпиным³⁸. Сам С. Денисов так пишет об источнике своих сведений: «Но убо еже о разорении киновии, еже о страдании блаженных отец елико слышася и известися, толико предънаписася» (л. 69).

Третья группа содержит имена соловецких выходцев, которые, «по пустыням поселившесе», разнесли законы и идеи «древлецерковного жития» после разгрома монастыря царскими войсками:

Епифаній Соловецкий, казненный с Аввакумом в 1682 г.

Савватий

Игнатий Соловецкий, основатель Палеостровского монастыря: «в Пальеостровъстем монастыри со двема тысящьям и седми стами собравшихся от присланных воинов сожжены» (л. 105об.)

Герман Соловецкий «со многими собравшимися яко с тысящею и с пятьми стами... от воинов приехавших огнепалением от здешних... преселившися» (л. 106)

Иосиф Сухой «в Пудожстей волости со множеством народа собрався от наезда воинскаго сам убо от воинов, обличающъ новины их, пулею устрелен... прочии же огнем

---

³⁸ Среди «пострадавших в Соловецком монастыре.. в лето 7184(1676) января в 29 в поутру»: «священноархимандрит Никанор, Игнатий, Иоани Иоаким, инок Харитон, Феодор, инок Маркелл, инок Епифаній, инок Макарий, Самуил, Хрисанъф, инок Ияков, инок Иоасаф, Ияков, Кирилл, инок Киприан, Симеон, Стефан, Трофим, инок Форма, инок Митрофан, Стефан, Иоани, Иов, Иларкон, инок Димитрий, Фаддей, инок Тихон, инок Симон, инок Гурий, инок Герасим, инок Иона, инок Гурій и прочих, иже в Соловецкой обители пострадавших 500». — Пыпин А. Н. Сводный старообрядческий Синодик. — Спб, 1883. — С. 21—22.

скончашася, числом суще яко тысяща двесте душ» (л. 107—107об.)

Евѣимий

Павел

Серапион

Логин

Геннадий Качалов, один из основателей Выговской пустыни.

Рассказ об этих подвижниках также обнаруживает много общего со старообрядческим Синодиком³⁹. Отношение текстов «Истории...» и Синодика — отдельный вопрос, который может быть решен только после текстологического изучения списков памятников и определения времени составления статей Синодика. Сведения же о числе погибших в монастыре, не противоречащие друг другу, содержатся не только в «Истории...» и Синодике, но и в других памятниках письменности XVII в.⁴⁰

Таким образом, вычленив имена из текста «Истории...», получаем хронологически построенный список имен иноков Соловецкого монастыря, по мнению С. Денисова, заслуживающих поминания. Поэтому автор ставит их имена рядом с именами всероссийских святых, «пастырей росииских»: Петра, Алексея, Ионы, Филиппа, Антония, Феодосия, Сергия, Варлаама, Кирилла, Зосимы и Савватия (л. 90). «Подвиг и мужество защитников «древнего благочестия» могут быть сравнимы, по мнению автора, только с мужеством защитников Трои. Неслучайно поэтому в самом начале произведения автор сравнивает свой труд с «Троянской историей»: «Аще убо древний творец Омир толико тцание, толико подвизание, толикии труд показа, воеже написати Троиסקа града начало жителство и разорение, воеже показати мужы исполины храбрыя, великомощныя и крепкодушныя, иже за честь отечества даже до смерти подвизашася» (л. 1—1об.).

Древнерусская литература знает несколько произведений на сюжет Троянского эпоса⁴¹. Определить, какую из версий знал С. Денисов, можно по упоминанию им Энея и Антенора, с которыми он сравнивает Феоктиста предателя: «Но и Июдине злобе ревнует

³⁹ «Сожженные благочестия ради»: «инок Игнатий и иже с ним Терентия и прочих 2700»; «инока Германа, инока Ефрема, Емеллана и иже с ними... 1500», «инока Иосифа, убиенного и иже с ним сожженных Василия, инока Селивестра и прочих с ними». — Пыпин А. Н. Сводный старообрядческий Синодик. — С. 23, 24—25.

⁴⁰ В частности, цифра казненных после восстания — 500 — указана в челобитной Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу: «...количество же их триста и множае, инни же глаголют пять сот». — См.: Бубнов Н. Ю. Неизвестная челобитная дьякона Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу // Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. — Л., 1972. — С. 110. Здесь же Н. Ю. Бубнов указывает на челобитную Игнатия как на один из публицистических источников «Истории...».

⁴¹ Подробнее об этом см.: Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII вв./Подгот. текста и статьи О. В. Творогова; Комментар. М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. — Л., 1972.

о предании обители, смышляя и яко Енея и Антенор трояном, тако лукавый Феоктист своей обители аще и неравным образом бывает...» (л. 48об.). У Гомера Эней и Антенор вовсе не предатели; зато в «Троянской истории» Гвидо де Колумна «Антенор и Енея быша действеники и изменники того Троянского царства, царю Прияму измену сотвориша, греком град Троянский изменою предаша на разхищение»⁴². «Троянская история» Гвидо пользовалась большой популярностью в XVI—XVII вв., и сравнение С. Денисовым «Истории об отцах и страдальцах соловецких» с «Историей Трои» не случайно. Они близки в передаче основной идеи — «смерть за законы отечества».

---

⁴² Там же.— С. 69. Та же оценка их — в послании Ивана Грозного Андрею Курбскому: «...и сия вся явлена суть, яже от тебе сильных нарицаемым и воеводам мучеником, аще кая прилична им суть истинною, а не яко же ты, подобно Антеру и Енею, предателям Троянским, много соткав, лжеши». — Послания Ивана Грозного/Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье; Пер. в коммент. Я. С. Лурье.— М.; 1951.— С. 43, 103.

Т. А. ОПАРИНА

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СПИСКОВ ПРОСВЕТИТЕЛЯ ЛИТОВСКОГО

(вид Унд. 426)

Одним из важнейших этапов русской идеологической борьбы середины XVII в. было издание полемического сборника Кириллова книга (М., 1644 г.), состоящего из украинско-белорусских антикатолических и антипротестантских сочинений. В последующие столетия Кириллова книга и заключенные в ней идеи служили аргументами в спорах старообрядцев с представителями официальной церкви. Но процесс создания самой Кирилловой книги нужно отнести к 20-м гг. XVII в., ко времени создания ее прототипа — Просветителя Литовского того вида, который известен по наиболее авторитетной рукописи ГБЛ, собр. Ундольского, № 426 (далее: Унд. 426).

В 20-е гг. XVII в. борьба с неправославными конфессиями стала одной из центральных задач русских публицистов. Для этой цели и применялись украинско-белорусские полемические сочинения.

Процесс формирования сборника Просветитель Литовский вида Унд. 426 и складывания его вариантов уже показан нами¹. Настоящая статья является продолжением этой работы.

По нашим наблюдениям сборник Просветитель Литовский вида Унд. 426 состоял из 30 глав. В большинстве списков к первоначальным 30 главам добавлены другие статьи. Во многих списках эти дополнительные главы схожи. Рукописи, включающие одинаковые дополнительные статьи, выделены нами в варианты Просветителя Литовского. Все списки с дополнительными статьями можно разделить на пять вариантов. В настоящем описании дополнительные главы перечислены по всем спискам, расположение их по вариантам показано ниже.

За исключением трех списков во всех рукописях Просветителя Литовского вида Унд. 426 порядок первых 30 глав неизменен. Дефектными являются списки ГБЛ, собр. Попова, № 64; собр. Егорова, № 443; ЛОИИ, собр. Лихачева, № 36. В сборниках Егоров, № 443 и Лихачев, № 36 порядок глав разорван и вставлены различные сочинения, в основном летописные. В рукописи Попов,

---

¹ Опарина Т. А. Просветитель Литовский — неизвестный памятник идеологической борьбы XVII в. // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. — Новосибирск, 1987. — С. 43—57.

№ 64 главы из Просветителя Литовского совмещены с другими статьями.

Первоначальный состав в 30 глав имеют две рукописи: Унд. 246 и ГИМ, Музейское собр., № 926. Даем их перечень по наиболее авторитетной рукописи ГБЛ, собр. Ундольского, № 426, датирующей началом XVII в.

«Указ главизнам книги сея» (л. 1—1об.)

1. «Изложение вкратце, како подобает христианом веровати православную веру, во отца и сына и святого духа, и чего ради поклоняемся на восток и о иных правлениях веры». *Нач.*: «Первие убо подобает истинному христианину, инокам и мирским испытати писание...» (л. 2—12).

2. «О святых иконах яко изначала быша». *Нач.*: «Рекоша бо иконоборцы во своей аполгии, яко церкви божи не от бога имеет иконы...» (л. 12об.—25).

3. «О том, когда и в какое время от самых христиан иконоборство восстало и которые цари иконоборцы быша и на котором соборе за то прокляты». *Нач.*: «В третьемсту лет по Христе от самых же христиан, от Ария и его учеников иконоборство восстало...» (л. 25об.—29).

4. «Иконоборцом наш ответ на противные их речи». *Нач.*: «А иже иконоборцы пишут во Аполгии своей приводячи на некоторых епископов...» (л. 29об.—35).

5. «О кресте видимом знамении сына человеческого господа нашего Иисуса Христа, иже во время страшного пришествия его явится на облацех небесных и ответы противу речей врагов креста Христова». *Нач.*: «Се же иконоборцы и то написали во Аполгии своей: крыж не божиим повелением, а умышлением людским...» (л. 36—58).

6. «О кресте, чесо ради знаменуем лице свое крестообразно». *Нач.*: «Слово божие истинно есть и николи же не изменится...» (л. 58—68).

7. «О хождении со кресты и чесо ради тако церковь божи творит». *Нач.*: «Иже невернии жидове, яко хоругвь изображением Избавителя нашего...» (л. 68об.—76об.).

8. «О похвале и о чести святых божиих угодников и иже не такую им похвалу церковь божи творит, яко нецыи ложно помовляют, но яко сам господь наш своими пророки творити повеле». *Нач.*: «Како бо противницы и хульники поругаются церкви божи...» (л. 77—91об.).

9. «О молитве святых и иже святии и ныне молятся о нас». *Нач.*: «Мнози противнии с великаго предания и непотребно бо прежде даждь не взяты будут...» (л. 92—99об.).

10. «О святем посте иже суть четьыречи в лете учит церковь божи поститися и чего ради в среду и в пяток постимся и противником ответ». *Нач.*: «Иже суть неции противнии хотящи совратити пост...» (л. 100—119об.).

11. «О исповедании грехов в перкви пред священником повелением божиим уставися». *Нач.*: «Ибо противнии блядят чего нам

покаянием поведати пред попами грехов своих...» (л. 120—124).

12. «О пречистом теле Христове, приносимое в жертву, истинно есть тело Христово, иже нас ради распято было и кровь, коже господь за многих изливал во оставлении грехов и ответы противным». *Нач.*: «Бог вседержитель не хотяще презрети создания рук своих...» (л. 124об.—129об.).

13. «О отпедших света сего и иже о них память творити и милостыню даяти повелевает и показывает, яко мы с ними не имеем ни которые разности до днесь». *Нач.*: «Иже о верных преставльшихся молимся и милостыню даяти...» (л. 130об.—138об.).

14. «О пресвятей единосущней и неразделимей троице». *Нач.*: «Много убо суть видим таково создания божия, о них же мало знаем ни речи умеем...» (л. 138об.—163об.).

15. «О превечном божественном рожестве господа нашего Иусу Христа и о воплощении от духа святого и от пречистой Девы вочеловечении». *Нач.*: «Глаголет бо великий Афанасий: да постыдятся еретицы, иже противную речь глаголют...» (л. 164—173об.).

16. «От писаний пророческих о истинном божестве и человечестве Христове». *Нач.*: «Таковыи бо извычай бысть у пророков, иже пророчествоваша неверным царем...» (л. 174—181об.).

17. «От писаний апостольских и их учеников и наследников святых отец о истинном божестве и человечестве господа нашего Иусу Христа». *Нач.*: «Первое свидетельство да будет оногo начального избранного сосуда божия Павла апостола...» (л. 182—192).

18. «О божестве святого и животворящего духа». *Нач.*: «Ибо мочно много показати о душе святем, яко едино есть божество со Отцем и Сыном...» (л. 192об.—196).

19. «О исхождении святого и животворящего духа». *Нач.*: «Церковь едина православная Христова, поминающи Христовы глаголы» (л. 196—209).

20. «Ответ досадителем и грубителем противным божеству Христову». *Нач.*: «Зде нецым грубителем, противящимся божеству Христову, ответ воздадим...» (л. 211—225об.).

21. «О понурении новокрещенцов и о крещении детей христианских, которому они противны суть». *Нач.*: «Ибо новокрещенцы храмлюще понурением своим, а отметающе крещение...» (л. 226—233).

22. «Ответ ко арианом на противные их речи о пречистей Богородицы, иже дерзнуша речи, чесо ради Христос вочеловечился от жены, преданные мужевии». *Нач.*: «А иже суть нецыи глаголют и писати дерзнуша, преговаривающе пречистую богородицу, яко она имела четьре сына по Христе...» (л. 233об.—240).

23. «Родословие святый богородицы». *Нач.*: «От колена Нафана, сына Давыдова, Матфан иерей...» (л. 240об.—241об.).

24. «О римском отпадении, како отступиша от православныи веры и от святыи церкви». *Нач.*: «При царе Константине и матери его Елене бысть в Риме папа Андреян...» (л. 242—252об.).

25. «О латынских ересях». *Нач.*: «Прииде от папы Григория кардинал Иван Азимит и с ними латынский учетеле...» (л. 253—269).

26. «Инока Симеона перяя суждальца повесть, како Римский папа Евгений составил осмый собор со своими единомысленники». *Нач.*: «В царство греческого царя Ивана Калуяна Палеолога бысть в Риме папа Евгений...» (л. 269об.—294).

27. «О окаянном Люторе и о его ересех». *Нач.*: «Сего же богомерскаго закона, иже многих ересей исполнена...» (л. 295—301об.).

28. «О арменской ереси». *Нач.*: «И сперва убо армени бяху с нами в соединении, во православной вере...» (л. 302—309).

29. «Прение святаго Иллариона Меглинского с манихеи». *Нач.*: «При греческом царе Маноиле Ивановиче внуке Коминове, а на Руси при великом князе Цветополке Изяславиче...» (л. 309—314об.).

30. «Прение того же Иллариона со армены». *Нач.*: «И присту-пиша ко епископу Иллариону армене глаголаху...» (л. 315—317).

ПЕРЕЧЕНЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ГЛАВ²

1. «О пророцех иже пророчествоваша о божестве и о Христове рожестве и о иных будущих». *Нач.*: «Енох праведных пророчествова...»

2. «О еллинских мудрецах иже отчасти пророчествовах о превышнем божестве и о рожестве Христове от пречистыя богородицы». *Нач.*: «Подвигшес бо ся человеческия вещи изобрести...»

3. Изложение веры св. Афанасия. *Нач.*: «А иже во святых кто хочет спаститись...»

4. «Анастасия и Кирилла Александрийского вопросы и ответы». *Нач.*: «Вопрос: Коя веры еси? Ответ: Христианин есмь...»

5. «Святаго Максима изложение о вере вкратце всякои крестьянин». *Нач.*: «Колико естеств исповедуем...»

6. «О святей троице и о вере». *Нач.*: «Прежде всех и во всех и со всеми и ради всех подобает истинному христианину ведати, что есть бог...»

7. Зиновий Отенский. «Слово обличительно на ересь новых развратников православныя христианския веры, Лютора, глаголю, Кальвина и Феодосия чернца рекомаго Косого и еретика». *Нач.*: «Глаголют еретицы по сему ложнии учителя рустии...»

8. Стефан Зизаний. «Казанье Кирилла Иерусалимского на осмый век» (Вильно, 1596).

² Названия глав по рукописям: 1, 2 — ГБЛ, собр. Шибанова, № 133; 3—6 — ГПБ, Соловецкое собр., № 274; 7, 13—19 — ГПБ, Соловецкое собр., № 606; 8—12 — ГБЛ, собр. Ундольского, № 1019; 20—31 — ГПБ, собр. Толстого, № 369; 32 — ГБЛ, собр. ОИДР, № 195; 33, 34 — ГПБ, Соловецкое собр., № 273; 35, 36 — ГПБ, собр. Толстого, № 307; 37—39 — ГБЛ, собр. Егорова, № 443; 40 — ГИМ, собр. Уварова, № 755; 41—45 — ГБЛ, собр. Овчинникова, № 560; 46, 47 — ГПБ, Соловецкое собр., № 926. Серьезных разночтений в данных названиях по другим спискам нет.

9. Ереси римския, еже прияша от мелхиседек и жидов и армен» (из соборного уложения 1620 г.): *Нач.*: «Сим утвержении проклятии мелхиседекия...»
10. «О несогласии еретиков и их различных сопротивных ересей» (из соборного уложения 1620 г.). *Нач.*: «Еретицы три соприения...»
11. «Пишет бо инде о крестном знамени» (часть главы «О крестном знамени» из Книги о образех). *Нач.*: «Три перста малый...»
12. «Неописующая божество Иоанна Дамаскина». *Нач.*: «Пишет, укоряя, о канонѣ божий ангела...»
13. «Блаженного Афонасия архиепископа Александрийского ко Антиоху князю многих нужных възисканиих вещей писаниих недоуменных всем христианом ведомо быти». *Нач.*: «Вопрос. Первое убо веровавшѣ крестившѣся в троицу...»
14. «Толкование пророчеств Исаино». *Нач.*: «Вопрос. Изыде жезл ис корени...»
15. «Псалм Давыдов. Толкование сущее первое». *Нач.*: «Блажен муж...»
16. «Врачебница врага мудра зело». *Нач.*: «Поведашѣ святии отцы, яко бе некто мних прииде в скит...»
17. «О скуфѣи». *Нач.*: «Скуфѣя есть на главе иерерю вместо злата венца...»
18. «Сказание святаго Никона». *Нач.*: «На колико Июда Христа преда...»
19. «Святаго Дамаскина о святей троице и о вере». *Нач.*: «Прежде всех и со всеми и ради всех познавается божество...»
20. Ермолай Еразм. «Слово пребольшее о превышнем пребезначалном божественном и животворящем существе пребезначального бога и отца и собезначального единородного сына божия и присносущаго пресвятаго и животворящего духа, о троичности и о единстве верующих убо почитающим ко исправлению истины, неверующим же и непослушающим к большему погибельному осуждению». *Нач.*: «Бог есть пребезначален...»
21. «В неделю мясопустную слово блаженного мученика Ипполита, папы Римского, о скончании мира и о антихристе и о втором пришествии господа нашего Исуса Христа» (апокриф Псевдо-Ипполита). *Нач.*: «Понеже убо блажении пророцы...»
22. «Послание старца Арсения Троицкого о писании слов еже на чине имат к боярскому лицу тоже пишѣт сказа свое дело» (послание Арсения Глухого к Б. А. Салтыкову). *Нач.*: «По государеву приказу и по грамоте государеве приехал в монастырь, правили книгу Потребник...»
23. «Разсмотрение о воспевании господския молитвы во святых тайнах». *Нач.*: «Поведа же Захария, глаголя: во Пскове поют на литургии...»
24. «Разсмотрение о начертании бога, иже во образ Давыдов, Исуса сядяща на кресте всеоружена како приемлется...»

25. «Оглашение, аще кто придет латинин, или поляк, или литвин от римского костела, или от люторския ереси, или калвинския ереси нарицаемыя евангелисты ко истинней православной вере христианской греческого закона, прося святого крещения, примти ему ко святей церкви с восприимником своим, сиречь с кумом, аще будет человек книжен, то сам глаголет, аще не книжен, то поп глаголет, как тут же стоит». *Нач.*: «Се я латинин...» (чин принятия в православие из соборного постановления 1620 г.).

26. «О церкви Премудрости божии Софеи иже есть в Великом Новеграде» и «Толк о Софии». *Нач.*: «В лето 6317 поставлена бысть церкви Премудрости божия Софея в Великом Новеграде...»

27. «Сказание о кадиле седмаго собора, что поп кадит в церкви». *Нач.*: «Кадило именуется пречистая богородица...»

28. «О недреманном оце». *Нач.*: «Идяще от Иерусалима восной град Назарет...»

29. «Притча святаго Варлаама о славе». *Нач.*: «Глаголет убо яко подобнии суть покланяющийся идолом человецы...»

30. «О спшествии святаго духа, что есть человек в темне месте». *Нач.*: «Человек некий седя в темном месте...»

31. «Презвитер некий бе в некое веси име жену, млада бе ста оба и великия суботы вечеру приспеши и все яже подобная празднику уготови презвитер...»

32. «Смирение писателево» (послесловие). *Нач.*: «Елицы благоверия...»

33. Предисловие. *Нач.*: «Приидите вси любящие православие чашу премудрости почерпше...»

34. Предисловие. *Нач.*: «Все вернии умрет за Христа святии за веру умроша, да оживут о Христе...» За ним следует другое предисловие. *Нач.*: «Правоверный читателю предлежащее слово написахом вними же любезна и в прилежне поучения во благочестия утешающе...»

35. «Сказание о небесных силах». *Нач.*: «Вопрос. Святое писание глаголет, ангели господни лице божия не видят...»

36. «О четырех евангелистах». *Нач.*: «Иоанн Богослов, а писано над ним Христовым образом...»

37. «О неопалимой купине». *Нач.*: «Чесо ради пишет пречистая богородица в силах на руку имать...»

38. «О благовещении». *Нач.*: «Что пишется образ пречистыя богородица благовещение, а с нею рабыня...»

39. Семен Шаховской. «О том чесо ради постилают в церквах дресеа многолиственное ветвие дров в день пятидесятный». *Нач.*: «Глаголют убо нецьи яко двою ради вину таковое украшение быти...»

40. «О Маомеде его же срацыны чтут яко апостола божия пророка».

41. «Во время оно приступиша ко Иисусу саддукеи иже глаголют: воскресению не быти».

42. «Сказание кратко о патриарху Геннадии». *Нач.*: «Геннадия, патриарха Константинопольского, по наречению Скулария диалог или беседование...» (перевод Максима Грека).

Дополнительные статьи к первоначальному составу

Вариант	Шифр	Статьи																
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
I	ГПБ, Соловецкое собр., № 274			+	+	+	+											
	ГБЛ, собр. Шибанова, № 133	+	+		+													
	ГПБ, Соловецкое собр., № 606	+	+		+			+						+	+	+	+	+
	ГБЛ, собр. Ундольского, № 1019	+	+						+	+	+	+	+					
	ГПНТБ, Алтайское собр., Q. IV/13	+	+						+	+	+	+	+					
II	ГБЛ, собр. Егорова, № 1858	+	+						+									
	ГПБ, Q. I. 261 (собр. Толстого, № 369)	+	+															
	ГБЛ, собр. ОИДР, № 195																	
III	ГПБ, Соловецкое собр., № 273	+	+															
	ГИМ, собр. Уварова, № 1845	+	+															
	ГПБ, Q. I. 258 (собр. Толстого, № 307)	+	+															
	ГИМ, собр. Вахромеева, № 101	+	+															
	ГБЛ, собр. Попова, № 64	+	+															
	БАН, Архангельское собр. Красногорского монастыря, № 40	+	+															
	ГБЛ, собр. Егорова, № 443	+	+															
	ГПБ, собр. Колобова, № 598	+	+															
	ИРЛИ, Пинежское собр., № 301	+	+															
IV	ГПБ, Соловецкое собр., № 926																	
V	ГБЛ, собр. Овчинникова, № 560																	
	ГБЛ, собр. Попова, № 33																	

43. «Что есть образ иноческий и что образование коегождо истинна». Нач.: «Пострижение убо власом являет всех помышления печали житеских...»

44. «Сказание о мантии патриархов и митрополиче и архиепископле и что есть именованне патриархово, и митрополита, и архиепископа, и епископа, и архимандрита, и угумена, и протопопа, и протодиакона, и архидиакона, и прозвитера, и диакона». Нач.: «Глаголют нецѣи трудолюбезне...»

45. Клирик Острожский. «Отпись на лист в бозе велебного отца Ипатия Потоя» (Острог, 1598).

46. Клирик Острожский. «История о Листрийском, або Феррарском разбойничем синоде» (Острог, 1598).

Расположение этих статей по спискам Просветителя Литовского вида Унд. 426 показано в таблице. В списках ЦГАДА, собр. Оболенского, № 35 и ГИМ, Синодальное собр., № 959 (736) утрачен конец и не представляется возможным определить, из скольких глав они состояли. Данные рукописи в таблице дополнительных глав не помещены. Рукописи ГБЛ, собр. Егорова, № 1785, ГПБ, собр. Колобова, № 598 и собр. Титова, № 3346 в таблицу занесены не были, так как они оканчиваются на статье «О еллинских мудрецах», присутствующей во всех вариантах списков. Не включены в таблицу и главы из дефектных списков, не имеющих отношения к Просветителю Литовскому вида Унд. 426, так же как и длинный список летописных статей из рукописи ГПБ, Софийское собр., № 1186.

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СПИСКОВ ПРОСВЕТИТЕЛЯ ЛИТОВСКОГО

1. ГБЛ, собр. Ундольского, № 426, XVII в. (первая четверть), 4° (11 × 17 см), скоропись двух почерков начала XVII в.: на л. 1—41, 70—70об., 170—317об. — первый почерк; на л. 42—68об., 71—169об. — второй почерк; 317 + I л., переплет — доски в коже. Филигрань: виньетка на подставке, не датирована (см. Тромонин, № 1776, 1777).

2. ГПБ, Соловецкое собр., № 274, XVII в. (20-е гг.), 4° (14,5 × 19 см), скоропись, 215 л., переплет — доски в коже. Филигрань: л. 1—99 — кувшин с одной ручкой (Гераклитов, № 555: 1622 г.; Дианова, Костюхина, № 694: 1621 г.), л. 100—215 — кувшин с двумя ручками (типа Дианова, Костюхина, № 823: 1628 г.).

3. ГБЛ, собр. Овчинникова, № 560, XVII в. (20-е гг.), 4° (14,5 × 18 см), полуустав одного почерка, напоминающий шрифт изданий Франциска Скорины, 171 л., тетради с л. 157 приплетены позднее, переплет — доски в коже. Филигрань: л. 1—156 — кувшин с одной ручкой (Гераклитов, № 788: 1625 г.), л. 157—171 — кувшин с одной ручкой (Гераклитов, № 649: 1626 г.).

Записи: по л. 1—17: «Сия книга дворянина Арофея Фомина сына Ширина многим желанием и воздаянием почестию достигнута ревнуя о снискании веры пресловущей еже постигнути бога нашего отца безначального...», рядом другая запись: «...села Залисея...»; на л. 159 латинскими буквами записан символ веры; на л. 170 почерком XVIII в.: «Написатася сия книга в царствующем граде Москве повелением великаго государя».

4. ЦГАДА, ф. 201 (собр. Оболенского), № 35, XVII в. (20-е гг.), 4° (14 × 19,5 см), полуустав, 189 л., без начала и конца, после реставрации разбивки на тетради нет, без переплета. Филиграния: литеры МР в щите (Дианова, Костюхина, № 73: 1627 г.), кувшин с двумя ручками (Дианова, Костюхина, № 818: 1621—1624 гг.).

5. ГБЛ, собр. Ундольского, № 1019, XVII в. (20-е гг.), 4° (15,1 × 19,5 см), скоропись, 439 л., переплет — доски в коже. Филиграния: гроздь винограда (Дианова, Костюхина, № 101: 1623 г.), двуглавый орел (типа Дианова, Костюхина, № 1024: 1628—1629 гг.).

Запись на л. 433об.: «Сия книга Живоначальной Троицы Павлова монастыря слуги Любима Стефанова сына Шибаява ростовца, а подписал я, Любим, своею рукою».

6. ГБЛ, собр. Шибанова, № 133, XVII в. (20-е гг.), 4° (15 × 15,5 см), скоропись, 333 л., переплет — доски в коже. Филиграния: гроздь винограда (Гераклитов, № 4: 1626 г.), столбы (типа Дианова, Костюхина, № 1186: 1626 г.).

Записи: на л. 1: «Сия книга куплена села Киренского у крестьянина Емельяна Волегова ценою за шесть рублей 1824 года марта 10 день»; на л. 338об.: «1709 года марта 17 день сия книгу Иван Филимонов усольду Ивану Ивановичу сыну Назурину продал, на книге подписал своею рукою»; там же другим почерком: «Соликамский посадский человек Данило».

7. ГПБ, Q.I.258 (собр. Толстого, № 307), XVII в. (20-е гг.), 4° (15,5 × 19,5 см), скоропись, 324 л., переплет — доски в коже. Филиграния: герб «лилия» (Гераклитов, № 156: 1629 г.).

Запись по л. 1—6: «Сия книга глаголемая Иякова Елисеева».

8. ГИМ, собр. Уварова, № 1845 (755) (719), XVII в. (30-е гг.), 4° (15 × 19 см), скоропись, 234 л., переплет — доски в коже. Филиграния: щит (Гераклитов, № 311: 1623 г.), щит (Тромонин, № 1235, 1213: 1636 г.; № 383: 1616 г.).

9. БАН, Архангельское собр. Красногорского монастыря, № 40, XVII в. (30-е гг.), 4° (14,5 × 19 см), 284 + II л., конволют из двух рукописей. Первая рукопись — конца XVII в., вторая — с л. 72 — Проветитель Литовский, переплет — доски в коже. Филиграния: л. 72—74 — кувшин с двумя ручками (Гераклитов, № 805: 1631—1633 гг.), л. 75—113 — кувшин с двумя ручками (Гераклитов, № 908: 1633 г.), л. 114—206 — кувшин с двумя ручками (Гераклитов, № 949: 1631 г.), л. 207—284 — кувшин с двумя ручками (Гераклитов, № 943: 1631 г.).

10. ГПБ, Соловецкое собр., № 606/625, XVII в. (30-е гг.), 4° (15,5 × 19 см), скоропись одного почерка, IV + 407 л., переплет — доски в коже. Филиграния: л. 1—96 — герб Базеля (Лаудавичус,

№ 1399: 1627 г.; Тромонин, № 1238: 1636 г.), л. 97—407 — шляпа (Тромонин, № 1138: 1638 г.) и кувшин с двумя ручками (Гераклитов, № 804: 1631 г.).

Записи: на л. I: «Книга дьякона Иллариона Соловецкого монастыря», на л. II: «Се сборник выменен на лествицу».

11. ГПБ, Соловецкое собр., № 926/1036, XVII в. (30-е гг.), 4° (10,5 × 16 см), скоропись одного почерка, 391 л., переплет — кошельком. Филиграни: л. 1—46 — рожок (Гераклитов, № 1100: 1638 г.), л. 47—286 — рожок (Гераклитов, № 1099: 1638 г.), л. 287—350 — столбы (типа Гераклитов, № 1127: 1636 г.; Дианова, Костюхина, № 1190: 1634 г.), л. 351—391 — щит (Дианова, Костюхина, № 212: 1631 г.).

Записи: на л. 1: «7146 (1638) года марта 13 день пошла Москва река»; на л. 391об.: «Книга Микифора Матфеевича Молочанова».

12. ГИМ, Музейское собр., № 926, XVII в. (30-е гг.), 4° (15 × 19 см), скоропись, 241 л., переплет — доски в коже. Филиграни: л. 1—48 — рог изобилия (Дианова, Костюхина, № 1141: 1646 г.), л. 49—223 — кувшин с двумя ручками, литера Р (не датирован), л. 224—241 — кувшин с одной ручкой (Дианова, Костюхина, № 701, 1623 г.).

13. ГБЛ, собр. Попова, № 33, XVII в. (30-е гг.), 4° (15 × 19,5 см), скоропись, 185 л., переплет — доски в коже. Филиграни: рог изобилия (Дианова, Костюхина, № 1131: 1634 г.), щит (Гераклитов, № 84: 1638 г.).

Записи: на л. 1: «Сия книга псковского купца Александра Архипова Трубинского, подписал своею рукою 1752 г.»; на л. 3: «Сия книга псковского купца Александра Архипова сына Трубинского».

14. ГБЛ, собр. ОИДР, № 195, XVII в. (30—40-е гг.), 4° (14,5 × 19 см), скоропись, 340 л., тетради перемешаны, переплет — доски в коже. Филиграни: л. 251—269, 238—250 — кувшин с одной ручкой (Дианова, Костюхина, № 680: 1631 г.), л. 1—237, 270—340 — дом под змеей (точных соответствий не найдено).

Записи на л. 340: «Книга глаголемая Омега 7152 (1644) году марта 3 день святых отец, а подписал сию книгу сборник 23 день»; «Книга писменной и собрано от многих книг, подписал Дениско».

15. ГПНТБ, Алтайское собр., Q.IV/13, XVII в. (30—40-е гг.), 4° (15 × 19 см), скоропись, 549 л., переплет — доски в коже. Филиграни: л. 1—14, кувшин с двумя ручками (Дианова, Костюхина, № 835: 1631 г.; Гераклитов, № 910: 1633 г.), л. 15—16 — герб «лилия» (не датирован), л. 47—549 — дом под змеей (совпадает с филигранью рукописи ГБЛ, собр. ОИДР, № 195, соответствий не найдено).

16. ГПБ, Соловецкое собр., № 273, XVII в. (40-е гг.), 4° (10,5 × 17,5 см), скоропись, 267 л., переплет — доски в коже. Филигрань: герб «перевязь» (Гераклитов, № 252: 1642 г.).

Запись на л. 1: «7150 (1642) года генваря в 17 день продал сию книгу Архангельского города спаскому попу Ивану Романову Филатко Иванов Доронин, взял за ней рубль двадцать шесть алтын деньги, подписал Филатко своею рукою».

17. ГБЛ, собр. Егорова, № 1858, XVII в. (40-е гг.), 4° (15 × 19,5 см), 514 л., переплет — доски в коже. Филигрань: герб «лилия» (Гераклитов, № 162: 1638 г.).

Запись на л. 1 латинскими буквами: «Лета 7150 (1642) года написана сия книга правое веры Андреяви Косицын Колмогорец месяца февраля 12 день».

18. ГИМ, собр. Барятинского, № 22 (104), XVII в. (40-е гг.), 4° (14,5 × 20 см), скоропись, 233 л., переплет — доски в коже. Филигрань: кувшин с одной ручкой (Дианова, Костюхина, № 668: 1639—1640 гг.).

Запись на л. 33—40: «Отдана сия книга Ивана Алексеевича сына Крысина».

19. ГБЛ, собр. Егорова, № 1785, XVII в. (40-е гг.), 4° (14,5 × 19 см), скоропись, 294 л., переплет — доски в коже. Филиграния: л. 1—232 — двуглавый орел (Дианова, Костюхина, № 1024: 1628 г.; Гераклитов, № 126: 1638 г.), л. 233—249 — шут (Гераклитов, № 1225: 1644 г.).

Запись на л. 1: «Сия книга Тимофея Ладыгина, отдал книгу Керче брату его Клепу или дитям».

20. ГПБ, Q.I.261 (собр. Толстого, № 369), XVII в. (40-е гг.), 4° (14,5 × 19,5 см), скоропись, 374 л., переплет — доски в коже. Филиграния: герб «лилия» (Дианова, Костюхина, № 910: 1647 г.), герб «лилия» (Лауцавичус, № 1265: 1639 г.).

21. ГПБ, Софийское собр., № 1245, XVII в. (40-е гг.), 4° (15,5 × 20 см), скоропись, 288 л., переплет — доски в коже. Филиграния: л. 1—128 — двуглавый орел (типа Гераклитов, № 139: 1644 г.), л. 129—264 — герб Базеля (Гераклитов, № 89: 1648 г.), герб «лилия» (Дианова, Костюхина, № 910: 1647 г.).

22. ГПБ, Софийское собр., № 1186, XVII в. (40-е гг.), 2° (21 × 34 см), скоропись, 139 л., переплет — доски в коже. Филиграния: кувшин с одной ручкой (Дианова, Костюхина, № 719: 1646 г.), кувшин с одной ручкой (Тромонин, № 1763: 1623 г.), столбы (Тромонин, № 1630: 1648 г.).

Запись по л. 1—17: «Книга глаголемая ПравOVERия Кириллова монастыря, подписал лист Лука Кувилем».

23. ГИМ, Синодальное собр., № 959 (736), XVII в. (40-е гг.), 8° (9 × 14 см), скоропись, 150 + V л., переплет — доски в коже. Филиграния: л. 1—36 — кувшин с одной ручкой (Дианова, Костюхина, № 668: 1623 г.), л. 37—115 — двуглавый орел (Дианова, Костюхина, № 1028: 1629 г.), л. 116—150 — герб «лилия» (Дианова, Костюхина; № 910: 1647 г.).

Запись на л. V: «Покровского попа Антония».

24. ЛОИИ, ф. 238 (собр. Лихачева), оп. I, № 36, XVII в. (40-е гг.), 4° (15,5 × 20 см), скоропись, 363 л., переплет — доски в коже. Филиграния: л. 1—4, 352—363 — мальтийский крест (Гераклитов, № 357: 1648 г.), л. 4—196 — герб «перевязь» (Гераклитов, № 292: 1648—1649 г.), л. 198—233 — герб «перевязь» (Гераклитов, № 242: 1642 г.), л. 234—351 — столбы (Гераклитов, № 42: 1638 г.).

Запись на л. 1: «Сию книгу глаголемую ... помещик ... Иван Михайлов сын ... в 1803 году марта...»

25. **ИРЛИ**, Пинежское собр., № 301, XVII в. (40—50-е гг.), 4° (14,5 × 19 см), скоропись, 209 л., без начала, переплет — доски в коже. Филигрань: шут (Гераклитов, № 1177: 1645).

26. **ГБЛ**, собр. Егорова, № 443, XVII в. (50-е гг.), 4° (14 × 18,5 см), скоропись, 295 л., переплет — доски в коже. Филиграния: мальтийский крест (Гераклитов, № 356: 1643 г.), столбы (Гераклитов, № 41: 1638 г.), щит (Гераклитов, № 177: 1651 г.).

27. **ГИМ**, собр. Вахромеева, № 101, XVII в. (50-е гг.), 4° (16 × 20,5 см), скоропись, 411 л., переплет — доски в коже. Филиграния: кувшин с двумя ручками (Дианова, Костюхина, № 791, 796: 1646—1654 гг.).

Запись на л. 1: «Другие, кроме книги Максима Грека, книга почитаемая».

28. **ГПБ**, собр. Колобова, № 598, XVII в. (70-е гг.), 4° (15,3 × 20 см), скоропись, 263 л., переплет — доски в коже. Филигрань: шут (Дианова, Костюхина, № 509: 1673—1674 гг.).

29. **ГБЛ**, собр. А. А. Попова (ф. 236), № 64, XVII в. (70-е гг.), 4° (17 × 20 см), скоропись, 461 л., переплет — доски в коже. Филигрань: шут (Дианова, Костюхина, № 424: 1652 г.).

30. **ГПБ**, собр. Титова, № 3346, XVIII в. (80-е гг.), 4°, скоропись, переплет — доски в коже. Филигрань: литеры ВФСТ (Участкина, № 483: 1779 г.).

III. Публикации

Е. К. РОМОДАНОВСКАЯ

К ИСТОРИИ НЕИЗВЕСТНЫХ МОСКОВСКИХ ИЗДАНИЙ XVII в.

(Потребник 1624 г.)

Среди обширной группы документов, связанных с имущественной тяжбой первых сибирских архиепископов — Киприана (1621—1624) и Макария (1624—1635)¹ сохранились два письма, проливающие свет на историю создания и дальнейшую судьбу книги, известной по приходно-расходным книгам Печатного двора под названиями «Потребник соборный святительский», «Соборник святительский», «Большой соборник», «Потребник большой печати святительский»². Ни одного экземпляра этой книги в настоящее время не зарегистрировано³.

Как выяснено И. В. Поздеевой, Потребник соборный был напечатан между 21 сентября 1622 г. и 15 января 1624 г. в количестве всего 30 экземпляров, большинство из них в январе-феврале 1624 г. куплено для патриарха и для иерархов русской церкви⁴. По-видимому, именно к этому числу относится и врученная тобольскому архиепископу Макарию накануне его отправки в Сибирь книга, по поводу которой завязалась публикуемая переписка.

Из новонайденных писем мы узнаем, что после «досмотра» книги патриарх Филарет заметил в ней пропуск ряда статей, не напечатанных по вине («воровству») наборщика Дорофея Александрова. Трудно судить, что значит это выражение — «против переводу, каков перевод даван... иные статьи не напечатаны»: возможно, имеется в виду не буквальное отсутствие частей текста, а воспроизведение какого-то старого «переводу», т. е. редакции, существовавшей ранее. Косвенным свидетельством такой версии может служить тот факт, что Потребник не изымался царской грамотой из обращения, а лишь «исправлялся»: вместе с грамотой были посланы вновь напечатанные листы, которые требовалось вставить в книгу «против росписи, где которой лист написан в росписи», что и выполнил Макарий. К сожалению, «роспись» была возвращена архиепископом в

¹ См. подробнее: Буцинский П. Н. Сибирские архиепископы — Макарий, Нектарий, Герасим (1625—1650 гг.). — Харьков, 1891.

² Новые материалы для описания изданий Московского Печатного двора: Первая половина XVII в./Сост. И. В. Поздеева. — М., 1986. — С. 24—25.

³ Там же. См. также: Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках: Сводный каталог. — М., 1958.

⁴ Новые материалы... — С. 24.

Москву и при грамоте не сохранилась; это лишает нас в настоящее время возможности установить, что именно надо было исправить в Потребнике.

С течением времени, по-видимому, патриарх решил не исправлять неудачное издание, а вообще изъять его из обращения: в ответном письме Макария царю после сообщения о выполнении всех исправлений говорится об отсылке самой книги к патриарху по его указу.

Можно думать, что подобные грамоты были разсланы всем иерархам русской церкви, успевшим получить новый Потребник. Таким образом, проясняется и его судьба: печатание его явно было остановлено, а немногие выпущенные экземпляры уничтожены по их возвращении на патриарший двор.

- л. 289 От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь в Тоболской город богомолцу нашему Макарию, л. 289 об. архиепископу сибирьскому // и тоболскому. По нашему указу и отца нашего, великого государя святейшаго патриарха Филарета Никитича московского и всеа Русии, по благословлению и по указу дан тебе, богомолцу нашему, на Москве Потребник Соборной. И после того отец наш, великий государь святейший патриарх Филарет Никитич московский и всеа Русии, тех Соборных Потребников сам досматривал. И в тех Потребниках против переводу, каков перевод даван к книжному^а к печатному делу от отца нашего, великого государя святейшаго патриарха Филарета Никитича московского и всеа Русии, иные статьи не напечатаны. А своровал наборщик книжного печатного дела Дорофейко Александров, и перевод был утаин. А как мы ево воровство велели сыска^б, и он у сыска^б и сам в том повинился и переводы объявил. А сказал, что он учинил то бес хитрости. И по нашему указу тому наборщику Дорофейку за его воровство наказание великое учинено. А те статьи, которые в тех Потребниках не напечатаны наборщиком воровством, по указу отца нашего, великого государя святейшаго патриарха Филарета Никитича московского и всеа Русии, // напечатаны ныне и розсланы к вам, богомолцем нашим. А к тебе, богомолцу нашему, те напечатанные статьи на листех и роспись тем статьям велено послати из приказы Казанского дворца с кем будет пригоже. И как к тебе ся наша грамота придет и листы напечатанные, и роспись тем листом привезут, и ты б, богомолец наш, те листы взяв, велел вставить в Потребник против росписи, где которой лист написан в росписи. А старые листы, выняв ис того Потребника, прислал бы еси к нам к Москве и о том к нам отписал. И те листы велел отдать у книжного у печатного дела Ефиму Григорьевичю Телепневу да диаку Ивану Поздееву.

^а Испр., в ркп. нижнему; ^б испр., в ркп. сыска.

Писан на Москве лета 7134-го сентября в 30 день.
А подлинная государева грамота за подписью дьяка
Ивана Поздеева.

(ЦГАДА, ф. 210, кн. 173, л. 289—291).

- л. 330 Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю
всеа Русии богомолец твой государев Макарей, архиепископ
сибирский и тобольский, бога молит и челом бьет. В нынеш-
ном, государь, во 134-м году февраля в 25 день прислана ко
л. 330об. мне, // твоему государеву богомолцу, твоя государева гра-
мота и роспись да дватцать пять листов печатных ис Потреб-
ника. А в той, государь, твоей государеве грамоте пишеть,
чтобы мне, богомолцу твоему государеву, те листы вставить
в Потребник против росписи, где которой лист написан в рос-
писи, а старые бы листы, выняв ис Потребника, прислать бы
к тебе, государю, к Москве, и о том бы отписать тебе, госу-
дарю, к Москве. И о том бы отписать и велеть отдать у
книжного у печатного дела Ефиму Григорьевичю Телешневу
л. 331 да дьяку Ивану Поздееву. И я, богомолец твой // государев,
те листы с Потребником справливал, которой Потребник по-
жаловал отец твой государев, великий государь святейший
Филарет Никитичь, патриарх московский и всеа Русии, спра-
вя, прислал ко мне, своему государеву богомолцу, в нынеш-
нем во 134-м году генваря в 5 день с митрополичьим сыном
боярским с Меркурьем Борзово. И то листье с Потребником
сошлось. И я, твой государев богомолец, то листье и роспись,
запечатав, послал к тебе, великому государю, с приказным
л. 331об. человеком с Максимом Трупчанином. А кото//рой Потребник
отец твой государев, великий государь святейший Филарет
Никитичь, патриарх московский и всеа Русии, дал мне, свое-
му государеву богомолцу, на Москве, и я тот Потребник по
его государеву указу послал к нему, государю, в нынешнем
во 134-м году с митрополичьим сыном боярским с Меркурьем
Борзово.

(ЦГАДА, ф. 210, кн. 173, л. 330об.—331об.).

Н. С. ДЕМКОВА

**«ПИСАНЕЙЦЕ» КЕРЖЕНСКИХ СТАРЦЕВ
В ЗАЩИТУ СОЧИНЕНИЙ АВВАКУМА (1704 г.)**

В сборнике начала XVIII в. Барсовского собрания, № 1224, хранящемся в ГБЛ (рукопись была обнаружена И. М. Кудрявцевым), наряду с новыми текстами трех неизвестных ранее посланий Аввакума; отправленных в Заволяжье¹, находится текст послания «грешных старцев», существенную часть которого составляет защита авторами послания полемических «писем» и «книг» протопопа Аввакума. Тема послания — самооправдание авторов, обвиненных противниками в ереси, и объяснение собственной, как кажется им, ортодоксальной позиции в спорах между «начальными страдальцами» — Аввакумом и дьяконом Федором. — по ряду богословских вопросов. Эти разногласия, начавшиеся в 1670 г., разделили весь старообрядческий мир на два лагеря, и уже десятилетие спустя после казни пустозерских узников в 1682 г. «спорные письма» Аввакума вызвали знаменитые керженские дискуссии, «распрю» в керженских скитах и Москве, подробно описанную в «Сказании о распрях, происходивших на Керженце из-за Аввакумовых догматических писем»².

Хотя имена авторов послания (сами они называют его «писанейцем») скрыты за инициалами С, В, П П, А, они легко угадываются: это, по-видимому, иноки Софоний, Варлаам, романовец Поликарп Петров и сам старец Ануфрий. Именно этим защитникам «спорных писем» Аввакума, единомышленникам старца Ануфрия, основавшего свой знаменитый скит на Керженце в 80-е гг. XVII в. и прославившегося особой преданностью сочинениям «огнепального протопопа», было направлено в 1704 г. «молебное послание» москвичей с настоятельной просьбой «похулить» или хотя бы «отложить» аввакумовские «писма». Текст московского послания полностью воспроизводится в Сказании о распрях на Керженце, и имена трех его адресатов названы здесь полностью в торжественном вступлении: «В постнических трудах пресветло сияющим, и подражателем ангельского жития и пустыннограждамом, великим отцем, общего жития скитотворцем, священноиноку пастырю Софонию и первоначаль-

¹ Письма опубликованы: Демкова Н. С., Мальшев В. И. Неизвестные письма протопопа Аввакума // Зап. ОР ГБЛ. — М., 1971. — Вып. 32. — С. 168—181.

² См.: Материалы для истории раскола за первое время его существования/Под ред. Н. И. Субботина. — М., 1886. — Т. 8. — С. 204—353.

ным отцем и добре иночествующим Варлааму, Ануффию и прочим... отцем и.. братьям»³. Из Сказания о распрях известно и о четвертом защитнике «писем» Аввакума на Керженце — о романовце Поликарпе Петрове, переписывавшем их, фигуре достаточно мрачной в истории старообрядчества конца XVII — начала XVIII в.⁴

Известно, что Ануфрий и его единомышленники написали уклончивый ответ на московское послание⁵, и в нем, по свидетельству Сказания о распрях, была такая фраза: «Мы, де, чести писем никого не понуждаем, кто не хочет — и он не держи, и писем, де, никаких не рассылаем»⁶. Вторая часть этой фразы, цитированной автором Сказания о распрях, дословно совпадает с текстом публикуемого «писанейца»: «...мы по городам не ездим и писем никаких не рассылаем» (л. 21). Возникает предположение, что «писанейце» из Барсовской рукописи и есть сохранившийся текст этого ответа Ануфрия и его «единомышленников» (примеров более полного совпадения текстов в данном случае не может быть, так как в Сказании о распрях текст ответного послания Ануфрия приводится не полностью, а в кратком пересказе, с полемическими комментариями). Однако против этого предположения свидетельствует отсутствие непосредственного обращения к оппонентам Ануфрия в первом лице и, напротив, устойчивое упоминание о москвичах и их единомышленниках только в третьем лице («они», «любоперцы», т. е. спорщики и т. п.). Таким образом, адресатом «писанейца» являются не непосредственные противники Ануфрия и «спорных писем» Аввакума, а широкая аудитория «отцов» и «братьи» «всякаго чина», к религиозным и нравственным чувствам которых и обращаются керженские старцы в поисках поддержки. Дословное совпадение текстов, отмеченное выше, объясняется тем, что керженское «писанейце», индуцированное тем же московским «молебным посланием», текст которого сохранился в Сказании о распрях, было написано сразу же вслед за ответом москвичам, и именно поэтому оно содержит совпадающие или похожие формулировки.

Исходя из предполагаемого соотношения посланий, «писанейце» керженцев можно датировать тем же 1704 г., что и московский текст (дата «7212 год», т. е. 1704 г., стоит на поле рукописи Сказания о распрях).

Таким образом, Барсовская рукопись сохранила редкий образец керженской полемической литературы конца XVII — начала XVIII в., плохо сохранившейся и совсем не испытавшей стилистического влияния Выга. На Керженце подражали иным образцам. В аспекте изучения распространения стилистических традиций обращает на себя внимание следование в этом тексте не только духу,

³ Там же.— С. 242—245.

⁴ Там же.— С. 239. О Поликарпе Петрове, его проповеди «огненной смерти» и о его подделках сочинений Аввакума см. в трактате Ефросина «Отрагательное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей».— Спб, 1895.— (ПДП, № CVIII).

⁵ «Спорные письма» они «ни похулили, ни похвалили», «согласны ли» они «о писаньем» — «про то умолчали». — Материалы для истории раскола.— С. 246.

⁶ Материалы для истории раскола...— С. 246.

но и стилю аввакумовских сочинений (ср.: «...оне точию верхи слов и нагие речи пишут ис книг, а внутрь лежащаго разума в книгах печатных и во отцовых и не пишут...» и др.).

В других сочинениях Ануфрия и его последователей (они дошли в отрывках и цитатах только в тексте Сказания о распрях) прослеживается еще большее сходство с полемическими приемами Аввакума. Ниже публикуется текст «писанейца».

«ПИСАНЕЙЦЕ» КЕРЖЕНСКИХ СТАРЦЕВ В ЗАЩИТУ СОЧИНЕНИЙ АВВАКУМА

л. 17

Неключимии раби пресвятыя и единосущныя животворящия и неразделимыя Троица, отца и сына и святаго духа, единаго истиннаго бога грешныя старцы С[офоний]^а, В[арлаам], П[оликарп] П[етров], А[нуфрий]^б со иноки и бельцы возлюбленным святым отцем и братиям, чадам Сионьским, священнаго и иноческаго, и всякаго чина христианска, радоватися и утвержатися, вкупе же и здравствовати в непорочней вере спасителя нашего господа Иисуса Христа, сына божия, воспитоватися и возрастати во святых благочестивых отеческих догматах, кроме всякия еретическия скверны и порока.

л. 17об.

Известно вам чиним, всем верующим во святую и единосущную и неразделимую Троицу, изволившу богу святому^в попустити на нас, грех ради наших, что нещии человецы от иноческаго чина и от бельцов востаха на нас от великия зависти // и ненависти, не боящся суда божия, возмущают люди божия и нас еретиками называют, и не токмо речми нас оглашают, но везде и повсюду писанием своих рук рассылают, и сами по городам ездят, и клеветы многия на нас воставляют, и в людех божихх мятеж творят, бытто мы поариянски мудрствуем, отсекаем святую и единосущную и неразделимую Троицу, и называют нас разсекательми святыя Троица, и бытто мы исповедуем сына божия не сущаго воплотившася, и о сошествии Христове во ад неправо же, де, мудрствуем.

И мы, грешнии старцы, услышавше о сем, собравшеся, о Христе посоветовав, написахом сие писанейце, не хотя на себе слышати имя еретическое пред господем богом, о себе свидетельствуем вам и глаголем:

л. 18

Аще и грешни есмы, а ереси за собою никакия не знаем и не держим, и учения страннаго людем не предлагаем, но держим истинную православную христианскую веру, как сперва святая соборная и апостольская церковь прияла от святых апостол, // и от святых отец на вселенских и помест-

^{а-б} В ркп. только начальные буквы С, В, П, А, каждая — в отдельном круге; ^в испр., в ркп. стому без титла;

ных соборех, и от учителей церковных по Писанию, а не по своему разуму. А еретического предания и учения блюдемся, и не приемлем, и слышати не хотим, но веруем во отца и сына и святого духа, святую и единосущную и неразделимую Троицу по святому символу и по церковному разуму, отцем Савелиево слияние, еще же проклинаем и Ариево разсечение, но веруем и исповедуем, якоже нам богословцы предаша и научиша; елико возможно нам понести, — о сем возвестиша, а еже не вместило уму человеку — о сем умолчаша. Иже кто выше их испытует о божестве, да будет проклят! Тако же и о воплощении сына божия, господя нашего Иисуса Христа, от пречистых богородицы веруем, сущаго истиннаго бога во двою естеству — совершена бога и совершена человека — во истину проповедуем. И прочее исповедание православныя веры все приемлем и исповедаем всею душею, такоже и госпожу пресвятую и пречестную владычицу нашу богородицу истинную мать божью со мною.

л. 18об.

верую // и любовь исповедаем, и величаем, и славим, и поклоняемся. И о всех сих страшных и великих божественных догматах о святей Троице, и о воплощении сына божия, и о сошествии во ад, веруем по святому Писанию и держим неизменно, как старопечатныя книги научают нас, и святии богословцы, и святии величии отцы. А инако — кроме божественнаго Писания — мудрствовати не хотим, но что предаша нам святии и написаша, тако и веруем, и держим неизменно.

А что они нас за писма страдальца Аввакума^а называют еретиками, и мы, аще и грешници, но верую правою христиане, а не еретики и ереси за собою никакия не имеем. И Аввакум не еретик был, пострадал за святую соборную и апостольскую церковь и за православную христианскую веру кровь свою проливал, страдал^б за старое благочестие 30 лет с лишком. // И мы такова страдальца ради его страдания и непорочнаго жития и ревности за благочестие старопечатных книг боимся уничтожить, а до нынешнего времени многия люди великую пользу от его писем принимали, и в познание истинны приходили, и ныне его учением приходят. И мнози его ради учения кровь свою проливали за старое благочестие и до конца пострадали. А мятежю в людех никаково не бывало, все верующии его учение принимали с любовью. А что у отца Аввакума с Феодором дьяконом прение было о великих божественных делах — о святей Троице, и о воплощении сына божия, и о сошествии во ад, — и о таких великих и страшных догматах мы много разсуждати боимся и не смеем того ради, что ум наш не достигает, но веруем так, как он, свет, наш творец, те великия тайны

л. 19

^а в ркп. здесь и далее только буква А в круге; ^б испр., в ркп. срадал;

л. 19об. сотворил нашего ради спасения и как // старопечатныя книги научают.

А отец Аввакум писал книги супротив Феодорова мудрования и приводил свидетельство от божественного писания от старопечатных же книг московских и от письменных свидетельствованных церковных истинных книг. И кто о сем их прении подлинно хочет ведати, и он смотри в ево книги, отца Аввакума, ево писма руки, что обличал Федора, возбраняя ему о божестве и о прочих Христовых великих тайнах выше меры не мудрствовать, и имея ум праваго рассуждения в божественных писаний, и он тамо узнает разум отца Аввакума, чево ради те он писал книги на Федора, и сомнения свободится. А что оне, любоперцы (так! — Н. Д.), показывают ис книг печатных выписки, такоже и из отцовых книг, Аввакума, и тому же верить нельзя, понеже оне точию верхи слов и нагие речи пишут ис книг, а внутрележащаго разума в книгах // печатных и во отцовых и не пишут, и не знают, о том и не пекутся, и не болят день и ночь, чтобы ково переспоровать и в сомнение вложить о книгах печатных и о отце Аввакуме.

л. 20

А мы о сем споров чинить не хотим, понеже пишет святой апостол Павел: «Аще кто мнится любоспорлив быти, мы такового обычая не имамы, ни церкви божия». А они, прордзатели, не точию тщатся на спор, но и еретиками православных нарицают, забыв страх божий и святых отец запрещение, еже рекоша: «Аще кто православнаго христианина нарицает еретиком, то такового дух святой отступает». И сея ради дерзости их опасно с ними и беседовать, чтобы себе тщеты на душу не привести и людем мятежу и соблазна не сотворить^е, понеже писано: «Горе человеку, им же соблазны приходят». А человецы мнози от их смущения, яко в буре велицей, утопают и душами погибают. Распря та без ума о том великом деле божии точию на разорение слышащим, понеже сие дело — верх богословия и великаго опаства и л. 20об. просвященнаго // разума потреба, и смирения, и подобныя кротости.

А у них беседа точию за слово да и за брань: еретиками и жидами называют. И от той брани, и от великаго на нас гнева и ярости много они о божественных тайнах ис предел выступают, о сем и богословцем закрыто.

А что им покажеш свидетельство от божественнаго писания старопечатных книг, и они на свой разум толкуют, чево и не подобает толковати, и в старых книгах иные речи хулят, и по сему некоторыми делы нам с ними любопретися не подобает, да и иным рабом Христовым от таких людей повелеваем уклоняться. Сам бо владыко наш Исусь Христос образ нам подал, во время спасенныя страсти своя умоляча

^е испр., в ркп. сотворить;

л. 21

и ответа не дал вопрошающим, щадя несправедливо судящих, да не большая им мука будет. И мы боимся, чтобы и нам тех ради распрей и раздоров душ своих и иных не погубить, и в час смертный неосужденным быть, понеже смерть грешником^ю люта, // и на страшном суде Христовом непостыдным явиться пред всею вселенною, пред ангелы и человеки, и вечною смертию не осудитися, понеже тогда вся тайная наша согрешения и соблазны пред всеми явятся. Тогда от грех отрещися никтоже возможет, истинне обличающи. И того ради мы о сем говорить с ними и спираться не хотим и молим владыку и тѣворца нашего, света, чтобы нам дал истинный разум и о себе попецися и грех своих плакаться. Будет нам и того до смерти! И кроме споров, есть о чем пецися, да издишьние крамолы что нам на себя воздвизать! Кому охота — и он крамолися с кем хочет!

л. 21об.

и облыгают. А что они клеветцут, бутто от нас мятеж людем исходит, — и от нас мятежю людем нигде никакова не бывало, мы по городам не ездим и писем никаких не разсылаем. Сами они по городам ездят и писма разсылают, и мятеж в людах воставляют, и на нас многие клеветы составляют, //

Да что же делать, богу тако изволившу попустити на нас грех ради наших! Подождем праведнаго суда его. Он, свет, творец наш, расудит нас с нами, которые на нас вооружаются, и клеветы и лжи сплетают на нас, и всяких людей возмущают.

л. 22

Молим вашу любовь, отцы и братия, аще кто вам на нас какія изветы творит, или облыгать, или клеветать, и вам пожаловать, христоподобную кротостию всяк гнев и ярость отринувше, нескоро склонятися и клеветам веры не^а ять, понеже диявол злохитрством своим вооружился на нас, всякими коварствы кует, собою и человеки, чтобы мятежь которой сотворить, и раздор промеж нами учинить, и любовь в ненависть претворить, и кого бы от соединения и от согласия отвратить. Да не буди по его злоковарному хотению, но буди по воли божии, како ему, свету, творцу нашему, //

угодно, тако и устроит о нас своими праведными судьбами. А мы, аще и грешни есмы, но веруем и исповедуем о святей и единосушней Троице, и о воплощении сына божия, и о сошествии во ад, и о всех церковных догматах, якоже нам предаша и научиша святии апостоли, и святии богоноснии отцы, и учителя церковнии. А много по своему разуму расуждать и говорить и спираться не хотим, а кто иначе мудрствует противно святых отец преданию и развращает люди божия, и таковых святии отцы под клятву положиша. Нас же сохрани господи от прелести бесовския и от развращенных учений и сподоби неосужденных явиться на стѣрашнем судици твоем, яко благословен еси во веки. Аминь.

^ю испр., в ркп. грешнишником; ^а доб., в ркп. нет.

Н. Д. ЗОЛЬНИКОВА

СЫСК Д. Л. ПОЛЯНСКОГО
И «ПИСЬМА» ИЗБРАНТА ИДЕСА

В 1696 г. Сибирский приказ организовал по личному распоряжению царя Петра I грандиозный сыск, охвативший многие города и уезды Сибири. Сыск был необычен по многим причинам. Подавляющее большинство организованных из Москвы сысков, как отмечал еще Н. Н. Оглоблин, были частными, касавшимися «одного уезда, одного или нескольких лиц данной местности, или одного какого-либо предмета». Упомянутый сыск был одним из двух известных для Сибири XVII в. больших сысков, имевших, по выражению Н. Н. Оглоблина, «характер сенаторских ревизий позднейшего времени»¹.

Весь XVII в. из Сибири постоянным потоком шли многочисленные челобитные с жалобами на насилия и громадные хищения сибирской администрации. Следствия по этим жалобам большей частью их подтверждали; состояния, которые за два-три года службы успевали себе сколотить сибирские воеводы, исчислялись иной раз тысячами рублей. Уже в 1665/66—1667/68 гг. был проведен организованный из Тайного приказа, т. е. под личным контролем царя, первый известный нам общесибирский розыск: жильцу Ф. Охлопкову было приказано расследовать «всех воевод и таможенных голов, неправды их и плутости». В компетенции сыщика в числе прочих оказались города, откуда в основном поступала пушнина в качестве ясачных платежей: Якутск, Мангазей, Сургут, Енисейск, Красноярск и др.²

Чем была зауральская пушнина для казны, хорошо показал в своих исследованиях П. Н. Павлов. По его подсчетам, в 1680 г., например, она составляла не менее 10 % годового дохода. Ценность ее повышалась и потому, что она использовалась как валютный фонд³.

Ситуация резко обострилась к концу XVII в., когда сибирские ясачные сборы резко уменьшились вследствие хищнической эксплуатации пушных промыслов, в основном соболиных. По подсчетам

¹ Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768).— М., 1900.— Ч. 3.— С. 180.

² Там же.— С. 581, 582.

³ Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в.— Красноярск, 1972.— С. 102, 104.

П. Н. Павлова, к концу столетия по сравнению с наивысшими результатами в 1640-е — 1650-е гг. добыча пушнины упала почти в 2,5 раза⁴. Московская администрация принимала определенные меры по охране пушных угодий, но никогда не считала их истощение основной причиной сокращения сибирской соболиной ясачной казны. Вероятно, когда сибирских богатств перестало хватать всем, кто на них претендовал, правящая верхушка все чаще стала пытаться перекрыть незаконную утечку пушного «золота» в карманы сибирской администрации.

К правлению Петра I (с 1689 г.) относятся 9 из 15 известных для XVII в. сибирских сысков, организованных Москвой (были и внутрисибирские, начатые тобольской администрацией — их мы не рассматриваем)⁵. Несмотря на то что относящиеся к Сибири документы конца XVII — начала XVIII в., возможно, сохранились лучше, чем за более ранний период, приведенное соотношение дает представление о пристальном интересе правительства Петра I к сибирским проблемам, из которых финансовая была едва ли не главной. Хорошо известно, что Петру, проводившему с середины 1690-х гг. активную внешнюю политику, хронически не хватало средств для этого. Шел напряженный поиск резервов. В значительной степени в этом плане и приходится рассматривать организацию в начале 1696 г. нового всесибирского сыска, известного в литературе как сыск Полянского (по имени сыщика).

Данила (Иван)⁶ Леонтьевич Полянский появляется на приказной службе одновременно с Еремеем Леонтьевичем Полянским (вероятно, братом). Еремей Леонтьевич с 1665 г. — подьячий Приказа Большого дворца, с 1669 г. до конца существования Приказа тайных дел — подьячий этого приказа, с 1676 по 1700 г. — дьяк различных приказов. Еще один Полянский, Макар Леонтьевич (третий брат?), в известных нам источниках впервые появляется в качестве подьячего уже средней статьи в Казанском приказе в мае 1679 г., с 1689/90 по 1699/1700 г. — также дьяк⁷. Клан Полянских сделал отличную карьеру, но выше всех по приказной лестнице сумел подняться Данила Леонтьевич. Он начал свою деятельность в системе управления в 1664 г. в должности подьячего Приказа тайных дел и прослужил в ней до 14 августа 1672 г.

Тайный приказ в современной литературе считается одним из проявлений нового в бюрократической структуре Московского государства, т. е. грядущего абсолютизма⁸. В частности, несомненно предвещаем новых времен были темпы работы Приказа, которых добивался сам царь. По наблюдению историка Тайного приказа

⁴ Там же. — С. 105, 116, 117, 255, 258.

⁵ Оглоблин Н. Н. Обзорение... — С. 179—182. Один из сысков, дворянина К. Цызырева, был начат в 1678/79 г., затем к нему вернулись в 1690-е гг.

⁶ Данила — мирское имя, Иван — данное при крещении. — См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. — М., 1975. — С. 422.

⁷ Там же. — С. 422, 423; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. — М.: Л., 1946. — С. 286.

⁸ Голикова Н. Б. Органы политического сыска и их развитие в XVII—XVIII вв. // Абсолютизм в России. — М., 1964. — С. 249.

И. Я. Гурлянда, «...в Тайном приказе дело шло значительно быстрее, без обычной московской волокиты; писали не так длинно, приступали к исполнению быстрее, не всегда писали, раз можно было переговорить лично, а главное — торопили всех и каждого». Подьячие Приказа всегда были в хлопотах⁹. Книжки Тайного приказа с 1665 г. пестрят именем Ивана Полянского. Он исполняет самые разнообразные поручения: активно занят многочисленными хозяйственными заботами в государевых селах, от покупки соломы на подстилку лошадям до покупки меди «к железным заводам». В числе других подьячих Полянский не раз доставлял разным лицам «государево жалованье», кормил от имени царя нищих и тюремных сидельцев и т. д.

С самого начала службы Данила Полянский исполняет весьма ответственные поручения. Так, его с товарищем посылают на Терек встречать патриархов, едущих на собор, который в 1666 г. решит судьбы Никона и первых расколоучителей. В 1669 г. Данила Полянский отправлен сопровождающим с иностранными рудознатцами «в Дмитров и в иные места» для поисков серебряной руды (Алексей Михайлович придавал такое значение поискам руд в государстве, что с образованием Тайного приказа эта отрасль была передана туда из ведения Приказа большой казны)¹⁰. Осенью 1670 г., в разгар поражений от разинцев, правительство проводило перегруппировку и централизацию командования войском на территории Среднего Поволжья¹¹. Именно подьячий Приказа тайных дел Д. Полянский был отправлен со стольником П. И. Потемкиным для сообщения воеводам государева указа об этом (отставка воеводы кн. П. С. Урусова и т. п.)¹².

Д. Л. Полянский быстро продвигался по службе. Если в начале карьеры, в 1665 г., его оклад жалованья был далеко не самым высоким — 10 руб. в год, то вскоре, по наблюдению И. Я. Гурлянда, подьячий стал нагонять в этом отношении своих старших товарищей¹³. Очевидно, царь высоко ценил его профессиональные услуги: 14 августа 1672 г. Полянский был пожалован в дьяки¹⁴. Теперь он уже значительно реже используется для посылок; хотя и сейчас Полянскому случается относить кому-нибудь государево жалованье, однако значительно чаще он уже распоряжается его выдачей, как и вообще выдачей всевозможных сумм из Приказа тайных дел. Хлопоты в области государева хозяйства касаются Полянского совсем иначе, чем раньше: он не мечется по селам, нанимая и снабжая работников, иногда обеспечивая сам производственный про-

⁹ Гурлянд И. Я. Приказ Великого государя Тайных дел.— Ярославль, 1902.— С. 148, 149, 166.

¹⁰ РИБ.— СПб., 1904.— Т. 23.— Стб. 10, 26, 29, 37, 49, 702, 1121, 1130.—1131, 1250, 1263, 1265, 1320, 1321, 1353 и мн. и др.; Гурлянд И. Я. Приказ...— С. 199—201.

¹¹ Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.— М.; Л., 1966.— С. 161.

¹² Крестьянская война под предводительством Степана Разина.— М., 1957.— Т. 2.— С. 336, 436.

¹³ Гурлянд И. Я. Приказ...— С. 340.

¹⁴ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие...— С. 422.

цесс. Он лишь утверждает «поручные» по поводу всевозможных поставок и работ. Кроме того, дьяк Данила курирует розыски по важным преступлениям, привлёкшие особое внимание царя. Так, по указу от 16 ноября 1672 г. именно ему должен был подать отписку астраханский воевода, если поймает «воров» — дворовых, бежавших после убийства своего хозяина, боярина кн. Г. Черкасского¹⁵. А 30 мая 1675 г. Д. Л. Полянский был включен в следственную комиссию, которой царь поручил разобраться в деле боярина кн. Ф. Ф. Куракина, державшего «в доме у себя ведомую вориху... ворожею». О том, какое значение придавалось делу, свидетельствуют строки указа: «пытать ее (ворожею. — Н. З.) жестокой пыткой бояром комнатных да дьяку тайных дел Ивану Полянскому, прозвище Данилу»; розыск возглавляли первые лица в правительстве: боярин А. С. Матвеев и боярин кн. Н. И. Одоевский¹⁶.

И. Я. Гурлянд писал, что официально статус дьяка Приказа тайных дел был ниже статуса думного дьяка, но практически мало кто из думных дьяков мог претендовать на значение, равное значению тайного дьяка¹⁷. Дьяк Тайного приказа Д. Л. Полянский в конце жизни Алексея Михайловича был одним из самых доверенных лиц в приказном аппарате. Когда в отсутствие царя в Москву приходили важные документы с мест (в том числе и по внешнеполитическим делам), а Д. Л. Полянский был в сопровождавшей царя свите, то бумаги передавались царю посыльными либо через Полянского, либо через думного дьяка Деметрия Башмакова (также вышедшего из тайных дьяков). Данила Леонтьевич ведал в Тайном приказе и важнейшими вопросами внешней политики. В частности, у него в какой-то степени концентрировались «вести» и отписки по украинским делам, отношениям с Крымом и Турцией. Соответственно своему общественному положению Д. Л. Полянский занимал и место за государевым столом. Например, в списке бывших у стола 17 марта, 19 апреля, 26 июля 1674 г. сразу после имен думных дьяков стоит и имя единственного дьяка — Данилы Полянского¹⁸.

Годовое жалованье Д. Л. Полянского в это время — 300 руб. в год. По замечанию И. Я. Гурлянда, это обычное жалованье дьяка Тайного приказа, дополнением к которому служили разовые денежные и другие подарки. Тайные дьяки верстались и поместным окладом¹⁹.

Чин думного дьяка Д. Л. Полянский получил при ликвидации Приказа тайных дел, вскоре после воцарения Федора Алексеевича: 30 января 1676 г. он присягает на верность новому царю еще как дьяк Приказа тайных дел (его имя находится в перечне думных

¹⁵ ДАИ.— Спб., 1875.— Т. 6.— № 66 (с. 260—261).

¹⁶ Дворцовые разряды, изданные вторым Отделением собственной е. и. в. канцелярии.— Спб., 1852.— Т. 3.— Стб. 1428, 1429.

¹⁷ Гурлянд И. Я. Приказ...— С. 128, 129.

¹⁸ Дворцовые разряды...— Т. 3.— Стб. 934, 951, 965, 1109, 1374, 1483, 1486, 1487, 1564, 1582, 1583.

¹⁹ Гурлянд И. Я. Приказ...— С. 129. О характере службы Д. Л. Полянского в качестве дьяка Тайного приказа см.: РИБ.— Т. 23.— Стб. 102, 114, 130, 131, 161, 197, 240, 246, 247, 260, 308 и мн. др.

дьяков, но перед фамилией у него одного отмечено: «дьяк») ²⁰. 15 мая Д. Л. Полянский упоминается уже как думный дьяк ²¹. С 1676 г. думный дьяк Д. Л. Полянский постоянно совмещает службу одновременно в нескольких приказах: в 1676 г. отмечен в Приказе большого прихода, Сыскном, в 1676 — 1678 гг. — в Хлебном, Устюжской Чети и Стрелецком, в 1680/81 г. — в Судном приказе ²². Затем имя Д. Л. Полянского появляется в документах в тяжелом для правящих верхов 1682 г.: 27 апреля, в день провозглашения царем малолетнего Петра и сопутствующих этому народных волнений, думный дьяк вместе с боярином кн. Я. Н. Одоевским и печатником Д. М. Башмаковым запечатывает по указу государя «Большую казну, Казенный двор, и Мастерскую», через три дня — дежурит у гроба Федора Алексеевича, а еще через несколько дней, 5 мая, получает назначение в Стрелецкий приказ «в товарищи с боярином с князь Юрьем Алексеевичем Долгоруково», вместе с окольниковым кн. Г. А. Козловским и думным дворянином В. А. Змеевым ²³. Назначение состоялось в разгар наказаний ненавистных солдатам и стрельцам полковников и, возможно, было связано с попыткой правительства как-то потушить нараставшие волнения. Д. Л. Полянский к этому времени был опытным и заслуженным администратором. По мнению В. И. Буганова, в конце апреля — начале мая правительству удалось не допустить стрелецкого выступления «непосредственно против правящих властей» ²⁴. И 15 мая, во время похода стрельцов на Кремль, в числе других лиц правительственного лагеря Д. Л. Полянский выходил уговаривать стрельцов. Но кандидатура оказалась крайне неудачной: в майские ли дни или раньше на службе в том же приказе заслужил думный дьяк ненависть стрельцов, но в тот же день, 15 мая, восставшие потребовали его выдачи, как и карателя разинцев кн. Ю. А. Долгорукого (их коллег по Стрелецкому приказу Г. А. Козловского и В. А. Змеева это не коснулось!) ²⁵.

Д. Л. Полянскому удалось каким-то образом избежать расправы, но 20 мая стрельцы потребовали, в числе других, и его ссылки. Правительство было вынуждено согласиться. Место ссылки, видимо, определили не сразу: в одном из документов назван Ипатский монастырь, однако окончательным местом пребывания ему назначили Енисейск, куда Полянский и был отправлен в июне — августе в сопровождении капитана А. Непоставова. Но уже в сентябре думного дьяка повернули обратно: царский указ из Троице-Сергиева монастыря, откуда правительство Софьи начало решительную борьбу с восстанием, повелевал ярославскому воеводе отпустить Д. Л. Полянского с семьей. Ему было предписано пока жить в своих дерев-

²⁰ Дворцовые разряды... — Т. 3. — Стб. 1637.

²¹ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие... — С. 422; ДАИ. — Спб, 1867. — Т. 9. — № 40. — С. 97.

²² Богоявленский С. К. Приказные судьи... — С. 286.

²³ Восстание в Москве 1682 г./Сост. Н. Г. Савич. — М., 1976. — С. 10, 13, 16.

²⁴ Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. — М., 1969. — С. 127.

²⁵ Там же. — С. 150; Восстание в Москве... — С. 277.

нях — «до нашего, великих государей, указу»²⁶. Вероятно, Д. Л. Полянский довольно скоро был возвращен в столицу. Через год, 2 сентября 1683 г., в Дворцовых разрядах встречается упоминание о том, что царь Иван отбыл на моление в Суздаль и Владимир; в числе оставленных в Москве «на государеве дворе» назван Д. Л. Полянский²⁷. Записи Дворцовых разрядов за 1683—1685 гг., 1688, 1689 гг. (до 8 августа) в основном отмечают, к сожалению, лишь мало говорящие факты участия думного дьяка Д. Л. Полянского в традиционных ходах с иконами, молениях, свитах государей во время их «походов». Можно отметить только одну особенность: Д. Л. Полянский постоянно оказывается в свитах Ивана и Софьи, но не Петра. Если Петр отправлялся (что было очень редко) на моление, то думный дьяк в записи отмечен оставленным в Москве²⁸. Правда, подобные мероприятия не были делом добровольным, участие в них рассматривалось как государева служба, на которую назначали. Вопрос о том, свидетельствуют ли эти назначения о политической ориентации думного дьяка, видимо, может быть решен лишь с привлечением других материалов. Во всяком случае, в правление Софьи думный дьяк по-прежнему занимается ответственной государственной деятельностью. Так, например, 30 января 1685 г. он «сказывает бояром» государев указ о службе в Курске, Пскове, Астрахани, с 1686 по 1689 г. он отмечен как думный дьяк важнейшего Земского приказа. Под тем же 7198 г. (1688/89) он значится и на службе в Казенном приказе²⁹.

Очередной правительственный кризис сказался и на судьбе думного дьяка Д. Л. Полянского; после переворота в пользу Петра I, 26 сентября 1689 г., появляется следующее постановление: «Великие государи цари и великие князи... указали в Земском приказе быть окольниковому князю... Львову, а дьяком с ним в том приказе быть прежним, а думному дьяку Данилу Полянскому в том приказе быть не велено»³⁰. Только что закончилась расправа Петра I с Софьей и ее сторонниками, стало сменяться руководство многих приказов. И без дополнительных источников трудно решить, что означало приведенное выше распоряжение: кару за близость к Софье или же обычное служебное перемещение. Из дальнейшего выясняется, что свой чин во всяком случае Д. Л. Полянский не потерял и остался на государственной службе. В частности, 6 апреля 1694 г. во время молебна он стоял в свите царя Ивана, а через год, в апреле 1695 г., был, по собственным словам, «Белгородского полку в городах для разбору ратных людей»³¹. Трудно сказать, в каких отношениях он находился с Петром I и его окружением. Судя по дальнейшим событиям, в когорту любимцев он не входил, хотя Петр

²⁶ Восстание в Москве...— С. 52—54, 174, 279.

²⁷ Дворцовые разряды...— Спб, 1855.— Т. 4.— Стб. 248.

²⁸ Там же.— Стб. 254, 293, 295, 297, 310, 321, 322, 332, 347, 373, 382, 389, 390, 403, 407, 451, 458, 470.

²⁹ Восстание в Москве...— С. 324; Богоявленский С. К. Приказные судьбы...— С. 286.

³⁰ Дворцовые разряды...— Т. 4.— Стб. 488.

³¹ Там же.— С. 882, 883; ЦГАДА, ф. 214, стб. 1333, л. 18.

считал возможным использовать его как опытного администратора. К моменту своего последнего, оказавшегося роковым³², назначения Д. Л. Полянский имел за плечами 32 года работы в важнейших приказах государства, в том числе 20 лет — в чине думного дьяка. Немалый опыт был у него и в сыском деле, что, вероятно, тоже повлияло на выбор его кандидатуры для всесибирского следствия.

Непосредственно к моменту организации сыска Полянского Сибирский приказ имел результаты предыдущего частного сыска по Якутску. Поскольку его документы оказали серьезное влияние на организацию сыска 1696 г. и прекрасно иллюстрировали систему традиционных злоупотреблений воеводской администрации, остановимся на этом сыске подробнее.

В 1690 г. тобольского дворянина Ф. Качанова отправили «с Москвы в Якуцкой в околородные волости для ясачного окладу и для разбору ясачных иноземцов и для сыску про винное куренье и продажу» (в нарушение государственной монополии)³³. Сверхзадача, которую поставило перед Ф. Качановым руководство Сибирского приказа, заключалась в том, чтобы «розведать, отчего ясачной збор умалился, и про воевоцкие неправые дела, и про воровство ясачных зборщиков для того, по ведомостям в Сибирском приказе ясачной казны збор умалился от воевоцкого нерадения и от многой их корысти»³⁴.

Таким образом, по крайней мере за шесть лет до организации всесибирской ревизии Полянского мы можем зафиксировать то традиционное мнение Сибирского приказа о причинах сокращения ясачных сборов, которое примет позже крайние формы в именном указе о сыске и в наказе думному дьяку Д. Л. Полянскому. Сыск Ф. Качанова только подтвердил это мнение, так как выявил действительно фантастический размах незаконной винной торговли, хищений при сборе ясака и разорения аборигенного населения.

Ф. Качанов прибыл в Якутск в сентябре 1690 г. и сразу развил кипучую деятельность: «для окладного дела» посетил 24 волости аборигенов и попутно, «едучи, в Якуцком уезде и в городе винное куренье сыскал многое и на винокурах пенных денег взял 202 рубли, вина вынял 30 ведр и отдал в приказную избу, и ясачным людям выпоено на погребы»³⁵. Качанов начал немедленно осуществлять и другие конфискации: «по ево ж, Федорове, посылке вынято на осмотре у ясачного зборщика у сына боярского у Леонтия Трифонова» мехов и имущества на 2 тыс. руб. По сообщению

³² Пробыв в Сибири три года в качестве правительственного сыщика, Д. Л. Полянский вызвал против себя поток жалоб от населения и воевод, сам попал под следствие, которое велось сначала в Енисейске, а затем в Москве. Результат его нам не известен. Умер Д. Л. Полянский в 1702 г., едва ли не под следствием; во всяком случае здоровье старого думного дьяка было подорвано, а жизнь, несомненно, сокращена сибирским назначением. — См.: ПГАДА, ф. 214, стб. 1333; Robert O. Crummeу. *Aristocrats and Servitors.*— Princeton, 1983.— S. 198.

³³ ПГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 105.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

Качанова, «и у иных ясачных зборщиков такие ж животы были выняты», всего на 6556 руб.³⁶ Сыщик дает подробный перечень методов феодального насилия сибирской администрации и всех, кто мог, используя должностное положение, урвать свою долю феодальной ренты: «А прежние де воеводы и он, князь Иван (Гагарин.— Н. З.), с верх Лены реки привозили в Якуцкой своего куренья и порядного вина многое число. Да ...ясачной збор отдают на откуп, опричь того, что приносят им мяхкою рухлядью, как приезжают с ясаком. Да они ж де, воеводы, посылают в волости збирать на себя ясак. Да воеводы ж де сами берут с ясачных иноземцов поминки, а к Москве не высылают, а корыстуются ими сами. А как де ясачные иноземцы приносят в приказ в ясак соболи добрые в платеж, и они де, воеводы, те добрые соболи берут себе и толмачам приказывают, чтоб добрых соболей за ясак в платеж в ясак не носили, а приносили б им, воеводам. А ясачные зборщики у ясачного збору добрые соболи и лисицы крадут и переменяют, и в том на них, зборщиков, от служилых людей и от иноземцев бывают изветы, а воеводы у тех зборщиков те краденные соболи и лисицы, знаючи, принимают себе, и в том против челобитья суда не дают, и посылают тех же прикащиков. Да по их же, воевоцкому, веленью холопи их торгуют вином, и табаком, и картами и в ясачные волости посылают знакомцов и людей своих для продажи. Да они ж, воеводы, за извет государевы казны служилых людей бьют кнутьем и сылают в сылку на заморские реки, а иных казнят смертью. Да при них же, воеводах ясачные зборщики мяхкую рухлядь провозят явно мимо заставы, и таможенные головы и целовалники о том извещают, а они, воеводы, нороя им, прикащиком, в таможду не отсылают. Да они ж де, воеводы, на площади и никаким людем на ясачных зборщиков иноземцом челобитен в обидах писать не велят»³⁷.

Общий вывод тобольского дворянина находился в полном соответствии с мнением пославшего его в Якутск руководство Сибирского приказа: «А те де зборщики, и служилые люди, и подьячие, и толмачи, которые ездят для ясачного збору во все острожки, и в зимовья, и в волости, дают воеводам все по 6 тысяч и по 7 тысяч рублей от отпуску в год³⁸, и с ясачных людей ясак берут по окладам сполна и с прибылью, и преж ясачного збору нападками и из-за угроз берут себе и на воевод многие добрые соболи и лисицы, а на ясачных людей ясак пишут в доимку, и от того многие ясачные люди разорились, и ясаку отбыли, и разошлись в далные безвестные места, и от того в ясаке великой недобор»³⁹.

³⁶ Там же, л. 103, 105.

³⁷ Там же, л. 102, 103.

³⁸ Имеется в виду общая сумма взятки воеводе от всех заинтересованных лиц. На допросе в Сибирском приказе два ясачных сборщика, которые доставили гуда отписки якутского воеводы кн. И. М. Гагарина, показали, что дают воеводе «посулос всякой по 600 рублей в зимовье, а иные болши и менши». — См.: ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 104, 105.

³⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 105.

По расчетам Федора Качанова, «со 193-го году (1684/85.— Н. 3.)» ясачные сборщики Якутского уезда украли «500 сороков соболей, 20 тысяч лисиц, 2 тысячи рогатова скота и лошадей»⁴⁰.

Присланный на смену прежнему якутскому воеводе П. Зиновьеву стольник кн. И. М. Гагарин, который прибыл в Якутск в мае 1691 г., сразу вступил в смертельную схватку с ретивым сыщиком. Несмотря на грамоту из Сибирского приказа о «вспоможении» во всех делах Ф. Качанову, князь, приехав в Якутск, «Федору Качанову от тех дел отказал, и служилых людей и толмачей, которые даны были для тех дел, взял, и окладное дело остановил, и ему, Федору, и подьячему, и московским стрелцам чинил многую тесноту»⁴¹. Князь Иван не собирался считаться с правительственным окладчиком и сыщиком, деятельность которого могла помешать ему нажить в Сибири состояние. А наживать он его начал, по доносам Ф. Качанова, еще по дороге в Якутск обычными для сибирских воевод незаконными способами. Так, по сведению Качанова, И. М. Гагарин по дороге в Якутск зимовал «в якуцких пашенных волостях, и всю зиму на себя вино курил, и с прикащиков от винного куренья откуп брал вином же. А в Якуцкой того вина привез 663 ведра да беглых Матвеевых людей Кровкова два человека привез с собою с вином, а вина с ними 50 ведр, и то вино продают в ковши и в чарки»⁴². Далее Ф. Качанов сообщал в Сибирский приказ, что князь, не приняв еще города от старого воеводы, «на сильно брал с пашенных крестьян деньги, хлеб и «всякие столовые запасы... многие»; из жалованья, посланного якутским служилым людям, князь присвоил себе 1 тыс. руб. (из 3 тыс.), заставив казаков «поступиться» этими деньгами⁴³.

Изолировав сыщика на его дворе и поставив к нему караул, И. М. Гагарин как будто попытался заручиться и поддержкой населения: по сообщению Ф. Качанова, он «ссылных людей, якуцких жителей, которых за бунтовое дело послал Петр Зиновьев, з дороги поворотил в Якуцкой и посыльщиков с отписки и з делами, которых послал к Москве Петр Зиновьев и он, Федор Качанов, он, князь Иван, не пропустил, и московского стрелца и томского казака бил батоги, и, отняв те отписки и дела, привез с собою в Якуцкой, и ясачным зборщиком, и градцким людем, и ясачным иноземцом вычитал»⁴⁴. Известно, что в 1690 г. якутский воевода П. Зиновьев разгромил крупный заговор против воеводы и «лучших людей»; были погибшие на пытках, к одному человеку применена смертная

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 102.

⁴¹ Там же, л. 105.

⁴² Там же, л. 104.

⁴³ Позже, на допросах в Сибирском приказе, четыре казака из сопровождавших жалованье в Якутск и ехавших вместе с кн. И. М. Гагариным сообщили, что дело обстояло еще хуже: князь забрал у них все 3 тыс. руб. и, очевидно, готовясь с большим размахом к будущим торговым операциям, купил на них в разных городах «товар на якуцкую руку» и серебряную посуду. «В занятых деньгах», по свидетельству казаков, он дал было им расписку, но затем увез ее с собой.— См.: ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 103, 104.

⁴⁴ Там же, л. 104.

казнь⁴⁵. В этих условиях позиция крупнейшего феодального хищника, каким, без сомнения, был стольник кн. И. М. Гагарин, сводится, вероятно, к социальной демагогии. Он использовал в своих корыстных целях традиционный в Сибири вариант общения воеводы с мирской общиной⁴⁶, который к этому времени уже становился анахронизмом ввиду резкого нарастания абсолютистских тенденций в государстве. Сложное явление противоборства в это переломное время старых традиций сословно-представительной монархии с новациями складывающейся системы абсолютизма требует специального анализа. Мы же в дополнение к сказанному считаем нужным отметить следующее: Федор Качанов фиксирует успешные и ставшие постоянными расправы якутских воевод с жалобщиками. В то же время сам он еще рассматривает ущемление традиционных прав населения как серьезное злоупотребление и превышение воеводской власти, хотя жалобы на злоупотребления воевод, в том числе и финансовые, весь XVII в. занимали важнейшее место в практике народных восстаний⁴⁷. В частности, руководители раскрытого и подавленного П. Зиновьевым заговора как раз обвиняли воеводу в том, что он «перевел за себя государеву казну»⁴⁸.

Таким образом, ситуация в Якутске сложилась для правительственного сыщика очень тяжелая. Позже он красочно описывал на допросе в Сибирском приказе условия своего существования под арестом: «Он, Федор, во всю бытность до перемены был от него, князь Ивана, с подьячим, и с московскими стрельцы, и с тобольскими и с ылымскими служилыми, и с своими людьми за караулом и сидел в осаде, с хлебом, и с харчем, и с водою никого к ним не пускали. А как де из Спасского монастыря старцы прислали было к ним в осад бочку, и тот де старец воеводою был пойман и посажен в приказ и сидел в приказе за караулом многое время, и тем де старцом, и градцким жителем, и приезжим всяким людем он, князь Иван, заказал под смертною казнию, чтоб к нему, Федору, никаких запасов и харчу и воды не посылали и не подавали»⁴⁹. Тяжесть голода была настолько велика, по словам одной из якутских отписок Ф. Качанова, что два московских стрельца, сопровождавших его, «сидя в осаде, от мертвечины оцынжали и померли»⁵⁰. И, однако, взявшая верх сторона не смогла добиться абсолютной осады. Ф. Качанову не только удалось выжить, он сумел принимать тайные челобитные на И. М. Гагарина и регулярно отправлять в Москву отписки с обвинениями в адрес своего врага. Ф. Качанов посылал и самому князю «ведомости на писме» на грабителей и разорителей государственной казны, на что тот не обращал, конечно, внимания⁵¹.

⁴⁵ Александров В. А. Народные восстания в Восточной Сибири в XVII в. // Исторические записки. — М., 1957. — Т. 59. — С. 277, 278.

⁴⁶ Об этом см.: Александров В. А., Покровский Н. Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII веке // История СССР. — 1986. — № 1. — С. 47—68.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Александров В. А. Народные восстания... — С. 278.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 80.

⁵⁰ Там же, л. 105.

⁵¹ Там же, л. 102, 198.

Князь Иван даже жаловался в Сибирский приказ, что Качанов подослал к нему своего холопа, и тот пытался его зарезать⁵². Во всяком случае, осажденный сыщик имел подробные сведения о деятельности якутского воеводы по управлению краем и приводил в своих отписках количественные данные о размерах его грабежей. Изолировав сыщика, князь Иван, по всей видимости, максимально использовал для своего обогащения все традиционные способы, доступные сибирскому воеводе. Это и широкий размах собственного незаконного винного курения, и поощрение «за посулы» такового «в Якутском и в деревнях»⁵³. С вином, табаком и картами приезжали во владения князя Ивана и холопы его родственников — нерчинского воеводы кн. И. П. Гагарина и иркутского воеводы кн. М. П. Гагарина. Кроме того, гнездо Гагариных успешно занималось незаконной торговлей с Китаем, избегая таможенных расходов. Ф. Качанов обвинял кн. И. М. Гагарина в постоянном открытом грабеже мехов, денежной и товарной казны «ис приказы, ис казенного анбара... и с съезжего двора», вымогательстве у служилых людей значительной части их жалованья («служилым людям для заморских служб давал жалованье вперед на два года, а ис того брал себе по пяти рублей с человека») и т. д.⁵⁴

Часть награбленного якутский воевода тайно высылал из Сибири «к Руси» с торговыми людьми — традиционное ухищрение всех сибирских воевод. Ф. Качанов называет и точную сумму: «пожитков своих выслал на 4072 рубли»⁵⁵. И. М. Гагарин знал, конечно, об отписках Качанова и со своей стороны пытался его опорочить в своих корреспонденциях в Сибирский приказ. В частности, он обвинял Ф. Качанова в сговоре с аборигенами: заниженная норма ясака, которую определял посланный для «окладного дела» тобольский дворянин, а также его обещание не взимать недоимок за прошлые годы обеспечили Ф. Качанову, по мнению воеводы, симпатии ясачных. Князь Иван пытался доказать Сибирскому приказу факт измены Ф. Качанова: он сорвал якобы военную экспедицию против взбунтовавшихся аборигенов, которые к тому же не пропускали внутрь своей области посланцев кн. И. М. Гагарина, в отличие от агентов Ф. Качанова⁵⁶. Пробовал якутский воевода и уличить Ф. Качанова в попытках наживы, начав против него свой сыск «без государева указа». Свидетельства были получены, но на допросах в Сибирском приказе против Федора Качанова говорили немногие, и, вероятно, в Москве им не поверили ввиду того, что свидетели и пострадавшие из числа торговых людей, служилых и аборигенов подтвердили многочисленные преступления кн. И. М. Гагарина, о которых писал Ф. Качанов. Часть допрошенных из якутян указали и на факт появления под давлением воеводы «составной чело-

⁵² ПГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 82.

⁵³ Там же, л. 102.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, л. 87, 92, 93.

битной» на Ф. Качанова⁵⁷. Особенно повредили князю показания добравшихся в Москву в начале 1696 г. с жалобами на него «ясачных иноземцев Турчачко и Быртычко». Турчачко, по его словам, едва не заплатил своей жизнью: по дороге его заманил на дощаник едущий в Якутск сын нового якутского воеводы Андрей Арсеньев, который ему говорил «чрез толмачь, что в Якутском за довод на воевод велят они, воеводы, ево, Турчачка, повесить. И он де, Турчачко, з дощеника у них ушел и для того челобитья приехал к Москве»⁵⁸.

Отписки Ф. Качанова, жалобы якутян на своего воеводу, а также аналогичные материалы на ряд сибирских воевод — привели к тому, что 24 апреля 1695 г. «по докладной выписке и за пометоюдумного дьяка Никиты Зотова» был объявлен именной указ, по которому 12 сентября Сибирский приказ отправил дьяка Осипа Татаринова со специальным заданием. Ему было поручено произвести конфискацию имущества пятерых возвращавшихся со службы сибирских воевод: «сургуцкого Алексея Юшкова, илимского Григорья Григорьева, якуцкого князь Ивана княж Михайлова сына, иркутского князь Ивана княж Петрова сына, нерчинского князь Матвея Гагариных»⁵⁹. Трое из них — уже знакомые нам по конфликту с сыщиком Ф. Качановым князь Гагарин (Иван Михайлович и Матвей Петрович) были обвинены в первую очередь в недоборе государевой «ясачной и поминочной казны» и хищении ее в свою пользу, а также в разорении ясачных людей. Им же и Г. Грибоедову, кроме того, было предъявлено обвинение в незаконной торговле с Китаем. Лишь у иркутского воеводы кн. И. П. Гагарина было велено конфисковать его «животы» просто потому, что «из Сибири соболей и товаров им, воеводам, возить не указано»⁶⁰. Как видим, обвинения в адрес князей И. М. и М. П. Гагариных явно построены на материалах отписок Ф. Качанова.

Таким образом, правительство в конце апреля 1695 г. уже приходило к мысли о массовом обвинении воевод в уменьшении поступлений из Сибири в государственную казну, в разорении местного населения и т. д. В качестве наказания была применена традиционная мера Сибирского приказа: конфискация имущества при возвращении воевод «к Русе». Особенность ее в данном случае в том, что ее должны были осуществить сразу в отношении значительной группы воевод.

Дьяк Осип Татаринов должен был остановить воевод, «где встретит», и тут же начать обыск и конфискацию. В отношении троих князей Гагариных через несколько месяцев решение изменилось. Их дело было изъято из компетенции дьяка: 23 декабря того же 1695 г. по новому именному указу была послана грамота енисейскому воеводе с приказом посадить их «за караул», как только князья появятся в Енисейске. Указ предписывал «всякие их живо-

⁵⁷ Там же, л. 88.

⁵⁸ Там же, л. 99.

⁵⁹ Там же, л. 79.

⁶⁰ Там же, л. 77.

ты, и товары, и соболи, и мяжкую рухлядь, и денги, и писмянные крепости, и всякие писма, осмотра и обыскав накрепко и переписав все подлинно, оценя прямою ценою, взять в их, великих государей, казну и беречь за замки и за печатью и за караулом, а их, воевод, з женами, и з детми, и с племянники, и з знакомцы, и со всеми людьми их отнюдь из Енисейска до их, великих государей, указу и по коих мест по их делам будет прислан сыщик, отпускать и никому никаких писем у них иметь и никуды возить не веле-но»⁶¹. Формулировка указа говорит о том, что к 23 декабря 1695 г. сложилось решение провести в Сибири по делу Гагариных расследование — послать сыщика. Не исключено, что уже в это время формировалась и мысль об организации «всесибирской ревизии».

Если вернуться к судьбе окладчика и по совместительству сыщика Ф. Качанова, то еще в бытность кн. И. М. Гагарина воеводой в Якутск пришла грамота с приказом отпустить Ф. Качанова в Москву, снабдив его дощаником «со всеми снастями и в подводы работных людей з государевою казною, что у него была в зборе, и со всеми делами и с служилыми и с ево людьми»⁶². Но князь Иван на государеву грамоту храбро не обратил внимания. Когда же Ф. Качанов самостоятельно и на свои средства приобрел себе «дощаник с якорем, и с парусом, и со всеми снастями», то воевода прислал к нему на «стоялый двор» многочисленную вооруженную команду «з бердыши, и с топорами, и з дубьем». И дощаник и снасти были изрублены и брошены в реку. Позже этот противозаконный акт якутского воеводы на допросах в Сибирском приказе подтвердили 18 служилых людей, с которыми И. М. Гагарин прислал в Москву «казну и отписки»⁶³.

Очевидно, в конце 1695 — начале 1696 г. Ф. Качанов появился в Москве. Приехал он не с пустыми руками, а с солидным грузом компрометирующего материала: претерпевая тяжкие гонения от воеводы, он ухитрился снять копии с части документов якутской приказной избы! Ф. Качанов даже представил в Сибирский приказ роспись, в каком «столе» приказной избы находятся челобитные на ясачных сборщиков и всех виновных в грабежах и насилиях над аборигенным и русским населением Якутска и его уезда⁶⁴. Челобитную Ф. Качанова с просьбой забрать из Якутска в Москву подлинники челобитных «на обличение им, воеводам», рассматривали в Сибирском приказе 6 февраля 1686 г., когда уже было решено организовать всесибирский розыск над воеводами, в том числе и якутским. Новому якутскому воеводе специальной грамотой предписали все подлинники упомянутых Ф. Качановым челобитных и изветов передать Д. Л. Полянскому, «а ему, Данилу, написать о тех делах в наказ». Ф. Качанов был затем отправлен назад в Сибирь со всеми своими материалами; предполагалось, что Д. Л. Полянский на месте разберется в якутских делах и конфликтах, во взаимных

⁶¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 78.

⁶² Там же, л. 80.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, л. 322.

обвинениях И. М. Гагарина и Ф. Качанова. Последний, по первоначальной мысли руководства Сибирского приказа, должен был сопровождать Д. Л. Полянского до конца якутского розыска⁶⁵.

Деятельность Ф. Качанова в качестве якутского сыщика значительно повлияла на организацию сыска Д. Л. Полянского. Материалы конфликта тобольского дворянина с кн. Гагариным составляют основную часть выписок, сделанных в Сибирском приказе и предваряющих решение правительства о сыске. Ссылка на «улики Федора Качанова» присутствуют как в именном указе о сыске, так и в наказе сыщику⁶⁶.

Существенным фактором в подготовке сибирской «ревизии» стало и мнение русского посланника в Китай Избранта Идеса, изложенное в двух «письмах» царю Петру.

1 февраля 1695 г. Избрант Идес вернулся в Москву после почти трехлетнего путешествия⁶⁷. 26 апреля того же года, всего через два дня после именного указа о посылке О. Татаринова в Сибирь, посланник подал «великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу... в селе Преображенском... писмо на немецком языке». Между 26 апреля и 10 ноября 1695 г. Идес подал еще одно «писмо», дополняющее первое. К этим материалам обращался в своих трудах В. А. Александров⁶⁸, однако М. И. Казанин, последний публикатор записок И. Идеса, не учел их, хотя в приложении к «Запискам» есть раздел «Русские архивные материалы о посольстве». А между тем «письма» представляют значительный интерес, так как затрагивают широкий спектр проблем: о государственной границе и торговле с Китаем, перспективах экономического развития Даурии, положении служилых и так далее. Одно из центральных мест занимает яркая оценка воеводских злоупотреблений.

Анализ «писем» осложняется тем, что в столбце 1283 находятся не сами подлинники, их местонахождение неизвестно. В нашем распоряжении — лишь включенные в доклад, составленный в Сибирском приказе, пересказ и выдержки из «писем», переведенных «переводчиком Посольского приказа Петром Шафертом» (Петром Павловичем Шафировым).

Доклад (это самоназвание документа) посвящен исключительно «письмам» И. Идеса и затронутым в них вопросам⁶⁹. Первые строки доклада создают впечатление о том, что в дальнейшем последует конспективное изложение содержания: «А по переводу.. в том письме написано. Что он, Елизарей, в свое посольство в Китай в сибирских порубежных местех видел и слышел...». Но дальнейшее чтение убеждает, что в начале доклада помещен перечень тех во-

⁶⁵ Там же, ф. 214, стб. 1283, л. 332об.

⁶⁶ Там же, л. 75, 351.

⁶⁷ Избрант Идес и Адам Брант. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695)/Вступ. ст., пер. и коммент. М. И. Казанина:— М., 1967.— С. 347, 360.

⁶⁸ Александров В. А. Народные восстания...— С. 261.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 123—134. Публикуется в конце настоящей статьи.

просов, на которые отвечал в своих «письмах» посланник: «в чем, где и в которых местах и от кого чинитьца, что великих государей казне збору нет, и не богатятся ль тою государевою казною всякие служители, и о кочевых иноземцах, которые на их государских даурских рубежах кочуют, показывают ли они тамо их царскому величеству покорную верность, и не розбегаются ли иные, и куда и для каких причин они розбегаются, и с тех иноземцов сколько ясаку в казну приходило, и много ли службы они великим государем учинили или нет». Далее в докладе прямо написано, что Идес «о межеванье, и на то отвецает (выделено нами.— Н. З.)...»⁷⁰. Начало второго «письма» посланника также подтверждает, что перед нами не написанные по собственной инициативе документы, а именно ответы на поставленные вопросы: «Аз прилагаю еще к прежнему своему ответу»⁷¹.

В задачу посольства Избранта Идеса входило выяснение намерений богдыхана в отношении торговли с Россией, прощупывание почвы для организации в будущем дипломатической встречи по поводу неразмежеванных по Нерчинскому договору 1689 г. земель, а также решение вопроса о перебежчиках с русской стороны в Китай. Наказ Идесу отразил эти задачи. Однако ни статейный список, ни записки Избранта Идеса не содержат информации, заключенной в «письмах»⁷². Можно предположить, что вопросы, заданные вернувшемуся посланнику, дополняют и уточняют статьи наказа. Не последнее место, как мы видели, занимала среди них проблема оскудевшей ясачной казны.

Непосредственно после изложения «вопросника», очевидно, предложенного Идесу, в докладе помещен пересказ его ответа на один из самых жгучих вопросов, «о межеванье» и торговле: «буде отделение мунгалской земли вскоре учинено не будет, то не чаает, чтоб китайцы торговлю поволили...»⁷³. Причем краткий ответ голландца не удовлетворил составителя доклада: он помещает выписку из «договорных статей боярина Федора Алексеевича Головина с китайцы» с перечислением неразграниченных земель и дает свой комментарий к ответу Избранта Идеса: «А о какой меже мунгалской, того в писме Елизарей Избрант именно не написал»⁷⁴.

Дальнейший текст доклада представляет собой уже не пересказ с комментарием, а цитату оставшейся части первого «письма». Повествование здесь ведется от первого лица, в конце «письма» стоит дата и подпись. Эта завершающая часть «письма» состоит из нескольких сюжетов, логически тесно связанных. И. Идес начинает ее обобщенной картиной бедствий сибирских служилых людей: «Во

⁷⁰ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 124.

⁷¹ Там же, л. 132.

⁷² Избрант Идес и Адам Брант. Записки...— С. 53—294, 323—347. Исключение составляет рассказ о заброшенных разработках серебряной руды в Даурии и о «длиннобородых» жителях островов недалеко от устья р. Уды.— См.: Там же.— С. 284—286.

⁷³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 124; Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.).— Хабаровск, 1984.— С. 204.

⁷⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 126.

всей Сибири от начала до конца и до Якуцкого есть умилителне рыдание от служилых и пожалованных детей боярских и от вышших и нижних начальных людей, также и от рядовых казаков, что им зело мало, а иным и ничего великих государей жалованья не дают, и от того в нищете з женами и з детми погибают и не имеют столко пожитку, чтоб могли тело свое прикрыть, а естли б против неприятелей посланы были, то бы не могли и с места сойти»⁷⁵.

Фактически речь идет о челобитьях (скорее всего, устных), с которыми могли обращаться к И. Идесу служилые во время его путешествия через Сибирь (далее посланник прямо пишет о челобитных, которые ему приносили аборигены). Формулы процитированного отрывка очень напоминают обычные стилевые штампы челобитных служилых людей о своем обнищании, во множестве поступавших в Сибирский приказ⁷⁶. Любопытно и то, что жалобы излагаются от имени всех слоев служилых — от «вышших» до рядовых казаков. Известно, что до конца — XVII в. в сибирских восстаниях дети боярские нередко принимали участие вместе с самыми неимущими слоями казачества⁷⁷. Идес пишет о казаках, что «из них у немногих и огненное ружье есть». Служилые регулярно обращались в Сибирский приказ с просьбой прислать им ружье, и таковое высылалось, хотя при этом не без оснований Москва распорядилась выяснить, по каким причинам у казаков нет ружей (когда казаки продавали оружие или пропивали его, с них взыскивалась стоимость)⁷⁸.

Однако для жалоб сибирских служилых, несомненно, была и серьезная основа: всю вторую половину XVII в. и особенно в конце столетия правительства сознательно недоплачивали им жалованье⁷⁹. Эта ситуация усугублялась и повсеместными злоупотреблениями воевод, присваивавших часть жалованья служилых.

И. Идес, несомненно, кроме жалоб казаков, пользовался и результатами своих расспросов и наблюдений. Так, он отмечает, что даурские казаки жалованье получают сполна и потому не ропщут. Тут же он подчеркивает, однако, что и здесь есть исключение: «унывно и жалостно» было ему смотреть на казаков, переведенных в Даурию по государеву указу из Тюмени и Удинска. У них, пишет посланник, «почитай, ничего есть, ни пить, ни на тело облечь нет». Видимо, эти казаки и сообщили И. Идесу, что все даурские казаки получают полное жалованье, им же «ничего на пропитание не дали»⁸⁰. О том, что И. Идес донес до царя подлинный голос си-

⁷⁵ Там же, ф. 214, стб. 1283, л. 127.

⁷⁶ См., например: Покровский Н. Н. Начальные челобитные Томского восстания 1648—1649 гг. // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. — Новосибирск, 1987. — С. 73.

⁷⁷ История Сибири. — Л., 1968. — Т. 2. — С. 141—143, 148—151.

⁷⁸ Александров В. А., Покровский Н. Н. Мирские организации... — С. 61; Покровский Н. Н. Томск 1648—1649 гг. Воеводская власть и земские миры. — Новосибирск, 1989. — С. 167, 168.

⁷⁹ Буганов В. И. Московские восстания... — С. 182, 385; Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. — Воронеж, 1975. — С. 208—210, 214.

⁸⁰ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 126, 127.

бирских служилых людей, говорит и пересказанная им казачья угроза: если и впредь жалованья не дадут, «то чем им в голоду умереть, лутче станут иного пути искать»⁸¹. Подобный выход в случае конфликта с властью не раз обсуждался и реализовывался сибирскими служилыми в XVII в.⁸² Посланник авторитетно подтверждает, что уход казаков за рубеж — дело вполне возможное и легкое, «потому что Удинеск порубежное место, недалеко от мунгал»⁸³. Опасения Идеса в дальнейшем подтвердились: в 1700 г. «нерчинские служилые, промышленные и гуляющие люди... собирались поднять восстание и, объединившись с удинскими и аргунскими казаками, уйти по Амуру на острова Тихого океана»⁸⁴.

Интересно, что в 1701 г. нерчинский воевода получил специальный наказ, в котором «среди прочего ему приказано было удовлетворять служилых людей жалованьем в первую очередь, даже в ущерб детям боярским». В том же году наказ был дополнен инструкциями воеводе, с одной стороны, не давать повода населению «к возмутительству», а с другой — следить за «непостоянными людьми» для предотвращения «смут и бунтов». Причина особой заботы и предосторожностей, по словам грамоты, — «страна даурская... с китайским государством и с мунгалами вниз по Амуру место порубежное»⁸⁵. Несомненно, В. А. Александров прав, когда считает эти меры прямым следствием восточно-сибирских восстаний 1695—1698 гг., в том числе и нерчинского, а также заговора 1700 г. в том же Нерчинске, едва не переросшего в новое восстание⁸⁶. Однако, извлекая уроки из этих событий, не учитывало ли правительство также и пророческие предупреждения и анализ положения дел накануне восстаний, сделанные И. Идесом?

Далее в своем «письме» И. Идес рисует пограничную ситуацию, рассказывая о набегах и грабежах «мунгал» и трудностях обороны ввиду малочисленности русских гарнизонов. Идес упоминает о переходе к китайцам четырех тайш «с ордою», причин их измены русскому царю не называет, ибо «о том различно говорят и не мог подлинно правды о том уведать»⁸⁷. Правда, во втором «письме» Идес все-таки передает одну из версий, которую изложили ему сами тайши в Пекине: «отходить принуждены суть» «от великих налогов»⁸⁸. Вероятно, эта версия была самой удобной в беседе тайш с русским дипломатом. Тяжесть ясака и воеводские злоупотребления действительно имели место, и их следует назвать в числе причин, вызывавших восстания ясачных и даже уход их за границу⁸⁹. И все же не это являлось основной причиной ухода ясачных в Китай.

⁸¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 127.

⁸² История Сибири.— Т. 2.— С. 142, 144—146.

⁸³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 127.

⁸⁴ История Сибири.— Т. 2.— С. 149; Александров В. А. Народные восстания...— С. 304.

⁸⁵ Александров В. А. Народные восстания...— С. 307.

⁸⁶ Там же.— С. 304—307.

⁸⁷ ЦГАДА, ф. 214, ст. 1283, л. 127.

⁸⁸ Там же, л. 133.

⁸⁹ Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов.— Л., 1937.— С. 177—180; История Сибири.— Т. 2.— С. 145, 147, 148 и др.

Сложная социально-политическая обстановка, связанная с военными действиями в Северной Монголии, борьбой за нее чжунгар и маньчжурской династии Цин и т. д., вызывала постоянные метания монгольских феодалов, переходивших то в русское, то в китайское подданство. В конце 1680-х гг. монголы переходили к русским тысячами⁹⁰. Наблюдательный посланник делает свой вывод о внешнеполитических методах империи Цин: «И чаю я подлинно, что китайцы мунгал вместо орудия употребляют к переманиванию ясачных людей великими обещаниями»⁹¹. Высокую достоверность этого вывода Идеса подтверждают современные исследования, отметившие традиционность подобного приема⁹².

В этой ситуации, считал Идес, огромный ущерб государственным интересам наносят повсеместные злоупотребления сибирской администрации в отношении аборигенов: «О сем же не могу умолчать, как иноземцы в Сибири и в Даурах мне жаловались, и многие с челобитными собравшись, били челом, чтоб я великим государем о их бедстве донес, как у них прикащики, над ними посаженные, пожитки у них вымучивают и окованием в железа силою отнимают»⁹³. Идес свидетельствовал о хорошо знакомых Сибирскому приказу, в том числе и по недавним доношениям Ф. Качанова, методах обогащения за счет насильственного сбора двойного ясака, игнорировании воеводами жалоб на это и отказе выпускать «выборных... ото всякого народа с челобитными к Москве»⁹⁴.

Тут же посланник передает заслуживающее, по его мнению, удовлетворения челобитье эвенкийского князя Павла Гантимурова об увеличении жалованья его сыновьям. Идес опять обращает внимание царя на то, что улус Гантимуровых находится там, где «малое число русских и подданных людей есть», и что князь в свое время перешел в русские пределы из китайского подданства⁹⁵.

Избрант Идес не ограничивается советами, как привлечь на свою сторону, не оттолкнуть к китайцам объасаченное население пограничных районов. Он выступает с проектом экономического развития даурского края. Несмотря на краткость, этот проект касается важнейших отраслей хозяйства и в связи с этим социальной политики. «А в Даурах, — пишет посланник, — самая плодоноснейшая есть земля к хлебу, и естли пашня доброе споспешество воспримет, то бы в кратком времени Дауры своими хлебными плодами пропитатися возмогли, которые ныне туда повсягодно из Ыркуцка

⁹⁰ Окладников А. П. Очерки по истории... — С. 200, 201; Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах... — С. 173.

⁹¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 128.

⁹² Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. — М., 1980. — С. 127 и др.

⁹³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 128.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ В. С. Мясников пишет, что имя эвенкийского князя Гантимура стало знаменем протеста против китайской политики угона местного населения в глубь Маньчжурии. Плативший с 1651 г. ясак русским, Гантимур с 1667 г. «полностью порвал связи с Цинами». Недаром китайское правительство долго добивалось от русских его выдачи. — См.: Мясников В. С. Империя Цин... — С. 114, 120 и др.

привозят»⁹⁶. Идес считает, что проблема легко решается. Для этого нужен государев указ об отпуске «в Дауры» «российских волных пахотных людей», которым следует давать на несколько лет льготы от налогов. Второй путь умножения крестьянства в крае — использование ссыльных. Их голландец предлагает посылать на место водворения «с московским начальным человеком», который брал бы расписку «с даурского воеводы» в том, что он их «тамо здал». Идес добавляет, что «бес того и никого туда на место не будут ставить» — мера, очевидно, призванная предотвратить как побеги ссыльных, так и злоупотребления воевод, которые могут исползовать ссыльных по своему усмотрению, не обязательно для расширения пашни.

Пути развития даурской пашни, предлагаемые посланником, не являлись его изобретением, они были хорошо известны и практиковались традиционно. Правительство неоднократно направляло ссыльных в эти края с указанием использовать их в сельском хозяйстве в качестве крестьян-землепашцев⁹⁷. Вольная же колонизация — вообще один из самых серьезных факторов в развитии здесь земледелия в то время. Однако, если тезис о ссыльных можно считать привычным и приемлемым для Сибирского приказа, то предложение о поощрении вольной колонизации к концу XVII в. было уже анахронизмом: В. И. Шунков писал, что со второй половины века «Сибирский приказ все более и более сдержанно относится к уходу населения в Сибирь»⁹⁸. В 1670-е и 1680-е гг. появляется все больше запретительных указов о приеме беглых и крестьян, идут распоряжения о высылке беглых назад в «русские города»⁹⁹. Правда, хорошо известно, что в конечном итоге правительство оказывалось вынужденным закрывать глаза на факт вольной колонизации. Именно ей в значительной степени оно и было обязано тем, что уже в начале второго десятилетия XVIII в. Приамурье в основном стало обеспечивать себя хлебом¹⁰⁰. Таким образом, иностранец на русской службе Избрант Идес вернее оценивал перспективу развития земледелия в крае, чем правительство в государстве с развивающимся крепостным строем.

Из-за малолюдства, считает Идес, страдает не только земледелие Даурии, но и другие отрасли хозяйства: «Реки и озера тамо изнаполнены рыбы, и в лесах множество соборей и белок, но... малое дело тем исполняют; серебряные горы или заводы на реке Аргуне стоят ныне заволены для того, что не ищут». Посланник считает, что есть полная возможность возобновить разработки, так как «река течет блиско мимо того места и лесу вблизи довольно»¹⁰¹. Идес тут же предлагает необходимые и достаточные меры: привезти мастера «из немецкие земли», отправить с верным человеком и ука-

⁹⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 130.

⁹⁷ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. — М., 1956. — С. 216, 217.

⁹⁸ Там же. — С. 217.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. — С. 228, 229.

¹⁰¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 130.

зом об открытии заводов. На месте разработок Идес предлагал пред-варительно (!) «малинкой городок построить»; в качестве рабочей силы традиционно предусматривалось использовать ссыльных. Посланник рассуждал вполне компетентно; сразу после своего путеше-ствия он успешно занялся разносторонней промышленной дея-тельностью: был судостроителем, имел оружейный, доменный и поро-ховой заводы вблизи столицы. Оружейный завод Идеса, как считает М. И. Казанин, был передовым предприятием мануфактурного типа¹⁰².

Предложение Избранта Идеса о строительстве сереброплавиль-ного завода вовсе не открывало глаза Сибирскому приказу на неве-домые рудные богатства. Уже с 40-х гг. XVII в. в Забайкалье велась поиски серебряных и других руд, особенно активизировавшиеся в 1680-х гг., когда начались опытные плавки, а в июле 1688 г. было принято решение построить нерчинский сереброплавильный завод¹⁰³. Затем, видимо в связи с тяжелой обстановкой в крае накануне и при подписании Нерчинского договора, дело затормозилось. Нер-чинский сереброплавильный завод построили лишь в 1704 г. Во главе строительства завода поставили мастера — грека Александра Левандиана, «рудознатца» и рудоплавыльщика. Вместе с другими мастерами он был послан в Нерчинский край в 1698 г.¹⁰⁴ Вероятно, Нерчинский завод построили бы и без «письма» Идеса, но можно предположить, что оно могло послужить авторитетным напомина-нием о важном приостановленном деле.

Еще один сюжет, которого кратко, одной фразой, касается в своем «письме» посланник, — о том, что «многих иноземцев разных ясачных народов» не допускают до крещения вопреки их просьбам. Позицию правительств XVII в. в этом вопросе нельзя считать од-нозначной. И. И. Огрызко в свое время пришел к выводу, что мас-совая христианизация народов Сибири в XVII в. была невыгодна московскому самодержавию из-за опасности вооруженного сопро-тивления (в случае насильственного крещения), ухода за рубеж, сни-жения ясачных сборов вследствие обязательного в то время осво-бождения новокрещенных от ясака. Исследователь приводит при-мер, когда в 1682 г. селенгинский воевода отказывал ясачным в разрешении на крещение, не решаясь снимать ясак, на что они, как считал И. И. Огрызко, и рассчитывали. Перелом в политике христианизации произошел в первые годы XVIII в., когда не толь-ко стали призывать к добровольному крещению, но началось и мас-совое насильственное крещение народов Сибири (одновременно от-менили освобождение новокрещенных от ясака)¹⁰⁵. Избрант Идес, исповедывавший протестантизм, в данном случае не выдвигал, как обычно делал в своих «письмах», какой-то конкретной программы действий, а лишь фиксировал «непорядок» в деле распространения

¹⁰² Избрант Идес и Адам Брант. Записки...— С. 18, 19.

¹⁰³ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах...— С. 50—52.

¹⁰⁴ ССЭ.— М., 1932.— Т. 3.— Стб. 32, 748, 749.

¹⁰⁵ Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в.— Л., 1941.— С. 21, 23—25.

«веры греческого закона». Однако эта лаконичная фиксация предполагает и здесь молчаливый призыв к действиям, быть может, и услышанный, как остальные предложения посланника, изложенные в его «письмах».

Последнее, на чем останавливает внимание посланник, — возможность дальнейшего приращения территории русского государства на востоке: «За Якуцким на востоке, недалеко за их, великих государей, землю обретаются несколько островов, и с тех приходили недавно к якутам люди, и покупали у них девок и робят, и с ними торговались. А сказывают якуты, что они люди з долгими бородами суть и много черных лисиц и соболей носят, и о том возможно також по времени розыскать, потому что на Уфе¹⁰⁶ и Тунгуске реках возможно суды зделать и о тех островах, которые в виде от матерой земли лежат, проведать»¹⁰⁷.

Из этого сообщения Идеса неясно, о каких островах могли рассказывать якуты. В советской историографии дискутировался вопрос о «земле бородатых» людей в основном в связи с сибирским фольклором XVII—XX вв. и легендой о Беловодье¹⁰⁸. В этих сказаниях «страну бородатых» помещали на островах Ледовитого океана. А. П. Окладников отметил как мифологический характер сказаний, так и то, что они подогревали интерес к неведомым землям и даже стимулировали экспедиционные исследования. Он высказал интересное предположение, что «основанием для чукотского предания об острове с „бородатыми людьми“... являются доходившие до них, а через них и до русских казаков еще в XVII в. смутные рассказы о Японии и айнах...»¹⁰⁹.

Рассказ якутов в передаче Идеса, однако, не несет в себе мифологических черт, он содержит вполне реалистические данные о торговле традиционными для аборигенов товарами. Географические привязки в «письме» у Идеса не очень конкретны, определеннее они в его «Записках», где «длиннобородые» аборигены помещены на морских островах, легко различимых с берегов рек Тугура и Уды (в «Записках» Идес упоминает именно эти названия в отличие от «письма», в котором вместо Тугура указана Тунгуска). Близлежащие к устью р. Уды острова, как показал поиск начала XVIII в., были не населены. Но известно, что на Сахалине и Курильских островах в XVII в. еще жили айны, имевшие «темные глаза под густыми бровями, темные волнистые волосы, лицо волосатое...»¹¹⁰. Вполне возможно, что якуты рассказывали посланнику про контакты с айнами. Вероятно, это одна из самых ранних фиксаций сведений о «бородатых людях» в русских источниках.

Вскоре после того как Ивбрант Идес написал свои «письма», в результате похода В. В. Атласова к русскому государству была

¹⁰⁶ Скорее всего, описка; вместо фиты следовало написать «д».

¹⁰⁷ ПГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 131.

¹⁰⁸ Окладников А. П. «Земля бородатых» // Тр. отд. древнерусской литературы. — М.; Л., 1958. — Т. 14. — С. 516—524; Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды. — М., 1967. — С. 284—286.

¹⁰⁹ Окладников А. П. «Земля бородатых». — С. 523.

¹¹⁰ ССЭ. — М., 1929. — Т. 1. — Стб. 32, 33.

присоединена Камчатка. А. В. Ефимов считает, что открытия В. В. Атласова начали новый этап в исследовании русскими Тихого океана: уже с 1705 г. сибирские власти имели задачу «открыть новые острова и земли на необъятном пространстве и составить карты от Колымы до Камчатки»¹¹¹. Несколькими годами позже из центра был получен указ об исследовании островов вблизи побережья Охотского моря: в августе 1709 г. приказчику Удского острога Ивану Сорокоумову был дан наказ «от усть реки Уди, в море которой значится остров, проводывать: какие люди на том острове, и какой веры, и под чьим владением или собою живут, и какой в том острове зверь и иное какое богатство у них есть, и по прямому свидетельству буде возможно какими судами... съездить и сметить, сколь далече от устья Уди реки тот остров, и взять о том прямую достоверную ведомость, и о том всем учинить чертеж...»¹¹².

Указ вызывает в памяти строки «письма» Избранта Идеса о богатых пушным зверем островах «за великих государей землю» на восток от Якутска. И хотя о прямом влиянии, видимо, говорить не приходится и слишком велик между ними временной отрезок, все же можно сделать предположение, что сведения дотошного посланника стали звеном в цепи событий, привлекавших внимание молодого царя к неизведанным и богатым землям на востоке. Авторы «Истории Сибири» справедливо заключали, что «необходимость возмещения скудеющих промысловых запасов Сибири побуждала правительство Петра I организовывать на Дальнем Востоке все новые и новые поисковые экспедиции»¹¹³.

Обращаясь к «великим государям» с просьбой «разсудити» и вовремя внять его советам, Идес в нескольких строках как бы окидывает взглядом Сибирь. Стиль его при этом меняется, приобретая оттенок торжественной поэзии и напоминая отдаленную реминисценцию из сибирских летописей: «...от бога благословенная богатая земля, которую бог премногими и неисчетными сквозь текущими реками и водами и неудобь сказаемым множеством рыб изнаполнил и землю всякую преизрядную мяхкою рухлядью и потребными зверми одарил»¹¹⁴. То, что посланник был явно знаком как с начальной историей присоединения Сибири, так и с недавними событиями, свидетельствует его оценка характера освоения Сибири: «...болшая часть тоя Сибири и Дауров без кроволития под их, великих государей, владение приведена»¹¹⁵. Видимо, есть основа-

¹¹¹ Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий.— М., 1950.— С. 85.

¹¹² Памятники сибирской истории XVIII века.— Спб, 1883.— Кн. 2: 1713—1724.— С. 494.

¹¹³ История Сибири.— Т. 2.— С. 161.

¹¹⁴ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 131. Правда, необходимо учесть, что перед нами перевод с немецкого, поэтому трудно решить, принадлежат реминисценции летописного стиля Избранту Идесу или переводчику Посольского приказа П. П. Шафирову. В первом случае они должны были сохраниться после двойного перевода: с русского на немецкий в памяти и «письме» Идеса и с немецкого на русский под пером Шафирова.

¹¹⁵ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 131.

ния предположить, что Избрант Идес был знаком в какой-то мере с сибирскими летописными источниками, хотя и нельзя точно указать, где он с ними ознакомился. Вероятно, такие возможности были у него и в Москве, и в Тобольске.

В конце своего первого «письма» Избрант Идес формулирует основную мысль о необходимом условии благоденствия «благословенной богатой земли»: в Сибири необходимы праведные воеводы. И здесь голос посланника сливается как со столетним воплем сибирских челобитных, так и с бессильной в итоге угрозой царей и Сибирского приказа в адрес сатрапов зауральских пределов.

Идес заключает «письмо» ответом на один из главных заданных ему вопросов, и ответ этот станет еще одним аргументом, подтвердившим готовое уже к этому времени мнение Сибирского приказа: именно от воеводских злоупотреблений «чинится, что их, великих государей, казны против прежняго не збирается»¹¹⁶.

За текстом первого «письма» в докладе следует второе, помещенное, возможно, не полностью: в конце нет даты и подписи. Оно гораздо короче первого; создается впечатление, что это «письмо» — ответ на дополнительный вопрос, связанный с делом Гагариных. В «письме» содержатся лишь дополнительные сведения о причинах перехода к «мунгалам» «буратских Анских и Конзортских иноземцев», у которых реквизировал верблюдов ехавший на воеводство в Нерчинск кн. М. П. Гагарин (Идес лично опрашивал казаков о причинах запустения территории). Здесь же Идес предлагает способ возвращения беглецов и привлечения на эти земли «многих мунгал»: одарить, устроить прием у царей и дать на несколько лет освобождение от уплаты ясака¹¹⁷.

Таким образом, «письма» Избранта Идеса содержат два крупных сюжета — проект экономического и социального развития края и очерк положения ряда категорий сибирского населения. Текст «писем» свидетельствует, что посланник постоянно пытался проверить полученную информацию как собственными наблюдениями, так и возможно более широким опросом. Если он не был уверен в какой-либо версии, то так и писал. Идес несколько раз указывает, кто может подтвердить его слова или дать дополнительные сведения. Сибирский приказ, действительно, провел такую проверку, и все данные посланника подтвердились. Идес оказался гораздо более внимательным наблюдателем, чем это можно заключить, читая его статейный список и «Записки». Вероятно, статейный список, документ строго регламентированный, по своему характеру не мог включать факты, изложенные в «письмах». Что же касается «Записок», которые были изданы за рубежом, то в них Идес, разумеется, поместил не все свои наблюдения, подвергнув их самоцензуре: М. И. Каванин отмечал умолчания, вызванные политическими соображениями и обязанностями по службе¹¹⁸. Но если «Записки» тенденциоз-

¹¹⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 132.

¹¹⁷ Там же, л. 132, 133.

¹¹⁸ Избрант Идес и Адам Брант. Записки... — С. 35.

ны в этом плане, то не тенденциозны ли «письма» в другом? Написанные в ответ на серию вопросов, они могли быть в какой-то степени инспирированы. Не исключено, что дьяк Сибирского приказа А. А. Виниус, с которым Избранта Идеса связывали дружеские отношения, мог вольно или невольно подсказать посланнику характер ожидаемой от него информации и степень ее остроты. Это отнюдь не снижает высокой достоверности «писем» Избранта Идеса как источника. Пользовавшийся заслуженной и редкой в то время репутацией честного человека, чем в значительной степени обеспечил себе доверие царя¹¹⁹, Идес сумел донести до правительства общую жалобу сибиряков на свои беды. Посланник ехал из Китая по Восточной Сибири за несколько месяцев до начала серии восстаний в этом регионе. Его «письма» хорошо передают накалившуюся обстановку в крае. Несомненно, они ускорили организацию всесибирского сыска.

После «писем» Избранта Идеса в конце доклада дан список вопросов, которые предлагались для решения. Он отражает практически все проблемы, затронутые посланником. Что особенно важно, здесь впервые зашла речь о посылке в Сибирь специального сыщика: «...про воеводское нерадение к великим государем в зборе казны и про ясашных зборщиков и небрежение воевод к ясашным иноземцом и к служилым руским людям сыскивать ли, и того сыщика с Москвы послать...»¹²⁰.

По докладу в Сибирском приказе была принята резолюция от 10 ноября 1695 г., содержащая дальнейшую программу действий. Формуляр резолюции не позволяет точно сказать, для кого был составлен доклад. Полностью исключается царь, который в это время был в Азовском походе. Скорее всего, доклад предназначался для руководящего состава Сибирского приказа, но в резолюции опять-таки нет традиционного указания, что его слушал боярин князь Иван Борисович Репнин «с товарищи». Во всяком случае, были отданы дальнейшие распоряжения. Таким образом, доклад с «письмами» Избранта Идеса — документ промежуточный. Резолюция посвящена почти полностью проблеме злоупотреблений воевод и ясачных сборщиков, нерадению в зборе «великих государей казны». На данный момент для Сибирского приказа это был, видимо, самый насущный вопрос. Именно по нему указано собрать, в связи с информацией посланника, дополнительные данные. Но это не значит, что остальные сюжеты «писем» были отброшены и забыты. Они рассматривались уже вне этого делопроизводственного комплекса: в резолюции от 10 ноября предписано «[Иные?] статьи ис того ж Елизарьева писма, справясь подлинно, выписать о всяком деле особь в доклад»¹²¹. Возможно, те предположительные следы влияния проекта Идеса на события в Сибири, о которых речь шла

¹¹⁹ М. И. Казанин, суммируя свои впечатления о личности Идеса по его «Запискам...», говорит о нем как о человеке сдержанном и правдивом. — См.: Там же. — С. 23, 34.

¹²⁰ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 134.

¹²¹ Там же, л. 123.

выше, и связаны с этим решением Сибирского приказа. Может быть, когда-нибудь новые находки прольют на это свет.

Следующий этап работы Сибирского приказа с «письмами» в плане организации сыска — подготовка обширной докладной выписки царю с включением наряду с другими материалами выдержек из «писем». В частности, в выписку вошла цитата из конца первого «письма» Избранта Идеса и его общий вывод о причине недобора государевой казны в Сибири: «...а то де главное дело, чтоб (воеводы и ясачные сборщики.— Н. З.) великим государем радение чинили и искали казну умножить, а подданных бы не утесняли и иноземцам добродетель чинили, чтоб они дань с радостью платили и верны и радетелны были, а будет де на то призрения вскоре учинено не будет, то много пропадет, и что именно от насилий воевод и сборщиков «великих государей казны против прежняго не збирается»¹²².

Именной указ о сыске Полянского, принятый на основе этой докладной выписки, свидетельствует, что Петр внял призыву Избранта Идеса «разсудити и вовремя указать те язвы исцелить», как согласился и с мотивировкой причин сибирского разорения. Правда, скорее всего, именно потому, что мнение Идеса совпадало с уже сложившимся мнением Сибирского приказа и самого царя и только укрепило его. На переработку в нужном правительству направлении не слишком желательной для него информации посланника указывает судьба пассажира Идеса о недоплате жалованья сибирским служилым людям. Мольбу сибирских служилых о жалованье, донесенную Идесом до трона, именной указ о сыске Полянского ловким логическим ходом обратил против тех же местных воевод: воеводы разорили ясачных, от чего сократились сборы, «и для умаления той их, великих государей, казны всякого чина сибирцом служилым людем полного жалованья давать нечево, и для того они обедняли и разорились»¹²³. Действительно, многие приказы Русского государства того времени были как бы на «хозрасчете», и сибирские доходы частично покрывали сибирские расходы. Но как уже говорилось выше, все правительства второй половины XVII в. последовательно проводили политику экономии на жалованье служилых людей.

В 1937 г. в своей интереснейшей работе «Очерки из истории западных бурят-монголов» А. П. Окладников утверждал, что именно цепь бунтов в сибирских городах и слободах и вызвала в Сибири «целую экспедицию из центра» — сыск Полянского¹²⁴. Это, по-видимому, не так. В. А. Александров считает, что сыск был организован еще до восстаний. Как увидим ниже, уже к 17 января 1696 г. относится достоверное сведение о том, что правительство решило вопрос о сыске. Но восстания, позже охватившие Восточную Сибирь, к этому моменту вспыхнули только в Красноярске (май

¹²² ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 97. Ср.: Там же, л. 131—132.

¹²³ Там же, л. 73.

¹²⁴ Окладников А. П. Очерки по истории... — С. 169.

1695 г.) и Нерчинске (октябрь 1695 г.). О восстании в Братском остроге (6 января 1696 г.) в Москве еще не могли знать. Мало того, в наказе сыщику в перечне городов, в которых он должен вести следствие, нет Красноярска, а в Нерчинск (как и в Иркутск) ехать ему запрещалось, чтобы не отягощать население подводной повинностью и другими расходами! В случае необходимости сыщик должен был лишь письменно сноситься с воеводами Нерчинска и Иркутска, т. е. решать дела по сыску, касающиеся этих городов, с помощью переписки. Вероятно, правительство предполагало погасить восстания против старых воевод в Красноярске и Нерчинске руками новых воевод, посланных туда на смену. В практике управления Сибирью это был обычный прием; да и в любом случае воевода, принимавший город от своего предшественника, по наказу обязан был разобрать все жалобы на него, т. е. провести формальный сыск. География сыска Полянского, охватившего восставшие города, как справедливо отметил еще В. А. Александров, расширилась значительно позднее¹²⁵.

Установить дату, когда впервые было формально высказано решение об организации большого сибирского сыска во главе с Д. Л. Полянским, пока удастся лишь приблизительно. Сам Полянский в феврале 1696 г. отмечал, что сыщиком в Сибирь он был назначен 12 января 1696 г.¹²⁶ Ту же дату он подтвердил на допросе в Енисейске 10 февраля 1699 г.: «Генваря во второйнадесят день в Верху в передней о посылке в сибирские города для сыску дел великого государя указ думной дьяк Андрей Виниус мне, Данилу, сказал»¹²⁷. К 17 января относится помета на расспросе в Сибирском приказе Ф. И. Скрипицына о злоупотреблениях воевод Гагариных: «взять и написать сыщику в наказ»¹²⁸. В выписке Сибирского приказа, посвященной выяснению хронологии организации сыска, значится, что «для розыску в сибирские города о сибирских воеводах великого государя указ в передней думной дьяку Данилу Полянскому сказан генваря в 19 числе»¹²⁹.

Так или иначе, в Сибирском приказе шла интенсивная подготовительная работа, и 21 января 1696 г. по обширной докладной выписке, подготовленной там, был объявлен уже именной указ о сыске в ряде городов Сибири и назначении сыщиком думного дьяка Д. Л. Полянского¹³⁰. В указе еще не очерчена география сыска, не названы и воеводы, попадавшие под розыск. Указ декларировал общий принцип сыска: начинать следствия о тех сибирских воеводах, на которых падало подозрение в злоупотреблениях и расхищении казны, махинациях с таможенными и питейными сборами. Знаменательна начальная временная граница сыска: 1682 год, начало царствования Петра I! Конечная граница оставалась неопре-

¹²⁵ Александров В. А. Народные восстания... — С. 282, 286, 288, 305.

¹²⁶ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 314а.

¹²⁷ Там же, стб. 1333, л. 7, 8.

¹²⁸ Там же, стб. 1283, л. 122об.

¹²⁹ Там же, л. 166.

¹³⁰ Там же, л. 71—74.

деленной: сыщика обязали принимать и те челобитья, которые впредь поступят «на нынешних воевод»¹³¹. Д. Л. Полянскому предостояло выяснить, «отчего ясачной збор во многих сибирских городах перед прежними годами учал погодно умаляться, и которые воеводы тому были причинны, и отчего во многих местех мунгалы, якуты и тунгусы, самоедь и иные иноземцы им, великим государем, изменили и врознь розбежались, [и те] иноземцы многих их, великих государей, служилых людей в различные годы побивали...»¹³².

Однако сам текст именного указа от 21 января недвусмысленно демонстрирует, что ответ на все «отчего» законодателю заранее известен, и сыщик должен лишь персонифицировать заранее заданное обвинение: «...да и для того указали они, великие государи, ево, думного дьяка Данила Полянского и дьяка, в Сибирь ныне послать сыскивать о воеводских неправых делах, потому что» от «воеводских напатков» уменьшился сбор ясака, разбежались и взбунтовались «ясачные иноземцы», разорились торговые люди, которые ранее платили пошлину государю и которых воеводы заставляют «свои краденые воровские пожитки в Москве вывозить силно и емлют на них кабалы в болших денгах»¹³³.

Те, кто готовил именной указ, не остановились и перед явным искажением действительности: «При державе отца их, великих государей... соболиная и всякой мяхкой рухляди казна в присылке бывала многая, и на воевод такова челобитья и их грабежей и напатков не бывало»¹³⁴. И хотя со времени царствования Алексея Михайловича действительно уменьшилось поступление сибирской «казны», тезис о добродетельных воеводах его времени абсолютно не подтверждался документацией Сибирского приказа, о чем там хорошо знали. Этот ход авторов указа был столь же тенденциозен, как и заявление о разорении сибирских служилых в результате истощения ясачной казны ворами-воеводами.

Террористический заряд указа, направленный против сибирской администрации, обнаруживается еще ярче, когда речь заходит о необычных полномочиях сыщика. Указ предписывал ему пытаться «по уликам... с очных ставок» не только «воеводских людей, и знакомцов, и племянников, и ясачных зборщиков», но и самих воевод, если они запрутсся, отрицая выжившуюся вину! Указ определял и меру наказания за воеводские преступления, которое сыщик должен был применять на месте по своему усмотрению: за доказанные хищения государственной казны и тайную высылку пожитков из Сибири конфисковывать имущество и «бить кнутием нещадно», не взирая на социальное положение — будь то воеводские люди или сами воеводы. Если же розыск выявит виноватых в грабежах ясачного населения и его «измене», а также воевод, незаконно казнивших «русских людей или иноземцов», то их царский указ повелевал

¹³¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 75.

¹³² Там же.

¹³³ Там же, л. 73.

¹³⁴ Там же.

«самих казнить смертью, не описався к ним, великим государем, о том к Москве»¹³⁵. Мера совершенно экстраординарная, не характерная для предыдущего периода, но зато живо напоминающая петровское законодательство и практику XVIII в.! Стоит вспомнить, что среди сибирских воевод нередко были представители знатных княжеских родов, столичного дворянства, имевшие придворные чины.

В сущности, перед нами заключенная в старую, традиционную форму сыска попытка осуществить жесткими мерами внутрибюрократический контроль. Позже аналогичные стремления Петра пресечь злоупотребления бюрократии приведут к таким экспериментам, как введение института фискалов и прокуратуры.

Именной указ, кроме того, повелевал разослать сибирским воеводам «грамоты с великим подкреплением, чтоб руским людям и иноземцам и всем ясачным людем никакой обиды не чинили и от служилых людей их обороняли, росправу добрую во всем чинили, чтоб те иноземцы, которые в розные страны розбежались, по-прежнему пришли под их, великих государей, высокую руку, и милостью их обнадежить, что им никакой обиды и напатков и приметок ни от кого впредь не будет»¹³⁶. Эта программа новой жизни сибирской администрации, явно почерпнутая из «писем» Избранта Идеса, смыкавшаяся в своем утопизме с наивно-монархическими чаяниями низов, несомненно была обречена на провал, несмотря на угрозу воеводам за нарушение провозглашенных принципов серий наказаний (кроме казни на месте, сыщик имел право наказывать воевод за разные «неисправы» конфискацией имущества и ссылкой в дальние сибирские города, «поверстав» в казаки).

В заключение составители именного указа отдавали распоряжение снабдить думного дьяка с товарищем наказом, в котором должны быть изложены уже известные Сибирскому приказу «вины» воевод¹³⁷.

Наказ, очевидно, помещается на листах 328—351 столбца 1283. Он не озаглавлен и начинается с изложения именного указа от 21 января 1696 г. Однако текст на л. 332, который логичнее всего отнести к содержанию предшествовавших листов 329—351, гласит: «Таков наказ отдан думному дьяку Данилу Леонтьевичу Полянскому февраля в 28 день». Форма обращения, принятая в тексте, также характерна для наказа: «...о всем розыскать тебе (выделено нами.— Н. З.), думному дьяку...»¹³⁸. Значительная часть наказа (л. 328, 331, 345—351) совпадает с именованием указом от 21 января. Остальная часть представляет собой конспект ряда указов, принятых в ходе организации сыска между 21 января и временем написания наказа. Они посвящены регламентации первоначально узаконенного прямого и обратного маршрута Полянского и сопровождавших его спутников, порядку сыска, сдачи конфискованной

¹³⁵ Там же, ф. 214, стб. 1283, л. 74.

¹³⁶ Там же, л. 73.

¹³⁷ Там же, л. 72.

¹³⁸ Там же, л. 351.

казны, приема новых челобитных и т. д. (листы наказа 344, 337, 330, 336; указ от 8 февраля 1696 г. на л. 324—326). Здесь же — выдержки из указа от 23 и 28 февраля с информацией Полянскому о послушных грамотах воеводам по всему маршруту следования, обеспечении сыщиков транспортом и прочим необходимым, от свежей до заплечных мастеров¹³⁹.

Таким образом, наказ носит мозаичный характер. В него так и не вошло описание вин сибирских воевод, обещанное именным указом. Проблема эта была решена Сибирским приказом совершенно иначе по двум связанным между собой причинам. Во-первых, накопившегося с 1682 г. в Сибирском приказе компрометирующего материала на воевод было, вероятно, слишком много, а во-вторых, сыску уже в феврале пытались придать резкое ускорение, так характерное для всего образа действий Петра I. В результате в Сибирском приказе не стали готовить итоговую выписку о винах, а решили ограничиться передачей Д. Л. Полянскому подлинников имеющихся в архиве приказа «дел» на воевод. Их он должен был скопировать в пути в Сибирь (наказ называет Верхотурье), а копии отправить в Сибирский приказ «для ведома». Обратимся к тексту указа от 8 февраля 1696 г., на основе которого, в числе прочих, был написан наказ сыщiku: «...приказали... думному дьяку Данилу Полянскому и дьяку Данилу Берестову отписки и дела, что писали из Якуцкого Федор Качанов и допросные речи московских стрельцов и якуцких и томского казаков и очные ставки и челобитные на князь Ивана Гагарина, и что он, князь Иван, писал на Федора Качанова и на служилых и на ево людей и подлинные дела, которые он, князь Иван, прислал к Москве, и о илимских, и о иркуцких, и о нерчинских воеводах, какие есть дела и челобитные, для подлинного розыску и споров отдать с роспискою и об отдаче тех дел написать им в наказ»¹⁴⁰.

В этом отрывке обращает на себя внимание то, что комплекс предназначенных Д. Л. Полянскому материалов касался лишь четырех городов — Якутска, Илимска, Иркутска и Нерчинска, а это значительно уже очерченной в том же указе географии сыска. Кроме того, последние два города не вошли в число перечисленных указом населенных пунктов, где должен был работать сыщик. Как уже говорилось выше, в Иркутск и Нерчинск сыщикам въезжать запрещалось. И этот запрет содержался в конце того же указа от 8 февраля, начало которого посвящено перечислению «дел», предназначенных для передачи Д. Л. Полянскому. Если вспомнить, что имущество воевод четырех городов, названных в указе, должен был в свое время конфисковать дьяк О. Татаринов (пятым был сургутский), становится ясно: Полянский получал в свои руки материалы лишь самых последних по времени дел о «воеводских винах». Таким образом, часть компрометирующего материала на воевод с 1682 г. сыщик должен был собрать сам.

¹³⁹ ПГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 309—313, 329, 334.

¹⁴⁰ Там же, л. 326.

С самого начала организации сыска столкнулись стремление Сибирского приказа выполнить программу именного указа от 21 января в сжатые сроки и невозможность в таких условиях обеспечить сыщику необходимую основу для запланированного глубокого расследования. Возникла реальная почва для конфликтной ситуации. Темпы организации этого сыска были необычными для подобных мероприятий. Несомненно, их диктовал царь, державший его под контролем и, как увидим, неоднократно вмешивавшийся в его ход.

До конкретного решения о всесибирском сыске события развивались не спеша. Первое письмо Идеса было подано в конце апреля 1695 г., второе — до 10 ноября, 16 декабря проведен распрос бывшего нерчинского воеводы Ф. И. Скрипицына, на которого ссылался посланник. Лишь 17 января 1696 г. по поводу итогов распроса появилась резолюция. Именно в январе 1696 г. начинается постепенное наращивание скорости: видимо, в первые 10 дней января была утверждена кандидатура сыщика, между 12 и 19 января он получил устное распоряжение о новой службе, 21 января появилась именной указ о сыске, 26 января начался поиск дьяка и подьячих в помощь Полянскому. В феврале начинается период «бури и натиска», продолжавшийся до отъезда сыщика 27 марта 1696 г. Редкий день проходил в Сибирском приказе без указов и распоряжений по поводу сыска, иногда на один день приходится целая серия их. В феврале (точные даты отсутствуют) в Сибирском приказе шли дополнительные допросы торговых людей о злоупотреблениях князей Гагариных. 6 февраля Сибирский приказ решает присоединить к Д. Л. Полянскому Ф. Качанова, 8 февраля, как уже упоминалось, появляется указ о географии сыска, его материальном обеспечении и т. д. 11 февраля Сибирский приказ распоряжается «кликать биричем» в городах Русского Севера и городах, находившихся на пути в Сибирь, — призывать торговых и промышленных людей доносить о преступлениях сибирских воевод с 1682 г.¹⁴¹ Вероятно, этот всероссийский размах опроса был призван хоть в какой-то степени компенсировать отказ Сибирского приказа от работы в собственном архиве. 16 февраля Полянскому и Качанову дана аудиенция у Петра. В тот же день Сибирский приказ начал хлопоты о подводах для сыщиков. 22 февраля Петр приказывает Ф. Ю. Ромодановскому допросить в Преображенском приказе якутов, прибывших с жалобами на своего воеводу.

В целом только по материалам столбца 1283 на февраль 1696 г. приходится более 20, а на март — более 40 указов и выписок, посвященных сыску Полянского (не считая указов одинакового содержания, посланных в разные города)¹⁴². Форсирование темпов сбора сыщика в путь уже в начале марта приводит к конфликту Сибирского приказа с Полянским. Выдачу 28 февраля Д. Л. Полянскому наказа руководители приказа сочли сигналом к отъезду, сам же сыщик не думал, что к этому все готово. Уже 5 марта кто-то

¹⁴¹ Там же. ф. 214, стб. 1283, л. 107, 282, 322.

¹⁴² Там же. л. 165—319 и др.

из руководства Сибирского приказа послал подьячего к думному дьяку с вопросом, «зачем, взяв послушные грамоты и наказ, в Сибирь не едет»¹⁴³. 9 марта боярин кн. И. Б. Репнин, начальник Сибирского приказа, и думный дьяк А. А. Вinius, второе лицо в его администрации, еще раз посылали подьячего торопить сыщика с отъездом, так как «зимний путь последний»¹⁴⁴.

В то же время Сибирский приказ, несомненно, к этому времени еще не закончил всех мероприятий, начатых в связи с организацией сыска. Лишь 7 марта в Сибирском приказе состоялось решение по поводу просьбы дьяка Берестова об отсрочке на время сибирской службы всех дел, которые у него имелись в судах. На следующий день Полянский и Берестов получили из Сибирского приказа важнейший указ, корректировавший начало сыска: они должны были конфисковать у дьяка О. Татаринова всю имевшуюся при нем «мягкую рухлядь, золото, драгоценные камни, письма» и т. д., а также взять себе сопровождавшую его охрану. Сыщикам надлежало сразу заняться не только отправкой конфискованного в Москву, но и расследованием о попустительстве Татаринова сибирским воеводам, если таковое обнаружится. Это поручение было как бы еще одним напоминанием новым сыщикам о том, чего нельзя делать в ходе всесибирского следствия.

9 марта, когда Сибирский приказ второй раз понукал Полянского к отъезду, он еще только вел переговоры с Разрядом о назначении подьячих в комиссию сыщика,— и получил отказ! Боярин Т. Н. Стрешнев ссылался на то, что отправлять в Сибирь с Полянским «неволею не велено», а желания никто не изъявил¹⁴⁵. Лишь 10 марта Сибирский приказ обратился в Стрелецкий с просьбой послать капитану и стрельцам, находящимся при О. Татаринове, указ о переходе под начало новых сыщиков¹⁴⁶. До конца марта Сибирскому приказу пришлось решить еще множество вопросов, связанных с организацией сыска: о прикомандировании к Полянскому верхотурских и тобольских подьячих, жалованье сыщикам, их охране и т. п. В частности, как позже жаловался Д. Л. Полянский, четырех московских подьячих ему дали только 20 марта, а жалованье и ямские подводы им были даны лишь через три дня.

Кроме того, 13 марта Д. Л. Полянский направил в Сибирский приказ запрос по ряду неясных для него мест наказа. Он протестовал против того, что не получил из приказа росписи недоимок ясачного сбора по сибирским городам с 1682 г. Очевидно, исходя из собственного богатого приказного опыта, думный дьяк предупредил, что на местах эти росписи получить очень трудно, воеводы будут затягивать дело, а это в свою очередь замедлит сыск¹⁴⁷. Другой важный вопрос, затронутый Д. Л. Полянским: с кого взимать вы-

¹⁴³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 261, 262.

¹⁴⁴ Там же, л. 197, 267—269.

¹⁴⁵ Там же, л. 241.

¹⁴⁶ Там же, л. 266.

¹⁴⁷ Там же, л. 219—223об.

явленные недоимки, брать ли их с ясачных и как при этом действовать — принуждением или «ласкою». Ответ Сибирского приказа был категоричен и однозначен: росписи требовать с воевод, которым об этом будут посланы послушные грамоты, а недоимки взимать с русских людей, виновных в лихоимстве. Сразу отметим, что, хотя выписки по запросу Полянского начали делать в приказе 18 марта, сам указ с решением всех вопросов сыщик получил только 13 августа, т. е. уже по дороге в Сибирь¹⁴⁸.

Несмотря на все приведенные факты, Д. Л. Полянского продолжали торопить с отъездом: с новыми напоминаниями чиновники Сибирского приказа приходили к нему на подворье 18, 23, 26 марта¹⁴⁹. 26 марта, потеряв терпение, начальник Сибирского приказа пригрозил, что, если Полянский не поедет «с Москвы в сибирские города вскоре... и он... учнет писать к великому государю в поход»¹⁵⁰. На следующий день сыщик выехал.

И все же нельзя считать, что думный дьяк Д. Л. Полянский оказался жертвой боявшихся нагоняя от молодого царя руководителей Сибирского приказа. Как мы помним, он начинал свой путь расторопным подьячим Тайного приказа, который славился «революционной» скоростью работы своих служащих. Но в конце карьеры в его характере, вероятно, все же преобладали традиционные черты крупного бюрократа XVII в. Несомненно, старый думный дьяк не был подготовлен к петровским темпам. Когда 9 марта подьячий Сибирского приказа передал ему оказавшееся пророческим увещание кн. И. Б. Решнина «с товарищи», что сыщик рискует пропустить последний зимний путь из Москвы, Д. Л. Полянский с горечью ответил: «а путь де не последней, что де ево с Москвы жживают». Д. Л. Полянский, очевидно, был человеком старинного склада и торопиться так быстро, как требовалось в новые времена, не умел и не желал. В новых условиях именно традиционность его поведения сплошь и рядом становилась криминалом. В частности, в 1699 г. одним из доказательств стремления Д. Л. Полянского уклониться от сибирской службы сделали тот факт, что 16 февраля 1696 г. думный дьяк подал царю роспись своего свойства с сибирскими воеводами кн. И. М. Гагариным, Афанасием и Антоном Савеловыми, А. Юшковым¹⁵¹. Но именно подобный шаг был и традиционным и обязательным в практике административной службы в царствование деда и отца Петра I. Правительство должно было знать о родственных отношениях или, например, вражде сыщика с подследственными, ведь именно поэтому он мог подвергнуться обвинениям в злоупотреблениях и даже получить отвод с места сыска, что резко тормозило дело¹⁵². В атмосфере утверждающегося

¹⁴⁸ Там же, ф. 214, стб. 1283, л. 177, 178, 212—214.

¹⁴⁹ Там же, л. 206.

¹⁵⁰ Там же, л. 208.

¹⁵¹ Там же, л. 314а, 319.

¹⁵² О подобной ситуации см.: Зольникова Н. Д. «Нарымское дело» 1642—1647 // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири.— Новосибирск, 1982.— С. 220, 221.

абсолютизма, когда родовые связи не должны были приниматься во внимание при исполнении государственной службы, действия старого думного дьяка оказались анахронизмом и в конце концов были повернуты против него. Не мог он, вероятно, и понять, как можно отправляться в путь, не подготовившись, как положено, не обеспечив все тылы, доделывая половину в процессе исполнения полученного задания. Поэтому, когда в пути Д. Л. Полянский получил указ из Сибирского приказа от 7 апреля 1696 г. с осуждением за медлительность, и позже, в феврале 1699 г., когда над ним самим было начато следствие, думный дьяк твердо стоял на своем: в медленных темпах отправки сыщиков в Сибирь виновен не он, и «зимней путь испущен не от меня, Данила»¹⁵³.

Наверное, характер конфликта, с самого начала возникшего у Полянского с Сибирским приказом, можно сравнить с аналогичными сложностями в процессе всей службы известного петровского полководца Б. П. Шереметева, которого до самой смерти постоянно, порой жестоко подгонял сам царь, вынужденный его использовать из-за нехватки талантливых и знающих людей новой формации¹⁵⁴.

Личность государственного деятеля накладывает сильный отпечаток на исполняемое им дело. Выбор Петра I был, по-видимому, неудачным: Д. Л. Полянский не сумел повести дело так, как оно было задумано в Москве. Через год после отъезда Д. Л. Полянского царь пытается лично вразумить своего сыщика: 4 марта 1697 г. в Сибирь вместе с очередной грамотой Сибирского приказа отправляется собственноручно начертанная на отдельном листке угроза Петра, выраженная с присущими ему энергией и лаконизмом: «Для чего он, Данило, послан, помнись, и души своей и головы не потерять»¹⁵⁵. Вероятно, правительство и сыщик думный дьяк Д. Л. Полянский имели разное представление о том, «для чего он послан». Характерно, что едва ли не одна из главных причин его последующей опалы — неспособность справиться с красноярским восстанием. Сыщик действовал однозначно на стороне красноярского воеводы С. И. Дурново. Он так и не принял во внимание желание Петра I и Сибирского приказа обвинить в данном случае во всех неурядицах воевод. Думный дьяк и находясь под следствием, считал себя невинно пострадавшим. Прося о помощи знакомого московского дьяка, он хотел лишь, чтобы тот заглянул в присланные им в Сибирский приказ столпы с собранными им материалами следствия над восставшими. Одно это могло убедить, по мнению опального, в его полной невинности¹⁵⁶. Действительно, старому думному дьяку, пережившему разинщину и стрелецкое восстание 1682 г., современнику жесточайшей расправы царя со стрельцами в 1698 г. (продолжавшейся и во время его возвращения в Москву), очень нелегко было понять логику правительства Пет-

¹⁵³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 188/189; стб. 1333, л. 5.

¹⁵⁴ См.: Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. — М., 1985. — С. 11—108.

¹⁵⁵ ЦГАДА, ф. 214, стб. 1333, л. 106.

¹⁵⁶ Там же, л. 100.

ра I в сибирском деле. Как отмечал еще С. В. Бахрушин, более умным следователем оказался П. С. Мушин-Пушкин, сумевший, в отличие от Полянского, окончательно потушить Красноярское восстание и понять, что в Москве «дело было предрешено»¹⁵⁷. Его итоговое заключение о причинах восстания полностью повторяло заданную с начала сыска установку: в мятежах виноваты воеводы. Так, пожалуй, единственный раз за всю российскую историю центральная власть поддержала восставших в пылу борьбы за обуздание собственного бюрократического аппарата.

Окончательно разобраться в этом парадоксе, этом смешении старого и нового в методах управления, социальной демагогии и политических и экономических интересов государства на восточных границах можно, только проанализировав все материалы всесибирской ревизии XVII в., сыска Д. Л. Полянского.

ДОКЛАД

л. 124

В нынешнем в 203-м году великим государем царем и великим князем Иоанну Алексевиичю, Петру Алексеевиичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем в селе Преображенском подал иноземец Елизарей Избрант письмо на немецком языке. А по переводу посольского приказу переводчика Петра Шафферта в том письме написано:

Что он, Елизарей, в свое посольство в Китай в сибирских порубежных местех видел и слышел, в чем, где и в которых местех и от кого чинитьца, что великих государей казне збору нет, и не богатятся ль тою государевою казною всякие служители, и о кочевых иноземцах, которые на их государских даурских рубежах кочуют, показывают ли они тамо их царскому величеству покорную верность и не розбегаются ли иные, и куда и для каких причин они розбегаются, и с тех иноземцов сколко ясаку в казну приходило, и много ли службы они великим государем учинили или нет.

О межеванье, и на то отвечает, что буде отделение мунгалской земли вскоре учинено не будет, то не чаёт, чтоб китайцы торговлю поволрили, а как то учинится, и тогда продажа торговли чаёт, и буде купчина пойдет явным именовем, то доброй торговли ожидать возможно.

А в договорных статьях боярина Федора Алексеевича Головина с китайцы написано. //

л. 125

1. Река именовем Горбица, которая впадает, идучи вниз, в реку Шилку¹⁵⁸ с левые стороны близ реки Черной, рубеж

¹⁵⁷ Бахрушин С. В. Научные труды.— М., 1959.— Т. 4.— С. 191, 192.

¹⁵⁸ Названия этой реки нет ни в латинском, ни в манчжурском тексте Нерчинского договора 1689 г. И все же появление Шилки в этой точной в остальном цитате из текста договора не случайно. Н. Ф. Демидова и

между обоими государствами постановить. Также от вершины той реки каменными горами, которые начинаются от той вершины реки, и по самым тех гор вершинам даже до моря протяженными обоим государствам державу тако разделить, яко всем рекам малым или великим, которые с полудневные стороны сих гор впадают в реку Амур, были под владением Хинского государства. Также всем рекам, которые с другие стороны тех гор идут, тем были под державою царского величества Российского государства. Прочие же реки, которые лежат в середине меж рекою Удью под Российского государства владением и меж ограниченными горами, которые содержатся близ Амура, владение Хинского государства, и впадают в море, и всякие земли посреди сущие меж тою вышеупомянутою рекою Удью и меж горами, которые до границы належат, неограничены ныне да пребывают, понеже на оные земли розграничение^а великие и полномочные послы, не имеющие указу царского величества, отлагают не ограничены до иного благополучного времени, в котором при возвращении с обеих сторон послов царское величество изволит и богдыханово высочество похочет, о том обслатися послы или посланники любительными пересылки, и тогда неограниченные случаи успокоити и розграничити могут. //

л. 126

2. Также река, реченная Аргунь, которая в реку Амур впадает, границу постановить тако, яко всем землям, которые суть стороны левые, идучи тою рекою до самых вершин, под владением Хинского хана да содержаться. Правая сторона также все земли да содержатся в стороне царского величества Российского государства, и все строение с полудневные стороны той реки Аргуни снести на другую сторону той же реки.

А о какой меже мунгалской, того в письме Елизарей Избрант именно не написал.

Да в вышеписанном же в письме Елизарья Избранта написано.

В. С. Мясников, осуществившие в 1972 г. новое издание этого договора и прокомментировавшие его, отметили, что уже первый исследователь дипломатических отношений России и Китая русский историк XVIII в. Г. Ф. Миллер высказал «бесспорное мнение о том, что намеченная им (договором.— Н. З.) граница была весьма неопределенной в связи с неточным указанием основных географических пунктов, через которые она должна была проходить». Далее они пишут: «Миллер отметил, что в районе разграничения существует две Горбицы и две реки, которые носят названия Урум, или Черная (...). Первая Горбица, или Малая Горбица, которую русские принимали за границу, впадала в Шилку в 255 верстах ниже Нерчинска, немного выше ее притоком Шилки была речка Черная. Другая Горбица, позже названная Амазаром, впадала в Амур (...). Причем в латинском тексте договора сказано, что Горбица впадает не в Шилку, а в Сахальянулу, то есть в Амур». — См.: Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы/Сост. и обраб. текста Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников: В 2 т.— М., 1972.— Т. 2: 1686—1691.— С. 40.

^а *испр., в тексте розграниченые;*

Во всей Сибири от начала до конца и до Якуцкого есть умилителне рыдание от служилых и пожалованных детей боярских и от вышших и нижних начальных людей, также и от рядовых казаков, что им зело мало, а иным и ничего великих государей жалованья не дают, и от того в нищете з женами и з детми погибают, и не имеют столко пожитку, чтоб могли чем тело свое прикрыть, а естли б против неприятелей посланы были, то бы не могли и с места сойти. И сверх того из них у немногих и огненное ружье есть. Казаки в Даурах не жалуются, потому что им сполна жалованья дают, кроме тех казаков, которые по их государскому указу ис Тоболска, и с Тюмени, и из Удинска вновь туда пришли. И на тех унывно^б и жалостно было смотреть потому, // что у них, почитай, ничего есть, ни пить, ни на тело облечь нет, и жаловались, что им ничего на пропитание не дали, и иные из них говорили, что буде им на пропитание впредь не дадут, то чем им з голоду умереть, лутче станут иного пути искать. И не дивно будет, естли они то учинят, потому что Удинск порубежное место, недалеко от мунгал, и мунгалы летом почасту под тот город подъезжают и грабят, и скот отгоняют, и людей в полон емлют. А казаков конных и пеших тамо зело малое число, в Нерчинску, и в Аргуне, и на Еравне, и в Теленбе и четырех сот человек нет. И естли бы не было тамо ясачных конных тунгусов, на которых еще надеются, то бы в домеских^в случаях от неприятелей дауром худо было, и Селенгинской острог при таком времени в великом страхе будет, потому что в нем малое число русских осадных людей. А которые преж сего тому месту были вместо стены и на которых Селенга и все дауры надеется могли, те не за многие годы, как боярин Федор Алексеевич к Москве поехал, ушли. А было их 4 тайши с ордою своею, которые великим государем дань давали и служили, а для каких причин они ушли, и о том различно говорят, и не мог подлинно правды о том уведать, и возможно про то у тех казаков спросить, которые с их, великих государей, казною приедут к Москве. Те тайши были при моем прибытии в Пекниге^г и поддалися хану, которой их со всякою честью принел и великие подарки им учинил, и понеже остаточные иноземцы около Даур о такой чести со многими данными // дарами уведали, и того ради опасаются, чтоб и они уши свои к тому не приклонили, потому что на пути своем в Дауры заходил я к замку Телембе, куда в то время ясачно[й] князь приезжал, которого сын тамо в оманатах сидел. И он того сына своего просил и хотел, чтоб ево добрыми словами оттуды выманить, на то ему не позволено, и для того поехал он паки

л. 127

л. 128

^б испр., в тексте уюны; ^в возможно, от лат. *domo* (покорять);

^г так здесь и далее в тексте написано название г. Пекина;

во орду свою. И чаю я подлинно, что китайцы мунгалов вместо орудия употребляют к переманиванию ясачных людей великими обещаниями, и съ их стороне болшая часть мунгалов передалися китайскому хану.

Ныне, как из Дауров в Сибирь приехав, слышел, что мунгалы недалеко от Селенги с великим числом юртов оселились, и что потом тамо учинилось, то время покажет. Боже, подай все доброе.

О сем же не могу умолчати, как иноземцы в Сибири и в Даурах мне жаловались и многие, с челобитными собравшись, били челом, чтоб я великим государем о их бедстве донес, как у них прикащики, над ними посаженные, пожитки у них вымучивают и окованием в железа силою отнимают. А как к ним пришлют ясаку збирать, и тот они платят со усердною охотою, а тот, кто прислан бывает, берет у них насилно вдвое перед тем себе, сколько им, великим государем, взять доведетьца, и буде они добродетелью дать того не похотят, то мучит он их в железах и побоями. О сем мне все иноземцы во всей Сибири и в Даурах розных народов, собрався великим собранием, жаловались, и хотя они в том воево // дам и бьют челом, ни на кого суда не получают, но токмо в том им отказывают, и они хотят зело выборных своих ото всякого народа с челобитными к Москве послать, но их не пропускают.

л. 129

Князь Павел Гантимиров есть человек родом от княжеского поколенья, по татарскому их обыкновению был поддан хану китайскому, от него своею ордою к их царскому величеству перешел и поддался и живет в Нерчинску с ордою своею, которая им, великим государем, по вся годы ясак платит. И сыновья ево зело жалуются, и изрядные люди, и служат им, великим государем, верно, а говорят, что они великих государей жалованьем своим не могут пропитатся. И бил челом он, князь Павел, зело, чтоб великие государи ево сыновьям пожаловали, к годовому их жалованью прибавку велели учинить, и буде их пожалуют, и то де он с сыновьями своими и со всем ему приказанным улусом тунгусов то за великую милость почтут и впредь вечную, верную и охотную службу чинити обещаютьца дауром, в которых малое число русских и подданных людей есть.

Возможно бы лехко помощь учинить, естли бы великие государи указали росийских волных пахотных людей в Дауры отпускать для учреждения тамо пашни со обещанием, что им тамо на сколько лет лготы дано будет от податей и от иных налог, и чтоб им с проезжими без помешки с Москвы // в Дауры ехать было возможно, также тех, которые по вся годы в сылку сосланы бывают, надлежит с московским начальным человеком в Дауры отвозить и письмо от даурского воеводы назад привезть, что он их от

л. 130

себя тамо здал, а бес того и никого туда на место не будут ставить. А в Даурах самая плодоноснейшая есть земля к хлебу, и естли пашня доброе споспешество восприимет, то бы в кратком времени Дауры своими хлебными плодами пропитатися возмогли, которые ныне туда повсягодно из Ыркуцка привозят. Реки же и озера тамо изнаполнены рыбы, и в лесах множество соболей и белок, но ради малолюдства малое дело тем исполняют. Серебряные горы или заводы на реке Аргуне стоят ныне заволены для того, что не ищут. Естли бы великие государи изволили указать мастера из немецкие земли привести, и послали бы с ним туда верного человека, и те заводы паки открыть приказали, то не сомневаюся я, чтоб от того доброе последования увидели. Река течет блиско мимо того места, и лесу вблизи довольно, и возможно бы при том наперед малинкой городок построить и ссыльных людей туда на работу присылали. И тотары имели тамо за многие годы, как еще то место не в их царского величества руках было, великие перетаплеванные заводы, и сказывают тунгусы, что тамо есть и золотая руда.

л. 131

Вкратце все предписанно до соизволят великие государи от меня, яко от покорней // шаго раба своего, выслушав, разсудити и вовремя указать те язвы исцеляти, дабы такая великая монархия и от бога благословенная богатая земля, которую бог премногими и неищетными сквозь текущими реками и водами и неудобь сказаемым множество рыб изнаполнил и землю всякую преизрядную мяхкою рухлядью и потребными зверми одарил, и болшая часть тоя Сибири и Дауров без кроволития под их, великих государей, владение приведена и впредь бы могла содержана и распространена быть, [что?]б такое отдаленное место {под царс?}кого величества высокою руко[ю] могло безопасно жити.

Многие иноземцы розных ясачных народов хотят в христианскую веру греческого закона поитить, но сказывают, что их к тому не допускают.

За Якуцким на востоке, недалеко за их, великих государей, землю, обретаются несколько островов, и с тех приходили недавно к якутам люди, и покупали у них девок и робят, и с ними торговались. А сказывают якуты, что они люди с долгими бородами суть и много черных лисиц и соболей носят. И о том возможно бы також по времени розыскать, потому что на Уде^о и Тунгуске реках возможно суды зделать, и о тех островах, которые в виде от матерой земли лежат, проведать.

При конце же возвещаю я, что то самое главное дело есть, чтоб те воеводы, которые впредь в Сибирь и в Дауры

^о *испр., в тексте Уфе (через фигу);*

посылаемы будут от их царского величества, ползе радение чинили, и их государскую казну // искали умножать, подданных бы не утесняли и иноземцам добродетель чинили, чтоб они великим государем дань с радостью платили и верныи и радетельныи пребывали. А буде на то вскоре презрения учинено не будет, то много пропадет, потому что как может такой таможенной голова их царскому величеству верен быть, когда он сам к тому чину накупился. Знатно, что он будет смотреть, как бы ему хотя по последней мере то паки возвратить, что он от того дал, и сверх того чем бы ему самому жить было возможно. И от того происходит, что их, великих государей, казне во многом прежняго збору нет, и те, которые к иноземцам ясаку выбирать посылаемы бывають, на то великими денгами докупаютца, и то принуждены суть им иноземцы паки вдвое заплатить, и то у них насилно отнимають, и в том на них правого суда добитца невозможно. И от того чинится, что их, великих государей, казны против прежняго не збирается, толко все порядок.

И сие подписал я собственною своею рукою пред Москвою 1695-го апреля в 26 день Елизарей Избрант.

Во 2-м писме написано.

Аз прилагаю еще к прежнему своему ответу и доношу их царскому величеству, что как я в проезде своем в Даурах вдоль по реке Уде ничего иного на несколько верст на поле лежащего не видел, кроме старых войлоков и решеток от юртов и всякой деревянной посуды, ис чего они едят, и я спросил у несколких казаков, // от чего то произошло. И они дали мне во ответ, что Буратски Анские и Конзортские иноземцы тамо жилище себе имели, как еще не перебежали^{*} к мунгалам. И сказали притом, что тот их перебег учинился от князь Матвея Гагарина, которой ехал из Бркуцка в Нерчинск на воеводства, и в мимоезде нарочитое число верблюдов у тех иноземцов в подводы взял. И те верблюды им назад не отданы, и на то де они, иноземцы, дали ответ, коли де он уже у нас берет, еще де не на месте воевода, что ж де станет тогда чинить, как воеводою будет. О правда ль сие или нет, в том возможно здесь спросить у бывшаго в то время владетеля у Федора сына Исаева сына Скрыпицына и у даурских казаков, да и тайши тех иноземцов в Пекниге сами сказывали, что они от великих налог принуждении суть отходить. Не токмо ж едино сих людей, но и многих мунгалов мочно бы под их царского величества высокую руку призвать, да надобно наперед тайшей их подарками одарить, и их, великих государей, милостию обнадежить, и чтоб их к Москве отпустить и дать им видеть их, великих государей, пресветлые очи. И то бы могло быть,

^{*} испр., в тексте перебежали;

что многие их царскому величеству поддалися, видямо, что им благодеяния чинят, но подобает им на несколько лет льготы от ясака пожаловать²⁶.

л. 134 С китайским ханом межеванью быть ли, и служилым всяких чинов людям великих государей жалованье на настоящие и на прошлые годы с Москвы к тамошним доходам полные ль оклады посылать, // и денги где взять. И которые из Даур служилые люди в 204-м году в приезде с соболиною казною будут, и про мунгалских четырех тайшей, которые, служа великим государем и дань давая, отошли под владение китайского хана, и отчего так учинилось, и их роспрашивать ли. И про воеводское нерадение к великим государем в зборе казны и про ясашных зборщиков и небрежение от воевод к ясашным иноземцам и к служилым руским людям сыскивать ли, и того сыщика с Москвы послать, и в Дауры на пашню волных людей отпускать ли, из сыльных посылать ли, и на много ль лет им льготы давать, и на подмогу великих государей жалованья денег им давать ли, и почему, и денги откуда взять. И для прииску серебряные руды из немецкие земли мастера призывать ли, и с ним кого верного человека в даурскую землю для того дела послать, и подле того рудоплавного места городок ставить ли, из сыльных людей для работы посылать ли. И которые иноземцы ясачные и неясачные люди похотят в православную христианскую веру греческого закона креститца, и тех крестить ли. И для проведования островов, которые по вышеписанному писму обретаются на море в близости матерой земли, каких чинов людей посылать, и суды где делать, и на судовое строение откуда денги брать. И которые воеводы впредь в Сибирь, в Дауры и в²⁷ [...] города будут отпущены, а по указу великих государей и по наказу, каковы им будут даны из Сибирского приказу, великих государей в казне в денежной и соболиной и всякой мяхой рухляди зборех, также к служилым, и к ясачным, и всяких чинов людям не учнут держать ласки и всякого правдиваго по указом и по наказу рассмотрения и береже-

л. 123^а ния, // и им за то что чинить. И которые иноземцы ушли к китайскому хану, покинув свои прежние жилище от налог и обид князь Матвея Гагарина, потому что, едучи он на воеводство, брал с них многие верблюды, а назад им не отдал, и про то розыскивать ли, и для розыску кого послать, и Федора Скрыпицына о том для ведома допрашивать ли.

Великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцы о том что укажут.

²⁶на этом заканчивается цитата из второго «письма» Избранта Идеса;

²⁷ далее одно слово в тексте не удалось прочесть; ²⁸ при нумерации листы столбца не были разложены по порядку, отсюда такой порядковый номер последнего листа публикуемого документа;

204-го * ноября в 10 день по указу великих государей против писма Елизарья Избранта о чем доведетца Федора Скрыпицына, также и казаков сибирских, которые с государевою ясачною казною из Даур ныне будут, об мунгалских тайше[x?], для чего с улусными людьми изменя, отошли к китайскому хану, от каких обид, и про воеводские в зборах великих государей казны нерадение и про воровства ясачных зборщиков, и в чем доведетца, допросить. [Иные?] статьи ис того ж Елизарьева писма, справясь подлинно, выписать о всяком деле особь в доклад.

(ЦГАДА, ф. 214, стб. 1283, л. 123—134).

---

* весь текст последнего абзаца представляет собой резолюцию на предшествовавший доклад и написан другим почерком.

Н. С. ГУРЬЯНОВА

ДОПОЛНЕНИЕ К «ИСТОРИИ ВЫГОВСКОЙ
СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ПУСТЫНИ» И. ФИЛИПОВА

«История Выговской старообрядческой пустыни» И. Филиппова — интересный памятник выговской историографии XVIII в. Сочинение дошло до нас в большом количестве рукописных списков конца XVIII—XIX в., дважды было издано. Оно широко использовалось как дореволюционными, так и современными исследователями в качестве источника по истории старообрядчества. Менее известной осталась попытка продолжить это сочинение после смерти его автора И. Филиппова.

Е. В. Барсов в статье «Семен Денисов Вторушин, предводитель русского раскола XVIII в.» для характеристики экономического положения Выгорецкии использовал сочинение «Дополнение к Выгорецкой истории», помещенное в рукописи № 36 из его собрания¹. В настоящее время известно два списка этого сочинения². В оглавлении в обоих случаях сочинение названо «О дополнении Выгорецкой истории». Сам текст не озаглавлен, начинается с предисловия: «Уведомление о дополнении сея Выгорецкия истории» (л. 166). В нем неизвестный автор сообщает, почему им предпринята попытка продолжить труд И. Филиппова. Он объясняет это тем, что И. Филиппов умер, не закончив своего сочинения: «Конец же оныя („Истории Выговской старообрядческой пустыни“.— Н. Г.) оставив последним географом доканчивать. Того ради мы последородний, имея тую же мысль неотменности, еже не оставити неизвестно жителство и деи сея киновии» (л. 166об.).

В сочинении излагаются важные для Выгорецкии события, происшедшие с декабря 1744 по 1759 г. Если обратимся к тексту Выговского летописца «Кратное летосчисление настоящего века», то увидим, что под 1745—1759 гг. в Летописце помещены сообщения

¹ Барсов Е. Семен Денисов Вторушин, предводитель русского раскола XVIII в. // Тр. Киев. Духовной академии.— 1866.— Т. 2, № 6.— С. 184.

² ГБЛ, собр. Барсова, № 171, 4^о, вторая половина XIX в., л. 60—77об. (на рукописи указан старый номер «36»); № 642, 4^о, конец XVIII — начало XIX в., л. 166—203. Оба сборника одинакового состава. Судя по всему, сборник ГБЛ, собр. Барсова, № 171 — копия сборника ГБЛ, собр. Барсова, № 642. При анализе сочинения мы использовали текст, помещенный в рукописи ГБЛ, собр. Барсова, № 642 (далее сноски на текст этой рукописи даются в скобках в основном тексте).

о тех же событиях, о которых подробно повествуется в публикуемом ниже сочинении Дополнение к «Истории Выговской старообрядческой пустыни». Текст краткого Летописца³ является своеобразным конспектом Дополнения к «Истории...»: Этот конспект будет более полным, если обратиться еще и к записям Выговского синодика. В «Краткое летосчисление...» не включены сообщения о некоторых самосожжениях этого периода. В Дополнении к «Истории...» находим описания многих самосожжений, отразившихся в записях Выговского синодика.

Все самосожжения, за исключением самосожжения старца Терентия, о котором помещена очень краткая информация (л. 175), описаны достаточно подробно. Иногда указывается социальный состав участников. В одном случае отмечено, что на р. Умбе собралось «душ до полуторых сот обоего пола самых бедных людей, инии быша из военных» (л. 185об.). Описывая другое самосожжение, автор подчеркивает, что его участниками было «немалое число людей самых бедных, прописных и скитающихся бога ради» (л. 194об.). Вполне естественно, что эти люди не имели желания встречаться с «взыщником» и воинской командой. В данном сочинении приведены и вопросы, на которые они должны были в случае подобной встречи ответить. Пришедшие в общежительство из других мест, т. е. чаще всего беглые, должны были сказать, «когда в сие общежительство пришли, во отчествах же их кто подушныя денги в казну платит» (л. 173об.).

В сочинении рассказывается об одном неудавшемся самосожжении и о последовавших затем событиях: «Команда же нечаянно в то время вскочи к ним в хоромы и всех до единого перехватав, перевязали и в Олонец отвезли. И тамо подержав, всех по своим местам разслали...» (л. 194—194об.). Возвращение беглых крестьян, солдат «по своим местам», т. е. в места прежнего жительства и службы, по вполне понятным причинам было для них нежелательно, а иногда и невозможно. Все это свидетельствует, что не только религиозный фанатизм был причиной большого количества самосожжений, происшедших в этот период. Описание самосожжений, сделанное современником событий, имеет важное значение для изучения этой специфической формы острого социально-политического протеста.

Неизвестный автор сочинения Дополнение к «Истории...» постарался довольно подробно осветить жизнь Выгореции в 1745—1759 гг. При этом он строго соблюдает принцип погодной записи событий, чего не было в «Истории Выговской старообрядческой пустыни» И. Филиппова. Предприняв попытку продолжить сочинение И. Филиппова, неизвестный автор избрал собственную манеру повествования, но при этом в работе использовал и некоторые приемы своего предшественника. Например, как и И. Филиппов, он уде-

---

³ «Краткое летосчисление настоящего века» // Яковлев Григорий. Извещение праведное о расколе беспоповщины.— М., 1888.— С. 152—153.

лял большое внимание описанию выговцев, рассказывал о их жизни и деятельности, давал характеристику той или иной личности⁴. При этом он часто отсылает читателя к «историописанию отца Иоанна», иногда кратко пересказав важные детали.

Сочинение прерывается на сообщении о внезапной кончине настоятеля Мануила Петровича и попытке охарактеризовать его как личность. Незавершенность описания личности Мануила Петровича свидетельствует о том, что по какой-то причине сочинение не было закончено автором. Написано оно, по-видимому, не позже 1759 г. и создано в достаточно короткий период. Такой вывод следует из предисловия, в котором сообщается о создании к этому времени «целой истории» об И. Филиппове (л. 166). Речь идет о сочинении «Описание жизни со страдательными подвиги блаженного отца Выгорецкой истории писателя Иоанна Филипповича, бывшего Выгупустынного общества смиренного настоятеля», написанного в 50-е гг. XVIII в.

Сочинение Дополнение к «Истории...» интересно не только как источник по истории Выгорецкии, но и как попытка автора продолжить историографические традиции выговской школы.

Текст сочинения публикуется по рукописи ГБЛ, собр. Барсова, № 642.

л. 166

**ПРЕДЪСЛОВИЕ.
УВЕДОМЛЕНИЕ:
О ДОПОЛНЕНИИ
СЕЯ ВЫГОРЕЦКЯ ИСТОРИИ.**

Ведати хотящим означаю, чего ради сей настоящий труд нами приемлется. Понеже о начало составлении сея Выгорецкия пустыни и о жителствующих и достопамятных, и деяниях в ней случившихся историописатель бе великоподвижный муж, тезоименный благодати Иоанн Филипович, который добрым подвигом подвизася в сей пустыни и до четыредесяти лет и вяцше в ней боголюбезне поживе. О нем же написася уж целая история. Сей убо братский трудоводвиж[н]ик ревностию по бозе горий муж, возревно- л. 166об. ва сию историю написати. Ея же собираем // из разных повествований от началооснователей сего общежителства, иное же и самовидев достоверно своима очима праведне написах, которыя не докончав, блаженным вечностойным сном жизнь свою переполовляет.

Конец же оныя оставив последним гиографом доканчивати. Того ради мы последороднии, имея тую же мысль неотменности, еже не оставити неизвестно жителство и деи сея киновии. Но ово от протчих на се возбуждаем, ово же

⁴ См.: л. 171об.—173об., 175об.—183об., 186об.—190, 199об.—203.

и самая нужда повелевает сотворшееся безвестно не учинити. К ней же сей мой настоящий историописательный труд припрягаю.

л. 167 Елико возмогах в прошедшия времена от жительствующих известитися и // ное же и сам видех. Тая убо в ведение хотящим предложити вознамерихся. А понеже благодати тезоименный географ выгорецкий в лето от мироздания 7253 (1744)-го жизнь свою окончал, убо и я с того текущаго времени означаю годы на стране. В средене же пишу настоятеля с помощниками, при них же и от них учинившееся повествую.

Не дивит же читателя благоразумнаго некая от неких содеявшаяся на претыкание маломощных, но такими сообразами изначала как неверных, так и верных сонми умножася. Паче же неприятель душ верных таковыя соблазненные плевелы в благочестивыя сердца сеяше, но евангельская истинна (кроме ересей)* тако // выми соблазны не повреждатися. О которых все древния истории много надпоминают. На их же и я имея взгляд к добрым припрягаю и злыя деи от неких учинившиися (за что и в настоящем веце добре наказани от вседержавныя божия десницы быша). Да того ради слышай, потщится паче добрым ревновать, от злых же удалитися по повеленному от учителя языков: Ревнителю (бывайте) добрым делом. Тим. Глав. 2. Зачало 302. //

л. 168 Настоятель Мануил Петров.

Лета от мироздания 7253 (1744): декаб. с 4-го.

В духовносостоящих делах помощники — Трифон Петров и Даниил Матфеев. В светских же — Семен Петров и Козма Иванов.

В сей убо благополучный год восхотел господь бог гонителны и стеснителный пожар, разливающийся на всю Выгорецкую пустыню погасити, который продолжался от 7247 (1739) до 7254 (1745)-го различными коммисскими наездами. Толико изнурил гонителными язвами пустынножителей, яко и о житии себе не помышляху, но мнози чаяху прореченное время от выгорецкаго зачаложителя преподобнаго Корнилия, конечно наступившее, которую велющую гонителную // бурю древнее благочестие любящии видяху, болезненно стенияху. Мняще конечное разорение, пострадати, но и синадских членов рыкающая лютость зело умножися, иже неотменное намерение имуще до основаня сие богонаселенное святое место разорити. Сицевая убо помышляюще и глаголюще: Аще оное змииное гнездо (тако порицающе Выгорецкое место, мняще оное всем староверческим селениям главнейшее) разорится, то удобь и протчия падутся.

* Здесь и далее сохраняем авторское выделение текста скобками.

Но оных суетное мнение господь бог в несовершенство полагает, по писанному: Разоряет^а господь советы лукавых. Влагает бо в сердце Всероссийския монархини всемилостивейшия государыни Елисавети Петровны оный гонительный пожар погасити преведением комиссии. Из сих наших о // бонежских стран и побликованием всемилостивейшаго манифеста хотящим записыватися как градским и селским, так и пустынножителем. По которому позволенность учинися всякому до состояния онаго отлучившемуся, где пожелает записыватся и сицевое благодатное российский императрицы благосодействие до бедных росси[й]ских старверцов много ползова. Понеже по писанному: В руде божий сердце царево, сотворити милость и казнь.

По оному же указу вси следствия коммиския дозволено уничтожить, которым радостным слухом выгорецких бедных жителей сердца всерадостно обвеселишася радостно и весело за предлагащее дело приемлются. //

л. 169об. Тогда бывый у всего суземка старостою Иван Давыдов, житель Боровскаго скита по совету всего как выгорецкаго, так и скитскаго общества в лето 7253 (1744) декабря в последних числах подаде еще в состоящую комиссию, в ней же присуствовала членом старец Варсонофий, с показанием публикованнаго указа прошение, по которому проси онаго словесно удоволствия.

л. 170 Старец же по оному не уползова старосту, но отдаде его под караул и при отъезде своем в Новгород со всею коммисиею взя с собою и онаго старосту. Слышавше же выгорецкия жители о обрестовании старосты, послаша немедленно Ипата Ефремова на Петровския заводы, тогда бывшему тамо маю // ру Леонтию ревизонному господину. И приехав же Ипат на Заводы, на онаго старца Варсонофия подаде челобитну, изъявляя в ней несправедливое, кроме законныя притчины, взятие старосты в Новгород. Господин же майор, рассмотрев оную, посла подьячего с солдаты, повелевая взяти неотменно старосту из-под караула. И повеленное вскоре посланныи исполниша, от котораго мирно во своя отпущен бысть.

В начатии же 7254 (1745), генваря в последних числах ис Петрозаводска вся ревизонная команда прибысть в Выгорецкое общежителство. При ней же и сам господин майор Карабанов. По приезде же потребова скаски, как со общежителства Выголексенскаго, так и со всего суземка *л. 170об.* мужеска и женска полу, // в которых переписании сказок сам настоятель Манул Петрович трудися много во общибратских, тако же и скитстии староста в своей части по подобающему изготовивше немедленно подаша скаски оному Карабанову в столовой при собрании февраля в 3-й день,

^а В ркп. Разоряет;

которые и принял, и перекликал, яко же мужеский, тако и женский пол. И по скитам скитских во всяком благополучии, потом и в Шунгу, и в протчия погосты ради переписи со всею командою съехал.

По отбытии же господина Карабанова внезапно найде команда в суземок, приехав подъячей с салдаты и взем под караул изо общежителства настоятеля Мануйла, из скитов — боровскаго Стахия Осипова с сестрою (Анною) с ними же Марты // на Михайлова з братом и Терентия Лукина, кий на новинке жителствуя, бе и иных некоторых захватиша. Тако же и из волостных шунских немалое количество яша по некоему секретному делу. И свезоша оных в Олонец и отданы быша под крепчайший караул. И сего ради вся пустыня страхом возколебася и жителствующии же мнеша разорение пострадати. Но в Олонце найкрепчайшими пытками испытаны быша повиннии, неповиннии же, Мануил и Стахий и протчии, без всякаго наказания свободни быша и во свояси отпущении, виновнии же по законам казнь получивше, во изгнание на вечныя государевы работы отправлены быша в далечайшия сибирския страны. И тамо с терпением крепких досаждений бедне, не за божия законы свою жизнь окаянно окончаша. //

л. 171об. В лето 7254 (1745)-е великоученый и подвижный муж отец Трифон Петрович в Великий пост возвращен из сибирских стран. Бе бо отлучился во время коммисских наездов еще по оговору Круглаго. Некое время во ону гонительную бурю поживе на Корелском бору во укритии и оттоле съеха в сибирския страны и пребысть тамо немалое время. Упражнялся во чтении священных книг и во испытании словесных наук. Некто же тамо на заводы сибирския сослан был в сылку за некия вины из внешних авторов великоученый человек именем Кириак Конратьев, с которым сей нами поминаемый отец Трифон добре спознался и приходяше к нему часто временно совопрошающеся друг з другом о философских // науках. И сочинив Трифон отец некоторые панагирические слова Иоанну Богослову и иным святым и предложены быша оному надпомяновенному российскому автору, который рассмотрев, нечто поправи, обаче же не без похвалы оныя остави. Трифон же, сия слышав, помяну богомудраго философа Андреа Дионисьевича, аще бы онаго, рече, сочинение им усмотрелося, коликим бы похвалам удостоено было. Жителствоваваше же в тамошних сибирских пределах ово на заводах, ово же по тамошним протчим селениям не без ползы правоверным народом творящеся быти. Иногда наказуя стояти всекреще в древнем преданных святоотеческих уставех и соблоудати безизронно святую веру и жити непорочно христиански. Ово же со

л. 172

л. 172об. внешними паче же с приемлющи // ми новое крещение и иерейство много состязашеся. Чесо ради понудися любо-

трудне составить целую книгу, яже нарицается Следование священных правил, кая и донныне верными христианы с великою ползою всюду прочитается.

И в таковых вернопольных подвигох тамо провожда свою добродетелную жизнь потребовася к наивящей полезности, паче же рещи нужде Выгорецкаго сего общежителства, такожде и по надлежащему долгу. Понеже якоже и во историописании отца Иоанна повествуется. Покойный и всеблаженный отец Симеон Денисьевич при отшествии от сея жизни, яко же духовно писменно, тако и словесно, ему кормило сего Выгорецкаго общежительнаго корабля в руде влагаше. Но он, ово ради // своего смирения, ово же паче тогдашняго ради суровейшаго гонения (при нем же и сам прилежно искан бяше), отречеса оное прияти, и тако за отречение онаго убежден бысть оный историописатель отец Иоанн сие правление восприяти. По паствовании же четырелетном и сей боголюбивейший предводитель блаженным сном сию жизнь печатлеет.

По нем же в неимении сего нами повествуемаго отца Трифона удерживает сей жезл началства Мануил Петрович, который непременно и потщася во второе лето своея паствы сего великоподвижнаго отца из Азии, сибирских стран, возвратити на ползу и украшение сея Выгорецкия киновии, иже и определен в началнейшия советники, паче же рещи в духовных повелители Мануйлу Петровичю. При том же и да украшает своим учением всех обоих богонаселенных // обителех христособранное стадо словесных овец. Но я одоужаюся любезному читателю весь его характер жителства по преставлении его времени означити. Зде же настоящими или ключимыми текущими тогда времени потщуся слышателей повестьми дей насыщати.

В 255 (1746)-м годе пред торжествующим праздником Рождества Христова в Филипов пост паки вышеименованный господин маиор Карабанов во общежителство с невеликою командою прибыл и допросами истязя тех людей, кия быща пришедше из других уездов и писаны во оных отчествах по первой ревизии и по оной в которое время отлучилися, и когда в сие общежителство пришли, во отчествах же их кто подушныя денги в казну платит. Однако весьма кроме всякаго принуждения и строго // сти оных допрашивал. И потом съехал в Олонец и более таковым никаких истязаний не учинися и оставлены по сей второй ревизии в Выгорецком общежителстве крепостными жители.

Не престае же всепреокаянный супостат наветовати на сия останки семени отеческаго гумна, но своею гонителною лонатою развеяти останок полка израилева подвизается. Ибо во оное же 255-й год по семидесяти тысячам сотворений мира воздвизает неких плевелосеятелей на зависть и оскорбление сего святоотеческаго места. В первых некоего

Ивана Феодорова, по реклу Баталионскаго, кий известно знаяше все места и дела пустыножителей. Наусти бо его
л. 174об. диявол сию всенавистническую исплести сеть, // который шед в Санкт-Петербург и Синоде представ членам и навади в староверческом учении на выгорецких тогда сияющих во учительстве Трифона Петровича, Даниила Матфеевича и Феодора Григорьева Сергиевскаго с Григорьем Яковлевым. Чего ради по представлению Синода Сенату указ в марте месяце в Выгорецкое общежителство прииде, повелевающ оных учителей выгорецких взяти или им предстати вкупе во ответ их соперника. Но общежители за оных вседушно поревноваху, еже их в руки требующим не отдати. Подписашася принесшим указ, что таковых у нас и дома не случися быти. И тем взятия оных избыша. Но и потом многажды
л. 175 указа // ми позывахуся.

Тем же указом тогда жителствовавшего на Умбе Терентия старца с прочими по оклеветанию онаго Баталионскаго гонителя любопытствоваху, которой со всеми своими устрашився, огнесожжению предадеся. Коего ради, тех умбожителей огнесожжений не без истязания быша общежители. Обаче божиею благодатию всего того коварствия избыша без вреда.

Видев же оный наветник Баталионский свою ловитву без успеха, обрати свою ненасытность клевет на санкт-петербургских кушцев, на которых такожде лживыя исплете свидетелства. Но маломощный на великомощных улучи, которыя егда услышавше скоро шедше к господам присутствующим и онаго клеветника учиниша послану быти в залу
л. 175об. точение в Соловецкий монастырь, идеже окаянно // жизнь свою оконча. И тако сия первая буря утехала.

И вторичныя того же году наступает. От кого же сия воздвижется? О том нижеследующею повестью означиваю.

В прежних убо летех при блаженном и премудром настоятеле Симеоне Дионисьевиче пришедый в сие общежителство некто Алексей Родионов, попов сын и вдадеся в послушание братству и потом вниде во ученичество Симеоново. От него же учашеся духовным и словесным наукам, якоже грамматике, такоже и риторике и прочим от онаго наставляшесе. Обаче не по малу самонравным и презоривым недугом заражен беяше.

Исперва бо житию жестокому внимаше, единою в день, овогда же и во второй пици причащаяся, но от гнева воздержатися не могый. Егда же от неких оскорблен нечим // бываше, тогда весь в пламени обращаешесе. Малодушных же весьма охуждаше, такоже и входящих ради немощи в теплицу зазрително поношая, но не токмо над таковыми возносяся, но и над старейшинами некими надымашесе. Некогда неких невижами порицаше.

л. 176

Паче же и над уставами отеческими взимаяся. Некогда убо братьям празднующим полиелеос святому Артемию отроку Верколскому чудотворцу и оному Алексею также прилучившуся на крылосе стояти возле брата Андрея Феодоровича, и тому таковыя презоривыя речи изглагола. Сицевому, рече, малейшаму, оле дерзости, малцу служба сочинена есть. И сей глагола грубости древней подражая сии неразумно празд[н]уют. Сия слышав, оный муж зело удивлься сицевой его дерзости, провиде же в нем отец Симеон

л. 176об. нечто несклонности // утверждения к здешному месту предъ-
являше отцу Мануйлу. Глаголют же нецыи, яко и призапретив весма присваивати к крепчайшему утверждению запискою ко общежителству нецыи, Мануил сам в нем многая сомнению подлежащая опытав, и сего ради благосклонно к нему прилежати не нача. Егда бо наступаша ревизия во 253-м годе, тогда оный Алексей просяшеся с протчим народом быти в скаски. Но по совету с протчими конечно отказан от Мануйла отца бысть. Он же требоваше от них притчины, чего ради с протчими не приемлется. Мануил же инаго ничего ему точно в лице не засвидетелствуя, точию то, что он священническаго роду за страх кансистерии не приемлю. Видев же он неприемлема себе запискою во общежителство отиде восвоися и тамо записася в ревизию под двойной староверческой оклад и тако // быв многия уверяше древнему благочестию последователями быти. Точному доказуя наше содержание во всем святоотеческом старожитности последующее. Чего ради мать и брат его Симеон Родионов последователи ревностныя благочестию учинишася и протчих многих сему научив.

л. 177

Паки отиде в Выгорецкое общежителство, но егда при-
бысть, ни же в соборной отеческой келии поущено ему жити, но в казначейской: малейший чюлан в жителство ему определися. Но и тамо ниже подобающими прежними приветствы почиташеся за предусмотрение и прозрение выше-
писанных вин. Отчего начен он во огорчение приходити и мыслию семо и овамо колебаться. Зачинати же некая и новая мудрования противствующая разуму святых церкви.

Некогда убо случися ему убо со отцем Мануйлом про-
ходиться и вопросити отца о рождении антихростове, являя тем разум свой основан не на духовном сейме, но на плот-
л. 177об. ском, якоже обы // чно есть тако мудр[с]товати новолюбцем. Сей же разумный и мудрый муж завсегда при учении отец прежних жителствующих ему с доказательством от священных писаний свидетелств возрази, что рождение онаго не есть чювственное, но духовное, которому он много прекословити отнюдь силы не возыме. Отчего люте на него возревнова, много хульных глагол на онаго кидая.

Бяше же тогда подобен оному, жителствуя в Сергиевском ските некто Григорий Яковлев, бывый келейник и уче-

л. 178

ник словесным наукам Трифону Петровичу. От него же сим толико навыкну, яко учению его много превосходити протчих, но слабыми снисхождением повредися не могый уставов монастырских трудолюбезне понести. Изыде из общежителства и пребываше в ските Сергиевском всякому раско // шному житию угождая. Точию сей в видимом характере от онаго Алексея зело разнствоваше. Бяше бо по истинне рещи овчею кожею покрыт: кроток бо бысть без меры и ко всем снисходителен. Никто же его зряше гневными мраки покрывшася, но всегда ропчущим на него велел являшеся, о котором ниже сего изъясвится.

К сему убо сей Алексей из общежителства нача ходити и тамо советовати, еже хотяху паче же на онаго Мануйла и на все общежителство и на все древнее предание вооружатися начаша. К ним же присовокупися некто Андрей Федотов, о котором в последствующем известится. Видевше же общежителнии отцы онаго прилежание не к полезным, начаша паче сомнетелное о нем намерение имети и о том порицати. //

л. 178об.

Видев же сей Алексей за новость от всех общежителей к себе несклонность по оглаголение. Конечно нача вон из общежителства выходити. Но уже не с прежним разумом святых древлеправославных церкви, но с новыми догматы. Прежде бо многожды древности засвидетелствоваше, якоже о двоперстном сложении написа Затуменность или Аппологию. Доволно о том засвидетельствова такоже и о протчем древлесодержании многая словесы и дела засвидетельствова. Ныне же весь новыми законы дыша из общежителства выходит и лишився онаго, всюду нача новое учение проповедати.

л. 179

Пришед бо в Пигматку, некия от братии тогда прилучившийся нача увещевати, предлагая им правое быти триперстное сложение, древнее же уничижаше не проповедвчя в нем быти спасения. Братия же, видяще // его тако глаголюща, исперва удивившася, мняще, яко он глумится. И потом познаша от сердца глаголюща, конечно его возненавидеша. Он же пришед восвоися, не по-прежнему уже своих наставляше, но тое начат им внушати проповедание, от котораго их извлече. Такоже и о браке начат прилежне промышляти, о котором прежде и помыслити не хотяше.

Видяще же мати его и брат усумнешася о нем не начаша его слушати и много ему прекословяху, надпоминающе прежнее его учение, которым они от прелести обращены быша. Он же прежне оглаголоваше, новое же им укрепляше. Но ни креще в том пребыша. Мати же его потом вскоре жития сего в древнем разуме святых церкви отходит и несколько времени тако в доме своем жителствуя и потом, шед в Новгород, конечно древняго благочестия с присягою отречеся, с клятвою новыя законы соблюдатьи обещася и

л. 179 об. тамо ожени // ся. В дом некоему шед и ниаконом новья церкви поставлен бысть.

И потом велию клевету на общежителство воздвизает, а имянно на Мануїла Петровича и Семена Тиханова и Марка келаря в новгородскую убо кансистирию доношение подаде, что они (глаголаше, клеветуя на оных) меня своему суеверию и расколу научиша, паче же на Мануїла, что он антихристу проповедует быти на земли по Ефремовой книге духовно, чего ради из кансистерии Новгородской указ прислан бысть, повелевающ всех оных именованных в Новгородскую кансистирию на допрос и с Ефремовой книгою выслать. Но общежителнии тогда репортовали о Мануїле, что дома его нет, Семен же Тиханов в сибирския страны съехал. Марка же Иванова мертвым показали и протяжеса сие дело даже до двух годов, // в кия безпрестанно указы ис кансистерии прихождаху о представлении оных.

Видев же Мануїл в том непреминуемую нужду и неизбытность, потече к Архангелскому граду ко общежителному прикащику Амосу Корнилову, которой тогда в знати немалом бяше у надзирателей его сиятельства Петра Ивановича Шувалова канторы при салном промысле у господина Соломона Соломовича, такожде и персонально у его сиятельства бывый и милость от него немалу получивый. К сему убо надзиратель чрез одобрение Амосова Мануїл приступи и милостивнаго заступления от нашедшей напасти всепокорно прошаше, от котораго и не погреси получитьи. Ибо сей его сиятельству подробну о Мануїле челобитною представи, от котораго вскорости резолюция учинена и указ в Новгород послан, чтоб у Алексея Попова с Мануїлом очной // ставке и разглаголству быти в Олонце. Тогда оной Алексей убоаяся от сего дела доношением отречеса и представляше, что в Олонце мое дело сомнут денгами, ибо, рек, денгам все повинуется. И тако сия подлежащая буря сим старанием его сиятельства совершенно утихла. И оной Алексей тако во отступлении до кончины своего живота пребысть.

Разсмотрение о отступлении Алексееве. Представляется от неких, что Семен и Козма причиною онаго отступления, но от предложенных явно познаваются, яко в самом его склонныя нравы к тому показовахуса, понеже самонравием и презорством дух его над всеми ношашеса. Не думал он себя вышша никого же в разуме и науках, того ради кичением над протчими взимашеса. Я разсуждаю наивышшия притчины сия его отступления приклони. Понеже // самая истинная словеса истиннаго владыки от сего недуга падение доказует: Превозносыйся, — рече, — смирится. Или по иному: Показание гордым — падение их. Речет ли кто, яко теснота его отступити сотвори, но благонаправнаго и богобоящагося никакая величайшая теснота не может от праваго

сложения отторгнути. Глаголет бо сосуд избранный: Кто ны может разлучити от любве божия или скорбь, или нагота, или теснота.

Изветих бо ся, яко ничтоже может ны разлучити от любве Христовы, ни глубина, ни высота, ни иная кая тварь. Аще бы сия изображенная Павлом любовь в нем водворялася, не бы тесноты ради по мнению неких от истиннаго предложения отторгнулся, не бы противо своея совести брань возъимети потцался. Не бы на прежней свой разум враждебнически вооружився. Яве есть, яко самолюбная и
л. 181об. презоривая страсть к сему нече // стиу теци путь ему углади. Чем и прежнии вси еретицы и отступницы горко пострадаша. Истинных же боголюбцев и желателей душевнаго спасения ничтоже возможе отторгнути правых законов, ибо тии не точию на враждотворцов своих гневахуся, но моляхуся и добро деяху им. Якоже истории о них ведати дают, но о сем убо довлеет наше рассуждение, приемлюся паки за предлежащую историю.

В то же время совершенно изъиде из Выгорецкаго жителства Григорей Яковлев и в пространный путь потече. Исперва бо уклонися к полским границам и тамо прилепился к федосееву согласию. Вначале убо от них по премногу почитаем бе ради крайняго его учения. Бе бо велми сладкоглаголив ритор и некий у них из предводительствующих преставися. Он же весма удивительно почти онаго надгробными словесы, кия ту при // лучившиися не без сладости и умиления слышателями быша, но житие его растленное оных усумнетелно показа — причащаше бо ся мясоядению и винопитию и одежду необычную он носити начинаше и иным страstem прилепляшеся.

Познав же Григорий, яко за вышереченное презрим и поношаем бывает, отлучися и от оных, и шед в царствующий град Москву. И тамо пристаеет совершенно к новодоматствующей церкви и все оныя законы с присягою приемлет. По рассмотрению же синодалных членов обретен бысть навыкш свободных наук, чесо ради от оных и по желанию его монахом учиняется Переславскаго Никитскаго монастыря и потом [дѣ]яконом бывает. Бывшу же шествию ея императорскаго величества государыни Елисаветы Петровны в Сергиев монастырь, из него же и в Ростов поеха и прилучися ей быть во оном Никитском монастыре, идеже оный Григорий Яковлев на пришествие оныя произведе
л. 182об. премудрое слово проздравле // ние, котораго слышав монархия не без удивления бысть и вопросив его о роде и о воспитании, и приятии наук, где оных наставляшеся. Он же ясно показав, из староверцов выгорецких новообратившихся и тамо навыкших. Росийская же монархия такое изрече слово: Я знаю, что тамо учительныя люди издавна обретаются. И приглагола оному: Достойн (рече) ты по сему учению быти архиерейскаго престола.

Потом же учинен бысть блюститель архимандрического места Нововоскресенскаго монастыря. Та же несколько тамо жив, болезнию телесною тяжко уранен бысть и в ней признася своего погрешения, что истинныя правды отпаде, желаше бо по премногу исправлен быти в своем преступлении. И тако нача проситися в Москву, но того получитьи погреша от начальствующих, рекоша бо ему тии: Что ты паки в расколническое суче // верие совратитися намерен, но того тебе уже позд[н]о получитьи стало. И тако бедный бедне жизнь свою окончывает, отъиде бо от здешных с плодом законопреступным имства получитьи равномерное награждение с прочими иудоподражателными преступники.

Характер Григориев.

Бяше бо сей Григорий поистинне бы достоин бо почтения муж, естли бы своя цены не умалил роскошным житием и уклонением святокафолическаго древняго закона. Кроткаго бо вида бяше человек, никогда же гневными юзами связавошеса, злословящих же его весел являшеса, во учении поспешен, грамматики и риторики и прочих наук довольно извыче.

Ученик бо и сожителствующ бе, якоже и вышереченно онаго богомудраго мужа Трифона Петровича. С ним же немало лет живяше и иконописнаго художества не непричастен бе, точию в том не украшен, // что роскошным и слабым помрачашеся поведении мнии убо и святожителнаго сего выгорецкаго места его лишиша. Глаголют же, что пред исходом своим из общежителства сей Григорий видение виде: Зрится бо негде в мрачне поле стояти, и от мрачных неких ефиопов биема и всего одеяния даже до телесныя наготы от них совлеченна, которое убо свое явление яви своему духовному отцу Трифону Петровичю. Он же слышав, явствене ему протолкова, яко наложение ран ему от оных ефиопов знаменует житие ураненное от роскошных дей, совлечение же риз и всего тела обнажение, древняго благочестия лишения образует и прирек ему: Чаю, что ты любитель неотменно новых законов, еже и збысться и сия убо о сем дозде. Иное же да повествуется.

В лето 7256 (1748)-е объявилися в суземских жителствах некия из волостей нашедшия разбойники, кия немало учиниша всему суземку страха и смятения. // И пришедше бо в Верховския жилища и тамо некую женщину, Назара Цапкова мать, пограбиша совсем. И слышавше суземчане оных крайния обиды и опробовавше, что они стан свой имеют близ Кожеезерскаго монастыря на^б месте, именуемом Семеновско. И собравшася вси единокупно с понятными пошли оных разбойническую сонмицу распудити и схватати, которых и заставше внутрь хоромины на том месте, ис ко-

^б в ркп. ошибочно повторено на;

торыя они начаша стреляти из ружей. И застрелиша до смерти кодозерскаго жителя Трифона Голована и сами убежавше.

И паки 257-м году по скитам ходяще и грабяще. В них же до седми домов ограбили, един же из тех и огнем сожгли. И в Пигмацкой пристани живущаго общежителнаго старика много мучивше совсем пограбили, отнявше у него до дву сот рублей и после оказались в Солотозерском ските, идеже их самех разбили и троих из них на поимке до л.184об. смерти убили. И тако оных ока//янных разбойников сонмица изчезе, а иннии раабегошася.

Посланныи из общества люди на Новую землю 7257 (1749) году на двух судах на морския промыслы, вси до единаго оцынжаша смертною косою пожати быша и ни един из тех возвратися. И на Груманте в то же время отпущенное судно сломало. Промышленники же брацкия принуждены и вторую зиму с нуждею нуждне терпеть. И того судна тринацеть человек умреша. Оставльших же точию шесть человек живых.

Еще на Груманте 7258 (1750)-го году целое судно людей смертию пожерто бысть. И 59-го году такожде на оном Груманте на отпущенном судне вси промышленники смертным сном усноша. И во отдаленности толико вселенной удалишася конечне и своего жития и тако убо много общежителей ово тамошняя тлетворость воздуха от жития л. 185 премени, // овое мор[с]кая пучина пожре. И тако много лишишася жителей Выгорецкая киновия.

Посылаеми бо быша во оныя промыслы, наипаче нужд ради необходимых, ово же нужд ради монастырских промышляху на толико сирощкое собрание и привозимыя вещи и зверями склоняху к милости сильных лица, ово же нещии отпущения ради невозможнаго жития в киновии за обстоятелства гонящих и ищущих оныя. И сея ради крайния тесноты паче же благочестия ради вдавахуся в таковыя престрашныя морския напасти, желающе где бы возможно оное соблюсти, кроме всякаго ущербления. Но сия бяху в прежния лета, когда сие братство цветяше полною красотою, когда ревность мужей благочестием кипяше, когда сия менше сих качеств предпочиташеся, когда от всех стран сие место храняшеся усердно древнее благочестие населяшеся, тогда и оныя промыслы сими процветаху. Везде и л.185об. всюду выгорецкая // слава пролеташе и прочее, о ином да речется.

В 7258 (1750)-м годе некто старик Матфей самоволне на реце Умбе жительствоваше, с ним совокупишася в жите[л]стве душ до полуторых сот обоего пола самых бедных людей, инии быша из военных, иже и доказаны быша от неких в город. Чего ради и послан бысть възщик ради испытания с командою до двадесяти человек. С ним же и

понятых немалое число. От коего любопытствованы быша о том, чего ради они собрашася. От них же ничего на ответ не представлено бысть. Точию по прибытии команды вскоре огнем запалишася. Солдаты же по повелению командующаго начали стены рубити и елико возмогше людей горящих баграми таскаху, а инии сами выходядаху и таковых на таковое ис пламенных лучей человек до пятидесяти и болше, понеже вещество бяше к тому не // приготовлено изсущено. Того ради медленно пожар разгара- шеся и бяше многих свободно оных таскати ис тех убо два человека ножами сами ся заклаша, прочия же привезены во общежителство и в верхней гостиной от взыщика жесто- ко допрашиваны и наказаны и в Олонец с половиною ко- манды отпущены. Сам же взыщик с Феодором питерским со оставшими салдатами на взыскание остальных разбой- ников в Верховье поехалаша, которых взыщик удобно всех преимавше и в Олонец их отпрати. И тако конечнее тое дело умолче.

л. 186

Того же 258-го году сенацким указом потребованы со всего суземка и со общежителства рекруты за три набора, в чем много нужды получили во отправление оных, раз- суждающе со скицкими, однако положилися // в том, что скитских по притчинам отдать иже три рекрута отправ- лены да и еще немало душ в склатку со скитянами принято.

л.186об.

Того же году марта 6-го преставися в сибирских стра- нах брацкий всеусердный попечитель Гавриил Семенович. Жив в пустыни всего и с преездами 54 лета, преставися же на 75-м годе своего жития.

Бяше бо муж зело словесен и писанию ведущ. Аще и свободных наук не коснулся, но натурою весьма обогащен бяше. О котором кратко отцем Иоанном во истории над- поминается. Много бо сей подвижный муж благодествовал выголексенское общежителство. По приходе своем из свое- го отечества в Выгорецкую пустыню послан бысть за по- слушание в сибирския страны от отец Даниила и Андреа. // И тамо в начале живяше при заводах Екатеринбургских за его великоразумие от началствующих не помалу почи- таем бе. Та же в прикащичество господина Никиты Иакин- фовича Демидова вниде, от котораго за благородумие его почтен бысть зело. Определение получи главно надсмотр- телем заводов, иже не точию оных верхно и нижно тагил- ских заводов много добродействова, но и в ыных дально- растоятельных местех обыскав зело прибыточныя руды и та- мо основа заводы и насели ту жителями. За которую его услугу от господина Демидова много всеми вещьми опре- зетован и чрез онаго прошение общежителное братство от Демидова по премногу одолжено бысть. Ово даваем пеня- зей, а ово медию и железом, ово же хлебом приволских промыслах.

л. 187

л.187об. Чрез онаго бо прозбу украси // Выголексенское общежителство с прекрасным звоном, прислав многия колокола, которыя и донныне жителей своим звоном утешают. Наипаче много ползова сей Демидов общежителство по случившемся пожаре в Лексенском девичьем монастыре, такожде во оно время и на Коровьем дворе, в то бо егда услышав оный пожар много имения на строение посла, которым сооружиша бедным сиротам многия на вселения храмы, все же сие бысть тцанием и услугою сего польздоателнаго мужа.

л. 188 Не непричастен же сей муж и научению тамошних стран, кои не точию облиз демидовых заводов. Научи многия благочестию, но и в далноразстоятельных местах поблизости барнаульских заводов и по великой // Оби и даже до реки Енисея простре учения своего проповедь, которыя и потом в том непременно стояти утверждаются и его общежителства бедно сиротство своим неоскудным подаванием ово сами привозяще, ово же от братства служители завсегда посылаются и тех верных щедротами зело награждаемы бывають. Иде же был великодобродетельный муж Тимофей Трофимович, посланный от братства тамошния страны учением своим просвещал лет 14 года жителствовал. Сей убо муж есть по телесному свойству сродичь нами поминаемому Иоанну Филиповичю. Бяше бо Иоанн стрый родный оному.

л.188об. Не бесполезно же оставити и се, яко виновный сей повестуемый вышереченный Гавриил бе зело любим великопремудрым отцем // Андреем кинновиархом. Взаимно же и от сего Гавриила зело почитаем и возлюблен бяше оный. По успении бо сем отценачалнице Андрее, егда сей Гавриил приехал во общежителство из сибирских стран и привезе с собою с протчими презентами и колокола во обои общежителства, тогда все братство со отцами Даниилом и Симеоном изъшедше из ограды далече с великим почтением и торжеством онаго втречаху. Он же такоже взаимными приветствы оных всепочтительно приветствова. Бе бо поистинне муж сладкоглаголив, егда точию вступи в молитвенный храм, тогда простре слово о усопшем выгорецком киновиа [р]се. Исперва обрати свое око на предводительствующих Даниила и Симеона, нача сие глаголати: Вижду Аарона, вижду Иисуса пред ним предстояща. Где же мой сей законодавец камо скрися от очю нашею вскую?

л. 189 Не вижду посреде // сего собора законополагающа вскую, не усмотреваю в сей братии витийствующа вскую и в молитвенном сем храме с братией не зрю с торжествующа, если вниду в столовую, и тамо его не обретаю председающа. Если вступлю в книгохранительницу и ту праздну смотрю своего книгоразсудителя. Если вникну во общественныя соборы и в тех не зрю всепремудраго разсудителя. Если

созерцаю брацких трудников, и тыя лишаются своего дивнаго усладителя. Если опытаю болничныя насмертники, и оныя рыдают неутешне своего любезнаго посетителя. Но пренебрегу ли взыскать любимаго отца Андрея и в друго пределных сиротских селениях, но и тамошних бедных сирот сонмы слышу плачем и рыданием за отсутствие отца наполненных.

Рцыте ми, где мне ныне любимаго взыскать, скажите моего всежеланнаго мужеству тезоименитаго отца, где можно обрести? Не терплю бо безрения великопремудраго мужа, не уступаю без присудствия всепреудивительнаго всей *л.189об.* России // учителя. Или на гору Синайскую взыде ради приятия законныя правды. Но тоя из младых ногтей вседобре научися или востече на оную ради научения всеблагодатныя тайны, но и оныя бе сей изначала всебогато от превышняго одаренный, знатно любезный мой, любимый мой в далекую страну отъиде. Видно всеполезный наш всецерковный учитель в незнаемыя места утече за правдотворительныя своя дела прияти по павлову гласу венец правды и протчая иная на утешение предстоящей братии тогда изглагола сей сладковещательный славии всех на удивление и слезы подвиже.

Вси теплыя слезы со возхлипанием издаяху не помалу же удивляющесе премудрости словес мужа. И по сем приездный молебен отправляху. И по оном благодарствием онаго сладостне приветствоваху, благодаряще его за всеполезныя общерацкия труды и попечение и // за исхода-*л. 190* тавование превеличайших милостей от господина Демидова, чрез которые толико братство пользовася, яко бы уже падшее восстановлено бысть. Весть бо господь и неверующими сердцами владычествовати и чрез оныя всеубогшим рабом милостивныя источники изливати, якоже и плененным израильтяном по возвращении из вавилонскаго плена от неверных перских монархов церковь святая святых сограждена бысть и град святой Иеросалим устроен и многая на вещи и жертвоприношения от их имени удовлетворения приимаху. О чем в Ездриных обоих книгах во главах 6-х довольно о сем повествуется.

Сообразно же тому и сия наша гонимая и стесняемая многоковарственными наветы и Выгорецкая пустыня и от неверных сердец многожды получила и получает заступительныя и снабдительныя в потребных ° имствах милости. Весть бо по писанному от святых °: И неверному и срацын-*л.190об.*скому // сердцу сотворити милость, но о сем убо дозде. Последующее же да глаголется.

По преставлении же Гавриила Семеновича вскоре уведомившеся, ездил в тамошня страны брат его Никифор

° испр., в ркп. было потребах, над строкой написано бны;

° на поле ркп. тем же почерком Книга Аввы Дорофея;

Семенович, тогда бо он прилучися быти на Выгу и, забрав тамо обретшиися братния пожитки, и вскоре того же лета возвратися.

В 259-м году по необходимости отправлены быша из общежителства в рекрутство две души и тем и протчии души в прошедшем годе определенных указом за три набора очистилися.

В 7260 (1752)-м годе паки указом спрошены быша со всего общежителства рекруты со ста душ и отданы быша три души, протчия же в приложены с протчими в складку.

л. 191 В 7261 (1753)-м на Лексы в ноц на воскресенье от небрежения некоторыя служительницы, ходящей со огнем, зажеся челядия // и вся до основания згорела.

В то же время Семен Петров чрез Ману[и]ла Петровича взя под свое смотрение при Пигмацкой пристани графа Шувалова отправление трески в Санкт-Петербург и надзиранье моржины и ворванья сала. Тогда присовокушил оному пристани и строение новоманерных судов во общество же себе принял Козму Иванова и Стефана брата его, да и Алексея Олончанина и иных себе единоправных.

л. 191об. Тогда оле соблазна и всяких безчинств при оной пристани потоцы пролияшася винопитие и песней бесовских и игрищныя пляски от сих безчинников возрастоса. При них же и иныя безчинныя страсти проникоса, отчего и на все братство худославие навлекоша. Тех бо ради и все общества приимаху от пламанты и благодетелей уши такими безчинствы оглашахуся нетщалевейши ко щедротам бедных сирот бываху.

л. 192 Приходящия же припасы в Пигмацкую пристань от Санкт-Петербурга и из низовых российских стран посылаемая на сиротство: масло постное, мыло, железо, крапенины и холсты и протчее истощевашеся на их более собственность и желаемое пристрастие железом суды окавываше, маслом же каюты мазахуся, холсты же на парусы и на работников раздавахуся и лопляям в цену за работу судовую отдавашеся. Крапенинами же и мылом любимиц своих даряху и протчее безчинство неудобно слуху девственному от него и от протчих собственников его деяшеся плакаше бо тогда оскверняемо не точию выгоре//дкое святоотеческое место то со своими жителями, но и вся пустыня, а пособити себе недоумевашуся.

Понеже сей Семен zelo уполномочися в тогдашния времена Мануйлу бо отцу тогда в старость приходящу к сему же и удручену бывшу протчими делами комиссийскими, возразити оных наглость недоумеяху, старых же устрашаше словами, а молодых противствующих ему отдаваше в рекруты. Сам же часто временно в Петербург ездяше и от

города привозимыя курioзные вещи и ими дарствоваше высочайших господских лиц и оттого милостивую себе получаше от них привиллегию и представляем бываше от них пред императорское лице.

От них же по временам своим получи три пары кавтанов с прозументами. Тем и паче кичашеся над всеми, что хотяше, то и деяше. Протчим же страхи и грозы навождая *л. 192об.* и словами своими хвалословствоваше: // Кто, рече, может противу мене спорить? Все в моей власти заключается. И в сих своих надмениях выше облак своим умом летати помышляше, но и в последующих летех увидим в какую низости подлость сниде, еже всем видящим удивление и покивание главам содела.

В та же времена вышепоминаемый Андрей Федотов новоженыйся и живый в Сергиевском ските всяким слагаяся и работая безчинствам, бывый союзник вышеписанным Алексеем Родионову и Григорию Яковлеву, позван бысть указом чрез Алексея Родионова в Новгородскую канситорию. Егда же приеха, удобно согласися великоросийстей церкви и прия присягу. И потом клеветами загоре на выгорецкое место, подаде доношение на новоженов в канситорию. От канситории определен бысть и послан с комиссиею во Александров // монастырь. Егда же прибы во оный, велми хвалословствоваше на Выгорецкую пустыню всю глаголя: Андрей собра ю, Андрей и разорит. И направляешся в пустыню, быв в бане, и по изшествии из бани сел на коня, поезжаше с комиссией в суземок, и печаянно паде с коня и тако разбися, что судки ничего глаголати не можаше и умре окаянно, не получив желаемаго. Общежителство же божиею благодатию от сего напраснаго клеветания свободися и комиссия вспять возвращена бысть.

В та же времена, жителствуя в Куноозерском ските, некто Иван, прозванием Торомской. Сей бо недовольствуяся своим своевольным и роскошным житием грозяшся на жителей своего скита и протчих разорением, и при многих взем лучину с печи и, преломив ю надвое, и рече: *л. 193об.* Убий меня бог, аще // ясуземка не поворочю так, как сию лучину или не наведу напасти. И так как он скоро преломи лучину, и так и бог не закосне его наказати страшным наказанием. В той же день, в он же глаголаше сия безумно велехвалныя речи, внезапно бо невидимою силою поражен бысть, паде на землю и нача изо уст тещи пена и тако тружався. Того же дни и живота своего окаяние лишися.

При оном же скончании прилучивыйся быти Сергиевскаго скита Иван Пудога, и той такожде име некия крамолы со своими скитяны, писаны на реэстрѣ, кия помышляше публично подать в Олонец. Егда же сию увидев страшную и смертную трагедию, немедленно пришедши в

л. 194 дом свой, предаде свои дела огнесожжению // и со скитскими жителями примирися.

В та же времена по бывшему оговору Ан[д]рея Федотова частыя явились наезды възщиков. Жителствоваше на Веникозере некто Емелиян, по реклу Губан, кий по оговору предреченнаго Андрея не захотел во Александровскую комиссию явиться. И того ради заперся в дому своем с немалыми людьми. Однако никакова притеснения не бысть ему и жителствоваше тако более дву лет. И в 7259 (1751) годе по оговору от неких, приехав възщик прежде на Кодозеро и, взяв с собою понятых, приеха тайно на Веникозеро. И во двор оного Губана внидоша в молчании и долго ожидали, время часов до четырех. И в то время по случаю отворя двери, изыде человек из запору. Команда л.194об. же нечаянно в то время вскочи к ним в хоромы // и всех до одинаго перехватав, перевязали и в Олонец отвезли. И тамо подержав, всех по своим местам разслали. Заводцу же сего дела Емелияна в Новгород в кансистирию отравили, идеже он много истязания претерпе, даже до трех годов во оном одержании пребыв. Последи же бегством ис кансистерии спасесе и во свой дом приити уже не посме, но до смерти своя по лесам скитаяся и живот свой тако оконча.

Тамо же и в то же время в Верховье, близ Водлозера Медведевой деревни, во урочищи Паезеро жителствоваше некий старец именован Серапион, который немалое число людей самых бедных, прописных и скитающихся бога ради набра и хранину, как ему потребну, к запору укрепи. Такожде по слышанию и по оговору неких и к ним приехал възщик. Нача их допрашивати чего ради их собрание и л. 195 по коему нау//чению. Запорствующие же просиша у него сроку на два часа. Возщик же и даде им по прошению их.

Они же в то время начаша молебен пети и между тем из команды един салдат по углам приздынуся, хотя во окно к ним внутрь посмотреть. Увидевше же его, запорствующие и зажгошася. Тогда комадствующий господин възщик нача говорити понятым и извощикам: Видите вы сами, о человецы, что я им никакова притеснения не учинил. Из них же един ис пожару во окно кинулся и взяша его под караул и в Олонец отвезоша, идеже он много наветов и смущений на суземок наведе. Такоже и Водлозерской погост. Чего ради из общежителства взят бысть в Олонец Мануил Петров да Яким Симанов. С суземка же староста Стахий Осипов и Василей Данилов. С Водлозерскаго же погоста староста, кия много истязаны быша за вси про- л.195об. шедшия гари и допраша//еми, кто и откуда и каковыя были люди, и чего ради згорели и на чией земли, и от какова притеснения. О всем же том много трудяшася ответствовашу, благодатию божиею тех плетений избывше во своя благополучно отпущени быша.

Того же 7262 (1754) года в Каргопольском уезде от Чаженскаго жилища верст за тридесят, на месте, нарицаемем Порма, собрася немалое число девиц. В них же и из Чаженскаго жилища без известия началствующаго тогда Никифора Семеновича до шести девиц присовокупися. И на оное собрание по представлению старост волостных в город Каргополь и оттуда отправлена бысть команда, иже и пришедши ко оному месту. Они же затворишася крепце в храмене и огнем згореша. Из них же нецыи комадствующим в руде предашася и много на Чаженское жилище клеветаша. По представлению тех преда//вшихся, взята бысть в Каргополь Никифор Семенович и много от воеводы Маслова истязан о чаженских девицах. Он же исперва отрицашеся тем, что вси люди у меня при доме обретаются. А предавшиися клеветницы по имяны тех девиц показываху. Обаче чрез мздодаяние воевода дело утушил. И тако Никифор Семенович оного истязания избыв и в дом возвратися.

л. 196

Того же 262-го года Андрей Борисов приезжал еще в мирском характере и много от отца Мануйла и протчих отец приятствован и обычными дарами почтен. Он же вся выголексенская селения обоих пределов добре осмотрев, и бедных сирот неоскудным даянием и изобилно щедрив и в царствующий град с честью от общецелства возвратися. И потом возревнова о благочестии и о презрении сей суетной и тщетной славы. Нача духом распалатися к любви божией, еже всю сию многоя//тежную молву оставити. Исперва положи мысль на уме своем каковым образом может оных лишитися.

л. 196 об.

Бе бо славен и богат зело. И таковых имств вскоре и явным образом не можно гоньзнути. И сего ради умысли ехать в Киев и поклонитися святым мощем. И оттоле камо восхоцет намерения своего мысль может без препятельства исполнити: еже восхоте, то и сотвори. Егда же нача сбиратися, в тайне сия творяше, да не возбранится любезными сродники мысль его намерения. Паче же от любящей его зело паче меры его родительницы (отцу же уже умершу). Егда же на конце возвести ей свое намерение, что отъезжает в Киев ради поклонения святых мощей, сия же слышав, родительница его, нача своею терзатися утробою, не яко в Киев его отпускаючи, но яко в некую необраща//емую страну. Изливаше всегеплыя своя слезы, возразити же его намерения никакоже можаше. Но и он не помалу скорбя, разлучаем от своея любезных родительницы.

л. 197

И шед в тайную храмину, поплакав несколько, и отер свое лице, и шед в светлом виде и конечнаго сподобися прощения и благословения, и поехав к Киеву и тамо походев, святая места и к мощем святых отец благовейно приспе, радостно облобызав, вручаяся тех молитвам. И потом,

паки приехав в Москву, но к тому не въеха во свой дом, но тайно к некоему христианину. У него же некое время довольно пожив неявленне и совершенно возбудися ревностию ехать на жительство в Выговскую сию пустыню, иже поем с собою последовавшую родительницу. И приеха в сие Выгорецкое жительство в лето 7264 (1756).

л.197об. казанским ку//пцем, от которых внимаше воздержному житию, покаялся их воли и наставляшеся духовному состоянию к сему же учащеся от отца Мануила и словесным наукам. От него же и любим бяше, такожде и от всех почитаем бе, не от неких за возражение их вредительнаго жития завистован по премногу бысть. О чем последи подробну вся исповестся. Ныне же настоящего времени случая да повествуются.

В 7266 (1758) годе возревновал Стахий Осипов о творимом рекруцком наборе с пустынножители, чтоб оной прошением уничтожить. Сего ради прошение подаде в Сенат. Из Сената по своей прозбе получил указ, чтоб с келейных жителей брать за всякаго рекрута по сту по двадцети рублей. //

л. 198 В то же самое время прибыть в Выгорецкое общежителство комиссия из Олонца. С нею же из Шунги приехали с указом пошы и объявили указ из Синоду. В нем же повелено все старопечатныя книги обрать и свести в Синод. Отец же Мануил и протчии старейшины зело о сем возболезноваху и недоумевахуся каковым образом сопротивитя оному указу и какия оным присланным каммиссионом учинить отговоры. Просиша сроку о том, но получитьи сего не возмогоша от них и быша вси печалны.

Комиссия же напрягательно принуждала отдать книги, рекуще, аще вы в том будете нам противни, то мы будем на вас репортовать в Синод противность. От чего вам может последовать величайшее зло. И тако принуждающе и устрашающе Мануила и протчих общежителей. Бог же // *л.198об.* всемогущий строяй на ползу гонимым пустынножителем внезапу сотвори приехати Стахию Осипову, который из Санкт-Петербурга прибыл в дом свой.

И егда услышав комиссию в монастыре быти, немедленно приеха тоя ноци в монастырь и явися каммиссионом и много их моли, чтобы они соблаговолили о том дать на некое время сроку. Тии же ревнующе к бесполезности общежителной и ни ему дати сроку не вохотеша и то же и оному глаголаша: Откажите вы нам отдаение книг, то мы будем на вас в Синод противность писать. Видев же Стахий несложность к его прозбе оных, глагола к ним: Когда же вы возмете у нас старопечатныя книги, то мы по каким книгам будем за ея величество всемилостивейшую государыню бога молить.

л. 199 Егда же то услышавше комиссионы убоявшеся, начаша к склонности глаголати: // Если же так, то мы не возможем много противоречить. Изволте Стахий Осиповичь дать нам подписку по вашей угодности, по той мы и Синоду будем репортовать. Тогда Стахий даде им подписку, испрошая сроку на месяц. Сам же немедленно в Санкт-Петербург поеха, и тамо от главнокомандующаго в Синоде члена архиерея Сеченова указ исходатайствовал, повелевающь содержать книги по-прежнему. И тако сия напасть и ловитва синодальная праздна бысть, общежителствующи же сея изыбывше, благодарствовашу бога.

л. 199об. Сей же Стахий потом часто временно к сему к духовному члену Сеченому приходя, разглагольствова много о всяких вещех, паче же и о содержании выгопустынных жителей древняго благочестия. Зело бо любляше за превосходящую его словесность. Некогда же помянул ему сие, хотите ли // я вам по вашему мнению рукоположу епископа, которой ваши недостатки может совершать. Стахий же отрекся несосложением к сему своего общества. Такоже и невосприятым обычаем. По сем же и иная многая архиерей любезно со Стахием разглагольствоваше и многая всему Выгорецкому жителству по онаго прозбе творя угодная, отвращая кансистерския и поповския вреждающия наезды.

В 7266 (1758)-м годе на Лексе построена бысть тцанием благодетелей новая женская болница.

л. 200 В 7267 (1759)-м годе указом потребовася в Олонец Мануил Петрович неких ради дел и тамо быв, и о требуемых делах испытан бяше и тако ответствова и свободився, во общежителство благополучно приеха марта 22 дня. И недели сущей на павечерницы, пришед от вечерни во свою келию, нечаянно преставися. Братиям^а // же зело оскорбившимся, яко тако вскоре отъиде сего света многополезный отец. Всем плачущим и рыдающим, якоже мужеску полу, тако и женску и всем болничным сиротам неутешно стен[а]ющим и приходяще ко гробу вси со отцем прощахуся и потом во второй день внесше в часовню с подобающим пением усопшаго почтивше и ко гробу со многими слезами проводиша на услоприемной горе, вместе со отцем Иоанном Филиповичем. И отдавше персть персти конечным прощением вси со отцем прощахуся.

л. 200об. Тако отец Мануил Петрович жизнь сию оконча, тако скоростию дни его пресекошася. Мнози убо нецыи о внешности его скончания сомневаются, яко толик муж возъиме смерть скоропостижную. Но кто может божиа судьбы измерити, кто таков дерзостив обрящется разум владычней испытати, глаголющу убо вселенскому учителю // Афона-

^а далее приписано тем же почерком Поживе же Маноил в пустыни 46 лет, всего же жития его 68 лет.

сию Великому многожды бо рек: И праведным смерти грешных бывают, такожде и нечестивым праведных исход сего жития случается быти. Чего ради неких недостатков таковая смерть да тем очистятся оных, другим же таковая благоспокойная бывает кончина, некоея ради добродетели ползуются. Она може во иной жизни совершенное примут мучение.

Почюдишилися оному сумняся, почюдися и сему, яко же лествичный небошественник глаголет: Мнози бо [рече] и еллини о смерти провещаша, но что провещание им пользова, егда кроме просвещения жизнь сию всепреокаянне скончаша. Что же повреди сих великих отец внезапное скончание, еже есть Афанасия Афонскаго и учителя преподобной Афонасии чудотворнаго онаго мужа Матфея. *л. 201* Ов бо внезапно каменным зданием бысть засыпан, ов же // морем поглощен.

Что убо повреди и онаго богоноснаго мужа, иже зверие его растерзаша, но яко же сих скончанием внезапным не повредися, ниже помрачися тех святость, но паче от бога прославлени быша. Убо и отец Мануил великодушный взирая на вышереченныя свидетелства не усумнется пременение жизни. Паче же не дерзаем мерити божию неисповедимую судьбу, якоже учитель языком глаголет: Кто разуме ум господень или кто советник ему бысть.

Но речет ли кто подзорствуяй чюдных недостатков, яко отец в неких последи прославися. Но тому да представятся пред очеса по извесу праведныя в [р]аги сего мужа ревность о благочестии и протчия добродетели. Кто тако безбоязлив и усерден показася противу оных адом зияющих иеромонаха Неофита уст, их же он при подании ответов своим *л. 201об.* великопремудрым разглаголством // и правдоказательными от священных писаний доводы затче и немы сотвори? Мануил. Кто слышаших тогда сию спорную критику ушеса удиви? Мануил. Кто безнадежны новичников тогда предстоящих сонмы сотвори? Мануил. Кто многоковарное тех стяжание, яко паучину раздра, аще не сей Мануил. Кто сетей распростертых на все пустынное сочленение многоразумне избы, аще не великоразумный Мануил.

Претеку ли и протчих Мануиловых всеполезных о всем обществе стараний и всеусердных его подпитательств без известия оставити, елико он при наезде всегрозныя комиссии показа, если высочайших персон к прошению милости — Мануил посылашеся. Если главнокомандствующим комиссионном — Мануил представляшеся. Если // ко ответу много истязуемых пунктов — Мануил за всех вопрошашеся. Если при вопросех многобедственных сирот, Мануил всегда предстояще, аще инья бежанием своим себе защищаху. Мануил же мужествен при деле обреташеся и безбоязненный бываше на подъятие всех бед произволник, не уstraшаяся

всеяроствныя судей свирепости не колеблем противу тех жестокой злобы бываше.

Сие несть ли мужа великопостоятельное благочестие, сие не суть ли война о благоверии ревностию помазаннаго. Дивно ли сие и некако, еже неким от сего укрыватися и бегати в далечайшия страны и внутренних пределов скрываются, но сие дивнее обрящется на трижнение, еже противу сего адскаго гонительнаго пламени стати и кроме опаления свое благочестие соблюсти. Сей убо дивности нами виновный // л. 202об. повести сей муж по премногу явился, иже чрез годищное время со оным велияром иеромонахом брася. Также и в коммисийской преужасной брани почти до десяти лет непрестанно сражашеся. Ово за всех боряся, ово же и за себе низложити хотящим мужа благочестное противляшеся, иже хотяй все или отчасти подробности в подвигах сих сего мужа известно уведати, той да прочтет историю благодати тезоименнаго и тамо довольно обрящет. Что же егда опытаем и паствосодержание онаго, в нем же великое попечение о обществе показа.

Некогда на Коровьем дворе некую девку за некоторые непорядки Мануил наказав ю. У ней же сродник Конан Фокин поймав его за ворот и нача его ругати поносными словами и трясти его всячески и едва от него избыв без пакости. // л. 203 И оной Конан пришед в кузницу да Андрей Лукин, и начаша его поносить всякими скверными поносы. Он же, Мануил, мимо идяше и послушал их поносов, и не возда им ничесо же.

Некто Григорий, по реклу Соловецкой, некогда за его непорядки на пути за Мертвой горкой стал его Мануил словам его ползовать. Он же с топором идяше и примахнул его. Он же не возда и тому никакова зла за зло.

А. Л. ТОПОРКОВ

ИСТОРИЯ ИВАНА ТРЕВОГИ

В ЦГАДА, в архиве Тайной экспедиции, хранится «Дело о малороссиианине Иване Тревогине, распускавшем о себе в Париже нелепые слухи и за то отданном в солдаты. Притом бумаги его, из которых видно, что он хотел основать царство на острове Борнео»¹. Перед исследователями, впервые познакомившимися с делом лишь в конце 1950-х гг., предстала своеобразная личность авантюриста и прожектера, обладавшего недюжинными литературными способностями. «При чтении архивного следственного дела,— писал Л. Б. Светлов,— перед нами разворачивается трагическая повесть о судьбе выходца из простого народа, молодого писателя, погубленного самодержавно-крепостническим строем»².

Иван Иванович Тревога, или Тревогин (18 [29]. VII. 1761—1 [12]. III. 1790), родился на Украине в семье иконописца, получил образование в Харькове. В 1780 г. вынужден был покинуть Харьков, некоторое время жил в Воронеже, в феврале 1782 г. приехал в Петербург. Несколько месяцев Тревога³ служил в типографии Академии наук, летом 1782 г. попытался издавать журнал «Парнасские ведомости». В связи с изданием журнала он вошел в долги и принял решение покинуть Россию. После полугода скитаний по Голландии и Франции он появился в Париже. Здесь Тревога неожиданно для окружающих объявил себя принцем Голконды — экзотического города в Индии, знаменитого россыпями драгоценных камней и шлифованием алмазов («сокровища Голконды»). В ходе расследования выяснилось, что мистификация имела далеко не безобидный характер: поведение Тревоги носило отпечаток самозванчества и социального протеста. Среди его бумаг были найдены проекты утопического государства на острове Борнео и «Области знаний», наброски литературных произведений. Дальнейшая судьба Тревоги драматична: из Парижа его отправили в Россию, после расследования Тревога был посажен в смиренный дом, а через

¹ ЦГАДА, Госархив, р. VII, д. 2631.

² Светлов Л. Б. Неизвестный литератор XVIII в. Иван Тревогин и его утопические проекты // Изв. АН СССР. Сер. лит.-ры и языка.— 1961.— Т. 20, вып. 4.— С. 326.

³ Мы будем употреблять украинскую форму «Тревога» (а не русифицированную «Тревогин»), поскольку она используется в публикуемом нами тексте.

два года отправлен в Тобольск и зачислен солдатом в местный гарнизон. В 1786 г. его перевели в Пермь, где он скончался в 1790 г. в возрасте 29 лет.

Следственное дело Тревоги уже привлекало внимание специалистов, ему посвящены статьи А. И. Старцева и Л. Б. Светлова, очерк о Тревоге включен в книгу М. Д. Курмачевой, в приложении к этой книге помещены некоторые материалы из его следственного дела⁴. Тем не менее материалы, связанные с жизнью Тревоги, в значительной степени остаются неизданными. Настоящая публикация вводит в научный оборот один из наиболее интересных текстов, хранящихся в следственном деле, — объяснительную записку, составленную Тревогой в Петропавловской крепости в июне 1783 г. и содержащую официальный вариант его автобиографии.

Обстоятельства, при которых была составлена эта автобиография, цель ее написания и адресат сообщаются в записи на ее первом листе: «1783 года июня 17 и 18 чисел привезенной из Парижа арестант Иван Тревогин в Санктпетербургской крепости принят и статским действительным советником Шешковским спрашиван, какое его прямое состояние, а притом доказыван был, что все, происшедшия от него в Париже показания, недостойны ни малейшаго вероятия, а сущая оные показания есть сплетенная и вымышленная лож, на что он сперва начал было утверждать ту ж свою самую лож, но как сказано ему, чтоб он отнюдь не осмелился утверждать ту свою лож, ибо здесь тотчас всеми обстоятельствами обличены будут все его вымышления и лжи, а потом поступлено будет по строгости законов без всякаго милосердия, потому наиболее, что он о всем здесь спрашивается по высочайшему ея величества соизволению, и оной Тревогин, зарыдав, стал на колени, говорил, что он все оное, что ни показывал в Париже, лгал, иное слыша от одного француза, а иное и сам выдумал, в чем во всем признает себя виновным, и для объяснения прямой о состоянии его истории и каких побудительных причин были показанную в Париже лож сплести, о том он о всем напишет своею рукою»⁵.

Непосредственно под этой записью начинается автобиография Тревоги. Особенности расположения записи на странице свидетельствуют о том, что она сделана позже, писавшему не хватало места на странице, последняя строчка налезает на начало автобиографии. И приведенный текст, и автобиография написаны одним и тем же каллиграфическим почерком.

С прагматической установкой автобиографии связаны ее грамматические особенности. Автобиография написана от 3-го лица, однако в ней встречаются единичные местоимения 1-го лица, например: «Между тем, когда уменьшилось собрания ученаго у Домашнева,

⁴ Старцев А. Иван Тревогин — издатель «Парнасских ведомостей» // Новый мир. — 1958. — № 9. — С. 278—284; Светлов Л. Б. Неизвестный литератор... — С. 326—331; Курмачева М. Д. Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII — начало XIX века). — М., 1983. — С. 221—235, 322—340.

⁵ ЦГАДА, Госархив, р. VII, д. 2631, л. 147. Опубликовано с рядом неточностей в работе: Старцев А. И. Иван Тревогин... — С. 282.

Кашкарров, представя меня директору, просил чтоб директор приказал тотчас Тревогу причислить на его место, а его бы во все от Академии уволнить»⁶. Подобные случаи можно объяснить недосмотром писца, но более вероятно, что такой переход на 1-е лицо принадлежит автору.

Текст автобиографии писался начисто каллиграфическим почерком, в котором обнаруживается сходство с черновыми рукописями Тревоги. Поскольку при каллиграфическом написании изменяется начертание букв (пишущий стремится приблизиться к печатному тексту), невозможно с полной уверенностью говорить об идентичности почерка, которым написан текст, с почерком Тревоги, хотя близость их несомненна.

Письменные показания Тревоги, данные им в Петропавловской крепости, являются основным источником для восстановления его биографии в период, предшествовавший его аресту (последующие события восстанавливаются на основе служебной переписки). Автобиография охватывает события, которые начинаются с приезда отца Тревоги в Россию и кончаются арестом Тревоги и помещением его в Бастилию, а потом в Петропавловскую крепость. Основная часть текста посвящена событиям в период с декабря 1780 г., когда Тревога бежал из Харькова, до мая 1783 г., когда его арестовали в Париже. Достоверность событий, описанных Тревогой, в ходе следствия была в узловых моментах подтверждена документально.

Автобиография Тревоги представляет собой официальный документ, однако перед нами случай, когда художественность возникает спонтанно в официальном тексте, показания подследственного становятся художественным произведением. Отчасти это связано с тем, что реальная биография Тревоги, полная невзгод и приключений, давала готовый сюжет для авантюрного повествования: здесь были и опыты журналистской деятельности, и побег за границу, и скитания по европейским странам. Но, пожалуй, более важным является то, что при написании автобиографии Тревога не ограничился простой регистрацией событий; он подробно описывает поведение людей, с которыми его сталкивала судьба, воссоздает свои мысли и переживания в различных ситуациях, что придает тексту определенный элемент психологизма. С особой подробностью останавливается Тревога на описании своих злоключений, добываясь в соответствующих фрагментах значительной убедительности, например: «В таковом своем отчаянии, не надеясь более ни найти себе прибежища ни в какой государственной службе, ни у кого покровительства, отлучаясь по два или по три дни и бродил, как ума лишившийся человек, по околицностям Санктпетербурга. И, не имея уже никакого средства достать или занять у кого-нибудь денег для продолжения начатых сочинений никакими уже своими хитростями, ни обманом, вознамерился продать все свое последнее и, уплатя что-нибудь, как надлежит, из долгов, оставить вечно свое состояние и, зделавшись

⁶ ЦГАДА, Госархив, р. VII, д. 2631, л. 156—156об., см. также л. 149об., 155об., 157.

простым мужиком, идти искать уже не разумом своего счастья, но потовыми работами, которые крестьянам приличны»⁷. Интересно, что в некоторых эпизодах более или менее отчетливо просматриваются евангельские аллюзии: когда Тревога спит на земле, а постель его отдана собакам, он напоминает Лазаря; евангельские ассоциации вызывает и бегство от мучителя Колбека, пришедшееся на Рождество Христово.

Следует отметить еще одно обстоятельство, придающее автобиографии Тревоги определенный литературный колорит. Вот как рассказывает Тревога о своем решении выдать себя за азиатского принца: «Но зная, что до тех пор испытывал он счастье свое без всякого успеха в питомцах, гардыропцах, живописцах, архитектурном подмастерьи, в регистраторе губернском, в учителях медицине, придворной конюшенной, в корректоре сенатском и академическом, в стихотворце, в прожекторе, в мужике, матросе и прочая, думал, наконец, чем бы таким мог оное найти по средством уважения к себе... Он знал, что Борнео-остров никому почти нигде не известен, так под именем какого-нибудь из оного владетеля несчастного счастье свое отведывать пожелал»⁸. Роль азиатского принца, которую решил принять на себя Тревога, предстает здесь как одна из многочисленных ролей, наряду с теми, которые ему уже довелось сыграть на театре жизни. Характерно, что эта новая роль ассоциируется прежде всего с внешними атрибутами: «Наконец и вздумал сделать себе платье и неизвестные знаки... Он велел сделать майстру маленькой крест и звезду, наконец, платье, и только оставалось ему обождать окончания оных...»⁹. Здесь вспоминается характерное для украинской и других славянских культур эпохи барокко представление о том, что мир подобен театру, «где актерами и одновременно зрителями были все смертные, где режиссером выступал сам бог, а сценической площадкой было мироздание»¹⁰. Это представление, в частности, неоднократно развивалось украинским философом Г. Сковородой, старшим современником Тревоги. Несмотря на драматический характер событий, о которых рассказывает Тревога, они подчас производят впечатление маскарада, сопровождаемого к тому же сменой платья (интересно в связи с этим, что в училище Тревога был хранителем гардероба любительского театра). Например, Тревога, решив, «зделавшись простым мужиком», заняться крестьянским трудом, «пошел на рынок и, купя беднейшую деревенскую одежду, надел ее и в ней пошел по выборгской дороге, с тем чтобы где-нибудь пристать для работы у мужика». Позднее Тревога в этом же наряде общается с французом, который, «удивляясь такому уচিতовому мужику, обещался сделать для него все»¹¹.

⁷ Там же, Госархив, р. VII, д. 2631, л. 160.

⁸ Там же, л. 165—165об.

⁹ Там же.

¹⁰ Сафронова Л. А. Поэтика славянского театра XVII — первой половины XVIII в. — М., 1981. — С. 55.

¹¹ ЦГАДА, Госархив, р. VII, д. 2631, л. 160—161.

Как уже отмечалось А. И. Старцевым и М. Д. Курмачевой, одно обстоятельство, связанное, в частности, и с переодеванием, оказалось особенно пагубным для Тревоги¹². В Париже он рассказывал, что действует в качестве комиссионера некоего азиатского владыки. «Сей комиссионер называл сего владетеля государем над козаками, которой вскоре будет в Париж, что он и вся его свита носят козацкое платье, в числе оной свиты он и его комиссионера увидит при сем государе в таком же платье...»¹³. Все это слишком напоминало о Пугачеве, чтобы пройти без последствий для Тревоги.

Таким образом, публикуемый текст представляет интерес не только как историко-бытовой документ, но и как литературная биография. До сих пор он был известен лишь в кратких пересказах и отдельных извлечениях. В приложении к книге М. Д. Курмачевой был опубликован документ, содержащий краткое изложение биографии Тревоги и обстоятельств его дела¹⁴. В отличие от публикуемого нами текста он имеет чисто фактографический характер. Этот документ был составлен на основании показаний Тревоги для представления Екатерине II, составитель последовательно опускал все, что не относилось к основным событиям, т. е. то, что и представляет в показаниях Тревоги особый интерес. Вызывает недоумение тот факт, что при публикации в книге М. Д. Курмачевой документ озаглавлен «Автобиография И. И. Тревогина», он не может быть так назван даже условно.

Текст печатается по рукописи ЦГАДА, Госархив, р. VII, д. 2631, л. 147—166об.

ИСТОРИЯ ИВАНА ТРЕВОГИ

л. 147

Во время польского конфидератства¹ Иван Тревога, уроженец Луцкой, оставив свое отечество, пришел в Россию в Украину. Он был тогда еще малолетец, да притом и не богат, чего для желал вступить в какую-нибудь службу, состоянию его приличную, но будучи более всего способен к живописному рукоделию, не упустил он, чтоб не прибегнуть к одному там славному италийскому иконописцу по имени Венедикту, котораго вечной памяти император Петр Первой для изюмской соборной церкви в Россию призвал. Венедикт, держа Ивана Тревогу как родного своего сына, обучал его своему художеству, а сей по природному своему к оному дарованию к трудам прилежал, да и так успел, что напоследок, по смерти Венедиктовой, сделался первым наследником искусства сего славного иконописца.

¹² Старцев А. Иван Тревогин...— С. 283; Курмачева М. Д. Крепостная интеллигенция...— С. 228.

¹³ ЦГАДА, Госархив, р. VII, д. 2631, л. 110б.

¹⁴ Курмачева М. Д. Крепостная интеллигенция...— С. 336—340.

Тревога, увидя себя в таком славном состоянии, ежжал с места на место для работы, куда был призываем, от ^а чего ^б не только не захотел в Польшу возвращаться, но еще и вздумал в России жениться. Работая же в Сенькове городе ², где с распростертыми руками был принимаем в дома от всех дворян и обывателей, был он вхож в дом одного богатого *л. 147 об.* и славнаго сотника по имени Ивана Бо//гуславскаго, котораго также император Петр Первой пожаловал многими волостями по причине своея для него работы. Иван Богуславский имел у себя двух дочерей, из которых меньшую не только не любил, но еще и содержал ея как первую свою служанку, что приметя, Иван Тревога стал стараться всякими способами ея подговорить к бракосочетанию от тай ея родителей. Александра (имя ^в меньшей дочери ^г), видя сестру сговоренную ^д за одного капитана Капустянскаго да притом и зная, что родители бы ея никак не согласились на бракосочетание своея дочери с Тревогою, равномерно не уповая более найти подобнаго случая к избавлению себя от ненависти своего отца, на то с радостию согласилась. Сначала родители смертельно за то на нее сердились, а напоследок вину ея ей простили и снабдили ея разным приданым и всем, что за дочерью дать надлежит, выключая только волости, из которых ей четырнадцатую ^е часть было обещано дать другим временем.

Иван Тревога, жениясь, поехал тотчас в Изюм, купил дом и в оном начал работать, с тем чтобы более с места на место не переижжать. Проживши ж там полтора года, родился ему в 1764 году июля 18 дня сын, которому при крещении было дано имя Ивана (тот ^ж самой, которой здесь допрашиваем ^з), чрез несколько лет родился другою, которой назван Федором, а в 1767 родился меньшей Даниил. Тревога, видя скопившуюся семью, захотел опять оставить свой дом, жену и детей, дабы сим средством приобрести более для себя имения. В то время был он зван в Змиевской монастырь ³, куда он приехав и пожив несколько времени, вдался очень в худую страсть, в которую обыкновенно все славные художники вдаются, то есть в пьянство. Лишь только приметили в нем сию страсть, то тотчас записали его обманом в подушный оклад ⁴ и // [стали] ^и обижать его разными образы, но он не долго то сносил по той причине, что в 1770 году, проеживаясь пьян с некоторыми монахами в шлюпке у вышепомянутаго монастыря, был нечаянно с шлюпкою опрокинут и, за неумением плавать, оставлен в оной вечно. Жена его Александра, услышав о смерти мужа, поехала в монастырь и принуждена докончатъ начатую работу мужем ея своими теми людьми, которые ^а у Ивана Тре-

л. 148

^{а-б} В ркп. написано над строкой; ^{в-г} в ркп. подчеркнута; ^д испр., в ркп. сговоренную; ^е испр., в ркп. четырнадцатую; ^{ж-з} в ркп. подчеркнута; ^и восставлено, в ркп. механическая утрата; ^а испр. в ркп. котыре;

воги были в учении. Окончив же и видя себя вдовою в молодых летах с тремя детьми, начала тотчас стараться, чтобы все свое имение собрать в одно место, дабы было чем содержать себя со всем своим домом. Она продала свой дом в Изюме да переехала жить в село Гороховатку⁵, где она имела еще дом с загородным двором, с мельницами и с садами. Потом, как уже умер и ее отец, а братья ее стали владеть всем отцовским имением и волостями, просила она у харковского губернатора Щербинина⁶ о выдаче ей из отцовского имения ей надлежащего, однако ей тогда было то отказано по причине отлучности двух ее братьев, из которых один служил в изюмском гусарском полку прапорщиком, а другой в том же полку подпоручником.

В ожидании сем Александра Тревогина, не хотя держать детей своих при себе и желая дать им воспитание, им приличное, повезла их в город Харков, где учрежденно всемилостивейшею ныне царствующею императрицею училище и в нем воспитательной сыротской дом под именем Харковских новопривавочных классов, и просила тамошнего губернатора Щербинина о принятии их в то училище и о причислении их в число питомцев, к двадцати пятем, на государственное содержание⁷. Хотя старший // ее сын Иван Тревога же имел от рождения своего уже одиннадцать лет⁸ и по регламенту не * надлежало бы его принять в число питомцев, коих обыкновенно принимают только семилетних, однако Щербинин всех троих ее сыновей принял и причислил к питомцам. Старший из них Иван Тревога по природному своему дарованию к живописи, подобно своему отцу, определен канторю тех училищ тотчас же обучатся живописи и математике, немного времени спустя стал он обучатся писать и читать по-русски * с орфографиею по правилам грамматическим, потом французскому языку, истории, географии, архитектуры и танцевать, а наконец, немецкому языку, некоторой части артиллерии, фортификации, писать красками с натуры, отчасти музыке и театралному искусству. Сначала, покуда добропекующийся губернатор Щербинин и с ним рачительной директор Горлинский пребывали, подобно другим детям и братьям своим, успевая в науках, находился без всякого своего приключения, но по наставии других начальников, когда бывало день иной без пища проживали все тамошние питомцы, тотчас случилось с ним одно приключение, делающее на век его несчастным.

Однажды, в самой светлой воскресной день Пасхи, будучи очень голоден по той причине, что в субботу перед днем Пасхи был наказан своим дядкою за невыучение урока на целой день голодом, хотел голод * свой утолить ежжею, но

* доп. по смыслу, в ркп. нет; * испр., в ркп. пороссийскии; * испр., в ркп. хонод;

прося чего нибудь поест у служителей, оставался в подобном своем состоянии без успеху. Он знал, где хлеб лежал, и так, пошедши, отворил шкаф и взял оттуда кусок // онаго, в то время когда никого в том месте не прилучилось, а потом и начал есть по ребячому обыкновению. Служитель, то увидя и имея приказ от дядки ничего ему не давать есть, пошел немедля и про то дядки сказал, которой, как, во-первых, почел то за послушание, а, во-вторых, и за воровство, наказал его без всякаго помилования в самой же тот день Пасхи, да притом для отвлечения в другой раз от подобного велел ученикам называть его "вором. Однако испраностию себя от онаго, да притом возрастом и успехами в науках нареkania того скоро ° убог. Да не только то, но еще ему были вверенны живописные все каморы с орудиями и рисовальные сундуки под надзирание как первому ученику в сем искусстве, равномерно как и весь гардероб театра училищнаго. Сею вверенностию и рачением за всеми своими должностями вошел он в любовь всех почти учителей и учеников, а за сие и давали ему почти первенство во всем воспитательном уже доме, пока то все не прервалось вечно другим приключением, которое с ним сделалось.

Директор тех училищ по имени Колбек был человек военной, ничего не знающий из наук, которые там преподавались, человек престарелой и, одним словом, больше свой интерес наблюдающий, нежели общественной. Губернатор Норов его любил много и для сего единственно оставил его при училищах, которые он тотчас поставил по-своему, да и, наконец, то сделал, что с двух тысяч учеников не находили более во всех училищах ста человек. Он не захотел более держать у себя эконома, по регламенту положеннаго, а вместо онаго определил он одного баталионнаго сержанта // из своей же роти и, наконец, библиотеку и всякия учебныя вещи содеража у себя взаперти, никому из них не давал ничего, разве уже по особливой к кому любви или за какую услужность. Тогда при нем был в канторе один копейст⁹ Шишкин, котораго директор очень любил и которой был великий друг Тревоге. Директор часто копейсту тому вверял ключи от всех мест.

Однажды Тревога по расписании красками одноколки директору попросил для упражнения в чтении книг из библиотеки. Директор, тотчас дав ему ключ, велел, чтоб он с вышепомянутым копейстом пошел в библиотеку и взял себе из оной нужные книги. Иван Тревога, вошедши туда с копейстом, брал их столько, сколько их ему надобно, числом до двенатцати, и, положи оные в сундук, отдал ключ тому копейсту для вручения директору, которой на то время заболел. По выздоровлении же деректора случилось незадолго,

⁹ в ркп. написано над строкой; ° в ркп. написано под строкой;

что один математический учитель был именован, которой, созвав деректора с учителями и приготивив для них обед, не имел у себя довольно служителей для служения у стола. Чего для и просил у деректора, чтоб он приказал детским служителям из воспитательнаго дому прити послужить им, пока они пообедают. Деректор, которой не только служителей для нас не держал, но велел еще и самым себе служить и за всем везде для себя ходить, зная, что у него в воспитательном доме тогда служителей не было, послал в воспитательной дом за питомцами и, призвав их в учителской дом, приказал носить им // блюда и служить у стола. Иван Тревога, будучи тогда превосходнее возрастом прочих и зная, что по уложению всемилостивейшей императрицы было для детей положено и жалованно, не мог снести крайней бедности и жалости своих братьев, которые от всех тем заслуживали презрение, а особливо по той причине, что между служащими теми питомцами находился и его брат Федор. По согласию своего дядки пошел вместе с одним своим товарищем к губернатору Норову жаловаться о таком поведении деректорском, надеясь особливаго от него покровительства как за то, что он обучал его сына рисовать, так и за то, что он доводился несколько сродни, по причине, что его двоюродной брат Ряслев был женат на Тревогиной двоюродной же сестры, где губернатор был сам и сватом. Но только что Иван Тревога приблизился к губернатору и об том на деректора ему произнес жалобу, то губернатор тотчас закричал на него, браня и говоря: как смеет он жаловаться на своего командира? Да притом подтвердил, что он велит деректору висечь его плетми. Едва Иван Тревога вышел из губернаторскаго дому, то уже по причине страха и опасности² от наказания деректорскаго хотел вовсе бежать туда, куда ноги его поведут, но опомнясь на дороге почти в четырех верстах от города, что сей его побег безрасуден, возвратился опять в воспитательной дом и, упавши дядке в ноги, стал просить со слезами, чтоб он его защитил от напастей деректорских, ибо он уже об этом знал, для того что губер//натор по изгнании Тревоги послал тотчас забрать с именин детей и деректора, которому он за то выговорил и сказал, что Иван Тревога етому на него приходил жаловаться.

Деректор ввечеру не был, но пришед на другой день с разсветом в воспитательной дом с тем намерением, чтобы его за такое дерзновение наказать. Пришед же, тотчас послал за палками, чтобы наказать, но за неимением никаких виц, кроме сей, дядка к тому его не допустил, да и самому деректору стало совестно за то наказывать. Однако с тех пор деректор искал безпрестанно к чему-нибудь привязаться, чтобы его висечь, равномерно как и самые учителя, ко-

² испр., в ркп. опасности;

торые на имяниннах находились. По прошествии же некоторого времени зделалась у одного учителя пропажа, то есть была уворованна^р у него шуба. Был обыск везде в воспитательном доме, напоследок начали оной искать и в сундуке Ивана Тревоги, а сие было на последней неделе перед Рождеством Христовым. Оная не найдена, но вместо сысканы вышепомянутые книги, которые он с копейстом в библиотеке взял и о которых все питомцы были известны. Тут-то директор полное свое удовольствие полагал, запераясь от ключа, которой ему он давал, и, разнося везде оные за ворованные, посадил Тревогу в железа и сам пошел сказать об том губернатору, которой приказал его за то наказать. Но Тревога в следующую ночь было ушел из воспитательного дому, и у одного своего вернейшаго из студентов друга // по имени Василия Фотеева стучался ночью у дверей, и просил помочи и защиты. В доме том все спали и ничего того не слышали, что принудило его спрятаться в стог сена, которой стоял в саду помянутаго студента.

л. 151

На развете, день еще хорошо не показался, директор, пришед и узнав о его побеге, велел всем людям и самим питомцам ити и везде искать в городе. Те, которые знавали, что он всегда бывал у Фотеева для обучения там детей географии и арифметики, бросились тотчас к нему и, не найдя у него, начали искать по стогам, где и нашли. Он было хотел бежать и отсюда, но вдруг уш был взят, и связан, и в дом поведен. По приведении велел директор принести розг и, положа, сек столько, что увидел всю спину облитую кровью и, наконец, хвалился еще повесть к губернатору, чтоб отдать вечно в салдаты. Но как сие уже зделалось в последней день перед Рождеством Христовым, то сие он отложил до перваго дня после праздника. Пока не мог встать с постели, писал он к своему другу Фотееву, чтоб он как можно старался сыскать извозчика, чтоб выехать до назначеннаго дни в какой-нибудь другой город, ибо ему салдатом быть на хотелось, в то время когда дядя его Пекин, подполковник пикинернаго¹⁰ херсонскаго полку, принимал в свой полк кадетом. Выбирая ж различныя места к побегу, не хотел он возвращатся к своей матери, зная, что оная, искав четырнатцатой части из волосей по надлежащему, потеряла несколько тысяч рублей и последних, которые она

л.151об. была сохра//няла для препровождения в вдовстве^с последней остаток дней ея. Онаго не нашед, пришла в крайнюю бедность, так что уже питалась и собственными своими трудами, а особливо после двойнаго ея пожара, сделаннаго от ненавистников и от разорения мелниц ея родним же ея братом. Тревога тогда вздумал ехать лучше в Воронеж к Щер-

^р испр., в ркп. уворовенна, ^с испр., в ркп. в довстве;

бинину, которой уже там был тогда наместником, чтоб просить у него прибежища как у своего прежняго покровителя. Он нашел извозчика до Воронежа, с которым договорился о цене и получа от Фотеева себе на дорогу потребное число денег, оставил на расвете воспитательной дом 3-го генваря 1781 году и город Харков, побыв в нем для учения почти восемь лет¹¹ и имея от рождения своего уже девятойнадесять год.

Тогда была зыма. Он не имел на себе более ничего, кроме камзола со штанами да худой шубы, которую он взяты мог себе на дорогу, чего для притерпеваия жестокость зымную, поотмороживал себе ноги и прочее тело до безконечности. Извозчик, не бывав никогда в Воронеже и не зная дороги, возил его днем или ночью по неизвестным и ненадлежащим местам, где он, сошед, просился в дома для обогрева себе, а вошедши и оправившись немного от холоду, начинал писать стихами оду в похвалу и благодарность Щербинину за воспитание, ибо первое его намерение было без сего к нему не являться. Уже он сие окончал и проехал более половины⁷ своего пути, как, стоя на постоялом пути в городе Волчьем¹², потерял все свои деньги, которые ему его друг дал. Тут извозчик // не хотел более его вестъ далее по причине, что не уповал он, чтоб Тревога мог где-нибудь взять денег для уплаты ему, но по прозбе же как сего, так и прочих посторонних людей, он на то согласился. Приехав же в Репьёвку¹³, достал он тут денег для своих нужд у одного священника Белявскаго, к которому Тревога по щастию своему имел от сына его письма. С сею добычею приехал он щастливо в Воронеж, где, пришед к Щербинину, поднес ему свою написанную оду и просил у онаго покровительства. Щербинин, увидя в первой раз питомца и его труды, что неоднократно видеть желал, наградил его по надлежащему и притом велел ему вступить немедля в штатскую службу. Но как тогда находилася и ваканция регистраторская при его канцелярии, то велел ему написать доношение, чтобы его на оную поместить. Во время же писания того доношения случился на ту пору в его канцелярии надворной советник Невской, которой, будучи городовым архитектором и имея у себя малолетних детей, желал принять Ивана Тревогу к себе в архитектурные помощники, с тем чтоб он вместе обучал и его детей тому, чему он учился. Невской просил себе Тревогу и у самага наместника, которой оному с радостию рекомендовал и советовал к Невскому итти в подпомощники. Тревога согласился и был принят жить в дом Невскаго.

Тут сначала было ему всякое удовольствие, но мало по малу онаго не ставало, ибо Невской не хотел содержать

⁷ *испр.*, в ркп. половоны; ¹² *испр.*, в ркп. Репьёвку;

двух вдруг учителей, потому что Невской имел в самое то ж время одного студента из тамошней семинарии, котораго он принял, подобно Тревоге, с тою только разностию, что л. 152об. он // с тем договорился контрактом на три года. Но как не было еще трех лет, то не мог того отослать из дому, а сходнее ему было отпустить от себя Тревогу, да то ему учинить и надлежало по причине бедности в дому. Не смел также он прямо сказать Тревоге, чтоб он оставил его дом, но приказал делать ему всякие досады дворовым, дабы сей чрез то сам мог его оставить. По нещастию Тревоги заболел он опухолью, которая ему приключилась от омерожения тела во время путешествия в Воронеж. Тогда архитектор, видя сего нещастнаго, мучимаго болезнию и почти находящегося уже при смерти, опасался, чтобы та болезнь не была заразительна, и сим средством не велел более впускать его в тот дом, где он жил сам, а приказал лакеям своим служить ему в нужном в том месте, которое он дал ему. Сим нечувствием или более умыслом оставленной Тревога в жестокой болезни помирал еще с голоду, ибо служители, зная господинов умысл, ни в чем оному не повиновались и часто в два или три дни едва приносили ему хлеба. Сверх того же Невской, уехав в свою деревню, поручил дом на попечение своего сына, которому было только осмнатцать лет, да, может быть, вместе и старание о изгнании Тревоги совсем из дому или на другой свет, ибо сын его после, приметя, что Тревога по старанию некоторых своих друзей уже начал от болезни избавляться, велел в досаду ему отобрать у него постель да на оной положить своих собак, а Тревоге, которой как не имел еще ничего, спать // на голой земле.

л. 153

Тревога, не стерпя сего случая да вместе и браней, оставил без всего дом Невского, пожив у него от 27-го января по 13 апреля, да пошел обо всем сказать Щербинину, которой, о том сожалея, что он, щитая за добраго человека Невского, сам ему онаго рекомендовал, велел тотчас послать в наместническое правление ордер о помещении Тревоги на вышепомянутую регистраторскую ваканцию. Все уже было зделано для приема и только надлежало бы Тревоге явиться к своей должности, как Тревоге по причине своей еще болезни не можно было то исполнить ближе как через месяц. Он тогда находился в доме у одного своего друга, с которым прежде обучались они вместе в школах и которой был в наместнической полате секретарем, а между тем, когда понадобилось вдруг много писарей в надлежащем месте, то губернатор Потапов¹⁴, не надеясь более, чтоб Тревога мог когда-нибудь к должности своей явиться по причине болезни, поместил на его ваканцию другаго. Когда ж Тревога пришел после в совершенное здоровье, то, потеряв свое место, начал опять искать для себя какой-нибудь службы.

По щастию его нашелся один богатой воронежской из депутатов купец, которой с радостию принял его в свой дом

и снабдил чем надлежало для обучения одного сына его. Тревога, видя себя в совершенном спокойном доме и в удовольствии, исправляя свою должность, начал упражняться и в окончании своих наук сам собою. Притом также желал получить еще и в тамошней семинарии учительское место, которое ему было тамошним архиереем и обещано по причине поднесения архиерею одной маленькой книги под названием «Погребальной^ф обряд сямцов^з», которую он перевел // с французского языка. Напоследок все препровождение своего времени в доме у купца положил, как по обыкновенному своему усердию за дарование жизни к отечеству, на сочинение одного сочинения под именем «Область знаний»¹⁵, которая бы очень полезна была для отечества, ежели б мог оную докончить. Но небывание его ни в каких других училищах, ни в России, ни в других местах, было причиною недостатка его упражнения^ч, что и подавало ему великую охоту к путешествию. Он показал свое упражнение Щербинину, которой и сам велел оное доканчивать, обнадеживая его, что он исходатайствует ему кошт для вояжирования так скоро, как поедет в столичной город Санктпетербург, взяв с собою и Ивана Тревогу.

Между тем случилось, что Щербинин был принужден ехать в столицу по имянному повелению всемилостивейшей государыни. В таком случае Тревога, не забывая милостиваго обещания своего покровителя, просил Щербинина, чтоб он взял и его с собою, а чтоб более показать к нему своего усердия и успех упражнения, поднес еще ему книгу под именем «Благодетельной^ч миценат^ч» своего сочинения. Книга, хоть была мало важна, однак нравилась наместнику, которой, наградя еще, велел приходить чрез три дни, чтобы ехать с ним в Санктпетербург. Время то настало, и Щербинин был уже совсем готов к отъезду, Тревога также не упустил приятить. Но однак получил от него отказ, потому что много с ним было уже взято людей, а повозок мало, однако ж обнадежил его, что он велит привести его к себе первым куриером, которой лишь только будет к нему отправлен из Воронежа // неделю спустя. Губернатор Потапов прислал нечаянно цыдулку к Тревоге на дом, где он жил, которою повелевал Тревоге явиться немедленно к нему. Когда Тревога пришел, то он сказал, чтоб немедля же приготовлялся ехать к Щербинину, которой просил его нарочно к нему. Тревога, изготовившись чрез два часа, был отправлен с куриером из Воронежа 29-го декабря 1781 году, имея с собою некоторое число денег, которые он от купца за службу свою получил, и в несколько времени вздогнал на дороге щасливо

^{ф-з} в ркп. подчеркнуто; ^ч в ркп. далее обведено сплошной чертой он те показал; ^{ч-ч} в ркп. подчеркнуто;

Щербинина в Вышнем^о Волочке, откуда с ним ехал уже до самого Санктпетербурга.

Приехавши же в Санкт-Петербург 4-го февраля 1782 году, не смел тотчас просить своего покровителя о обещанном ему, хотя несколько раз еще слышал подтверждение, по причине, что чувствовал^а Тревога очень великую боль от удушья, которая тогда заразительно носилась почти во всей России, а между тем Щербинин получил нечаянно и увольнение от своей службы. Сие зделало вдруг и попечительнаго обо всем человека заботливым и на прошения своих людей более не смотрящим^о, с чем так и уехал из самого Петербурга, оставив Тревогу и еще других трех человек ему подобных без всякой рекомендации никому и без мест и пристанищ. Тревога, не имея доволнаго числа денег для содержания себя в Санктпетербурге без какой-нибудь службы, начал оной искать сам чрез себя. Во-первых, пошел он тотчас к Рубану, к которому имел он тогда письмо рекомендательное из Воронежа от одного философического учителя, которой был Рубану великой друг и вместе и самому Тревоге^у ^{л. 154об.} ^{вог.} ¹⁶, что//бы посоветоватся лучше с ним, какую ему принимать службу и просить его о рекомендации своим знакомцам или другим каким людям. На ту пору был у него один лекарь из главного гошпиталя, которому он тотчас Тревогу и рекомендовал^о, прося о приеме его в число своих подчиненных. Лекарь обещался тотчас его к себе принять учеником, с тем что в короткое время зделает его своим помощником, и только уже и стояло, чтоб Рубан привел его на другой день в главную гошпиталь. На другой же день, когда Тревога пришел в дом с тем, чтоб ехать в гошпиталь, не получил сего господина в доме, в назначенной день равномерно, и в третьи тоже, что и принудило Тревогу оставить вовсе Рубана и искать в другом месте прибежища по причине уже недостатка вовсе денег.

Через день был он нечаянно рекомендован Нарышкину^у одним капитаном Верецагиным, которой, приехав с Щербининим и с Тревогою из Воронежа, жил в доме сего обер-штаммейстера¹⁷. Нарышкин велел Верецагину представить перед себя по любопытству и люблению смешных сочинений Тревоги, из которых некоторые были уже представлены ему помянутым Верецагиным, и, поэкзаминовав несколько в науках, которыя Тревога знал, приказал ему ходить к себе почаще. Тревога, будучи вхож несколько раз, прилично своей бедности стал просить Нарышкина о приеме его в какую-нибудь должность в придворную конюшенную, но как в оной находилось уже много и сверх комплетних служителей, то ему было отказано и велено обождать не-

^о *испр.*, в ркп. Вышнем; ^а *испр.*, в ркп. чувствовал; ^о *испр.*, в ркп. смотрящих; ^о *испр.*, в ркп. рекомендовал; ^у *испр.*, в ркп. Нарышкину;

л. 155 сколько времени, // с тем чтобы его рекомендовать генерал-прокурору Ал[ександру]^{*} Алексеевичу Вяземскому и просить его о приеме Тревоги в сенат или в другое какое-нибудь место. Но как бедность Тревоги не позволяла более оставаться без службы, то он вовсе перестал входить и к обер-штабмейстеру, потому что, пришед однажды к малолетним придворным певчим увидеться с малчи́ками Ямпольскими, с которыми он прежде обучался в воспитательном доме в Харькове, откуда они были привезены ко двору, был с радостью ими принят, единство только дабы учиться у него рисовать и арифметики. Тревога, в самом доме певчих ея императорскаго величества наняв для себя один маленькой покойчик и ^{II, а} имея стол вместе с ними, получал от них за учение малую плату и между тем безпрестанно искал себе службы. Он пришел еще к сенатору Воронцову просить его о приеме в коммерц-коллегию, которой велел ему приходить к себе на другой день, однако, не нашед его на другой день в доме, почел за неучтивость больше его утруждать и для того оставил и его, ибо в то самое время было опубликовано в Санктпетербургских ведомостях, что в сенатскую типографию потребен корректор и кто желает вступить на сие место в должность явился бы в оную типографию. Обождав три дни, было еще опубликовано, что потребен также корректор и в Академию наук, но как знал он несколько российского языка правописание, то и хотел в обоих местах отведать своего счастья. Сначала пошел он к генерал-прокурору просить о принятии его в какую-нибудь сенатскую должность. Генерал-прокурор, спрося у него, что он за человек, которому он сказал, что он был учителем, // сказал, что в то время не было никакого для него места, а когда Тревога напомянул ему о публикации о корректоре, то он велел идти ему и явится у обер-секретаря Поленова, которой был тогда директором и главным начальником сенатской типографии¹⁸. Тревога, не могши видеть в тот день Поленова, хотя и был в типографии, пришел к нему на другой день поутру, который, спрося об его состоянии, велел притить в иное время к нему, чтобы опробовать его в корректорском искусстве. Через несколько дней, когда опять Тревога явился в типографию, дал он ему для поправки корректурной два листа печатных некоего уложения, которое само по себе, имея подъяческой превосходнейший штиль, было для него столько дико с первого разу и непривычки, что едва он мог оное исправить, а по исправке было отдано Поленову на рассмотрение, которой велел ему притти для получения ответу на другой день. В назначенное время он не упустил притти, где от Поленова и получил отказ за неисправное поправление в печати

^{*} в ркп. оставлено место для полного имени.
^{II, а} В ркп. далее обведено чертой будучи;

ошибок, но се ли главной предмет того отказа или иной какой, того Тревога не знает, ибо как видно после будет.

Получив Тревога в сенате указ, пошел еще искать отведыванием своего счастья в Академию. Куда пришедши, нашел корректоров и спросил, правда ли, что надобен в их типографию корректор, на что показали мне одного корректора, на котораго на место потребен, ибо тот корректор Кашкаров¹⁹ просился от Академии в сенат в ту же должность, которую Тревога отведывал. Поленов уже велел ему взять от Академии увольнение, а Кашкаров, представя доношение в канцелярию // об оставке своей, получил уже повеление оную оставить⁶, а особливо по ордеру Домашнева велено было его уволнить, а на место его преискать другаго. Сему Тревога был рад и был отведен в тот же день на представление к директору Домашневу. Директор, увидя его и экзаменуя во всех его науках, дал ему одни французские письма перевести на российской язык и принести по прошествии праздника Воскресения Христова, ибо он был уже у него в последней день заседания в Академии перед праздником тем. А притом директор с радостию обнадеживал его дать ему, как скоро понадобится, корректорское или переводчицье место в Академии. По прошествии праздника, в понедельник, когда еще только начало разсветивать, Тревога вдруг услышал, что кто-то стучится у дверей его комнаты. Он, думав, что то был какой-нибудь малчик из певчих, которой какую-нибудь нужду к нему имел, встал с постели, и отворил дверь, и напоследок увидел, что вышепомянутый корректор Кашкаров вошел к нему и именем директора Домашнева просил, чтоб Тревога пошел немедля с ним же к директору, с тем что директор желает Тревогу принять тотчас в типографию. Сие для Тревоги было лестно, что само счастье идет его искать, не зная ничего о другом злоумышлении. Тревога немедля, как было велено, пришел к Домашневу, где, подав свои переводы, был похваляем от директора, которой подтверждал только о причислении его в переводчицью, а не о корректорской должности. Между тем, когда уменьшилось собрания ученаго у Домашнева, Кашкаров, представя меня директору, просил, чтоб директор // приказал тотчас Тревогу причислить на его место, а его бы вовсе от Академии уволнить. Директор, видя таковое дерзновение корректора, разсердился на него и велел ему итти, куда он желает, а Тревоге итти в академическую типографию и занять его должность, сказывая, что Тревоге с того же дня начнется итти надлежащее ему жалованье.

Кашкаров, поведши Тревогу в Академию, препоручил свое место, а сам вышел и не казался почти совсем уже в Академию уже целую неделю. Между тем Тревога был оп-

⁶ в ркп. слово написано неразборчиво;

робован канцеляриею Академии в корректорском искусстве и препоручен старому корректору Филипову для показания ему как за первым вступлением в типографию, так и за новостию его, всего того, что нужно ему знать, надсматривать и повелевать. Уже Тревога преобыкал к своей должности, и был ему поручен и ключ от корректорского кабинета, как Кашкаров показался опять в типографии и мало по малу стал опять занимать свое место, без всякаго подозрения, пока его злоумышление не открылось.

Одним днем, пришедши к Тревоге на дом, как будто бы был прислан от имени директора, и говорил, что Домашнев прислал его сказать, чтоб Тревога вступил в переводчицью должность, за тем что его не хочет он отпускать из Академии, да и канцелярия не дает ему увольнения. Но как Тревога, чувствуя нечаянную потерю места и сего, то отвечал ему, что он сам пойдет осведомится о сем к директору и в канцелярию, что услыша, Кашкаров, испужавшись, чтобы и в правду не пошел он, стал его просить уже дружески, чтоб Тревога оставил ему без всякаго протгвления опять его // корректорскую должность. Тревога не отвечал ему на то ничего и, видя обман, пришел и рассказал своему товарищу Филипову, от которого услышал, что Кашкарев просился из Академии в сенат в типографию, где ему перебыл место, что он приходил в одно же с Тревогою время просится на оное и как Поленов предпочитал его ему⁹ по причине четырехлетнего бытия уже корректором в ученейшем месте, то Тревоге и отказал, а по нескольких днях, когда стал экзаминовать и Кашкарова, нашел и его же не искусным в его искусстве и для того и ему отказал. Кашкаров, потеряв безрасудно свое место и не нашед другаго, прибежал просить помощи у Богаевского, которой был ему зять и любимец директорской. Бугаевской просил опять об нем Домашнева о принятии его в Академию, но как от онаго директора был уже наслан ордер совсем исключить Кашкарова от его места, а канцелярия тот ордер внесла уже в свой протокол, то и сам директор постыдился переменить свое повеление, а сказал, что если Тревога захочет вступить в переводческую должность, то тогда он может опять Кашкарова поместить в типографию, чего для Кашкаров и стал стараться, чтоб какнибудь Тревогу изгнать из своего места. Потом Филипов советовал Тревоге не уступать Кашкарову корректорского места, а продолжать свою должность как можно прилежнее.

По несколько времени Кашкаров, пришед в воскресной день рано поутру, требовал у Тревоги от корректорского кабинета ключ, подтверждая, что директор не велел более Тревогу впускать в типографию и велел отобрать от него ключ, а особливо, что будто бы должен Кашкаров по приказанию

л. 157

⁹ в ркп. написано над строкой;

канцелярии что-то исправлять. Но как в воскресной день поутру почти не случается там никакой работы, то Тревога *л. 157 об.* почитал то // лишь только за обман, а когда Кашкаров принес ему того же дня ввечеру ключ опять от кабинета на дом, то Тревога почел то за настоящую правду. На другой же день, когда пришел Тревога в корректорской кабинет, увидел, что все корректурные дела были винесены из кабинета, и, думая, что то товариш его Филипов сам оные взял, не спрашивался у других об оных. Наконец, пришел и Филипов и, увидевши, что много было снесено, а особливо еще из его, стал спрашиваться у Тревоги об оных, куда они девались. По рассказании же всего происшествия в воскресной день узнали, что товариш Тревоги тогда в типографии не бывал, да и Кашкаров никакovo не имел дела там, не сумневались более, чтобы не Кашкаров то зделал, а по пришествии его в Академию фактор и Филипов стали спрашиваться, на что он, приходивши к Тревоге на дом, брал ключ от онаго кабинета. Кашкаров от того отпирался, а Тревога во оправдание свое приводил тех певчих в типографию, при которых Кашкаров брал у него ключ. Лишь только увидел он малчиков, которые фактору и товаришу сказывали, как было, то Кашкаров, осердясь на то свидетелство, ударил Тревогу и начал было провожать взапей его из Академии без всякаго резону. Фактор, Филипов и все тогда находящиеся люди в типографии, даже и самой секретарь канцелярии, то видя, советовали Тревоге подать на него жалобу в канцелярию. Но как Тревога с природы несмел и боязлив, то он того зделать не хотел, хотя после и ежедневно терпел от него досаду, потому что Кашкаров не пускал его в корректорской кабинет, а притом не давал ему ничего и поправлять из корректуры // или иногда и давал, но тогда, когда показывал, что он опять дружно с ним живет², или когда Филипов бывал в отлучке, пока не зделал, наконец, такого дела, которое принудило Тревогу совсем отстать из Академии.

л. 158

Еще же в один праздник, которой прилучился тогда в понедельник, а в этот день неотменно должно собираться как поутру, так и после обеда корректорам для поправки корректурной ведомостей, пришел Кашкаров как будто бы мимоходом на дом Тревогин также поутру и между прочим говорил ему, чтоб он остался в доме по причине силнаго дождя и дальнаго пути, а что касается до исправки ведомостей, так он сам берет его труд на себя оныя исправить в другой раз, потому что Тревога имел уже и для первой корректуры у себя на доме, между же тем дал ему слово, что он про то скажет и Филипову, что труд Тревоги принимает он на себя и напоследок велел мне подписать первую коррек-

² *испр., в ркп. живіот;*

туру, которая никогда не подписывается, с тем чтоб можно было ему по исправке третей отдать в тиснение, а без того бы терредорщики²⁰ в тиснение не приняли. Тревога, окончив, отослал то в типографию, приказав второй и третей раз тиснения тех листов отнестъ для поправки Филипову и Кашкарову. Филипов тогда, пришед в типографию⁹, дождался очень долго Тревогу, ибо Кашкаров ничего об том ему не сказал, хотя с ним же и находился, и, почитая, что Тревога позабыл, что тогда был день собрания, послал по него наборщика. Лишь только Тревога услышав о том, то и пошел немедля в Академию и, пришедши, стал выговаривать Кашкареву за неустояние в своем слове и о том, что он не сказал ничего об нем Филипову, однако получил только от него извинение, что он об том совсем и позабыл, что обе//

л. 158об. щался он сказать Филипову. По окончании же спору были поправлены и прочия листы ведомостей, а те самыя которые Тревога на дому у себя поправлял, были отложены для исправки вторично на после обеда, и с тем уже все раставались, чтоб итти по домам. Кашкаров, зная, что Филипову надлежало очень далеко итти в свой дом, а особливо опять и возвращатся из онаго по дождю и худой погоды, которая тогда была, говорил ему, чтоб он не приходил в Академию после обеда, а ведомости же он обещается сам исправить с Тревогою. Филипов, не ведая тут ничего и щитая то говоренное от чистосердечия, на то согласился, прося Тревогу притти на его место в Академию. По обеде Тревога, помня свою должность, пошел в Академию и при входе был тотчас позван мальчиком на дом к Кашкареву, ибо он жил у самой Академии в казенном доме, к которому когда Тревога пришел, то он, извиняясь тем, что будет к нему в гости Бугаевский, отказывался поправлять с Тревогою ведомости, а просил их вовсе оставить на его попечение. Лишь только Тревога вышел, то Бугаевский, пришедши к Кашкареву на дом, начал читать первую Тревоги подписную корректуру и, нашед множество в ней ошибок, не велел Кашкареву исправлять ни слова, а отослать ее в тиснение. Наборщики, видя первую корректуру и в ней ошибки, тиснули ему другой лист, которой он, не читавши, велел так печатать, показывая, что оная уже в печать подпизанна. Наборщики, видя подпись, тиснули тех обеих листов до 1200 экземпляров и, наконец, отнесли куда надлежало. На развете, // когда не было еще ни Тревоги, ни Филипова в типографии, Кашкаров, вошедши в ону, потребовал те оба листа и, изготова репорт, которой бы фактуру, а не ему подавать надлежало, подал оной в канцелярию и с ним Тревогины листы. По собрании судей, когда оные были им на рассмотрение представлены, репорт его ему воз-

л. 159

⁹ испр., в ркп. типография;

вращен, а велено другой же, ему подобен, написать от себя фактору, по принятии от которого были насланы всем трем коректорам, фактору и наборщикам запросы, чтобы для лучшего правосудия всякой мог отвечать то, что знает или видел о испорчении и небрежении должности. По отобрании от всех ответов найдено канцеляриею Академии, что во всем виноват Кашкаров и что ему надлежало бы заплатить штрафу более пятидесяти рублей. Представила она о том на рассмотрение Домашневу, которой, только побраня Кашкарова за то, что он представил оныя при репорте, никакого более ответа на то не давал, а Тревога, боясь еще такового другого приключения, не сказав ни слова ни канцелярии, ни директору и не требуя надлежащего заслуженного жалования за тримесячное свое в Академии бытие, оттуда отстал и оставил Кашкарова на его же месте по-прежнему.

Тогда не зная уже, что более начинать ему. Будучи в надежде остаться долго при Академии, нанял он себе возле певческого же двора несколько покоев, как по способности близости возле певчих, которых он обучал, так и для избежания беспокойства. Тот дом стоялся бы денег тех, которые л.159об. он должен платить, ежели бы оставался при // Академии, а видя себя и тут несчастным, хотя бы и рад был оной оставить, однако не смел уже преступить обязательства контрактного с хазайном по имени Неймана. Для себя, видя еще и прочие домашныя вещи, которые он или купил, или забрал в долг и за которые непременно должен давать со временем деньги, стал искать какой-нибудь уже партикулярной работы. Он вздумал выдавать ежемесячныя сочинения под именем «Парнаских^е ведомостей^ж». Пришед же к обер-полицмейстеру Лапухину²¹, просил на то позволения, которой, прочтя оныя и пересмотря, требование его исполнять позволил. Тревога публиковал в «Санктпетербургских ведомостях» о своем намерении, что тотчас и полстило его, когда увидел несколько уже собранных денег, и в надежде иметь всегда такой успех и прибыток начал оныя издавать и, чувствуя всегда милосердие всемилостивейшей императрицы, матери Отечества, которое он ощущал^а во время осмилетняго своего пребывания на ея иждивении в воспитательном доме, преписал оныя ей, как бы виновнице его плода от наук. Едва сочинения те его появились, как увидел он вдруг великие копы бумаг, которые ему были присылаемы от других авторов, критикующих его сочинения, как то в таком случае обыкновенно и случается, однако Тревога тех не опасался и всегда делывал ответы на оныя и сам. Не успел еще окончать и месяца, как увидел неизчетной расход денег, которой ему прежде казался неприметным, ибо в каж-

^{е-ж} в ркп. подчеркнуто; ^а испр., в ркп. ощущал;

дой день выхода ведомостей стояло ему самому до сорока рублей, а он не получал в день и половины²¹, // потому что в другие города ни в какие из них не отсылал. Тут-то не только он издержал полученные за ведомости деньги, но даже еще и последние свои, которые он доставал другими своими трудами, издержал и, наконец, еще и впал в долги.

В таком своем отчаянии, не надеясь более ни найти себе прибежища ни в какой государственной службе, ни у кого покровительства, отлучался по два или по три дни и бродил, как ума лишившийся человек, по околичностям Санкт-Петербурга. И, не имея уже никакого средства достать или занять у кого-нибудь денег для продолжения начатых сочинений ни какими уже своими хитростями, ни обманом, вознамерился продать все последнее и, уплатя что-нибудь, как надлежит, из долгов, оставить вечно свое состояние и, сделавшись простым мужиком, итти искать уже не разумом своего счастья, но потовыми работами, которые крестьянам приличны.

Он знал, что и сам его хозяин приметил его недостаток в деньгах и для сего приказал ничего не выпускать^{*} из двора ни из каких вещей Тревоги, чего для просил он о помощи в сем своего слугу, которой так искусно вывез стулья и прочее из двора, что мало кто и видел, а вывезши, приказал Тревога отвезти на дом к тому, которой она у него сторговал. В тот день в полночь, когда Тревога, возвратясь из²² типографии, где его печатались сочинения, получил тотчас вопрос от дворника, для чего он вывез свои стулья из дому, однако сей, не сказав ему на то ничего, пошел в свои покои, не зная ничего, что для него готовят. Уже он оставил дворника и, по счастью, пошел прежде в пустые // покои, еще не отделанные, оттуда услышал, что кто-то хочет его запереть в комнате. Услыша то, не мог он сомневаться, чтоб то кто-нибудь не был из полицейских и так, вышед тотчас другими дверми из покоев, вышел совсем из дому и ту ночь пробродил он по Петербургу, сам не зная, где ему деваться и к кому прибегнуть просить покровительства. На разсвете же, получив деньги за проданные свои вещи, пошел на рынок и, купя беднейшую деревенскую одежду, надел ее и в ней пошел по Выборгской дороге, с тем чтобы где-нибудь пристать для работы у мужика.

Уже он ушел верст с сорок и, не приметя никакого жилья российских^{**} людей, кроме майметских²², был также в отчаянии, а на третий день, идя по дороге и вошедши в лес, близ котораго корчма стояла, повалился под деревом спать. Тогда деньги все свои имел у себя в кармане, а не в кошелке, и для того, спав, не мог слышать, как деньги

²¹ *испр.*, в ркп. *половны*; ^{*} *испр.*, в ркп. *выпустить*; ²² *испр.*, в ркп. *и*; ^{**} *испр.*, в ркп. *Российский*;

у него катылись с кармана, и, вставши, также пошел своей дорогой, не оглядясь, целые ли они. Вошедши в карчму, стал есть и потом хотел платить корчемнику за обед, но не нашел уже в кармане своем и половины²² из оных, что его принудило возвратится опять на то место, где он спал, но труд его был суетен: он не мог ничего там сыскать. В сей большой своей печали, а особливо, что он не находит дней с три деревень великороссийских, а притом и опасаясь, чтобы в случаи такового его путешествия не был он взят и не почтен за вора // или разбойника, возвратился опять в Петербург, и, в оной не входя, пошел он по петергофской дороге, где было нечаянно и встретили его его знакомцы, кои хотя ему и кричали вслед, что он в таком странном одеянии и куда идет²³, однако Тревога, будто не слышав того, продолжал свой путь, а те, думая, что они обознались, поехали путем своим.

Пришедши же в Ораниенбом²³ и слыша от некоторых, что места, лежащие за тем местом, опасны для него, нанял он оттуда шлюпку и поехал в Кронштат, где нашел он ходящаго по биржи одного французца, которому подошедши, стал его спрашивать на французском языке, не знает ли каких кораблей, выходящих в тот день в какую-нибудь иностранную землю, что тот француз и обещался Тревоге показать тот корабль, которой отходит в Амстердам и на котором капитан ему великой приятель да притом и говорит по-французски. Тревога в благодарность за его обещание просил с собою в трактир пообедать, а француз, удивляясь такому учтивому мужику, обещался сделать для него все. Тут Тревога открыл ему, что он хочет съехать как матрос в Голландию, заплатя еще три червонца особо за проезд капитану. Голландец, будучи лаком до денег, принял его с радостию по обеде, а на другой день поутру, когда настал благополучной ветер, капитан из Кронштата на корабле «Кастор» выехал, и так Тревога в 16 день августа 1782 году оставил совсем Россию, в которой столько раз был во всем несчастен чрез целые два года, и, не думая уже найти в ней счастья, поехал онаго искать в других землях, уповая хоть там оное найти. //

л.161об. Во время пути было только с Тревогою то приключение, что капитан, осердясь на него, не давал ему есть целые два дни за то, что во время большего штурму не вышел он помогать ему ночью работать на верху корабля.

Когда же приехали они 27 сентября в Амстердам и выгрузили совсем товары, то Тревога, попростясь со своим капитаном, пошел искать тотчас какого-нибудь себе места или пристанища. Но как по большей части он любил состояние ученых людей, то онаго и искал, не имея при себе ни одной

* *испр.* в ркп. *половоны*; ° *испр.*, в ркп. *идіот*;

полушки денег. Будучи на бирже, спрашивался у всех, нет ли в Амстердаме какой-нибудь Академии или другого училища, или для него места, на что получил в ответ, что там не было ничего для него такого и что в Лейдине находится университет, куда он может идти, ежели имеет в оном какую-нибудь нужду. По окончании биржи Тревога, видя, что не имеет в первой раз никакого и тут успеха в благополучии, хотел было идти в Лейден, которой отстоит от Амстердама в трех милях с половиною²⁴, но приближающаяся ночь принудила его остаться на населе еще в столице. Тогда ночь была очень темная, дождь столь сильно лил, что улицы были наполнены водою, как река, а притом и жестокой северной ветер делал ужасной холод. Все были уже по домам, и мало шаталось по улицам народу, выключая городских певчих, ибо проходило уже за полночь, как Тревога, имев на себе одно только беднейшее одеяние, которое промокло до тела, и^н, будучи помирая с голоду, бродил по улицам и искал себе // какого-нибудь пристанища, но незнание его голландского языка, несмелость и неимение денег лишало его найти наслег. Осмелясь же, вошел было в одну избушку, где суровой голландец, бранясь с своею женою или с какою-нибудь другою роднею раздевался, чтобы уже спать. Но однако Тревога не мог еще окончать своих разговоров, как он, браня, взял его за плечо и вывел вон из избушки. Тут-то Тревога приметил, что он в той земле еще в беднейшем состоянии находится, нежели в каком он был в России. Но не унывая, прошел он еще один канал, в котором у берега очень много находилось шлюпок, выгруженных и законопаченных от дождя. Тревога, не стерпя более жестокости погоды и усталости, осмелился отконопатить один пустой бот и в оной влез спать, боясь при том, чтобы ему не проспаться там долго и чтобы не застали его в оном хазяева. Однак с началом дня, которой начинал краснеть, Тревога, поднявшись и влезши из корабля, пошел еще осматривать город как по причине, что крепостные амстердамские мосты были еще не опущены, следовательно не можно было из города и вить, также и льстясь найти хотя на другой день какое-нибудь пристанище. Напоследок казался уже и полдень, и жидовская биржа отворилась, но не имея ни в чем успеху, пустился в Лейден.

Не успел лишь вить из города, как был тотчас остановлен на проходах местах, где у него требовали денег, которых он не имел, и едва не обобран, ибо голландец не хотел пропустить или чтоб с него взять шляпу, однако ж л.162об. по представлении бедности, осмотря у него карманы // и не найдя в оных ничего, его отпустили, после чего в полтора мили от Амстердама нашел он одного француза, стоящего с кораблем своим у одного малаго залива. Подошед туда,

²⁴ в ркп. написано над строкой;

Тревога стал спрашивать у капитана дорогу в Лейден, а при- том и просил его, чтоб он дал ему что-нибудь поесть, пред- ставляя ему свою бедность и нещастие, которой, сжалясь, дал ему в корабле своем поесть и, показав ему дорогу, от- пустыл оттуда. Тревога, пришедши в Лейден, спросился тот- час жилища ректора тамошняго университета, к которому представши, просил, чтоб принял его в какую-нибудь службу университета. Ректор ^р, видя его в таком странном одея- нии и ведая, что Тревога не понимает голландскаго языка, там ему отказал, а велел итти ему в Роттердам искать мес- та. С такимым наставлением Тревога пустился далее и в два дни пришел в Гайденгах, где, увидя стадгудерев ²⁵ дом в лесу, захотел спросится о пребывании российского министр- а. Узнав же, что он находится в Гаге, которая только на полмили оттуда лежала, пошел онаго искать, с тем или чтоб пристать к нему во услужение, или бы просить, чтоб он ему нашел какое-нибудь там место, или в Россию бы отослал. Войдя в Гагу, лишь только Тревогин спрогил о посе- ле российском, то вдруг и привели к Голицынову ²⁶ дому, где тогда его не было и где, получа от какого-то суроваго малороссиянина отказ с бранью, спешил скорее оной оста- вить и ити опять в лес Гайденгага ^с для наслегу, ибо тогда уже наставала ночь. Вошедши в темной лес и подойдя ко дворцу того принса, лег в виде онаго посредине дороги, // но не успел еще уснуть, как его разбудили мужики, идущие по той дороге ^т с факелами ^у и влекущие Тревогу с собою, го- воря что-то ему по-голландски, чего он не разумел. И по не- скольких минутах он от них отвязался и пошел опять спать в другое уже место, в густую рощу, где пролежал уже до разсвета.

л. 163

При разсвете пошел он в Роттердам, куда прибыв ввечеру, пошел прохаживаться по пристани, где чтоб спрашивать себе пристанища. Еще не прошел и половины той биржи, как увидел он француза, к которому подошед, спросился у него о университете. То был констабель ²⁷ из одного военного голландскаго корсера ²⁸. Он сказал Тревоге, что в Роттердаме нет никакого училища кроме гошпиталю. Но как Тревога стал у него спрашивать, не знает ли он какого-нибудь для него места, на что констабель просил его тотчас к себе в дом, куда приведши, дал поесть ему и, наконец, спрошивался о его состоянии. Тревога, сокрывая правду, рассказал ему, что родился во Франции, а жил по большой части в Рос- сии, единственно чтобы тем привлечь к себе сердце фран- цуза как к своему единоземнику, и что, искав своего в Гол- ландии отца, впал в бедность и для того ищет теперь для себя какой-нибудь службы. По ужине же тот ему рассказы- вал свою жизнь и нещастия, и, куря трубки у огня, дошло,

^р испр., в ркп. ректора; ^с в ркп. написано над строкой; ^т испр., в ркп. доре;

^у испр., в ркп. факелами;

наконец, дело и до одного злощастнаго принца, которую он слушал со вниманием, ту самую, которую он во Франции перед французами лгал. А когда стали спать ложиться, то он предложил для избежания нужд, которыя Тревога терпит, принять службу морскую, обнадеживая, что по старанию его он будет поутру же принят и получит еще несколько флоринов для одяения. //

л. 163об.

Тревога, не ев по два и по три дни, был всем принужден следовать его предложениям. Так на другой день поутру констабель повел его к своему капитану, которой тотчас Тревогу принял матросом, 29-го октября. По принятии адмиралтейство выдало ему на одяежу сто флоринов да за месяц вперед жалованья пятнадцать^ф флоринов и позволило ему остаться еще на земле в Роттердаме три дни для его нужд. По прошествии тех дней Тревога пришел на свой корабль, или иначе корсер, называемой Кемпаном, и начал работать, как и другие матросы. Но та недолго работа продолжалась, ибо его полюбил за проворство босман того корсера, которой говорил по-французски, стал просить капитана, чтоб он дал ему его в босман-маты^з. Хотя Тревога ничего еще почти не знал, однако по прозбе босмана, которой обещался все показывать ему, чего не знает, был он зделан 23-го ноября^з босман-матом. Тут-то Тревога приметил, что он папал из огня в пламень, ибо от безпрестанной работы днем и ночью по долгу босман-мата начинала у него совсем слезать с рук кожа. Что не стерпя, как обыкновенно к таковым трудам непривычен, хотел оттуда уйтить. Уйтить бы ничего для него не стояло, если б он с разумом-то все делал, а особливо когда отпускали его всегда на землю, когда он только хотел, но не довольствуясь тем, хотел он уйтить с корсера ночью в шлюпке. Предприятие его было бесполезное, для того что только лишь отвязал шлюпку и с оную немного отплыл, как вдруг с корсера то увидели и, приехав, взяли и повезли на корабль. Капитан, чрезмеру за то осердясь, // велел посадить его в железа вместе с другим дезертиром, которой там находился, а потом и повез их обеих в Галвут, где все военные голландские корабли находятся, к адмиралу Рошебрюну для наказания их военным^ч судом.

л. 164

По военному уложению дезертир наказывается там веревкою по пяти сот ударов и три раза скакание из самой болшой мачты в воду с вычетом еще тридцати пяти флоринов на военный совет и ста флоринов на капитана из жалованья. Подобной жребий товарищ его и имел, а он, как находился тут иностранной да притом и босман-матом, то адмирал, будучи сам француз, писал об Тревоге в адмиралтейство, откуда получил приказание наказать его только двадцатью ударами веревкой. По наказании же просил Тре-

^ф в ркп. слово написано неразборчиво; ^з вписано на полях ркп.; ^ч испр., в ркп. военным;

вога адмирала об оставке, которой немедленно отослал его при репорте в адмиралтейство, где он получил себе и увольнение вместе с выше помянутым дезертиром, называемым Франсуа^ч Лефудр^ш, да восем еще червонцов на вояж. Став нечаянно на свободе и имея восем червонцев, ходил по Роттердаме спрашивать отъезжающих кораблей в Россию, но как тогда было только 5-е число февраля, а в такое время кораблей сыскать не можно было, то вздумалось ему ехать еще во Францию, а особливо в Париж оной повидать. Он сел в Роттердаме на бот, чтобы водой проехать до Анверса³⁰, и в Анверсе, стоя с своим товарищем в трактире на наслеге, был принужден ити поутру искать для себя дилижанс, а между л.164об. тем товарищу его надлежало итти в Кальбом. // Когда Тревога взял свои вещи в трактире, чтобы выежжать уже из города, то осмотрелся своего увольнения, которое товарищ его у него переменил. Вместо того, что сей был босман-матом под именем Ролланд Инфортюне³¹, нашелся солдатом Франсуа Лафундр, но как не надеялся более быть в морской службе, то об том и не сожалел, а особливо, что он щастливо приехал в Париж.

По приезде же в Париж стал он искать российского посла, дабы, к нему адресовавшись, просить его, чтоб он отослал в Россию, ибо Тревога, вспомня, что он оставил своих родственников без всякого совсем о себе известия и не слыша также ни о них через целые уже три года ничего. Через три дни его нашел и, пришед ко двору, спросился, дома ли он или нет. Но как посол тогда не прилучился у себя, то он адресовался прямо к его секретарю, которому сказал, как было спрошено у него об нем, что он был по несчастию захвачен черкесами, после продан туркам, откуда пришед в Голландию, был там солдатом, а оттуда пришел в Париж просить посла [об]^ш отослании его в Россию. Секретарь велел обождать Тревоге приходу княжескаго³², которому по приходе тотчас доложил^о об Тревоге. Сей^ш, будучи тогда в заботах, велел дать ему где-нибудь квартиру до другого дни, дав ему нечто из денег да харчи, а потом велел на другой день поставить его вместе с актуариусом³³. Сперва Тревога, будучи очень охотен до упражнения в науках, ходил всегда по курсам и библиотекам и никакого дня без того не упустил, так что уже, приметя его товарищи таковую страстную охоту к оным, смеялись всегда, что хочет выучить наизусть // все библиотеки королевские. До того времени ничего он более не делал, кроме надеялся только видеть опять Россию, свое отечество, но притом и нетерпеливо ждал, пока посол его пожелает видеть, ибо все то время он его еще не видал.

л. 165

^{ч-ш} в ркп. подчеркнуто; ^ш доб. по смыслу, в ркп. нет; ^о испр., в ркп. должил; ^ш в ркп. слово написано неразборчиво;

Однажды, когда начали послу представлять о Тревоге и просить об отсылке его в Россию, посол приказал ему представить. Лишь только онаго пред него привели, то посол тотчас велел рассказать Тревоге свою историю, как он заехал а Париж, которой как стал перед ним лгать, то посол сказал, что, может быть, он, наделав каких чрезмерных против законов дела, оттуда бежал, а напоследок сказал ему, что он отошлет его в Россию в месяце мае. Сим подозрением с того времени столько он был тронут, что желал было тотчас оставить Париж. Но разсудя, что еще много времени° и к тому остается, отложил тое свое намерение. Он еще хотя и опасался, однако ничего не начинал, пока не услышал еще от посольских, что посол очень в нем сомневается и что в мае месяце хочет его отослать как аристанта куда надлежит. Сие-то тотчас устрасило его, чего для принял намерение удалится куда-нибудь в Азию или Африку искать еще там своего благополучия. Но зная, что до тех пор испытывал он щастие свое без всякого успеха в питомцах, гардыробцах, живописцах, архитектурном подмастерьи, в регистраторе° губернском, в учителях медицины, придворной конюшенной, в корректоре сенатском и академическом, в стихотворце, в прожекторе, в мужике, матросе и прочая, думал, наконец, чем бы таким мог оное найти посредством уважения к себе. Наконец и вздумал сделать себе платье и неизвестные

л.165об.знаки. // Знаки, какия различны знатым отличающимся людям, да под именем какого-нибудь князя или другаго ехать куда-нибудь и принять службу. Он знал, что Борнео-остров никому почти нигде не известен, так под именем какого-нибудь из онаго владетеля нещастнаго щастие свое отведывать пожелал. Он велел сделать маленькой крест и звезду, наконец, платье, и только оставалось ему обожждать окончания оных и в противном случае, если еще что-нибудь услышит° о себе от посла, то бы оставить уже и Париж.

Пока он сего не начинал делать, то он, имея у себя деньги, которые ему давали его товарищи и посол, употреблял на покупление книг, а по затеяние сего боялся, чтобы никто о том не приметил, приносил и последние свои деньги, которые он иногда получал на чашку кофе, к мастеру, чтобы тот никому не проговорился. Мастер тот жил у одного проходу к Лувру, где ежели проходить, то никак не можно, чтобы видеть того человека, которой у него сидит, где он работает. Однажды Аббе³⁴ того самаго пансиона, проходя тот проход, увидел Тревогу там сидящаго, куда немедленно он и пришел, спрашиваясь, что он там делает. Тревога говорил ему, что он приказал делать себе записки до манжет, чего для Аббе, тотчас виня одну, которую уже он у себя имел, просил мастера, чтоб он сделал для него другую, подоб-

° испр., в ркп. время; ° испр., в ркп. регистраторе; ° испр., в ркп. услышит;

ную ж. Сие средство зделало Аббе туда же вхожим, и, наконец, об вещах Тревоги осведомился^а. Аббе, которой всегда вместе с ним прогуливаясь, стал спрашиваться // нечаянно, для кого он те вещи заказал зделать майстеру. Тревога, не зная более, что говорить ему, сказал, что он знает одного азиатского владетеля в Париже, для коего то делает. Тот тотчас сказанному поверил и просил усилно, чтоб Тревога его оному рекомендовал и его представил во услужение. Тревога, не зная, как от него отвязаться, лгал и обманывал его всякими образами: то не мог он представить ему за небытием того принса в Париже или за другим средством, а в случай, написав на бумажке какое-нибудь повеление или паспорт, говорил, для утешения его, что тот туда с этим-то уехал и за тем, дабы сим средством как-нибудь того провесть.

Наконец, приходил уже и май, и Тревоге принесено платье, но он, опасаясь, чтоб портной, ходя часто к нему за деньгами, ежели он ему велит ждать, не проболтался бы кому-нибудь посторонным. Для сего хотел он дать ему тотчас деньги, а не имея оных у себя, не смел просить и у своего товарища. В таком случаи взял он серебро у своего товарища: четыре чайные ложечки до два малые стакана³⁵, пошел да и заложил их в Монпъете, с тем чтобы со временем, когда он будет иметь денги, взять их опять оттуда и положить на том же месте тайно, где прежде лежали. Между тем стали нечаянно тех вещей осматривать, и не знает, как то уже было о его вещах донесено послу, которой, оныя забравши и призвавши Тревогу к себе, стал спрашивать, для чего он оныя делал, говоря, что он хочет его отдать в руки л.166об. тех кому земля та принадлежит^{III. а}. // Тревога, того и более спугавшись и зная, что у французов за самую малейшую вещь бывает повешен и жизни лишен, начал тотчас лгать, думая от того избавиться. Наконец, был посажен и в Бастыль, где хоть и был допрашиваем, только он от страху, увидев себя совсем уже в руках французов, не признался ни в чем и лгал им ту скаску, которую он от констабеля слышал в Ротердаме о голкондском принсе. Через несколько же времени, когда приехали его взять из Бастилии и именем посла приказали ему ехать в Россию для оправдания, сказано ему его другом, чтоб он писал послу с Руана, если есть о чем нужда. Приехав в Руан, дали ему бомагу, чтоб он писал письмо к послу. Он, видя себя еще в руках французов, а особливо когда был отправлен с ним один в Россию, и как то письмо надлежало быть прочтено тем, которой с ним ехал, то он по прощении прощения о непризнании своем в вине от страху еще несколько налгал, пока не выехал совсем из

^а в ркп. слово написано неразборчиво.

^{III, а} В ркп. слово написано неразборчиво;

французской земле. По выезде просил Тревога, чтоб ему дали бумаги написать всю свою жизнь, сей подобной, для представления всемилостивейшей государыне, в⁶ котором приносил свое раскаяние, но как ему нельзя было онаго адресовать, то он один экземпляр онаго забыл на корабле, на котором приехал, а другой взял с собой, которой от него взят в крепости. По въезде же в Кронштат был Тревога взят с корабля и отвезен в санктпетербургскую крепость, где те пер, раскаиваясь в своих винах, от нещастия приключаящихся, предается на власть всемогущаго бога и на⁶ милосердие всемилостивейшей императрицы.

Комментарии

Конфедерациями назывались в Польше временные чрезвычайные союзы вооруженной шляхты, которые имели свои сеймы, принимавшие постановления большинством голосов. Здесь, по-видимому, имеется в виду конфедерация в Дзикове (1734 г.).

² Слобода Сеньково (Сеньков, Сенькова) относилась к Изюмской провинции Слободско-Украинской (впоследствии Харьковской) губ. Основал слободу сотник С. Богуславский в 1674 г. Ныне — с. Сеньково Купянского р-на Харьковской губ.

³ Змиевский Николаевский монастырь, упраздненный в 1788 г., находился на правом берегу р. Донца в 8 км от г. Змиева.

⁴ При обложении подушной податью человек лишался свободы передвижения.

⁵ Село Гороховатка Слободско-Украинской губ. находилось на дороге между уездными городами Изюмом и Купянском. Ныне — с. Гороховатка Изюмского р-на Харьковской обл.

⁶ О Е. А. Щербинине (1728—1783) см.: *Русский биографический словарь*. — Спб, 1912. — Том «Щапов — Юшневский». — С. 145. С 1765 по 1775 г. был губернатором Слободско-Украинской губ., с 1781 г. — генерал-губернатором Воронежского и Харьковского наместничества. — Багалай Д. И., Миллер Д. П. История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655-го по 1905-й год). — Харьков, 1905. — Т. 1: XVII—XVIII вв. — С. 100—101. М. И. Ковалинский, ученик и первый биограф Г. Сковороды, характеризовал Е. А. Щербинина как «человека, не имевшего учебного воспитания, но одаренного природным здравым разумом, любителя наук, талантов, музыки, в которой и сам он был весьма искусен и знающ». — Ковалинский М. И. Жизнь Григория Сковороды // Сковорода Г. Соч.: В 2 т. — М., 1973. — Т. 2. — С. 394.

⁷ История казенного училища, открытого первоначально (1768 г.) при Харьковском коллегииуме в качестве так называемых «прибавочных» или «дополнительных» классов, обстоятельно изложена в кн.: Багалай Д. И., Миллер Д. П. История города Харькова... — Т. 1. — С. 403—427. В 1775 г. в общежитии казеннокоштных неимущих питомцев было 24 чел., среди них — «3 Тревогина» (Там же. — С. 418, прим. 3). Стоит отметить, что в Харьковском коллегииуме с 1759 г. около 10 лет с перерывами преподавал гуманитарные дисциплины украинский философ Г. Сковорода, в 1768 г. он прочел курс лекций по этике в Дополнительных классах при Харьковском коллегииуме, в связи с этим им было написано произведение «Начальная дверь к христианскому добро нравию».

⁸ И. Тревога не совсем точен: он был зачислен в училище 10 января 1774 г., когда ему было двенадцать с половиной лет.

⁶ в ркп. написано над строкой; ⁸ в ркп. написано над строкой.

⁹ Копейст — писец, переписчик, канцелярский служащий.

¹⁰ Пикинерами называли пехотинцев с холодным оружием (пикой) в отличие от мушкетеров, имевших огнестрельное оружие.

¹¹ Тревога пробыл в училище ровно семь лет. В официальной справке, присланной от правителя Харьковского наместничества Д. А. Норова (1730—1788), сообщалось: «...находящийся в харьковских классах на казенном содержании ученик Иван Тревогин, Изюмской провинции села Гороховатки, которого отец иконописец, из Польши вышедший, вступил в классы с 774 года генваря с 10 дня...». В 1780 г. «в декабре месяце оказался в краже казенных книг из библиотеки, за что и наказан был, а по наказанию бежал, того ж декабря месяца». — ЦГАДА, Госархив, р. VII, д. 2631, л. 185 об.

¹² Город Волчанск (до 1776 г. — Волчье) Слободско-Украинской губ. расположен по обоим берегам р. Волчьей на большой дороге из Харькова в Воронеж. Ныне — районный центр Харьковской обл.

¹³ Деревня Рельёвка Бирючинского уезда Воронежской губ. расположена на дороге из Харькова в Воронеж.

¹⁴ И. А. Потапов (1722—1794) был воронежским губернатором с 1775 по 1791 г.

¹⁵ Об утопических проектах Тревоги см.: Светлов Л. Б. Неизвестный литератор... — С. 329—330; Курмачева М. Д. Крепостная интеллигенция... — С. 229—231. Записи Тревоги, относящиеся к «Области знаний», опубликованы в приложении к книге М. Д. Курмачевой.

¹⁶ На очной ставке, устроенной 30 июня 1783 г., писатель и издатель В. Г. Рубан не узнал Тревогу, однако согласился, что тот мог приносить ему письмо от воронежского учителя Крапчевского, с которым он действительно знаком. — ЦГАДА, Госархив, р. VII, д. 2631, л. 177—177 об.

¹⁷ В ведении обер-штальмейстера Л. А. Нарышкина (1733—1799) находились придворные конюшни.

¹⁸ На очной ставке, устроенной 9 июля 1783 г., А. Д. Поленов подтвердил, что Тревога обращался к нему с просьбой об определении в корректуры сенатской типографии. — ЦГАДА, Госархив, р. VII, д. 2631, л. 178.

¹⁹ Имя корректора Степана Кошкарева упоминается в документах Академической типографии. — См.: Академическая типография. 1728—1928. — Л., 1929. — С. 34.

²⁰ Тередорчик — печатник. Фактор — распорядитель всеми работами в типографии. В документах Академии наук за 1780 г. упоминаются титулярный советник Богаевский, «находящийся при издании газет, календарей», и два корректора Академической типографии. — См.: Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. — 1866. — Кн. 4, октябрь — декабрь, разд. V. — С. 138—139, 142.

²¹ П. В. Лопухин (1753—1827) был обер-полицеймейстером Петербурга с 1779 по 1783 г., по существовавшему положению дел он выполнял также функции цензора. Об издательской деятельности Тревоги см.: Старцев А. Иван Тревогин... — С. 278, 282. До наших дней дошел единственный дефектный экземпляр первого номера «Парнасских ведомостей» (хранится в ГИПБ), всего было отпечатано три номера; содержание первого номера составляет стихотворное посвящение Екатерине II. — См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. — М., 1966. — Т. 4. — С. 160—161. Имеется также библиографическое описание второго номера. — См.: Л[исовский] Н. «Парнасские ведомости». Редкое периодическое издание прошлого столетия // Библиограф. — 1885. — № 5. — С. 95—97.

²² Майметские люди — чухонцы.

²³ Оранжебом, Оранибом, Ранибом — варианты названия Оранжебаума.

²⁴ Это сообщение Тревоги неверно: Лейден находится на значительном расстоянии от Амстердама.

²⁵ Stadhoudet (голл.) — штатгальтер, глава исполнительной власти. В XVIII в. штатгальтерство было наследственным в доме принцев Оранских.

²⁶ Д. А. Голицын (1734—1803) был русским посланником в Гааге с 1768 г.

²⁷ Голл. *konstabel*, рус. *констапель* — нижний офицерский чин в морской артиллерии.

²⁸ Corsaire (франц.) — капер, каперное судно, т. е. судно, снаряженное частным лицом для захвата купеческих кораблей противника.

²⁹ Бодман-мат — старший из флотских унтер-офицеров.

³⁰ Anvers — французское название Антверпена. Тревога дает его в обычной для бельгийцев огласовке, с согласным «s» на конце.

³¹ Infortuné (франц.) — несчастный.

³² Русским послом в Париже был в это время князь И. С. Барятинский.

³³ Актуариусом посольства был украинец П. П. Дубровский, который покровительствовал Тревоге.

³⁴ Abbé (франц.) — имеется в виду Симон Мишель Ванье, молодой человек духовного звания, занимавший место учителя в посольском пансионе. Ванье описал начало мистификации несколько по-другому. По его словам, все началось с того, что Тревога попросил его перевести на правильный французский язык историю одного молодого и весьма несчастного человека, знатного голкондца, с которым он якобы долгое время жил вместе и жизнь которого собирался описать. Позднее Тревога сообщил, что он познакомился с сыном борнейского короля, путешествующим инкогнито, и предложил Ванье свести знакомство с принцем, который якобы часто прогуливается по Тюильри. Ванье неоднократно посещал указанную Тревогой аллею, надеясь встретить принца, и т. д. — ЦГАДА, Госархив, р. VII, д. 2631, л. 92—93.

³⁵ Среди украденных Тревогой вещей в действительности были серебряные монеты из коллекции актуариуса, кошелек с 36 ливрами и другие ценные вещи. — Там же, л. 7 об.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ** — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицею Академии наук.— Спб, 1836.— Т. 1—4
БАН — Библиотека АН СССР
БСЭ — Большая советская энциклопедия
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва)
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
ГПНТБ — Государственная публичная научно-техническая библиотека СО АН СССР (Новосибирск)
ДАИ — Дополнения к Актам историческим
Дианова, Костюхина — Дианова Т. В., Костюхина Л. М. Водяные знаки рукописей России XVII в.— М., 1980.
ЖМВД — Журнал министерства внутренних дел
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
Зап. РГО — Записки Русского географического общества
ИИФиф — Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР
ИОЛЯ — Известия отделения литературы и языка
ИРЛИ — Институт русской литературы АН СССР
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
МДА — Московская духовная академия
ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете
ОЛДП — Общество любителей древней письменности
ОР — Отдел рукописей
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности АН СССР
ПДП — Памятники древней письменности
ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

- РИБ — Русская историческая библиотека
 СлРЯ — Словарь русского языка
 ССЭ — Советская сибирская энциклопедия
 ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института
 русской литературы АН СССР
 Тромонин — Тромонин К. Изъяснение знаков, видимых на писчей
 бумаге.— М., 1844.
 УрГУ — Уральский государственный университет
 Хивуд — Heawood E. Watermarks, mainly of the 17-th and 18-th
 Centuries.— Hilversum, 1950.
 ЦБАН — Центральная библиотека АН Литовской ССР
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
 (Москва)
 ЦГИА — Центральный государственный исторический архив

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

I. Статьи и сообщения

Стахнева В. П. К текстологической истории Пространной редакции Русской Правды. Происхождение и эволюция Археографического вида	5
Буланина Т. В. К вопросу о датировке первой русской «Риторики»	36
Чумичева О. В. Новые материалы по истории Соловецкого восстания (1666—1671 гг.)	58
Покровский Н. Н. Законодательные источники петровского времени о «слове и деле государевом»	77
Панич Т. В. «Описание трех путей из России в Швецию» Афанасия Холмогорского (к истории текста памятника)	96
Горелкина О. Д. О художественных особенностях «Повести о убогом человеке, како его дьявол произведе царем»	111
Бухерт В. Г. Численность и социальный состав старообрядцев Нижегородского края по итогам переписей первой половины XVIII в.	126
Соболева Л. С. К вопросу о фольклоризации образов Бориса и Глеба в духовных стихах	132
Староватова С. К. К вопросу об источниках «Истории об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова	145

II. Обзор

Опарина Т. А. Археографическое описание списков Просветителя Литовского (вид Унд. 426)	158
--	-----

III. Публикации

Ромодановская Е. К. К истории неизвестных московских изданий XVII в. (Потребник 1624 г.)	171
Демкова Н. С. «Писанейце» керженских старцев в защиту сочинений Аввакума (1704 г.)	174
Зольникова Н. Д. Сыск Д. Л. Полянского и «письма» Избранта Идеса	180
Гурьянова Н. С. Дополнение к «Истории Выговской старообрядческой пустыни» И. Филиппова	221
Топорков А. Л. История Ивана Тревоги	246
Список сокращений	277

Научное издание

**ПУБЛИЦИСТИКА
И ИСТОРИЧЕСКИЕ
СОЧИНЕНИЯ
ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА**

Редакторы издательства
Н. М. Анджиевская, Т. В. Романенко
Технический редактор *Г. Я. Герасимчук*
Корректоры *Е. Н. Зимина, С. В. Блинова*

ИБ № 34913

Сдано в набор 07.02.89. Подписано к печати 22.08.89. Формат 60×90^{1/8}.
Бумага книжно-журнальная. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать.
Усл. печ. л. 17,5. Усл. кр.-отт. 17,5. Уч.-изд. л. 20. Тираж 1700 экз. За-
каз № 576. Цена 4 р. 30.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука». Сибирское
отделение. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука». 630077 Новосибирск, ул. Стани-
славского, 25.